

М. А. Размолodin
**РУССКИЙ ВОПРОС
В ИДЕОЛОГИИ
ЧЕРНОЙ СОТНИ**

Монография посвящена изучению стержневой проблемы черносотенной идеологии — путям сохранения и возрождения русского народа. На основе анализа теоретических подходов и программных установок крайне правых организаций дается определение понятию «русский народ» и идентификационные признаки «русскости». Исходя из поставленного черносотенцами диагноза «болезней» русского народа, выявлены причины, препятствующие выполнению его мессианских задач. Практические предложения по решению русского вопроса позволяют идентифицировать черную сотню как консервативное движение. Сравнительный анализ подходов к русской проблематике правомонархистов с либеральным и революционным лагерями дает ответ на вопрос о причинах их жесткого противостояния на политической арене России начала XX века. Актуальность исследования обусловлена слабой разработанностью темы в отечественной и зарубежной историографии.

Предназначена для историков, социологов, политологов, всех интересующихся историей.

М. А. Размолodin
РУССКИЙ ВОПРОС В ИДЕОЛОГИИ ЧЕРНОЙ СОТНИ

М. А. Размолodin

**РУССКИЙ ВОПРОС
В ИДЕОЛОГИИ
ЧЕРНОЙ СОТНИ**

Ярославское региональное отделение
Российского общества историков-архивистов

М. А. Размолodin

РУССКИЙ ВОПРОС В ИДЕОЛОГИИ ЧЕРНОЙ СОТНИ

Под редакцией профессора Ю. Ю. Иерусалимского

Ярославль
НЮАНС
2013

ББК 63.3(2)52

Р 17

Р17 Размолodin М. А.

Русский вопрос в идеологии черной сотни. Монография / Под редакцией Ю. Ю. Иерусалимского. — Ярославль: Нюанс, 2-е издание, доп. и перераб., 2013. — 480 с.

Рецензенты:

Кафедра истории Института переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социальных дисциплин МГУ им. М. В. Ломоносова (заведующий кафедрой доктор исторических наук профессор А. И. Уткин); А. М. Белов, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.

Монография посвящена изучению стержневой проблемы черносотенной идеологии — путям сохранения русского народа. На основе анализа теоретических подходов и программных установок правомонархических организаций даются определение понятию «русский народ» и идентификационные признаки «русскости». Исходя из поставленного черносотенцами диагноза «болезней» русского народа, рассмотрены предлагавшиеся ими меры по его духовному и физическому возрождению. Сравнительный анализ подходов к русской проблематике крайне правых союзов с либеральными и революционными лагерями дает ответ на вопрос о причинах их жесткого противостояния на политической арене России начала XX века. Актуальность исследования обусловлена слабой разработанностью темы в отечественной и зарубежной историографии.

Предназначена для историков, социологов, политологов, всех интересующихся историей.

Отзывы просим присылать на e-mail: razmolodinmi@yandex.ru

ISBN 978-5-88610-117-1

ББК 63.3(2)52

© М. А. Размолodin. 2013

© Издательство «Нюанс», верстка. 2013

ВВЕДЕНИЕ

Данное исследование, являющееся продолжением вышедшей в 2012 году монографии «О консервативной сущности черной сотни»¹, посвящено изучению стержневой проблемы черносотенной идеологии — путям сохранения и возрождения русского народа.

Актуальность избранной темы определяется потребностью дальнейшего изучения мировоззренческих и программных установок правомонархических организаций России начала XX в. (Союз русского народа, Союз Михаила Архангела, Русское собрание и др.) по конкретным социально-политическим вопросам. К ним, в частности, относится проблематика русского народа, рассматривавшаяся крайне правыми через призму духовного возрождения державного народа, обеспечения приоритета его базовых ценностей (православие, самодержавие, народность), преодоления «инородческого» влияния и возвращения носителям традиционных устоев утраченных в ходе петровских реформ позиций в наиболее важных сферах социальной, политической и экономической жизни. Изучение данной темы позволит раскрыть сущностные характеристики идеологии крайне правых организаций с точки зрения функциональной (политико-практической) направленности, дополнить характеристику черносотенно-

го движения и будет способствовать созданию целостной картины системы политических убеждений членов крайне правых союзов.

Интерес к данной теме обуславливается также тем, что, как и сто лет назад, роль и место русского народа в государстве, остро стоящая демографическая проблема являются предметом обсуждения как во властных структурах, так и в общественном мнении. Поставленный крайне правыми идеологами диагноз болезни русского народа, связанный с потерей духовных ориентиров в результате их размывания со стороны носителей различных европоцентристских доктрин, разновекторностью устремлений «верхов» и «низов», во многом сходен с современными реалиями.

Объектом монографического исследования является проблематика русского вопроса в идеологии действовавших на политической арене России начала XX в. правомонархических организаций.

Предметом данного исследования являются воззрения членов крайне правых союзов по проблемам сохранения и возрождения русского народа, а именно: определение понятия «русский народ» и идентификационные признаки «русскости»; роль и место русского народа в программах правомонархических организаций; имперская и национальная проблематика; оценка состояния русского народа и его «болезней»; меры по спасению русского народа, а именно: укрепление религиозно-нравственного состояния общества посредством восстановления первенства Русской православной церкви, нейтрализация любых попыток подрыва ее доминирующего статуса, оздоровление элиты, возрождение русского патриотизма, усиление патерналистской роли государства, просвещение народа через национально ориентированное образование, борьба с пороками, в частности с пьянством.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1900 г., связанный с появлением первой правомонархической организации — Русского собрания, давшего импульс формированию черносотенных организаций в период первой российской революции 1905—1907 гг., до 1917 г., когда крайне правые организации прекратили свое существование по всей стране.

Территориальные рамки исследования охватывают всю территорию Российской империи в границах рассматриваемого периода. Основное внимание было сосредоточено на столичных губерниях Европейской части России, где действовали руководящие органы общероссийских правомонархических союзов (Союз русского народа, Союз Михаила Архангела, Русская монархическая партия и др.) и проводились общероссийские съезды и совещания черносотенцев, осуществлявшие выработку идейных установок и политических программ.

Источниковую базу исследования составляет обширный круг документальных материалов, включающий несколько групп исторических документов, а именно: 1) нормативно-правовые акты; 2) делопроизводственные материалы; 3) документация крайне правых организаций; 4) стенографические отчеты Государственной Думы; 5) периодическая и листовая печать; 6) труды теоретиков правомонархической идеологии; 7) источники личного происхождения (воспоминания, дневники и личная переписка).

Первую группу источников представляют *нормативно-правовые акты*, внутри которой можно выделить несколько составляющих ее подгрупп документов: 1) законы Российской империи; 2) постановления Совета министров, Министерства внутренних дел, Министерства юстиции и других ведомств Российской империи; 3) ведомственная инструктивно-актовая документация.

Вторую группу исторических источников составили *делопроизводственные материалы*, включающие в себя документы центральных и местных органов государственной власти и правоохранительных структур: журналы, протоколы, стенограммы, отчеты, доклады, корреспонденцию, рапорты, донесения, агентурные сообщения, справки, аналитические записки, материалы суда, следствия и т. д., хранящиеся как в федеральных (ГАРФ, РГИА, РГАДА), так и местных (ГАЯО, ГАКО, ГАВО и др.) архивах.

Третья группа источников включает *документацию крайне правых организаций* и объединяет разнообразные по своему происхождению материалы, среди которых условно можно выделить несколько подгрупп: программы и уставы центральных и местных организаций; протоколы и постановления съездов и совещаний; документы руководящих органов и местных организаций (протоколы, циркуляры, частные партийные решения, отчетная документация, конфиденциальная переписка с официальными и партийными структурами, обращения к царю и в органы исполнительной власти и другие виды документов).

Комплекс вышеуказанных источников, позволяющий определить позиции черносотенцев по идеологическим, политическим, тактическим и организационным вопросам, в основном сконцентрирован в ГАРФ в фондах Союза русского народа (Ф. 116), Русского народного союза имени Михаила Архангела (Ф. 117), а также в опубликованных документах начала и конца XX в.², предвыборных воззваниях, отчетах³, уставах⁴ и «Трудах» съездов⁵ и др.

Четвертую группу исторических источников составили *стенографические отчеты заседаний Государственной Думы I—IV созывов*⁶, позволяющие оценить парламентскую деятельность принадлежавших к крайне правому лагерю депутатов (Н. Е. Марков, В. М. Пуришкевич⁷ и др.), их место

и роль в законотворческом процессе России начала XX в. и т. д. Выступления депутатов от правой фракции нередко издавались отдельными брошюрами⁸ и перепечатывались в газетах⁹.

Пятую группу источников составляют *материалы периодической печати и листковой литературы*. По политической направленности первой подгруппы документации — *материалов периодики* — прессы выделяются несколько ее направлений в освещении интересующей нас темы: 1) крайне правая печать; 2) консервативно-ведомственная печать; 3) либеральные издания; 4) революционная пресса.

Наибольший интерес для исследования темы представляет *центральная периодика монархических партий*: газеты «Русское знамя», «Земщина», «Вестник Союза русского народа» и др.; *издания провинциальных организаций*: газеты «Русский народ» (Ярославль), «Русская правда» (Астрахань) и др. Значительный документальный материал о крайне правом движении представлен на страницах печатных органов Русского собрания — «Летописей Русского собрания» (1902—1903 гг.), «Известий Русского собрания» (1903—1904 гг.), «Вестника Русского собрания» (1906—1912 и 1915—1916 гг.).

Выделить основные направления в пропаганде и агитации черносотенных организаций позволяет изучение такой формы листковой агитации, как «Избирательные платформы», «Обращения» и др., использовавшиеся на протяжении всего периода деятельности черносотенных союзов.

Шестую группу источников составляют *труды теоретиков правомонархической идеологии*, а именно: Л. А. Тихомирова, С. Ф. Шарапова, А. С. Будиловича, А. А. Майкова¹⁰, сборники трудов А. И. Дубровина, В. А. Грингмута,

А. С. Вязигина, В. Л. Величко и др.¹¹ Анализ данной группы источников позволяет рассмотреть черносотенную систему взглядов как проекцию русской консервативной философии на реальную политическую практику, включавшую оценку основных параметров существующего положения дел в обществе, социальный идеал и стратегические установки по его реализации.

Седьмую группу источников составляют материалы *личного происхождения*: мемуары, дневники и эпистолярное наследие представителей русской общественной мысли консервативного спектра¹² и идеологов черной сотни¹³; лидеров различных политических партий¹⁴; государственных деятелей¹⁵; иных непосредственных участников событий¹⁶, которые в значительной степени дополняют вышеприведенные группы источников. Несмотря на субъективизм и определенную противоречивость, данный вид источников содержит обширную информацию о деятельности монархических организаций, их идеологии и взаимоотношениях.

В настоящем исследовании термины «правомонархические организации», «черная сотня», «крайне правые» используются как синонимы, хотя до настоящего времени отсутствует единая научная точка зрения о содержательной обоснованности объединения данных понятий. Автор согласен с мнением А. В. Давиденко¹⁷, считающим, что применять термин «монархисты» по отношению к черносотенцам не вполне корректно, так как в начале XX в. в России присутствовал чрезвычайно широкий спектр монархических сил, включавший в себя не только черносотенцев, но и представителей гораздо более умеренных и даже либеральных взглядов (конституционные демократы). Поэтому А. В. Давиденко предложил использовать в отношении черносотенных организаций термины «правые монархисты» и «правомонархисты»¹⁸. Указанным обстоя-

тельством объясняется использование в данной монографии в качестве синонимов понятий «правомонархическое движение», «черносотенное движение» и «крайне правое движение».

Понятия «базовые русские ценности», «православие, самодержавие, народность», «триединство», «уваровское триединство», «триединая формула» также используются как синонимы.

В данном исследовании использовались так же следующие термины и понятия:

черная сотня — оформившееся в период первой российской революции 1905—1907 гг. правомонархическое политическое движение, объединившее в себе различные организации и союзы, преследовавшие цель охранения т. н. «базовых русских ценностей», к которым, по их мнению, относились неограниченное самодержавие, первенство православной церкви и русской народности, а также активно противодействовавшие либеральному и революционному движениям;

традиционалисты — носители устоявшихся т. н. патриархальных взглядов, не принимавшие деятельного участия в политической жизни, но проявлявшие активность в период нарастания угроз базовым ценностям традиционного русского общества. Традиционалисты имелись во всех социальных слоях российского общества, что обусловило их многочисленность. Та часть традиционалистов, у которой «неосознанная» защита базовых русских ценностей переходит в стадию «осознанного» консерватизма, становится источником кадрового пополнения правомонархических (черносотенных) организаций;

прогрессивные партии и движения — широкий спектр политических объединений, выступавших за коренные изменения в общественно-политической структуре России, в частности за ограничение или свержение самодержавной

власти царя, введение законодательного органа (Государственной Думы или Учредительного собрания), предоставление населению демократических прав и свобод;

реакция — активное противодействие либеральному и революционному движениям в целях сохранения и укрепления самодержавных порядков и институтов, проявлявшееся в различных формах. Источником реакции являлись как самодержавие, так и поддерживавшие его традиционалисты и правомонархические союзы;

национализм — употребляется для обозначения идеологии, ставящей во главу понятие нации и формирующей, исходя из него, дальнейшие теоретические и программные построения;

русские националисты — употребляется для обозначения лиц, разделявших националистическую идеологию и объединенных в возникшие в начале XX в. организации, крупнейшей из которых стал Всероссийский национальный союз.

Используемые в монографии понятия «инородец» и «инородческий» не несут в себе оскорбительного смысла, так как являлись общепризнанными терминами в документах официальных органов Российской империи начала XX века, и в дальнейшем будут использоваться без кавычек. В частности, в редакциях 1876 и 1899 гг. Свода законов Российской империи о состояниях содержится конкретный перечень народов, относившихся к инородцам¹⁹. Приводимые цитаты постановлений съездов, совещаний, циркуляров, книжной и газетной литературы правомонархических организаций, оскорбляющие достоинство национальных меньшинств, использовались лишь для характеристики взглядов крайне правых организаций по исследуемому вопросу и не отражают личной точки зрения автора.

Библиографические ссылки

¹ Размолодин М. Л. О консервативной сущности черной сотни. Ярославль: Ньюанс, 2-е изд., доп. и перераб., 2012.

² Сборник программ политических партий в России / Под ред. В. В. Водовозова. СПб., 1906; Программы политических партий России. Конец XIX—начало XX века / Под ред. В. В. Шелохаева. М., 1995; Политические партии и общество в России 1914—1917 гг. / Отв. ред. Ю. И. Кирьянов. М., 1999; и др.

³ Отчет по Русскому собранию за 1909 г. СПб., 1910; Шестая годовщина Русского народного Союза им. Михаила Архангела. Отчет... за 1912—1913 гг. СПб., 1914; и др.

⁴ Устав Санкт-Петербургского Союза русских рабочих. СПб., 1908; Устав Харьковского национального русского союза. Харьков, 1913; и др.

⁵ Деяния первых двух Всероссийских съездов русских людей. СПб., 1906; Совещание монархистов в ноябре 1915 г. в Петрограде. М., 1915; Труды Всероссийского совещания в Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Петроград, 1916; и др.

⁶ Государственная дума. II созыв. Стенографические отчеты. Сессия II. СПб., 1908; Государственная дума. IV созыв. Стенографические отчеты. Сессия I. СПб., 1913; и др.

⁷ Речи депутатов Государственной думы Маркова и Пуришкевича по запросу о Финляндии 12 и 13 мая 1908 г. СПб., 1913.

⁸ Речь депутата Г. Г. Замысловского, произнесенная в заседании Гос. думы 25 апреля 1908 г. по вопросу о контингенте новобранцев. СПб., 1908; и др.

⁹ Русская правда. 1914. 14 марта.

¹⁰ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М., 1998; Шарапов С. Ф. Опыт Русской политической программы. М., 1905; Будилович А. С. О единстве русского народа. СПб., 1907; Майков А. А. Революционеры и черносотенцы. СПб., 1907.

¹¹ Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы. Сост. Д. И. Стогов. М.: Институт русской цивилизации, 2011; Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские! Сост. А. Д. Степанов. М.: Институт русской цивилизации, 2008; Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма. Сост. А. Каплин и А. Степанов. М.: Институт русской цивилизации, 2008; Величко В. Л. Русские речи. Сост. А. Д. Степанов. М.: Институт русской цивилизации, 2010; и др.

¹² Дневник Б. Никольского (1905—1907) // Красный архив. 1934. Т. 2 (63); Тихомиров Л. А. Воспоминания. М.—Л., 1927; и др.

¹³ Марков Н. Е. Войны темных сил. Статьи. 1921—1937. М.: Москва, 2002; и др.

¹⁴ Милюков П. Н. Воспоминания (1859—1917). Т. 1. М., 1990; и др.

¹⁵ Коковцов В. Н. Из моего прошлого: воспоминания 1903—1919. В 2 кн. М., 1992; Витте С. Ю. Воспоминания. В 3 т. М., 1960; Джунковский В. Ф. Воспоминания. В 2 т. М., 1997; Курлов П. Г. Гибель императорской России. М., 1991; Крыжановский С. Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 2.

¹⁶ Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920. М., 1990; и др.

¹⁷ Давиденко А. В. Эволюция правомонархических концепций политического устройства России (1900—1917 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Хабаровск, 2001.

¹⁸ Там же. С. 3.

¹⁹ Свод законов Российской империи. Т. IX. СПб.: Типография II отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1876. С. 183; Свод законов Российской империи. Т. IX. СПб.: Типография II отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1899. С. 154.

ГЛАВА 1. НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В КОНТЕКСТЕ РУССКОГО ВОПРОСА

§1. Объекты противодействия черной сотни после первой российской революции

Массовое появление черной сотни как общественно-политического движения на политической арене России в начале XX в. было обусловлено реакцией традиционалистской части населения на первую российскую революцию и Манифест 17 октября 1905 г. Свой внезапный выход на политическую сцену правомонархисты связывали с необходимостью отстоять такие базовые ценности, как православие, самодержавие, народность, и не допустить переход страны на рельсы западной конституционно-парламентской монархии. В этой связи они ставили цель погасить революционный импульс, вернуть страну на путь эволюционного развития и сойти с политической арены¹. Это подразумевало яркую временную вспышку политической активности как реакции на событие и затухание при выполнении миссии. Черная сотня не стремилась главенствовать на политическом поле постоянно. Условием ее нахождения там было наличие требующих нейтрализации противников и угроз существующим устоям общества².

В пользу указанной точки зрения позволяют говорить следующие выявленные характеристики правомонархического движения: *наличие объекта противодействия* — *революции*, которой черносотенцы инкриминировали подрыв первенствующих позиций Русской православной церкви и первенствующего статуса русского народа в государстве, разрушение самодержавной системы власти, традиционных социально-правовых порядков и норм, подрыв экономики и жизненного уровня населения; *реакционность* (проявившаяся в заметном отставании появления правомонархических организаций на политической арене от либеральных и революционных партий); *временность существования* (появление крайне правых союзов связано с целью погасить революционный импульс, вернуть страну на путь эволюционного развития и сойти с политической арены); *вынужденность нахождения на политической арене* (в связи с неспособностью правящей элиты и репрессивного аппарата самодержавия собственными силами защитить национальные устои и целостность страны); *синхронность активности* (находившейся в прямой зависимости от масштабов деятельности революционного лагеря); *наличие объекта охранения* (крайне правое движение, способное мобилизовать массы на выступления, существовало только в условиях самодержавия, с крахом которого оно сходит с политической арены).

В то же время правомонархические организации продолжили существование после исчезновения основного объекта противодействия — революции. Крайне правые идеологи были уверены, что уходить с политической арены рано, так как основная борьба еще не закончилась и ждет впереди. Появление Государственной Думы, относительной свободы слова и собраний, оформление партийной системы давало их политическим оппонентам новые возможности по расшатыванию основ самодержавной

политической системы. В августе 1907 г. общее собрание Союза русских людей (далее СРЛ) под председательством князя А. Г. Щербатова констатировало, что «революционные партии разных оттенков продолжают существовать, устраивать собрания, съезды, выносить резолюции, которые печатаются в газетах. Не подлежит также сомнению, что все революционные партии составляют крепкий между собой союз. Говорить о слабости этих партий нет оснований, их действия налицо: убийства грабежи, забастовки не прекращаются. Революционеры располагают не меньшими средствами, чем и раньше. Революционные газеты продолжают выходить; революционное книгоиздательство продолжается почти в прежнем размере; книжные магазины, торгующие “красным” товаром, несомненно поддерживаются революционными средствами»³.

Крайне правые были уверены, что революция продолжается в завуалированной форме. Это дало им основание подвергнуть резкой критике слова П. А. Столыпина, сказанные им в интервью корреспонденту одной французской газеты о том, что «Петербург спокоен, что в стране все спокойно и все слухи о революционном движении лишены основания»⁴.

В послереволюционное время черносотенцы видели свою задачу в усиленном содействии правительству и самодержцу в деле предупреждения революционной смуты в России, водворении законности и порядка, противодействию радикальным формам реформирования страны, угрожавших, по их мнению, фундаментальным принципам российской жизни в мировоззренческо-идеологической, политической, социальной и экономической сферах⁵.

В конкретной деятельности на политическом поле России в начале XX в. крайне правые были нацелены на нейтрализацию попыток бюрократического аппарата, либеральных и революционных партий сломать тра-

диционный уклад жизни российского общества в целях утверждения новых стандартов социальной жизни. В числе препятствий для успешной реализации на русской почве либеральных или социалистических моделей государственного устройства стояли базовые ценности традиционного российского общества: православная религия, самодержавие, первенствующий статус русского народа, его особая ментальность, связанная со спецификой церковно-приходской и общинной жизни, и т. д. На защиту этих основ Российской империи и была направлена вся послереволюционная деятельность крайне правых сил.

В период первой российской революции основным объектом охранения правомонархических организаций стала самодержавная система властоустройства. Акцент на ее защите обуславливался актуальностью и явственностью угроз со стороны либерального и революционного лагерей именно этому элементу уваровского триединства, так как острие их критики в меньшей степени затрагивали вопросы изменения положения РПЦ и русского народа. Исходя из предложенного крайне правыми определения русского народа по принадлежности к православной вере, его выживание зависело от сохранения первенствующих позиций РПЦ, которые могли быть обеспечены только в условиях сильной самодержавной монархии. Именно этим и объясняется бескомпромиссная борьба крайне правых за сохранение существовавшей политической системы.

Крайне правые позиционировали себя как единственное в стране движение, определившее роль и место самодержавия в современной истории России. Система их аргументации по проблемам православно-монархической системы властоустройства как условия выживания и сохранения русского народа включала в себя следующие тезисы: 1) исключительная роль самодержавия в формировании русского народа и государства; 2) патернализм

самодержавия по отношению к русскому народу; 3) охранение самодержавием базовых ценностей русского народа; 4) самодержавие как гарант твердости власти, единоначалия, порядка, создающих условия для экономического, социального и культурного развития многонациональной империи; 5) обеспечение самодержавием единства и неделимости Российской империи как условия выполнения русским народом мессианской задачи; 6) защита самодержавием русского народа от внешних угроз⁶.

Важнейшая функция самодержавия состояла в обеспечении первенства русского народа, выполнявшего роль скрепляющего элемента конструкции под названием Российская империя. Из положения о самодержавии как эталоне русской государственности, по мнению правомонархистов, вытекала его защитная функция по отношению к первенствующему положению русского народа, его духовным и культурным национальным особенностям от внешних и внутренних идеологических воздействий, что было зафиксировано во многих документах черной сотни. «Самодержавный царь есть истинный и мощный защитник Русского государства и русского народа от всего враждебного», — говорилось в одной из черносотенных листовок, распространенной в августе 1906 г.⁷ «Царь есть единственный представитель русского народа и охранитель его достоинства перед другими народами», — утверждалось в предвыборном воззвании Союза Михаила Архангела (далее СМА), выпущенном в мае 1912 г.⁸

Черносотенцы рассматривали посягательство на царское самодержавие равносильно посягательству на первенство русского народа в собственном государстве. Они предсказывали, что при ликвидации самодержавия и устранении института монархии русский народ оставался бы один на один с внутренними и внешними врагами, которые бы «хитростью и обманом» добились не только

распада России, но и политического и экономического закабаления русского народа. Наличие национально-характерологических черт русской нации, таких, как доверчивость, внушаемость, пассивность, рознь, склонность к увлечению различными теориями и концепциям, актуализировало необходимость политического протекционизма русского народа, нуждавшегося в покровительстве сильной власти, способной направлять его на защиту коренных принципов, от которых русский народ периодически отказывался, но с такой же страстью возвращался вновь. В данном контексте самодержец выступал защитником русского народа от притязаний национальных меньшинств на ведущую роль в стране: «Он никогда не даст в обиду коренное население ни евреям, ни инородцам»; «Он с своим правительством и войском защитит народ от крамолы»⁹.

Обоснованное русскими консерваторами XIX в. положение об историческом союзе самодержавия и русского народа¹⁰ подтверждалось выживанием российского государства в непростых геополитических условиях и созданием не имевшей в истории аналогов империи. «Более 1000 лет Россия управлялась царями и, при милости Божьей, достигла славы и могущества — великою державой стала», — говорилось в обращении Союза русского народа (далее СРН)¹¹. Безальтернативность самодержавия для многонационального и территориально не имевшего аналогов в мире государства доказывалась созидательной ролью в истории страны, что, по мнению крайне правых, указывало на органичность авторитарной государственной системы, обеспечившей территориальный и могущественный рост страны путем ее поступательного эволюционного развития: «...когда осуществилась в России самодержавная единоличная царская власть, Россия начала расширяться, достигнув таких колоссальных размеров»¹².

Преждевременность отказа от монархии обуславливалась наличием в ней не использованных до конца внутренних ресурсов, которые, в представлениях черносотенцев, могли раскрыться только при реанимации допетровских порядков. Тезис о единстве интересов самодержавия с интересами народа исходил из того, что царь не являлся выразителем интересов какого-либо конкретного класса или социального слоя общества, действуя в интересах всего народа. «Без самодержавного царя России не обойтись. Это показала трехвековая ее история», — заявлял глава Союза Михаила Архангела В. М. Пуришкевич¹³.

В послереволюционное время угрозы самодержавию продолжали сохранять актуальность в связи с деятельностью широкого спектра оппозиционных сил, одной из которых, по мнению черносотенцев, выступала бюрократия, ставшая благодаря авторитету и харизматичности ее вождя — П. А. Столыпина самостоятельным игроком на политическом поле России. Несмотря на то, что революция потерпела поражение, победу в двухлетнем кровавом противостоянии одержала не самодержавная система, а бюрократический аппарат, укравший победу у спасших монархию черносотенцев. По утверждениям лидеров крайне правых, плоды успеха национальных сил были использованы чиновничьей конгрегацией не для возрождения Русской православной монархии, а для восстановления своей власти, масштабы которой, по их оценкам, достигли больших размеров, чем в дореволюционный период¹⁴. Давая характеристику реализованному после революции бюрократией строю, крайне правые отмечали: «Столыпинский национализм — это возвращение к старому, но не к тому старому, которого добиваемся мы: твердости власти, воли и славы, а к старому бесконтрольному бюрократизму с печальным миражом наличности свободы слова и убеждений»¹⁵.

Значительную роль в укреплении истинного хозяина государства — бюрократии сыграла личность премьер-министра П. А. Столыпина, чье державное обаяние позволило временно понизить уровень мятежности политически неопределившейся части общества и значительно усилить в стране роль чиновничьей конгрегации. Видимую стабильность созданной им политической системы крайне правые видели в личных достоинствах премьер-министра. «Столыпин идеальнейший бюрократ. Он умен, неподкупен — говорят — на диво благороден, уверяют — не чужд рыцарства. Но он бюрократ с головы до пят, только бюрократ и не может дать больше, чем всякий другой бюрократ. И несчастье России тем горше, что он не заурядный, а идеальный бюрократ. Будь он посредственностью, в нем не было бы провиденциальной веры в себя, граничащей с самодурством. Не полагаясь исключительно на свои силы, он не верил бы исключительно в силу бюрократического режима и был бы вынужден вносить в него корректив общественности, а в силу этого взирать более благосклонно на «самочинные», неподотчетные бюрократии, патриотические организации»¹⁶.

В противовес данной оценке приводилась характеристика его антипода — председателя СРН А. И. Дубровина как олицетворение истинно государственника: «...ярко выраженный патриот и националист в подлинном смысле этих понятий. Как патриот и националист, он видит возрождение и спасение России в поднятии у господствующей русской национальности исконного патриотизма и национального самосознания до степени воодушевления»¹⁷.

После назначения на пост председателя Совета министров Российской империи П. А. Столыпина крайне правые были исполнены надеждами на возвращение неограниченных властных полномочий в руки самодержца и восстановление хотя бы видимости принципов управ-

ления Русской православной монархии. Во многом этому способствовала произнесенная 16 ноября 1907 г. в Государственной Думе речь премьер-министра на верность устоям традиционного общества. «Но самое важное для всех нас — это то обстоятельство, что правительство создало, наконец, и открыто, твердо заявило, что “историческая самодержавная власть и свободная воля монарха являются драгоценнейшим достоянием Русской государственности”», — с восторгом писала крайне правая пресса¹⁸.

Черносотенцы безусловно одобрительно отнеслись к заявленной правительством линии на жесткое подавление революции. Общность позиции крайне правых и правительства состояла в следующих озвученных премьер-министром пунктах: 1) разрушительное движение, созданное левыми партиями, превратилось в открытое разбойничество; 2) противопоставить этому движению можно только силу; 3) правительство будет содействовать всем мероприятиям на пользу господствующей церкви и духовного сословия; 4) идея государственного единства и цельности будет для правительства руководящей¹⁹.

Заявление П. А. Столыпина давало крайне правым основание считать, что правительство не собирается опираться на октябристов и кадетов, рассматривая их как государственных изменников, осмеливающихся отрицать Основные законы империи и подлежащих уголовной каре. Это внушало надежду на то, что премьер-министр прекратит заданный командой С. Ю. Витте дрейф в сторону либерализации общественно-политической жизни и повернет государственный корабль в обратную сторону. Лидеры правомонархистов заверили, что если исполнительная власть не на словах, а на деле будет следовать намеченному в речи пути, то в лице черносотенных организаций встретит самых горячих союзников²⁰.

Со своей стороны, П. А. Столыпин также оказал черной сотне поддержку, пытаясь опереться на нее в подавлении революции. Как впоследствии заявлял В. М. Пуришкевич, на первоначальном этапе своего правления «другого пути у него не было»²¹. Именно способность чутко уловить меняющиеся настроения масс и сделать ставку в острой политической борьбе на крайне правые организации дало П. А. Столыпину возможность укрепить свое положение в придворных кругах как деятельного политика, не спасавшего перед революционной стихией. «В глубине России появилось глубокое, стихийное течение, коренившееся в простом народе, в низах. Монархические организации стали расти как грибы, и это течение смыло бы всякого, кто посягнет на него. Это течение было — отпор революции, и на этом именно течении и выплыл Петр Аркадьевич Столыпин», — анализировала возвышение П. А. Столыпина черносотенная пресса²². Политическая изоляция кабинета Столыпина в начальный период его правления давала основание считать его альянс с крайне правыми незыблемым и долговременным.

С затуханием революции и стабилизацией политической ситуации призыв к спасению устоев сменился выдвинутым П. А. Столыпиным лозунгом национализма. Это вызвало резкую критику из крайне правого лагеря, что несомненно раздражало премьер-министра: «Развал идет вовсю, но трогать нельзя, ведь правительство — национальное. Производ растёт под крики о “закономерности”, “законности” и “праве”»²³. Избранный П. А. Столыпиным курс на реализацию либеральной по своей сути националистической программы черносотенцы характеризовали как политику с «неясными перспективами»²⁴. Сравнивая П. А. Столыпина с его предшественником С. Ю. Витте, черносотенная пресса писала: «Витте был прямолинеен по своим мерзостям, целью он поставил прямую революцию.

П. А. Столыпин — близорук и недалек, революция прикрыта у него флером русских государственных задач, историческими традициями»²⁵. Свою лепту в охлаждение отношений с крайне правыми вносило болезненное нежелание П. А. Столыпина прослыть в глазах европейских политиков отсталым ретроградом. Опора на менее демонизированные либеральной прессой центристские и правоцентристские партии давала ему возможность сформировать в западном общественном мнении облик новатора, проявляющего симпатии к конституционному строю. «Он с трепетом следит за фимиамом, который курят ему английские и французские газеты», — резюмировала черносотенная пресса²⁶.

После роспуска I Государственной Думы П. А. Столыпин сделал ставку на партию октябристов, обеспечив ей широкую рекламу как единственной стабилизирующей в обществе силы²⁷. Крайне правые обвиняли правительство в двойной игре, проявившейся в заигрывании с консервативно-традиционалистской частью общества при одновременном ведении закулисных переговоров с легальной оппозицией о возможности введения конституции. «Столыпин поощряет октябристов, из ничего, из думской группы и комитетов он раздувает партию, он выдвигает лидеров, он окружает ореолом отдельных лиц... Столыпин поддерживает Гучкова, создает ему популярность, но в то же время не отрекается совсем от правых... Он ныряет, принимая у себя правых, Столыпин задними дверями впускает уже и октябристов, боясь, однако, встречи тех и других у себя в кабинете»²⁸. Перебаршивая в критических нападениях, крайне правые даже обвиняли правительство Столыпина в тайном сговоре с кадетами и левыми партиями²⁹. «Мы утверждаем, что правительство трусит, что трепетно опираясь на русских представителей в Государственной Думе, оно заискивает одновременно перед революцио-

нерами и их вожаками — “кадетами”», — писала крайне правая пресса³⁰. Попытки П. А. Столыпина опереться на умеренную оппозицию заставили крайне правых лидеров полагать, что глава правительства нагло игнорирует волю царя: «Октябристов усиленно проводят вперед царские сановники, чиновники и бюрократы, а между тем царь ясно говорит совершенно другое в своей телеграмме к председателю СРН А. И. Дубровину: “Да будет мне Союз русского народа надежной опорой”»³¹.

Ставка П. А. Столыпина на Союз 17 октября по сохранению существующего статус-кво казалась черносотенцам ошибочной в связи с неспособностью октябристов противостоять более энергичным и радикальным силам при обострении политической ситуации³². Рассматривая данную партию как организационно аморфную и идеологически невыдержанную массу, видный правомонархист А. А. Римский-Корсаков констатировал: «Слабость ее заключается уже не в том, что она приняла чуждые ей лозунги, а в том, что их у нее нет вовсе; и не видели ли мы самых разительных примеров того, как люди, называющие себя октябристами, перебегали из одного лагеря в другой, легко и свободно меняя свои убеждения в зависимости от временных обстоятельств, колебаний правительственной политики, а еще чаще совершенно личных побуждений»³³. В многочисленных заметках правомонархической прессы подчеркивалось отсутствие четких политических убеждений ее кадрового состава: «В октябристы идут все беспочвенные русские сановники, многие из министров, генерал-адъютантов, придворных кавалеров, камер-гофмейстеров, все русские космополиты, которые, получив от русского самодержавия все жизни средства и почести, отличия и награды, обеспечение, хорошие места, с легким сердцем всюду выступают втихомолку против самодержавия, направо и налево бранят все русское...»; «В октя-

бристы идут затем директора пароходных обществ и из правлений банков, коммерческих предприятий, многие из помещиков, рантье, крупные торговцы; эти господа боятся идти в революционеры или кадеты. Там, пожалуй, можно потерять часть или весь свой капитал...»³⁴.

Идеологи крайне правых указывали, что Союз 17 октября являлся скороспелым порождением правительства Витте в качестве опоры правительства³⁵. Отсутствие политической перспективы и нежизнеспособность организации обуславливалась не только ее слабой поддержкой в массах³⁶, но и изменчивостью правительственного курса, который она была призвана поддерживать. Особо отмечалась приспособленческая сущностью руководящего состава объединения, состоявшего из «чиновников министерства финансов и юстиции, близких к Витте, и зависящих от еврейского кредита торговцев и промышленников». Подчеркивая небоеспособность политической опоры правительства, один из правых ораторов в Думе отмечал, что стоит сжечь одну помещичью усадьбу, чтобы превратить сотню октябристов в правых, и достаточно обойти наградами к 6 декабря несколько видных либеральных чиновников, чтобы сделать из октябристов кадетов³⁷. В целом партия октябристов характеризовалась как партия разложившейся бюрократии с конституционными претензиями и желанием инородческого равноправия. Потенциально возможный вред, который могли принести октябристы, встав при поддержке бюрократии у руля государства, заставлял крайне правых всерьез обсуждать идею отправки непосредственно к царю депутации СРН во главе с А. И. Дубровиным, где, «встав прямо на колени пред ним умолять у ног монарха, своего отца, дабы он повелел уничтожить легализацию конституционных партий, как Союз 17 октября, так и Торгово-промышленную, а виновных легализации отстранить от

власти и впредь всех конституционалистов... отдавать под суд...»³⁸

Окончательный разрыв правительства с правомонархистами произошел при появлении в Думе фракции умеренно-правых националистов. Сотрудничество П. А. Столыпина с октябристским большинством Думы и фракцией националистов давало крайне правым основание полагать, что правительственный аппарат вынашивает планы закрепить в стране основы парламентаризма и утвердить в ближнесрочной перспективе конституционные начала. «Бюрократия до смерти хочет управлять неограниченно Россией. С этой целью она домогается ограничить верховную царскую власть своим произволом. В этих видах образованы две политические партии — октябристская и националистическая, поставившие своей целью учреждение конституции, т. е. ограничение царской власти парламентом по октябристскому проекту из всякого сброда, а по националистическому только из русских людей», — описывала цели столыпинского правительства крайне правая пресса³⁹. Основания подозревать бюрократию в желании введения в стране режима ограниченной монархии по английскому образцу базировались на явно проглядывавшемся подчиненном положении октябристской фракции в Думе правительству, а не наоборот — выполнении правительством октябристской программы⁴⁰. «Правительство вошло в соглашение с октябристами — вы-де нам не мешайте прикончить революцию, казнить и вешать, а мы вам дадим власть, и вот мы вместе тогда по конституции и ограничим царя», — оценивал политические планы П. А. Столыпина председатель СРН А. И. Дубровин⁴¹.

По мнению черносотенцев, доказательством тайного сговора с противниками самодержавия правительства Столыпина являлось попустительское опозиционным силам, проявлявшееся в принятии законопроекта о веро-

терпимости, уклонении от разработки жесткого закона о печати, существовании либерального министерства народного просвещения, функционировании под его эгидой различных кадетских «лиг образования» и других нелегализованных комитетов⁴². Особая претензия П. А. Столыпину предъявлялась в связи с деятельностью «революционной» Государственной Думы. В апреле 1907 г. газета «Русское знамя» писала: «А внутри страны крамола, обеспеченная гарантиями «конституции», заседает в Государственной Думе... и требует новых жертв: 150 христиан принесено ей в январе месяце, 300 православных христиан убито во славу Израиля за один февраль месяц!»⁴³.

Указывая на непоследовательность правительства, проявлявшуюся в лавировании между различными политическими силами и заигрывании с оппозицией, черносотенцы требовали от премьер-министра определиться со своими воззрениями. Данное настроение отразило состоявшееся в октябре 1907 г. в Ярославле I Частное совещание СРН и других правых организаций: «Наличность известных конституционных партий, существование которых, очевидно, немислимо при самодержавном строе, и открытое их признание правительством, и допущение к участию в Государственной Думе является доказательством того, что само правительство как бы колеблется в решении вопроса о существующем строе. Естественным последствием такой неустойчивости правительства должна быть или замена его личного состава лицами убежденными и прямо стоящими за самодержавие, или открытое проявление своих убеждений, ныне скрываемых по тактическим соображениям»⁴⁴.

Действительно, по мнению крайне правых, в стране сложилась двусмысленная ситуация, не отражавшая ни зафиксированных в Основных законах Российской империи норм политической системы, ни провозгла-

шенного правительством твердого курса. Крайне правые недоумевали: «Кадетская партия не легализована, но не преследуется, ибо не зачислена в разряд нелегальных. “Лига образования” — конкурент Мин. нар. просвещения — тоже не легализована, но не преследуется, не будучи признана вполне нелегальной, и потому преуспевает. Социал-демократы во всей стране строго преследуются по ст. 129, подлежа за одну принадлежность к партии к ссылке (вечной) на поселение, а те же соц.-демократы в Думе агитируют с трибуны на всю Россию, ездят к министрам хлопотать за “товарищей” и даже получают разрешение “ревизовать” тюрьмы...”⁴⁵. Правомонархисты делали вывод, что проводимый П. А. Столыпиным «двусмысленный» курс не был способен принести стране успокоения: «Ввиду этого... сколько ни успокаивая страну — она все будет мутиться»⁴⁶.

Нежелание правительства П. А. Столыпина следовать курсу на восстановление неограниченного самодержавия, по мнению крайних правых, проявлялось в недостаточной решительности по обузданию крамолы. Симпатии административного аппарата в отношении оппозиционных сил выражались в отсутствии необходимой твердости в наведении порядка, использовании всех имеющихся в его распоряжении сил и средств. «Правительственная власть обязана строго и грозно устранять и карать всякие покушения на мир государственный, общественный и лично гражданский, не допуская никаких уступок злодеям, прикрывающимся личиною политика, не допуская ложной жалости перед святотатцами, убийцами, поджигателями, ворами... и иными злыми обидчиками народными», — внушали черносотенцы власть предержащим⁴⁷.

Подозрения в далеко идущих планах П. А. Столыпина по сохранению на политическом поле страны оппозиционных партий и включению их в создаваемую полити-

ческую модель парламентской монархии окончательно утвердились в связи с неоднократными отказами премьер-министра использовать имевшие место на него покушения для ликвидации врагов неограниченного самодержавия. В частности, в начале сентября 1906 г. съезд председателей СРН и членов Русского собрания упрекал главу правительства в игнорировании сложившихся благоприятных условий для решительных действий: «...никакие послабления и уступки правительства революционным партиям не остановят их кровавой деятельности разрушения России, никакие самые либеральные законопроекты не удовлетворят анархистов, социалистов, демократов и сепаратистов. Единственное средство и единственная в данную минуту обязанность правительства немедленно, всею государственной мощью, властно обуздать крамольников и рассеять их преступные организации и сообщества»⁴⁸.

Показателем стремления подорвать самодержавие изнутри стали многочисленные факты гонений со стороны административного аппарата в отношении ревностных защитников устоев традиционного общества: «Илиодора, этого захватывающего народные массы проповедника, гонят и хотят сослать в Соловки. Серафим, епископ Орловский, переведен; харьковский губернатор Пешков уволен; кафедра Гермогена колеблется; Шварц, остающийся без поддержки, того гляди уйдет; Толмачев едва удержался. Великие князья устранены от участия в государственной обороне...»⁴⁹. Со страниц крайне правых изданий премьер-министр лично обвинялся в инспирации процессов над участниками еврейских погромов в октябре 1905 г., которых, по существу, уравнивали по степени опасности существующей властной системе с революционерами⁵⁰. Причины травли сторонников крайне правых и во властных структурах, и на духовном поприще черносотенцы находили в желании

П. А. Столыпина укрепить позиции в среде оппозиционной части общества. «Казалось бы, что в такое время всякое проявление патриотизма должно поддерживаться правительством всеми мерами; а такие люди, как святитель Гермоген, Серафим, Никон Вологодский, иероманах Илиодор и им подобные, должны поощряться и выдвигаться. Между тем мы видим обратное», — жаловались в ноябре 1908 г. члены Астраханской народно-монархической партии царю⁵¹.

Появление в Государственной Думе правительственной опоры в лице октябристского большинства дало П. А. Столыпину возможность, по выражению В. М. Пуришкевича, «сильнее нанести удар правым и начать с ними борьбу»⁵². Показателем отказа правительства от курса на воссоздание неограниченного самодержавия явилось преследование черносотенных организаций и инспирирование в их среде раскола. Бюрократия «и подсылала лиц с предложениями субсидий, и пыталась через подосланных агентов снять раздоры в Главном совете, и демонстративно покровительствовала соперничающим правым организациям, и донимала штрафами и мелкими придирками, и пустила в оборот кличку “революционеры справа”»⁵³. Лидеры крайне правых подозревали П. А. Столыпина в желании вовлечь их организации в реализацию далеко идущих планов по формированию в стране конституционного строя, что противоречило их мировоззренческим и программным установкам. «Для конституционной бюрократии самыми страшными являются монархические союзы. Они имеют огромное влияние на политическое положение и своей преданностью заслужили то, что к их голосу прислушиваются и иногда присоединяются. Если бы СРН остался в той чистоте и крепости, в которых он находился в первой половине 1907 г., давно бы произведена была реформа законосовещательных установлений и кабинета.

Но оба эти учреждения составляют силу бюрократии. Она только ими одними и живет, и потому приняты были все меры к тому, чтобы унижить чем-нибудь СРН и привести его к параличу»⁵⁴.

Исходя из специфического восприятия роли патриотических союзов, П. А. Столыпин рассматривал А. И. Дубровина в качестве подчиненного ему главы одного из правительственных ведомств, который должен или следовать в фарватере заданного правительственного курса или быть заменен на более сговорчивого вассала. Поддержка А. И. Дубровина низовыми организациями сорвала планы премьер-министра. «Дубровин — неотъемлемая часть каждого союзника, и смешно говорить о его смещении», — высказывала мнение провинциальных отделений СРН газета «Русское знамя»⁵⁵.

Нежелание председателя СРН А. И. Дубровина подчиниться планам правительства и построить крупнейшую черносотенную организацию в третьей юньскую политическую систему, самостоятельность в принятии решений и деятельности вызвали со стороны П. А. Столыпина атаку на крайне правый лагерь: «Бюрократия больше всего боится “самочинных”, неподотчетных ей союзов, а из таких союзов — больше всего патриотических и национальных как самых непокорных. Распыленный народ — вот ее идеал»; «Партия Дубровина — с этим бюрократия готова примириться, но СРН — этого она не потерпит: ведь он посягает на ее прерогативы, связывает по рукам и ногам ее самовластье»⁵⁶. Непрестанными придирками к правым организациям административный аппарат преследовал цель привести их к покорности: «С самого начала бюрократия усвоила себе в отношении патриотических организаций инспекторский тон»⁵⁷.

Неудача подчинить председателя СРН А. И. Дубровина заставила П. А. Столыпина пойти на подрыв авторитета правомонархистов не только в глазах общественного мне-

ния, но и в высшем свете, представив патриотические союзы как сброд мародеров и хулиганов: «...А. И. Дубровина хотят очернить в глазах государя, хотят свергнуть его в опалу и тем отшатнуть от него патриотов, которые, оставшись как овцы без пастыря, должны, по расчетам бюрократии, покорно пойти под бичом П. А. Столыпина»⁵⁸. Административный аппарат пытался внушить царю, что черносотенные союзы не являются надежной опорой трона. Еще в марте 1907 г. крайне правая пресса писала: «Наши бюрократические кадеты стараются вырыть пропасть между царем нашим и его народом, стараются уверить государя в крамольных стремлениях черносотенцев, в том, что он не должен доверять людям, кладущим свою жизнь за него...»⁵⁹. При этом председатель СРН А. И. Дубровин утверждал, что инициатором конфликта с правительственными кругами был не он, а наоборот — его «задирали, правда, в высшей степени благовоспитанно»⁶⁰. Интриги и нападки правительства на правомонархическое движение не соотносились его лидерами с царем: «Но вырыть непроходимую пропасть между государем нашим и нами никому не удастся»⁶¹.

Попытки оказать давление на руководство СРН вызвали резкую ответную реакцию. «...не за свой вы кус принимаетесь, вы этим кусом подавитесь. Бросьте воскрешать опричнину XX века...», — предупреждала в сентябре 1909 г. П. А. Столыпина дубровинская печать⁶². Вместо того чтобы следовать устоявшимся правилам взаимоотношений верноподданного с высшим представителем царя, А. И. Дубровин отвечал «не столь благовоспитанно, без стеснения срывая маску с благороднейшего антагониста», аргументируя это необходимостью отстаивания русского национального достоинства. Базарный язык своих нападок в прессе на П. А. Столыпина и его правительство дубровинцы объясняли тем, что «изящные приемы борьбы

уместны в цирке, на фехтовальном турнире, а при защите родного очага от вражеского нашествия позволительно пустить в ход и зубы и оглоблю»⁶³. А. И. Дубровин отрицал причину взаимного с премьер-министром антагонизма в личных отношениях: «Во всяком случае личный элемент в их антагонизме является вторичным фактором; первичным же является полная противоположность воодушевляющих их идей»⁶⁴.

Причины третирования крайне правых были зафиксированы в выступлении А. И. Дубровина в августе 1908 г. в Ростове-на-Дону: «...союз возник в тот момент, когда в стране царила полная анархия, власти растерялись и спрятались, и Россия должна была погибнуть, но явился союз, подавил революцию и спас родину, — только он один и никто более; тогда вновь явились и правители, забрали власть в свои руки и теперь, чувствуя под ногами довольно твердую почву, начинают говорить нам: «Уходите, союз более нам не нужен, мы и сами управимся»⁶⁵. Объективность данной оценки косвенно подтвердил брат П. А. Столыпина, описавший в газете «Новое время» отношение бюрократии к правомонархическим организациям: «Мавр сделал свое дело, мавру пора уйти»⁶⁶. В сентябре 1909 г. газета «Русское знамя» кратко изложила свою версию причин недоброжелательного отношения административного аппарата к черносотенным союзам: «Молодое деревцо политической сознательности патриотов, выбившееся из-под земли без помощи бюрократии, нуждалось, для нормального роста, в любовной атмосфере. Несколько царских приветственных слов сразу создали ее, и начался бурный рост деревца. Едва заметила это бюрократия, как тотчас же принялась указывать сверчку шесток. Бюрократии нужно... умножение компрометирующих организации фактов. Поэтому она свои «благожелательные» советы дает в тон «распеканий», рассчитывая на их обратное в силу психологических

причин действие, т. е. рассчитывая, что задетые за живое организации начнут упорствовать в недостатках. Озадаченная их самообладанием, она стала прямо подсылать в организации агентов, посевающих раздоры. А достигнув кое-какого успеха (добившись раскола), перестала скрывать недоброжелательство в отношении главной и лучшей организации — Союза русского народа»⁶⁷.

Замедление роста монархических союзов в 1908—1909 гг. черносотенцы напрямую связывали с интригами П. А. Столыпина, пытавшегося донести до их лидеров мысль, что даже безупречное занятие политикой становится рискованным делом без соответствующих согласований своих действий с администрацией⁶⁸. Черносотенцы жаловались царю, что их организации и газеты не только не встречают должной, открытой поддержки со стороны правительства и местных властей, но, в большинстве случаев, сталкиваются прямо с холодным и даже враждебным к ним отношением⁶⁹. Указывалось на то, что развязанная в либеральной прессе кампания по дискредитации правомонархистов была поддержана вполне официальными изданиями⁷⁰. В апреле 1907 г. руководители СРН со страниц своего печатного органа требовали устранить все препятствия для объединения русских людей в союзы и оградить патриотическую печать от преследований со стороны властимущих⁷¹. В сентябре 1909 г. газета «Русское знамя» вновь констатировала, что за критику административного аппарата она подвергалась постоянным привлечением к суду по ст. 128 «за дерзостное неуважение к верховной власти»⁷². Нападками на черную сотню бюрократия пыталась отвлечь их силы от политической и просветительской деятельности в сторону организационного самосохранения. Крайне правые констатировали: «Большая часть нашей энергии уходит на повседневную борьбу за союзное существование, борьбу с бюрократией»⁷³.

Желая определить четкие правила политической игры, черносотенцы предлагали П. А. Столыпину конкретизировать грань между легальной борьбой (куда они относили себя как сторонников существующих порядков) и нелегальной, к которой они относили кадетов и социалистов, являвшимися основными очагами смуты. Предлагалось юридически закрепить нормы и рамки политической активности верноподданных сил страны. Один из черносотенцев писал в «Русское знамя»: «Я не уверен... не попадет ли завтра, в результате нынешней политической битвы, СРН в разряд нелегальных партий и не придется ли мне пойти в ссылку или эмигрировать»⁷⁴. Созданная П. А. Столыпиным атмосфера вокруг крайне правых организаций негативно отражалась на настроениях народных масс к патриотическим организациям. «Даже у самых стойких людей и у руководителей опускаются руки. Несомненно, что добиться этого кому-то надо, для достижения чего и внушается людям, стоящим у власти, та двойственная, нездоровая политика, которой придерживается теперешнее правительство», — жаловались царю в ноябре 1908 г. астраханские черносотенцы⁷⁵.

Атака правительства на правомонархические организации дала свои плоды, выразившиеся в расколе в 1909—1911 гг. крупнейшей из них — Союза русского народа. По мнению дубровинцев, административному аппарату удалось подчинить часть лидеров правомонархического движения, сделав их инструментом по реализации собственной политической программы, направленной на укрепление бесконтрольных властных функций «конституционной бюрократии» при одновременном урезании полномочий царя. Сохранившие верность изначально отстаиваемым идеалам дубровинцы открыто обвинили отколовшийся обновленческий Главный совет СРН в лице Н. Е. Маркова и создавшего самостоятельную

организацию Русский народный союз Михаила Архангела В. М. Пуришкевича в отказе от основополагающих принципов черносотенного движения в пользу правительственной поддержки. «Ходят упорные слухи, что Главный совет находится под влиянием П. А. Столыпина, с политикой и тактикой которого в области как религиозного, так и других государственных вопросов союзники примириться не могут, да и не имеют права», — писал в Главный совет СРН председатель Астраханской народно-монархической партии Н. Тиханович-Савицкий⁷⁶.

По мнению дубровинских ортодоксов, после раскола СРН угрозы неограниченному самодержавию стали исходить и от бывших соратников. В январе 1911 г. Н. Е. Марков и В. М. Пуришкевич были обвинены в поддержке разработанного в недрах правительства Столыпина проекта формирования Думы из представителей земств с избранием министров из ее состава без права их увольнения царем без одобрения Думы⁷⁷. Обновленцев также упрекали в конституционных и парламентских симпатиях. Данные выводы сторонники А. И. Дубровина делали исходя из анализа программных документов, вышедших из-под рук недавних единомышленников. В частности, анализируя утверждение подписанной лидерами обновленцев (В. М. Пуришкевичем, Н. Е. Марковым, И. И. Восторговым) листовки о том, что «каждый налогоплательщик податей имеет право требовать отчета, куда пошла его копейка», дубровинская газета «Русское знамя» возмущенно писала: «От кого же требовать отчета, если они не признают народного представительства? От государственной власти? Так, ведь? Но, по их же словам, государственная власть это и есть самодержец. Стало быть, эти паяцы, клерикалы, ваньки-каины смеют утверждать о праве своем требовать от царя отчета? Какие же они после этого “верные неограниченному царскому самодер-

жавию"? Право требования отчета исключает понятие о неограниченной власти!»⁷⁸.

Заявленный в другом воззвании В. М. Пуришкевича тезис о необходимости «соучастия народа в правлении в виде законосовещательной думы» также вызвал бурю негодования сторонников А. И. Дубровина: «Дума создана только для одобрения законопроектов и контроля над закономерностью властей, а Пуришкевич со своими союзниками-клерикалами нахрапом уже захватывает даже правление»⁷⁹. Из этого дубровинцы делали вывод: «Эта мошенническая компания — Пуришкевич, Восторгов, Скворцов... стремится... ограничить царскую власть народным представительством»⁸⁰. Критикуя обновленцев, дубровинцы пытались отмежеваться от них посредством апелляции к народу: «Вся разница между Дубровиным и Марковым в том, что Дубровин сумел понять народные мысли и их в себе олицетворил. Марков же хочет, чтобы народ понял его мысли и их себе усвоил как принцип»⁸¹.

Попытки обновленцев посредством сотрудничества с П. А. Столыпиным встроиться в модель третьиюньской политической системы рассматривались дубровинцами как разрушение общей стратегической линии по защите самодержавия и поддержку планов бюрократии по преобразованию самодержавного строя в бюрократически-буржуазный, где доминантным политическим игроком выступал административный аппарат⁸². Это дало основание дубровинцам типологизировать обновленцев как сторонников конституционно-буржуазного строя, а их организации рассматривать как переродившиеся из объединения всего русского народа в разряд рядовых европейских парламентских партий. Союз Михаила Архангела характеризовался как «сколок с западноевропейских правых, а следовательно и буржуазных партий... В результате получилась довольно странная, хотя для некоторых и очень

удобная смесь — правая, но буржуазно-бюрократическая партия, — Союз Архангела Михаила», — отмечалось в статье «союзника-дубровинца» Б. Е. Кромиды, опубликованной в газете «Русский народ» 28 июля 1910 г.⁸³

Себя сторонники А. И. Дубровина продолжали относить к сохранившим идейную чистоту монархистам, равноудаленными как от бюрократии, так и от буржуазии. Дубровинский Союз русского народа продолжал самоименовать себя «ярким выразителем народных, чисто русских исторических идеалов в отношении общественного и государственного строя, выражаемых лозунгом — «Православие, самодержавие, русская народность»⁸⁴. Понимание того, что обновленцы уже не могут выступать защитниками неограниченного самодержавия, но лишь партнером административного аппарата по сохранению существующего парламентского строя при самодержавной монархии, заставило дубровинцев делать заявления о невозможности какого бы то ни было с ними компромисса.

Ослабление черносотенного движения объективно приводило к деморализации стоявших на охранительных позициях по отношению к самодержавию сил. Крайне правые подметили характерную особенность: вмешательство бюрократии в противостояние оппозиционных сил с правомонархическими организациями объективно приводило к ослаблению последних: «Но когда в состязание вмешивается третий — правительство, объявляющее борьбу обеих сторон делом нелегальным и на этом основании преследующее борющихся, тогда позиции истинно русских ухудшаются, а врагов улучшаются»⁸⁵. В сентябре 1909 г. единомышленники А. И. Дубровина дали неутешительную оценку отказу правительства Столыпина от услуг крайне правых: «...сознайтесь, вы чувствуете себя у разбитого корыта: костер опального патриотизма разгорелся в

целое пожарище; в самых умеренных правых ваш кредит пал, “освободительство” подняло голову; даже последнее прибежище власти — октябристы — накануне раскола. Идиллия бараньего рога отдает жестоким сарказмом»⁸⁶.

После первой российской революции помимо административного аппарата возрастающую угрозу самодержавию, по утверждениям правомонархистов, представляли оппозиционные партии, получившие благодаря Манифесту 17 октября и институту Государственной Думы новые возможности по расшатыванию основ государства. В распространенной в 1906 г. листовке СРН делалась попытка типологизации партий по методам достижения целей и степени их опасности существующим порядкам: «Все эти партии можно поделить на два разряда: партии революционные, восстающие с оружием в руках или преследующие революционные цели путем забастовок и снабжением революционеров деньгами, и вообще действующие с ними единомышленно. К этому разряду относятся анархисты, социал-демократы и пр. Из этих партий самый опасный враг России Конституционно-демократическая партия, в основу которой положено: созвать вместо Государственной Думы Учредительное собрание, т. е. новое правительство, и долой царя и разделить Россию на части по народностям!»⁸⁷.

Черносотенцы достаточно упрощенно оценивали цели политических противников, находя их корыстными: «Кадеты желают только пробраться в олигархию и завладеть хорошенькими местечками, а различные СД и СР жаждут только пограбить да поразбойничать. С первыми можно сторговаться. Вторых поможет уничтожить тот же народ русский, та же ненавистная черная сотня...»⁸⁸ Жестким предостережением с крайне правого фланга звучала мысль, что платой за реализацию программных установок оппозиции станет единство и неделимость страны: «...ка-

деты, трудовики... требовали “равноправия” для инородцев и евреев, чтобы и они могли владеть землею как русские крестьяне; они хотели отдать инородцам Польшу, Финляндию, Кавказ и другие земли, завоеванные русской кровью, и, наконец, в так называемом “Выборгском воззвании” они вконец вздумали уничтожить Россию, запрещая платить подати и давать солдат»⁸⁹.

Свою деструктивную сущность значительная часть оппозиции окончательно проявила в период I Мировой войны, направив силы не на укрепление национально-единства, а на углубление политического кризиса. На состоявшемся в ноябре 1915 г. в Нижнем Новгороде Совещании уполномоченных правых организаций и правых деятелей давалась оценка деятельности оппозиционных партий в Государственной Думе и их печати: «Перед лицом всей России вырисовалась поистине титаническая борьба двух начал: родного, национального, горящего любовью к Родине и жертвующего всем для победы над жестоким и упорным врагом, и другого, инородческого, дышащего свирепой злобой ко всему русскому и ждущего с нетерпением нашего военного разгрома для торжества своих партийных и личных целей»⁹⁰.

По утверждениям крайне правых, характерной чертой, объединявшей все сегменты оппозиционных сил, являлось полное равнодушие (неприятие) к вопросам формирования национально ориентированного вектора политики. Поставленная правомонархистами проблема восстановления приоритетного статуса русского народа в империи и возвращения носителям русских базовых ценностей стратегических позиций в государстве была жестко противопоставлена либеральным и эгалитарным принципам, в частности идеям абстрактной «свободы» и «социальной справедливости». Национальный индифферентизм революционного лагеря (социал-демократов, эсеров и анархи-

стов) проявился в собственном позиционировании себя интернационалистами, а либерального — в приоритетном отстаивании интересов национальных меньшинств перед интересами державной нации. Это приводило к низвержению русского народа из разряда государствообразующего в состав рядовой этнической единицы империи. «Нет или не должно быть народности, единокровцев и единоверцев, своеплеменности... — а есть космополитизм; и миллионы листов, и тысячеустная пропаганда европействующих и еврействующих темнят и туманят русское народное сознание...», — писала черносотенная пресса⁹¹.

Отвергнув понятия «традиции», «патриотизма», «национального интереса», российские идеологи оппозиции не пытались заложить их в фундамент так вожеленного ими будущего демократического общества. Наоборот, все связанное с национальной тематикой в политике воспринималось как пережиток прошлого и встречало пылкое неприятие. В частности, депутат Государственной Думы М. И. Петрункевич характеризовал патриотизм как пошлость, а Н. И. Кареев выступал за упразднение названия Россия⁹². В поход против патриотизма включились даже некоторые классики русской литературы, развенчавшие любовь к Отечеству как «чувство неестественное, грубое, постыдное, неразумное, вредное» и даже «корыстное и безнравственное». Согласно Л. Н. Толстому идея патриотизма лежит в основе государственности и потому «должна быть подавляема и уничтожаема», так как «патриотизм есть орудие власти правительств над народами, он является средством обмана народа со стороны императоров, правителей, военных, капиталистов, духовенства и проч., чтобы жить трудами народа». «Патриотизм (говорил Л. Н. Толстой по поводу франко-русских торжеств в октябре 1893 г. — *М. Р.*) есть не что иное для правителей, как орудие для достижения властолюбивых и корыстных

целей, а для управляемых — отречение от человеческого достоинства, разума, совести и рабское подчинение себя тем, кто во власти. Он есть рабство!», — приводила цитаты великого старца черносотенная пресса⁹³.

Руководители либеральных и революционных партий, исходя из парадигмы неприятия Русской православной монархии, нередко ассоциировали «великорусский шовинизм» (читай патриотизм. — *М. Р.*) с преступлениями абсолютизма. Отрицание «исторической русской государственности» приводило к игнорированию конкретных национальных интересов русского народа как «угнетаемого» и заставляло ставить в приоритет требования «угнетаемых» инородцев. «По масонской системе совместности добра со злом повсюду проводится бездушная система без различия национальностей и вероисповеданий с полным пренебрежением к патриотическим желаниям самодержца и его верного коренного народа. При этом враги не остаются последовательными: проповедуя новомодную власть большинства, они в то же время стремятся подчинить государственное большинство, состоящее из русских людей, разноплеменному меньшинству», — критиковал в августе 1910 г. позицию своих политических оппонентов по национальному вопросу в открытом письме председатель СРН А. И. Дубровин⁹⁴.

Неизменная поддержка национальных меньшинств во внутриимперских спорах в восприятии крайне правых свидетельствовала о разрыве либеральных и революционных партий с понятиями национальной солидарности. Если инородцы вставали на защиту своих единоплеменников даже в случае явной неправоты последних, то российские сторонники «прогресса» готовы были пожертвовать национальной взаимовыручкой ради получения выгодных политических дивидендов. Это выпукло проявилось во время обсуждения вопроса о еврейских погромах, когда желание

нанести еще один удар по «государственному монстру» заставляло либералов отказываться от объективного анализа произошедшей трагедии и ангажированно обвинять во всем произошедшем власти. Неприятие тенденциозного подхода эмоционально зафиксировано в обращении к СРН: «Случился еврейский погром в Белостоке. Боже мой! Вот заволновались думцы, забыли и про землю и про кресты. Уж больно любезны почему-то думцам евреи. Когда революционеры убивали русских людей, когда разорялись и сжигались хозяйства русских людей, думцы молчали: не их, дескать, дело. А когда в Белостоке русские, возмущенные тем, что евреи стали стрелять крестный ход и убили несколько богомольцев, побили евреев, — думцы подняли тревогу и немедленно послали в Белосток своих следователей: одного еврея и двух русских. И, знаете, кого обвинили думские следователи во всем этом деле? Русских офицеров и солдатиков, которые с опасностью жизни защищали евреев от погрома!.. Такова-то думская правда!..»⁹⁵

Продвигаемые оппозиционным лагерем идеи отказа от признания первенства русского народа как государствообразующего, приоритет интересов национальных меньшинств, пренебрежение к национальным потребностям русского народа заставляло черносотенцев бросать оппонентам упрек в предательстве собственного народа⁹⁶. «Антирусская» сущность кадетской партии подчеркивалась в распространенном в 1906 г. обращении СРН: «...в Думе эта партия и словом, и делом ясно показала, что о русском народе и свободе она и думать позабыла, а заботилась о милых ее сердцу евреях, инородцах и революционерах»⁹⁷. О глубине равнодушия к интересам собственного народа, по мнению черной сотни, свидетельствовали программные установки Союза 17 октября, где «об вере, государственном языке и армии нет ни одного слова. Зато все народности, и, конечно, главным образом

евреи, равноправны». Программы октябристов и кадетов были базисно идентичны и различались лишь в частности. «Они все не руссконациональные, и интересы евреев им дороже интересов русского населения», — говорилось в изданном в начале 1907 г. обращении Русского собрания, СРН и Партии правового порядка к избирателям⁹⁸. Крайне правым казалось, что пренебрежение национальными интересами охватило все активные сегменты российской политики. В частности, утверждалось, что польским сепаратистам в борьбе с центральной властью помогали «кадетско-жидовская печать... антипатриотическая наша Г. Дума и... наше октябристское кадетское правительство»⁹⁹.

Тесное сотрудничество с так называемыми «враждебными инородцами» лишало в глазах правых российские оппозиционные партии статуса национально русских и давало им основание утверждать «инородческую» сущность «освободителей»¹⁰⁰. В докладе на собрании СРН в августе 1907 г. академик А. И. Соболевский заявлял, что партия кадетов, объединила в своих рядах «разнородные русские элементы и большинство инородцев с евреями по главе. Все инородцы, объединившиеся в этой партии, составляют сплоченный союз против Русского государства»¹⁰¹. В обращении СРН к русским людям утверждалось, что к кадетской партии принадлежат «евреи, инородцы (поляки, армяне, немцы, татары и проч.) и те из русских господ, которые хотят захватить власть в свои руки и урезать власть царскую»¹⁰².

На страницах печати и в официальных документах черносотенцы заявляли, что партии центра и левее не являются выразителями русских национальных интересов, т. к. отрицают самобытный путь развития Российской империи и предпринимают попытки навязать чуждый, неестественный для державного народа образ жизни, толкая Россию не в сторону усовершенствования ее своеобразия

и уникальности, а в направлении грубого и неискusstvenного подражательства Западу. «Инородцы русские и иноземные, иновeрцы, разные революционеры, бесплодно до настоящего времени стремившиеся осуществить свои бредни в жизни западных народов, — все они ринулись на русскую землю и соблазном, разными обещаниями, ложью и страхом смутили русских людей», — говорилось в утвержденной в апреле 1906 г. программе Союза русских рабочих людей¹⁰³. Несомненный атрибут антинациональности оппозиционных партий проявлялся в потворстве (пособничестве) проникновению инородцев к рычагам управления империи, что привело бы к ослаблению вертикали централизованной власти и отпадению территорий. «Эти партии хотят, чтобы государь и его святыня, русское воинство, присягнули Государственной Думе и признали бы над собой ее власть!!! Такой Думе, где будут заседать, наряду с русскими, и жида, и поляки, и вообще все инородцы!», — говорилось в листовке СРН, распространенной в мае 1906 г.¹⁰⁴

В рамках концепции об узурпации первенства державного народа черносотенцы охотно верили в существование заговора враждебных инородцев, целью которого, по утверждениям «Русского знамени», являлось «сделать всевозможное, чтобы напакостить русским»¹⁰⁵. Являясь противниками диалектического материализма, они лихорадочно пытались найти объяснение причин революционного и сепаратистского движения. На помощь пришла конспирология — система представлений, согласно которой нежелательные явления и события рассматривались как следствие заговора тайных сил. К середине 1906 г. в крайне правой прессе указания на союз инородцев во главе с масонами, объединившихся с целью ослабления и окончательного развала России, приобрели широкий, уверенный и даже кричащий характер. Организующей и направляю-

шей силой тайного союза выступал масонский орден, офицерским составом его армии являлись евреи, а пушечным мясом — пестрая палитра различных по национальному и социальному происхождению одурманенных упоительными мечтами о светлом будущем «шабесгоев». В заговор оказались вовлеченными как космополитическая часть административного аппарата, интеллигенция (адвокаты, журналисты, студенты и т. д.), оппозиционные партии, так и национальные элиты Кавказа, Польши, Финляндии. По утверждениям газеты «Русское знамя», заговорщики имели и план действий — «Протоколы сионских мудрецов», в котором подробно прописывалась реализация «колоссального заговора всемирного жидовства, чтобы свалить православную и самодержавную Россию»¹⁰⁶.

По мнению черносотенных идеологов, инструментом реализации заговора, в т. ч. «Протоколов сионских мудрецов», являлся «Альянс Израэлит Универсаль» (Всемирный еврейский союз) с центром в Париже, а его исполнительными органами — раскинутые по всему миру, глубоко законспирированные, действующие по единому замыслу и плану масонские ложи, объединенные целью захвата власти, утверждения еврейского господства и порабощения нееврейского населения. В июне 1906 г. «Русское знамя» характеризовало масонство как тайное общество, организованное евреями для захвата власти и борьбы с христианством¹⁰⁷. Через пять лет, в мае 1911 г., газета «Русское знамя» дало более развернутое определение масонству: «Это — таинственная, лукавая, злобная, стремящаяся к ниспровержению монархий, упразднению веры в Бога, разрушению семейного начала и установлению республиканского, т. е. анархического образа правления, при котором еврейству наилегче захватить в свои руки власть и сделаться полным хозяином в стране и повелителем народа»¹⁰⁸.

В обоих определениях подчеркивалась главная задача «вольных каменщиков» — разрушение христианской цивилизации. На страницах черносотенной прессы находили выводы западных исследователей, что «многие смуты и бедствия, перенесенные разными народами в разное время, часто исходили по инициативе и деятельном содействии франкмасонов»¹⁰⁹. Черносотенная пресса описывала и главную цель масонства: завоевание мира, исходя из того, что «для них все нееврейское — это враждебный лагерь, который нужно покорять, заставить его служить им и приносить им пользу»¹¹⁰. Данная задача не была искусственной программой, появившейся в новое время, а составляла саму «природу еврейства», проходящую через всю его историю и имевшую истоком ветхозаветное пророчество о приходе Мессии, который обратит нееврейские народы в еврейских рабов. Идеино-политическая роль масонства состояла в оформлении «идеологии еврейства» в приемлемые для христиан доктрины (от либерализма до социализма) и попытках их реализации, используя «грандиозные капиталы и всемирное могущество»¹¹¹.

Истинные цели масонов состояли в ликвидации основ традиционного общества, а именно:

1. *Уничтожение власти христианской церкви под видом борьбы с клерикализмом для обеспечения доминирования в обществе рационалистических доктрин и ценностей общества потребления.* В июне 1911 г. «Русское знамя» заявляло, что масоны и евреи являются «заклятыми врагами царей и христианской церкви»¹¹².

Исходя из общего тезиса об осуществлении заговора в целях завоевания всемирного господства, выводилась частная установка, включавшая в себя религиозное, нравственное, моральное и политическое разложение русского народа посредством подрыва традиционных основ (православия, самодержавия и народности) и замена их лжеиде-

ями — космополитизмом, демократией, либерализмом и социализмом, которые навсегда обеспечат масонам идеологическую основу для эксплуатации и грабежа народов. На вопрос о причинах использования духовного растления как основного оружия достижения господства, черносотенцы указывали на отсутствие у масонов физической возможности достичь желаемого силовыми методами. «Представьте себе две воюющие стороны: с одной — все народности, с другой — еврейская народность. Первых 1,5 миллиона, вторых — 15 миллионов. Следовательно, на 100 человек одного лагеря приходится 1 человек другого лагеря. Как сделать, чтобы один человек мог победить 100? В открытом и честном бою это невозможно. Ну а если один человек найдет путь и возможность напоить мертвецки пьяными всех 100 человек? Следовательно, для того, чтобы один человек мог покорить 100, нужно воздействовать на ум и душу этих ста в смысле ослабления внутреннего их мира», — писала правая пресса¹¹³. Использование тайных средств масонством и евреями в борьбе за господство объяснялось просто: зло не может устоять перед добром в открытом бою¹¹⁴.

Включение в программы оппозиционных партий рожденного в масонской среде пункта об отделении церкви от государства под предлогом уничтожения клерикализма христианских церквей рассматривалось как попытка уничтожения христианства вообще. Давая оценку масонству в начале XX в., черносотенцы утверждали сохранение им, как и в древние времена, богоборческого характера, носившего открытый вызов Всевышнему. Учение масонов отрицало «Христа, семью, национальности», стремилось выработать некую «святую жизнь, сообразную с разумом»¹¹⁵. В разоблачительных целях крайне правые приводили цитаты перебежчиков из масонского лагеря. «Чтобы восстановить человека в его примитивных правах равенства

и свободы, надо начать с уничтожения всех религий, всех гражданских законов и закончить учреждениями собственности», — писала газета «Русское знамя», ссылаясь на воспоминания франкмасона барона Книге¹¹⁶, а также «Протоколы сионских мудрецов»¹¹⁷. Понятными становились нападки на православное духовенство в либеральной прессе, пропаганда атеизма, популяризация удовлетворения материальных потребностей взамен духовных.

Крайне правые подчеркивали, что «вольными каменщиками» удар наносится в духовном поле — по православию, что может привести к изменению вектора национального самосознания и менталитета русского народа, отказу от стародавних ценностей¹¹⁸. Ослабление веры в народе могло быть использовано для дестабилизации обстановки в государстве: «сбить русского мужика с доброго пути, подбить его на грабежи, на поджоги»¹¹⁹. «Союзник... понимает, что его враг ради покорения мира евреями, стремится к разрушению веры в Бога»; «Без Бога в душе человек слабеет. А это только и нужно врагу для достижения цели покорения мира евреями», — писала в августе 1908 г. газета «Русское знамя»¹²⁰.

Крайне правые констатировали: нападки на православие идут по всем фронтам. Особенно данная тенденция усилилась в период третьей ионьской монархии, когда активные революционные выступления против царской власти уступили место полемике на думской трибуне и в прессе. Частыми были выпады со стороны оппозиционных средств массовой информации в адрес конкретных священнослужителей: «... либеральная, еврейская пресса метавшая ... в священнослужителей грома и молнии, считавшая их своими главными врагами...»¹²¹. Неслыханная ранее критика церкви воспринималась жившими в духе русской церковной традиции людьми как глас сатаны: «Те волки в человеческом образе, которые рыскают, ища,

кого поглотить, и сеют смуту революционную, безверие и жидовство, готовы пути царству сатаны и антихристу, его предтече»¹²².

Но наибольшее беспокойство крайне правых вызывали попытки либеральной части Государственной Думы законодательно лишить Русскую православную церковь первенствующей роли в государстве посредством принятия закона о свободном переходе из православия в иные конфессии как первом шаге утверждения в стране принципа свободы совести. «Обманули вас заправилы и Третьей Государственной Думы, с г. Гучковым во главе, ратовавшие, как будто бы за русские интересы, а в действительности добивавшиеся в Государственной Думе, при поддержке инородцев и жидовских ставленников, уравнивания Православной веры с идолопоклонством и жидовской верой», — говорилось в обращении к крестьянам Центрального предвыборного комитета правых в сентябре 1912 г.¹²³ В датированном августом 1910 г. открытом письме председатель СРН А. И. Дубровин в концентрированном виде сформулировал цели масонов, которым «желательно учредить на Св. Руси... религиозную анархию, заменить самодержавный образ правления конституционной тиранией и устранить русскую народность от ее исторических прав первенства в империи»¹²⁴.

Таким образом, масонство покушалось на отстаиваемые крайне правыми принципы (православие, самодержавие, народность), составлявшие основу русского культурно-исторического сообщества на протяжении последних пятисот лет. Непримируемость двух лагерей была обусловлена противоположностью целей. Если возрождение могущества российской державы крайне правые видели в укреплении традиционных устоев русской государственности, то масоны преследовали цели их окончательного и бесповоротного слома¹²⁵.

2. *Разрушение сословной структуры традиционного общества для обеспечения масонам доступа к политическим и экономическим рычагам управления, а также национальным богатствам коренной нации.* Сословная система, предусматривавшая наследование статуса и прав, являлась преградой для проникновения чужеродных элементов в социальную структуру общества, особенно в ее элиту. Разрушение сословной структуры должно было сопровождаться борьбой с национализмом и пропагандой интернационализма для присвоения накопленных народом-хозяином материальных ценностей и возможностью его эксплуатации. На основе исторических фактов утверждалось, что с появлением масонских лож в странах неизменно возникали конфликты, обострялась борьба за предоставление гражданских прав, наиболее заинтересованными в которых были угнетенные в правовом отношении евреи¹²⁶.

3. *Уничтожение монархий под видом борьбы с деспотизмом.* По заявлениям идеологов крайне правых, ярким проявлением этих усилий стало принятие с подачи ставленника масонов премьер-министра С. Ю. Витте Манифеста 17 октября и учреждение Государственной Думы с законодательными функциями, за которыми должны были последовать ликвидация монархии, формирование многопартийной системы, установление республики и достижение конечного пункта — захват власти евреями. «И потому хотят, во что бы то ни стало, переменить этот строй на республиканский, при коем, разумеется, уже не царь главенствует и не его правительство, а жида»¹²⁷. В мае 1911 г. газета «Русское знамя» писала, что цели масонства в России состояли в желании «обратить Россию в Северо-Восточные республиканские штаты»¹²⁸.

Лозунг Французской революции «Свобода, равенство, братство» был признан черной сотней масонским (от осуществлявших ее франкмасонов) и являлся лицемерным

прикрытием для иных целей. Масонство использовало концепцию «двойной доктрины». Для многочисленных членов лож низшей степени посвящения предлагались лозунги демагогического характера — «вечно новой приманкой, на которую сотни лет ловят масоны и жида простодушный рабочий люд»¹²⁹. В черносотенной прессе цитировались и «Сионские протоколы»: «Гои, которых мы приучили смотреть только на показную сторону того, что мы им представляем, принимают нас еще за благодетелей и спасителей рода человеческого»¹³⁰. Узкий круг руководителей высшей степени посвящения обладал истинной информацией о целях «вольных каменщиков».

Масонам отказывалось в гуманистическом, филантропическом, философском и прогрессивном характере их учреждений, работавших якобы для социального, нравственного и интеллектуального усовершенствования человечества. Крайне правые указывали, что заявленные масонами созидательные цели не соответствуют характеру деятельности их организаций, а принципы франкмасонства — взаимная терпимость, уважение к чужому мнению, свобода совести, равенство, братство являлись лишь прикрытием для этой «гнусной религиозно-мистической секты ... последователей сатаны»¹³¹. Аргументируя свою позицию, черносотенцы обращались к историческим фактам, свидетельствовавшим об обратном, наиболее неоспоримым из которых стало массовое уничтожение противников монархии во время Великой французской революции. Лозунги о всеобщем равенстве и братстве скрывали за собой «злое и дьявольское дело — французскую революцию, уничтожившую королевскую власть и национальную аристократию, закабалившую жидов народ»¹³².

Рассмотрим теперь аргументацию критики черной сотни по каждому пункту. Масонское понятие свободы, рассматривавшееся как независимость воли человека от

Бога, монарха и традиций своего народа, трактовалось черносотенцами как вседозволенность. Слабовольных, легкомысленных и доверчивых людей свобода освобождала от нравственной ответственности перед людьми и своей совестью. Общество, построенное на этом принципе, по мнению черной сотни, нежизненно и потому придет к естественному краху¹³³.

Уничжающей критике подверглось понятие равенства, путь к которому предлагался в уравнивании собственности, состояний, политических прав и пользовании результатами своего труда. Подчеркивая обманный и демагогический характер этого понятия, направленного на привлечение неискушенных лиц, черносотенцы предлагали обратиться к истории человечества: «ни в одном государстве нет этого «уравнивания собственности»¹³⁴. Черносотенцы указывали на утопичность возможности осуществления равенства посредством уравнивания собственности по следующим причинам. Во-первых, Бог создал людей по своим способностям и качествам неравными от рождения. Во-вторых, в случае насильственного «введения» равенства через некоторое время общество вновь будет разделено по имущественному принципу в связи с утверждением предыдущего пункта: «...шла бы непрерывная глухая борьба, в которой более способные и предприимчивые, более выносливые и энергичные, более знающие побороли бы людей без инициативы и менее способных... и овладели бы их имуществом. И после 3—5 лет установилось бы прежнее состояние собственности»¹³⁵. В-третьих, истинные хозяева масонства — евреи не согласятся на реализацию принципа равенства посредством «уравнивания собственности» по причине нежелания потерять огромные богатства, находящиеся в их распоряжении. Невозможность равенства на основе «уравнивания индивидуумов» в пользовании результатами труда было показано неудач-

ным опытом социалиста Фурье в создании им фаланстеров и казарм: «...кто может убедить тысячи людей довольствоваться одним и тем же количеством однообразной пищи, одною и той же однообразной одеждой, по звонку ложиться спать, вставать утром и выходить на работу»¹³⁶.

Правомонархисты указывали, что в связи с отрицанием «вольными каменщиками» христианского братства, данное понятие могло рассматриваться только с масонской точки зрения, а именно: как объединение людей с «независимыми от церкви и государства средствами и функционированием» (недаром масоны называли друг друга братьями). Под реализацией идеи братства в России также виделась деструктивная цель: вербовка русских в масонские ложи с тем, чтобы «организовать тихую и мирную революцию для разрушения России, и русские люди как братья масонов станут врагами русского царя и русского православного народа»¹³⁷. Невозможность же братства между народами объяснялась разностью геополитических интересов стран и хищнической природой самого масонства: захват «вольными каменщиками» власти в демократических государствах Запада не привел к сглаживанию между ними противоречий и снижению международной напряженности.

Черносотенцы отмечали профанацию якобы имеющейся реализации «свободы, равенства и братства» в демократических странах Запада. Масоны соблазнили людей «несбыточными мечтами о свободе, которая возможна только в пустыне, о равенстве, которого по самой природе вещей существовать не может, и о братстве, на которое люди, принужденные вести борьбу за существование, не способны»¹³⁸. Указывалось, что за лозунгами Французской революции скрываются захватнические планы жидомасонства. В июне 1907 г. правая пресса писала, что в результате Французской революции, благодаря введению

режима правового равноправия евреи присвоили себе права коренных французов¹³⁹. Смена формы правления с монархической на демократическую не приводила к улучшению благосостояния народа: «А ведь знают же главари революции, что в тех странах, где введена предлагаемая ими форма правления, на которую они указывают как на спасительную, народ испытывает не меньше нашего горя и лишений, а иногда даже и больше»¹⁴⁰. Республиканские правительства не смогли решить присущих и России социальных проблем: нищеты, бедности и безработицы. В демократической Франции рабочие также бастовали и разгонялись вооруженной полицией, как и в России. Указывая на несметные богатства, которыми владела еврейская верхушка, черносотенные публицисты предлагали ей поделиться хотя бы с соплеменниками.

Лакмусовой бумажкой нахождения любого игрока на политическом поле под жесткой пятой масонства для правых являлась поддержка требований отмены черты оседлости и ликвидации правовой дискриминации евреев, осуществление которых привело бы к включению последних в общественно-политическую и культурную жизнь России¹⁴¹. Крайне правым казалось, что сотрудничество оппозиции с «вольными каменщиками» имеет долговременные планы. После прихода к власти первые якобы надеялись получить многомиллионную финансовую поддержку от еврейских финансовых кругов на строительство в России «жидовской республики», а мировая закулиса — реализовать экономические интересы в богатой природными и трудовыми ресурсами стране. «Народная свобода» — это свобода кадетской партии поработить русский народ еврейскому игу...», — утверждали идеологи монархистов¹⁴².

По утверждениям черносотенных идеологов, важнейшим способом придать нужный для масонов вектор деятельности российских оппозиционеров стало внедрение в

их организационные структуры своей агентуры, позволявшее оттеснить в их среде «русскую фракцию» (национально ориентированных членов) и нейтрализовать ее влияние. В связи с этим путем идентификации принадлежности партии к «антирусскому» спектру предлагался незаменимый определитель: «Рожа жида всегда сама укажет нам спасительный исход»¹⁴³.

Другой основой для сотрудничества с масонскими ложами столь разновекторных, а порой и противоположных по своим политическим устремлениям сил стал подкуп лидеров русской оппозиции. В выпущенном в феврале 1906 г. воззвании «К русскому народу» утверждалось: «Они за деньги помогают жидам превратить Россию в развалину, развалину эту купить за небольшие сравнительно деньги и основать на ней царство жидовское с рабами христианскими»¹⁴⁴. Финансирование национальными меньшинствами кадетской партии позволяло превратить ее в инструмент достижения своих целей. «Эта партия вела и ведет свою борьбу на выборах на деньги евреев и других инородцев, цели которых враждебны коренным русским интересам», — говорилось в опубликованном в начале 1907 г. обращении Русского собрания, СРН и Партии правового порядка¹⁴⁵.

Тезис о финансировании масонским орденом российской оппозиции утверждался крайне правыми на примере кадетской партии, которая характеризовалась ими как «самый опасный враг» самодержавия и выразитель интересов наиболее сепаратистски и русофобски настроенных национальных меньшинств¹⁴⁶. За лоббирование в Думе еврейского равноправия и отмены черты оседлости еврейские финансовые круги щедро оплачивали ее предвыборные кампании. Накануне выборов в III Государственную Думу монархисты анализировали финансовые возможности противников: «Нет данных полагать, чтобы сократились средства этой партии. Несомненно, они проберутся и в

3-ю Думу и будут держать ее в своих руках. Число кадетских газет не уменьшилось, если только не увеличилось! «Кадетская» литература процветает»¹⁴⁷. Это дало основание консервативной печати именовать кадетов как «еврейскую партию»¹⁴⁸.

Следует отметить, что кадеты не отрицали своей финансовой зависимости от еврейских толстосумов. Накануне выборов в Государственную Думу кадетская газета «Речь» в номере от 7 января 1907 г. откровенно заявила, что согласно условиям соглашения с еврейской группой последней предоставлено «право отвода выборщиков и право возражения против кандидатов в Думу». Консервативная газета «Голос Москвы» в ответ на данное заявление задала лукавый вопрос: «Если равноправие — так равноправие. Почему же привилегией отвода выборщиков и правом возражения против кадетских кандидатов пользуется одно еврейство, а другие национальные группы — поляки, немцы, татары, буряты и т. д. — этих прав лишены? Или у этих кошельки ту же завязаны?» Авторы вышедшей в 1912 г. в Петербурге книги «Националисты в 3-й Государственной Думе» так прокомментировали полемику двух газет: «Достаточно этих двух откровенных заявлений, чтобы понять, как оценивали к.-д. все вопросы государственного значения. Все, что с еврейской точки зрения почиталось вредным, все это встречало безусловных врагов в конституционно-демократической партии. Такая узость взглядов и мешала к.-д. проводить свои общегосударственные идеалы, если таковые у них имелись»¹⁴⁹.

Для крайне правых не требовалось дополнительных доказательств тайного руководства всемирным кагалом кадетской партией. Ее антинациональная сущность проявилась в подрыве скрепляющих империю основ Российского государства. «... партия народной свободы (кадеты)... рукоплескала и помогала всему, что подрывало честь, силу

и благосостояние русского народа. Она радовалась нашим военным неудачам и позору русской военной славы, подрывала кредит России за границей, заставляя русский народ переплачивать ежегодно многие миллионы, — говорилось в изданном в начале 1907 г. обращении Русского собрания, СРН и Партии правового порядка¹⁵⁰. Не осталась не отмеченной черносотенцами и разрушительная деятельность кадетов в Государственных Думах. «Горячо порицая смертные казни над преступниками, кадеты отказывались высказать свое осуждение насильникам и убийцам верных слуг царя и Отечества. Они при всяком случае клеветали и позорили русскую армию и закончили свою “патриотическую” деятельность Выборгским воззванием к бунту и Гельсингфорским двусмысленным объяснением»¹⁵¹.

Союз 17 октября (октябристы) также не избежал обвинений в связях с масонским орденом, несмотря на то, что в среде крайне правых неоднократно поднимался вопрос о блокировании с ними на выборах в Думу. В ходе дискуссий черносотенцы пришли к выводу, что октябристы все-таки не являются партией с «русским национальным характером», так как выполняли указания кагала по ограничению самодержавной власти и выступали за еврейское равноправие¹⁵². В июне 1907 г. газета «Русское знамя» отмечала, что в программу партии включены «ненавистные народу конституционные начала, которые царь совсем не желает»¹⁵³. Состоявшийся в 1909 г. монархический съезд в Москве дал следующую характеристику Союзу 17 октября... в тактических приемах наиболее опасно выступающая против исконных начал русской государственной жизни и стремящаяся к тем же, в сущности, целям, как и кадеты». Съезд признал партию октябристов особенно опасною в связи со стремлением представить себя защитницей национальных интересов русского народа¹⁵⁴. Черносотенцы

подозревали октябристов в намерении «облагодетельствовать Польшу земством, наделить пенсией учителей еврейских школ и отменить черту еврейской оседлости и тем прорвать плотину, которая оградила русский народ от жидовского потока»¹⁵⁵.

И все же правомонархисты на заре своего существования не теряли надежды на то, что октябристы порвут порочную связь с «иудиным племенем» и вернутся в лоно русской державности. В августе 1907 г. черносотенцы констатировали раскол в партии «17 октября»: «...октябристы ...уже раскололись на две половины, из которых одна тянет к “кадетам”, а другая — к Союзу русского народа...»¹⁵⁶. Однако попытки найти общий язык с октябристами так и остались безуспешными. Последние игнорировали предложения крайне правых провести через Думу ограничительные законы в отношении евреев, что косвенно подтверждало закулисные финансовые сделки между руководством партии и еврейским капиталом. В частности, призывы черной сотни «забраковать» через Думу правительственное распоряжение от 22 мая 1907 г. о запрете местным властям водворять в черту оседлости тех евреев, которые расселились по территории России «путем захватного права», так и остались не услышанными октябристами¹⁵⁷. Стремление к отмене черты оседлости и намерение предоставить еврейскому населению равноправие заставили состоявшийся в 1909 г. в Москве Монархический съезд русских людей окончательно отнести партию «17 октября» к разряду враждебных, поставить их в один ряд с радикальными организациями и призвать к самой широкой борьбе с ней¹⁵⁸.

Специфика подходов правомонархистов к социалистическим партиям также определялась через призму всемирного масонского заговора. Социал-демократы и разделявшие социалистическую доктрину национальные

политические союзы (например «Бунд») рассматривались как инструмент мирового закулисья ордена по подрыву экономики государств, инспирации социального напряжения, направлению недовольства широких масс на свержение законных правительств в христианских государствах¹⁵⁹. «Содержателям русской социал-демократии — иудеям нужны беспорядки, нужны забастовки, нужна смута, нужно разорение русской промышленности, нужно обездоление русского народа, все это им нужно не только ради разрушения столь ненавистного им государства Российского», — раскрывались цели масонства в распространенном в июне 1914 г. окружном послании Главного совета СРН¹⁶⁰. Описанная в «Протоколах сионских мудрецов» тактика по радикализации настроений населения в целях последующего захвата «вольными каменщиками» власти находила подтверждение в реальных событиях: «... по мере того, как в России растут забастовки и рабочие беспорядки, одно за другим останавливаются, а то и вовсе прикрываются русские предприятия, все более ощущается недостаток предметов потребления, все сильнее дорожают пища, тепло, одежда, кров...»¹⁶¹

Крайне правые идеологи утверждали, что спонсором российской социал-демократии являлся не только масонский орден¹⁶², но и международные финансово-промышленные группы, заинтересованные в ликвидации российских конкурентов: «А теперь решили разорить единственных защитников русского народа и его веры, православных русских помещиков, фабрикантов и купцов, чтобы потом без помехи жид все на Руси забрал бы в свои руки и некому бы было за русский народ заступиться»¹⁶³. В датированной 19 февраля 1906 г. листовке «Причина всех несчастий России» утверждалось, что после разорения из-за забастовок и стачек русских фабрик и заводов, ограбления помещичьих имений «вся наша бедная родина

превратится в нищую развалину. И вот тогда жида переведут сюда свои капиталы из Англии, Америки и Германии и за гроши скупят все наши русские фабрики, заводы и имения, затем спаивая вас и затягивая вас в свои ростовщические сети (в чем так искусны), они скоро завладеют всею нашею землею и самих превратят в безгласных рабов своих»¹⁶⁴.

Социалистические партии были обвинены в выполнении «заказа» зарубежных олигархических структур. Крайне правыми рисовалась следующая схема: вызванные социалистами забастовки приведут к сокращению, а следовательно, и вздорожанию продукции российских предприятий, что создаст «иностранным иудеям» благоприятные условия для продвижения своего товара на российский рынок. «Уже многие рабочие поняли, что дальнейшие политические и экономические неурядицы в стране окончательно могут расшатать русскую промышленность, а это весьма кстати иностранным предпринимателям и их рабочим», — говорилось в выпущенной в июле 1907 г. листовке СРН «К рабочим»¹⁶⁵. Черносотенцы предупреждали рабочих, что социалистические партии наладили хорошо отлаженный механизм пополнения за их счет партийных касс: «Главарям забастовки — этим развращенным рабам международного кагала, — им ничуть не жаль русских рабочих. Заграничные хозяева им хорошо заплатили, и вот наемники бегут на русские заводы и «снимают» русских рабочих, еще за минуту до того мирно и честно работавших у станков, даже и в мыслях не имея, что, ради какой-то солидарности с бакинскими персюками, они должны лишить свои семьи куса хлеба»¹⁶⁶.

Для подтверждения мнения о том, что первая российская революция была спровоцирована международными конкурентами русских промышленников, на страницах черносотенной прессы публиковались выдержки из анали-

тических статей и исследований западных ученых. В частности, в размещенном в газете «Русское знамя» отрывке из книги Рудольфа Врба «Die revolution in Russland» («Революция в России») указывалось, что только истребление нефтяных промыслов, разгром одесского порта, помещичьих и крестьянских хозяйств нанесли ущерб народному хозяйству России в полмиллиарда золотых рублей. Забастовки на промышленных предприятиях привели к убыткам на ту же сумму. Понижение стоимости биржевых бумаг составило как минимум миллиард рублей. «Не может быть, — заключал исследователь, — чтобы русские люди, какие бы ни были они беспочвенники и космополиты ... с легким сердцем и притом совершенно бесцельно пускали по ветру народное достояние, созданное вековыми трудами предков»¹⁶⁷. Наоборот, делал вывод ученый, планомерность и последовательность в истреблении народного достояния указывает, что за спинами освободителей стояли заинтересованные во всем этом кукловоды. Другой авторитетный ученый профессор Бирмен на основе изучения истории различных европейских революций заявлял, что во всех революционных движениях систематическим натравливанием разных общественных классов друг на друга занимались агитаторы и литераторы еврейского происхождения¹⁶⁸.

В многочисленных заметках и в крайне правой литературе в качестве доказательства инспирируемых из-за рубежа и враждебными инородцами забастовок на фабриках и заводах приводились указания на национальный состав их организаторов. В распространенной среди московских рабочих в июле 1907 г. листовке СРН утверждалось: «Вы сами понимаете, какие ужасы междоусобной войны могут породить бессмысленные властолюбивые стремления этих политических проходимцев из еврейчиков, армян и прочих защитников русского народа»; «Одни жида и про-

дажные жулики... — толкнули ткачей устроить забастовку, чтобы увеличить кадры безработных, а из последних поделат убийц и грабителей ни в чем неповинных людей, для своего кармана, чтобы можно было подольше заниматься кутежами и развратом за ваш счет, а вас подвести на виселицу. И теперь от удовольствия потирают руки и восклицают: «Вот как мы подвели русских дураков»»¹⁶⁹.

Пытаясь объяснить масштаб охватившего страну забастовочного движения, крайне правые указывали на использование социалистами соблазнительной для темных и доверчивых трудящихся риторики. Описывая тактические приемы социалистов по вовлечению трудящихся масс в противостояние с работодателями, черносотенцы отмечали: «Все эти подлые безбожные люди... под видом друзей народа, втираются на фабрики и в деревни... обманывают вас лживыми, а потому и щедрыми посулами и обещаниями и подбивают вас устраивать всякие стачки фабричные, железнодорожные, почтовые и другие, а также грабить и жечь помещичьи имения и все их добро»¹⁷⁰. Сторонники порядка предупреждали рабочих о негативных последствиях контактов с социалистами. «Ну какие вам товарищи все эти безусые и усатые студенты, подозрительные евреи, какие-то барышни и дамы, все эти ораторы, призывающие вас к братоубийственной войне, к отдельным подлым, предательским, чудовищно бессмысленным убийствам. Нет, они не товарищи вам, а ваши враги-соблазнители, те соблазнители, о которых сказано в Евангелии, что лучше бы им было, если бы они повесили себе на шею мельничный жернов и вверглись бы в пучину морскую», — говорилось в распространенной в июне 1907 г. среди рабочих листовке СРН¹⁷¹.

Крайне правые не верили в возможность реализации социалистических идей и построения общества с коллективной формой собственности на принципах социальной

справедливости. Для них социализм был очередной утопией, рожденной в масонских лабораториях, поставивших на поток производство антихристианских учений. Как и продвигаемые масонами либерально-демократические идеи, социализм был призван мобилизовать массы на разрушение традиционного российского общества и обеспечить еврейскому кагалу путь к господствующим позициям. «“Комитетчики” ловко пользуются действительно ненормальным положением рабочего класса и заманивают рабочих широкообещательными обещаниями на путь политической борьбы, чтобы в разгар кровавой расправы захватить в свои руки власть», — говорилось в изданной в июле 1907 г. листовке СРН «К рабочим»¹⁷². Черносотенцы проводили большую работу по критике и развенчанию социалистических идей посредством листковой и печатной агитации. В обращении центрального комитета предвыборного комитета правых партий к русским рабочим в сентябре 1912 г. утверждалось: «Пора понять, что весь этот социализм, борьба труда с капиталом, профессиональные организации и прочее — все это ложь, вздор и только предлог для разных проходимцев забирать власть над рабочими в свои руки и делать в государстве смуту, разоряя прежде всего самих рабочих»¹⁷³.

В качестве альтернативы социалистическим идеям предлагалось сотрудничество труда и капитала: «Поймите же: лгут все, кто проповедует борьбу труда и капитала. Между ними борьбы быть не может, ибо капитал и труд должны быть союзниками, членами одного организма, а не врагами. Без труда капитал не состоятелен и мертв, без капитала труд немыслим вовсе. В любовном союзе капитал и труд делают чудеса, во вражде гибнут оба. Но раньше гибнет труд. Экономические законы не нами выдуманы, и нарушать их безнаказанно нельзя. Раз начинается борьба между капиталом и трудом — конец один, и другого быть

не может: разорение рабочего, разорение всей промышленности, дороговизна товаров и разорение той страны, в которой вы живете. Этого ли должны мы добиваться?»¹⁷⁴. Заботу о рабочих массах черносотенцы предлагали полностью возложить на плечи государства: «Интересы рабочего должны и будут защищаться законами и правительством, а не разными проходимцами, которые вкрадываются в ваше доверие и бунтуют вас. Есть заводчики своекорыстные, желающие эксплуатировать рабочего. Единственное от них ограждение рабочего — закон. Закон должен обеспечить и рабочие часы, и безопасность рабочего, и охрану его здоровья, и хорошую квартиру, и пищу, и страхование от несчастий, и школы детям, и пенсию на старость. Закон, и никто другой, должен обеспечить полную свободу как предпринимателю, так и рабочему»¹⁷⁵.

Крайне правые утверждали, что масонский проект по продвижению социализма в массы заведомо гибелен, так как социал-демократы сами скомпрометируют себя в рабочей среде. Утверждалось, что их деятельность приводила к «братоубийственной войне», «неисчислимым материальным потерям», «толпам безработных», «удорожанию жизни» и т. д.¹⁷⁶ «Скажите, что выгадали рабочие за несчастные года смуты? Разорили промышленность, разорили сами себя, выбросили на улицу тысячи безработных, попали под расстрел, озлились, озверели, потеряли образ Божий. Кончается тем, что капитал начинает бояться идти в дело, и, в конце концов, остаются без работы и разоряются рабочие. Небольшая часть останется на повышенной плате, а большинство очутится на улице. Это ли выигрыш?», — задавали крайне правые в одной из своих листовок вопрос рабочим¹⁷⁷.

Желая показать истинные цели масонов в создании и финансировании социалистических партий, черносотенцы в качестве практического примера приводили Фран-

цию: «Взгляните на Францию. Там стоят теперь у власти самые выдающиеся социалисты. И что же? Наступил там социалистический рай или происходит нечто другое? Рай наступил там только для жидов. Жиды там и министры, и губернаторы, но прежде всего жиды там капиталисты. Половина всей земли во Франции принадлежит уже жидам-капиталистам, и все банки в их руках. Жид во Франции полный хозяин: он главный капиталист, главный политик, главный законодатель, главный администратор, главный подрядчик. Три четверти французского золота в руках жидов...»¹⁷⁸

Черносотенная пресса с удовольствием констатировала, что с окончанием первой российской революции в рабочей среде уже появляется понимание, что «путем насилия, так называемым “революционным” путем никогда не добиться того, что сулят господа социалисты» и проявляется озлобление к “господам революционерам”, которых теперь уже большая часть населения считает просто за дерзких грабителей и убийц»¹⁷⁹. Давались и советы, как поступать с агитаторами из социалистических партий: «Если вы не хотите идти в кабалу к иностранным предпринимателям и их рабочим, если вы не хотите обращаться в толпы голодных бродяг и дневных грабителей-убийц, если вы не хотите топить друг друга в своей собственной крови, вы должны решительно уклониться от ужасов политической борьбы, вы должны как один человек воскликнуть: “Долой политических пропагандистов и агитаторов”. И изгнать их»¹⁸⁰.

Как показывает вышеизложенный материал, после первой российской революции правомонархические организации нашли широкое поле для приложения своих сил по сохранению самодержавной системы властоустройства и реабилитации царского пути как условия сохранения русского народа и национально-государственного воз-

рождения страны. На пути реализации своих программных установок они противопоставили себя разновекторным по своим идейным установкам политическим силам, преследовавшим цель разрушения традиционного российского общества и построения на его обломках новых социально-политических моделей государственного устройства. К наиболее опасным врагам черносотенцы относили космополитический бюрократический аппарат, либеральные и социалистические партии. Все оппозиционные силы, согласно воззрениям крайне правых, действовали по указке масонства, разлагающему влиянию которого оказались подвержены практически все слои российского социума. Данное обстоятельство нашло свое отражение в одном из датированных маем 1906 г. черносотенных документов, в котором утверждалось: «Даже наши купцы идут в Торгово-промышленную партию вместе с евреями! Наша интеллигенция и многие аристократы и чиновники идут в Конституционно-демократическую партию и в «Союз» и «пр. и пр.»! Нельзя смотреть без душевной боли на то, что русские люди на заграничный лад жить хотят»¹⁸¹. Помимо этого крайне правые были убеждены в оказываемом внешнем влиянии на внутривнутриполитическую ситуацию в стране со стороны американских и западноевропейских финансово-промышленных групп, использовавших социалистические партии для разрушения российской экономики с последующим присвоением национальных богатств России и ее народов.

§ 2. Имперско-национальная проблематика

По мнению правомонархических идеологов, следующим за консервацией первенства РПЦ и самодержавной системы властоустройства вопросом, связанным с проблемой выживания русского народа, являлось сохранение

единой и неделимой Российской империи. Только в рамках империи русский народ, по их мнению, мог обеспечить сохранение самодержавия как условия своего существования и выполнения своей мессианской роли¹⁸². Черносотенцы рассматривали империю не только как продукт эффективного взаимодействия самодержавия и русского народа, но и как категорию духовного порядка, включавшую религиозные, самодержавно-политические и национально-психологические компоненты.

Взрыв национально-освободительных движений и появление в период первой российской революции массы самостоятельных республик на окраинах, ослабление Центра, формирование на периферии местных элит как самостоятельных политических сил ставили под вопрос само существование Российской империи¹⁸³. Проведенный черносотенными идеологами анализ показывал, что процесс изменения общественно-политической модели Российской империи мог завершиться окончательным крушением единого государства. Согласно их пессимистическим прогнозам распад многонациональной страны мог проходить по следующей схеме. Старт отделению даст Финляндия, которую, по заявлению «Русского знамени» в июле 1908 г., «...можно уже считать почти безвозвратно отпавшею от центра русского организма...»¹⁸⁴. За Финляндией последует Кавказ, где «изгонялось все русское», наблюдался высокий уровень террористической активности, направленной не только против представителей имперской администрации, но и местных жителей русского происхождения¹⁸⁵. «Смута растет на Кавказе, кровь верных ТЕБЕ людей льется от руки изменников», — информировали черносотенцы царя в октябре 1908 г.¹⁸⁶ В письме члена III Государственной Думы от фракции правых А. С. Вязигина, перехваченном в 1908 г. Департаментом полиции, звучала тревога: «...Мусульманская печать гово-

рит о необходимости отторгнуть от России Закавказье, а армянские революционеры готовят почву для “Великой Армении”¹⁸⁷. Высокая активность поляков в революционном движении давала основание утверждать, что следующей будет Польша¹⁸⁸.

После революции 1905—1907 гг. одним из направлений критики оппозиционных партий как либеральных, так и социалистических стала имперская модель национально-государственного устройства России. Централистский, иерархический, унитарный и административный характер функционирования имперской модели противоречил либеральным ценностям и рассматривался оппозицией как препятствие на пути успешной реализации планов по социальному переустройству России. Имперским властям и правомонархистам пришлось столкнуться не только с окраинным сепаратизмом, но и с попытками отделения собственно коренных русских земель. Чрезмерная оппозиционная активность депутатов от конкретных территорий в Государственной Думе была признаком сепаратистских устремлений. Наибольшую озабоченность вызывала Сибирь, куда издавна ссылался неблагонадежный «элемент», а потому большинство выступлений депутатов Госдумы от сибирских регионов «были в духе крайних революционных партий»¹⁸⁹.

Революционность воспринималась крайне правыми как источник сепаратизма, который мог быть усилен геополитическими устремлениями отдельных стран: «Монгольская хитрость и коварство вступили в союз ... с явной изменой и предательством революционных партий». «Не придется ли нам, кроме финского, польского, армянского, латышского и прочих сепаратизмов, иметь дело с еще более опасным сибирским сепаратизмом», — вопрошали они¹⁹⁰. Утверждалось, что сепаратизм российских регионов инспирировался также и «исконными врагами Рос-

сии» — финнами, поляками, евреями, заинтересованными во всемерном ослаблении внутриимперских связей.

Крайне правые понимали, что для борьбы с окраинным сепаратизмом необходима ясная и понятная массам программа действий. Работа в этом направлении началась с момента создания первых крайне правых союзов. Уже в ноябре 1905 г. в обращении Русского собрания к избирателям была обозначена позиция и высказаны общие принципы отношения черной сотни к национальному вопросу, в дальнейшем развитые и дополненные идейными разработками других правых союзов¹⁹¹. Анализ общественно-политических взглядов правомонархических организаций по имперскому вопросу показывает, что наиболее тесно их идеологические построения были связаны со взглядами русских консерваторов — охранителей¹⁹², у которых они заимствовали следующие постулаты: единство и неделимость национально-государственного устройства Российской империи; первенство русского народа как создателя государства и «собирателя земель»; первенство русского языка; строгая унитарность государственного устройства, единоначалие и твердый порядок как основа существования разноплеменного государства; необходимость борьбы с инородческим сепаратизмом и засильем; право национальных меньшинств на лимитированную политическую и экономическую свободу¹⁹³. Самодержавие выступало гарантом вышеизложенных принципов.

Показателен рост внимания черной сотни к национальному вопросу. Так, если в ноябре 1905 г. в вышеуказанном обращении Русского собрания пункт «племенные вопросы» идет восьмым, то в платформе Союза русского народа на выборах в I Государственную Думу, датируемую апрелем 1906 г., — третьим. В наиболее полном и завершенном виде принципы черной сотни по национальному вопросу были представлены Союзом рус-

ского народа. Состоявшийся в октябре 1906 г. в Киеве III Всероссийский съезд русских людей признал программу СРН наиболее целесообразной для всех монархических организаций и рекомендовал всем единомышленным организациям ознакомиться с ней и присоединиться¹⁹⁴. Таким образом, и в части, касающейся национального вопроса, предложенные СРН идеи были признаны наиболее отвечающими мировоззренческим установкам крайне правых.

Идеи о единстве и неделимости национально-государственного устройства Российской империи, рассматривавшиеся как безусловная политическая ценность, декларировались всеми черносотенными организациями. Целостность империи трактовалась ими как не требующая дополнительных доказательств аксиома выживания самодержавного государства и русского народа, о чем свидетельствует отсутствие в архивных фондах документов, связанных с разработкой данной проблематики. Данная формула занимала первостепенное место в пунктах их программ и оставалась неизменной на протяжении всего периода существования правомонархических организаций.

Перечислим наиболее важные из них. «Созданное русским народом Русское государство не может быть ни под каким видом делимо и разделяемо на разные автономные области, а должно сохранять все земли, ему принадлежащие в настоящее время, в полной неприкосновенности», — заявлялось в программе Союза русских рабочих людей¹⁹⁵; «Все же попытки к расчленению России под каким бы то ни было видом не должны быть допускаемы. Россия едина и неделима», — утверждалось в обращении Главной палаты Союза Михаила Архангела от 1 марта 1908 г.¹⁹⁶; «Союз русского народа твердо объявляет и всенародно исповедует неделимость Российской империи

в ее теперешних границах и постановляет своим священным непреложным долгом всеми силами содействовать тому, чтобы завоеванные кровью предков земли навсегда оставались неотъемлемой частью Русского государства и чтобы все попытки к расчленению России, под каким бы то ни было видом, решительно и безусловно были устраняемы», — говорилось в избирательной программе, принятой в сентябре 1906 г. I Всероссийским съездом уполномоченных отделов СРН¹⁹⁷; «Мы будем стремиться к тому, чтобы великая Россия оставалась всегда единою и нераздельною. Мы будем стремиться к недопущению государственного обособления (автономии) окраин: Финляндии, Польши и др.», — заявлялось в совместном обращении Русского собрания, СРН и Партии правового порядка в начале 1907 г.¹⁹⁸

Неизменно в программных документах присутствовали пункты по конкретной национальной проблематике (польской, финской, армянской и др.). Возбуждение каждого из вышеперечисленных вопросов зависело от политической ситуации в стране или за рубежом и шло в тесной привязке к конкретному событию. Польская проблема поднималась в связи с Холмским вопросом, обсуждением статуса католической церкви или расширением полномочий органов местного самоуправления в Западных губерниях, финская — в связи с заявлявшимися в Государственной Думе депутатами от Финляндии требованиями о предоставлении этой окраине еще большей самостоятельности, немецкий вопрос встал на повестку дня с началом I Мировой войны. Порожденный первой русской революцией еврейский вопрос никогда не выпадал из поля зрения черносотенных идеологов, выделялся в их программах отдельным пунктом и сохранял актуальность вплоть до краха правомонархического движения.

Серьезное влияние на активность черносотенцев по тем или иным аспектам национальной проблематики

оказывала Государственная Дума. Пользуясь выпавшим историческим шансом, представители национальных меньшинств сделали попытку проташить выгодные им законы о федерализации и автономизации страны, что угрожало единству и неделимости империи. «... народности, русским оружием покоренные (обитатели Кавказа (армяне), Польши и др.)... не желают, как показал уже опыт Государственных Дум... проникнуться чувством Русской государственности и шлют своих представителей в Думу не в целях созидательного труда на пользу общего Отечества России, а в целях ослабления таковой как единого государственного целого...», — давал оценку деятельности инородческим депутатам Союз Михаила Архангела¹⁹⁹. Дума стала ареной яростной борьбы по продвижению инородцами выгодных им законопроектов об автономном статусе их территорий с опорой на думскую оппозицию. В частности, оценивая альянс польского кола с кадетами по Холмскому вопросу, председатель Астраханской народно-монархической партии Н. Н. Тиханович-Савицкий заявлял: «Русскому народу ...не нужны в качестве законодателей люди... отдающие 18 млн русских в Западном крае во власть ничтожной горсточки пришельцев-поляков»²⁰⁰.

Кроме того, сам факт представительства в Думе придавал инородцам решимость более смело отстаивать собственные национальные интересы, что нередко вело к ущемлению положения русского населения на национальных окраинах. В частности, в Западном крае «...с приведением состряпанного графом Витте закона 17 октября 1905 г. в действие католики стали угнетать православных, относиться к ним с глумлением и при каждом удобном случае издеваться над православием»²⁰¹. Черносотенцев бросала в холодный пот перспектива возможного принятия Думой закона о еврейском равноправии и отмене

черты оседлости, что казалось им возможным, исходя из их убеждения о подчиненности еврейскому кагалу инородческого представительства в Думе вкупе с обладавшими депутатскими мандатами «русскими изменниками». Деструктивная активность депутатов от национальных окраин, пользовавшихся поддержкой оппозиционного думского большинства, позволила черносотенцам окрестить представительный орган государства «еврейско-польско-литовско-эстонско-латышско-армяно-грузино-татарской революционной думой»²⁰².

Свое развитие позиция черной сотни по проблематике конкретных народов получила на следующих съездах правомонархических организаций. I Всероссийский съезд Русского собрания, состоявшийся в Петербурге 8—12 февраля 1906 г., развил и детализировал принципиальные положения по еврейскому, финскому и польскому (в том числе по Холмской проблеме) вопросам²⁰³; II Всероссийский съезд Русских людей, состоявшийся в апреле 1906 г., дополнил подходы по еврейскому, финскому, немецкому и кавказскому вопросам, сформулировал позицию крайне правых по выборам инородцев в Думу и участию в государственном управлении, мерам правовой дискриминации, русской колонизации окраин. Состоявшийся в апреле—мае 1907 г. IV Всероссийский съезд Объединенного русского народа в Москве²⁰⁴ в отдельных постановлениях по «окраинному вопросу» впервые детально разработал меры воздействия на инородцев (например, наложение штрафов за неповиновение властям), определил направления политики и стратегические цели в отношении национальных меньшинств, предложил организационные мероприятия как, например, создание Всероссийского национального фонда. Монархический съезд в Москве в 1909 г. внес предложения по изменению проекта вероисповедательного закона, мерам спасения русского на-

рода посредством возрождения средней и высшей школы, борьбе с пьянством, переселенческому вопросу (русских на окраины), противодействием инородческому засилью. Особое внимание было уделено проблеме местного самоуправления в Западных губерниях, выработаны мероприятия по нейтрализации полонизма и католической экспансии²⁰⁵. Состоявшийся в ноябре—декабре 1911 г. Всероссийский съезд СРН и примыкающих к нему монархических организаций в отдельном постановлении «Об инородцах и жидах» предложил дискриминационные меры по борьбе с еврейским засильем в части, касающейся запрета на профессии, а также рассмотрел вопросы духовного и физического спасения русского народа посредством усиления роли РПЦ, организации патриотических школ, борьбы с пьянством. О снижении интереса черной сотни к инородческой проблематике накануне мировой войны свидетельствовало отсутствие постановлений по данному вопросу VI Всероссийского съезда русских людей, состоявшегося в феврале 1913 г.

Декларировавшиеся подходы черносотенцев к национальному аспекту «инородческого вопроса» являлись производной их отношения к проблемам сохранения единства и неделимости Российской империи и первенствующего статуса русской нации. По мнению некоторых исследователей, из-за слабости представленной в программах крайне правых социальной проблематики национальный вопрос должен был затенить этот бросающийся в глаза недостаток²⁰⁶. По нашему мнению, специфика черносотенного подхода состояла в том, что социальные вопросы рассматривались через призму национальных, а разработка национального вопроса шла не за счет, а в тесной связи с социальной проблематикой. Из всех политических партий дореволюционной России только у черносотенцев программа по национальному вопросу была представлена

чрезвычайно подробно, затрагивая все сферы жизни общества. Таким образом, постепенно национальный вопрос занимал первостепенное место в их основополагающих и программных документах, материалах периодической печати, листковой и прочей агитационной литературе.

Новый импульс внимания к инородческой проблематике, в первую очередь немецкому, украинскому, финскому и еврейскому вопросам, придала начавшаяся мировая война, вызвавшая активизацию сепаратистов всех мастей, вынашивавших планы создания собственных государств после поражения России. Состоявшееся в Петрограде в ноябре 1915 г. совещание представителей правых партий и организаций, помимо принятия внушительного блока постановлений по вопросам ограничения прав немецкого и еврейского населения, громко заявило об опасности украинского сепаратизма (т. н. «мазепинства»), охарактеризовав его как наиболее опасный вид сепаратизма²⁰⁷. Совещание уполномоченных правых организаций и правых деятелей в ноябре 1915 г. в Нижнем Новгороде также признавало т. н. «укаинофильство» явлением крайне угрожающим, имеющим целью расчленение Руси и создание несуществующей «украинской» народности. Поведение «украинцев» в Галиции при отступлении русских войск приводилось в качестве примера их яркой ненависти к России и русскому народу²⁰⁸.

Совещание представителей правых организаций и правых деятелей в Нижнем Новгороде в ноябре 1915 г. помимо уже известных деклараций по борьбе с немецким и еврейским засильем основное усилие сконцентрировало на критике ревизионизма председателя Отечественного союза В. Г. Орлова, выступившего за коренной пересмотр основополагающих положений черной сотни по инородческой проблематике в сторону признания равноправия национальных меньшинств²⁰⁹. Помимо этого анализ ино-

родческого вопроса и меры его решения разрабатывались в ряде отдельных документов черной сотни. В частности, в подготовленной в сентябре 1911 г. докладной записке правых партий на имя премьер-министра В. Н. Коковцова отражалась оценка ситуации по еврейскому, финляндскому, польскому вопросам, а также предлагались рекомендации по обустройству межнациональных отношений в империи²¹⁰.

Следует отметить, что изначальный посыл черной сотни при подходе к национальной проблематике состоял в том, что населявшие Россию народы (кроме евреев) не рассматривались перманентными врагами империи и русского народа. На страницах «Русского знамени» председатель СРН А. И. Дубровин заявлял: «Наша тысячелетняя история красноречиво свидетельствует, что мы никогда не смотрели и не смотрим на другие племена как на вечных своих врагов и соперников»²¹¹. Тем не менее, задачи защиты национальной традиции и сохранения империи определили принцип дифференцированного подхода к инородческой проблематике, посредством деления национальных меньшинств на дружественные и враждебные²¹². В контексте правомонархической доктрины дружественность или враждебность национальных меньшинств определялись не этническим происхождением, а их отношением к властям, делу общегосударственного строительства, единству и неделимости империи и революционному движению.

Сохранявшее лояльность устоям традиционного общества мусульманское население Поволжья, Сибири, Средней Азии и ряд других были отнесены к разряду дружественных²¹³. В категорию враждебных попали «финляндцы, поляки, латыши, армяне... а также обитатели Кавказа»²¹⁴, создававшие, по мнению правомонархистов, угрозу христианской и национальной традиции посред-

ством участия в революционном и национально-освободительном (или сепаратистском, как это понимали черносотенцы) движении, подрыве первенства русского народа, проявившихся в формах засилья и закабаления²¹⁵. В концентрированном виде претензии к враждебным инородцам были сформулированы в утвержденной в апреле 1907 г. программе Союза русских рабочих людей²¹⁶. Борьба национальных меньшинств за равноправие рассматривалась как покушение на «законные права русских людей» и попытка оттеснить русский народ от подходящего ему места народа-хозяина²¹⁷.

Анализ документов и материалов периодической печати показывает, что правомонархисты в качестве приоритетных выделяли четыре вопроса, требовавших немедленного разрешения: еврейский, польский, финский и кавказский. В частности, давая характеристику этим народам, Русское знамя писало: «Жида и инородцы, особенно поляки и армяне, — заклятые враги русского православного царя и Русской православной церкви»²¹⁸. Каждая из этих проблем имела свою специфику, но объединяло, по мнению черносотенцев, их одно: нанесение враждебными инородцами ущерба государственным интересам Российской империи, что проявлялось в следующих формах.

1. Участие в революционном движении. «В эти проклятые черные дни восстали все племена, покоренные Россией, соединились с тайными изменниками и предателями и закричали: “...Подорвем все, чем сильна была Россия”, т. е. самодержавие, православие, народность... и тогда великая империя развалится», — писала в ноябре 1907 г. черносотенная пресса²¹⁹. Подобная оценка давалась во всеподданнейшем адресе Русской монархической партии, принятой общим собранием 8 августа 1906 г., в котором рисовалась следующая картина: «Насилия, грабежи и убийства широко разлились по лицу Русской земли и грозят залить ее.

Польша находится в огне революции, Закавказье все объ-
ято пламенем, юг и запад едва сдерживаются от расправы
с евреями...»²²⁰. Обвинение национальных меньшинств в
поддержке революции основывалось на подрывной дея-
тельности конкретных организаций, принимавших участие
в ее разжигании: «Армянский революционный комитет
хозяйничает как хочет на Кавказе. Еврейский Бунд терзает
Одессу...»²²¹. Печатный орган СРН газета «Русское знамя»
давала такую оценку революции: «Три страшно мучитель-
ных года пережила наша исстрадавшаяся вконец дорогая
Родина, по сердцу ее проложена нашими исконными вра-
гами — евреями и прочими инородцами широкая кровавая
полоса»²²².

Формирование окончательно негативного отношения
черносотенцев к конкретным народам в решающей мере
относилось к периоду 1905—1907 гг. Это относилось и к
полякам, которые в очередной раз революционными вы-
ступлениями продемонстрировали свою нелояльность
России. В августе 1907 г. академик А. И. Соболевский,
выступая перед общим собранием Союза русских людей,
заявлял: «Польша готовится теперь настоящий бунт.
Даже из Белоруссии приходят вести, что поляки деятельно
готовятся к восстанию; там польская молодежь обучается
стрельбе, вооружается и проходит цикл военных упраж-
нений. В Юго-Западном крае также будируют поляки»²²³.
Революционность поляков проявлялась в забастовочном
движении, терроре против представителей органов вла-
сти, правоохранительных структур, военнослужащих.
В сентябре 1906 г. в своем обращении к населению Рус-
ское собрание констатировало: «...2-го августа в Варша-
ве, Плоцке, Лодзи и других городах Польши, по сигналу
трубой, одновременно истреблялись русские солдаты и
чины полиции, пострадали сотни частных лиц, осироте-
ли сотни семей, покушались на жизнь генерала Скалона,

ужасно убили генералов Марграфского, Вонлярлярского, Блока и других»²²⁴. По мнению газеты «Русское знамя», польский мятежный дух также проявился в поддержке любых антигосударственных сил: кадетов — за обещание конституции и отделение Польши от России; социал-демократов — за обещание изъять земельную и фабричную собственность русских владельцев и отдать «польской голытьбе», евреям — за якобы организацию ими революции и попытку свержения монархии²²⁵.

Особую озабоченность черносотенцев вызывала Финляндия, которая, благодаря своему автономному статусу, в период революции стала местом укрытия революционеров, в т. ч. и террористов, встречавших сочувственное отношение властей Великого княжества. Черносотенцы с фактами на руках доказывали, что Финляндия стала оплотом и рассадником революции, инспирируемой под воздействием геополитических противников России, в частности Швеции. Причину антироссийских настроений окраины черносотенцы находили в высших кругах финского общества (т. н. «шведоманском кагале»), традиционно связанном крепкими узами со шведскими интересами. Об этом свидетельствовала реакция финской элиты на политику премьер-министра П. А. Столыпина по теснейшему сплочению окраины с империей: «...газетная кампания в духе обособления, протесты сеймовые и митинговые, пассивное сопротивление финляндского чиновничества, возбуждаются не народными стремлениями, а беззастенчивой агитацией шведоманского “кагала”, в нескрываемой надежде добиться, как в 1905 г., полного отступления государственной власти под давлением внешних осложнений и внутренних смут»²²⁶.

В желании вернуться под шведский патронат финские верхи провоцировали революционные выступления в самой России. «Шведоманский “кагал”, стал “центральной

осью”, вокруг которой сплотились русские инородческие революционные организации, “кагал” вел в этой роли свою преступную работу в течение всего смутного периода 1905—1907 гг., а судя по новейшим разоблачениям печати русской и заграничной, сохраняет свое руководящее центральное положение и при нынешней попытке возобновления революционного террора, уже выразившейся убийством П. А. Столыпина», — говорилось в докладной записке Правых партий на имя премьер-министра В. Н. Коковцова²²⁷.

2. *Участие в сепаратистском движении.* Опыт революции показал, что инородцы представляли огромную ненадежную массу, которая, пользуясь ослаблением центральной власти, проявляет стремление к всемерному обособлению²²⁸. Наиболее остро проблема сепаратизма рассматривалась черносотенцами в контексте финского вопроса. В период революции черносотенцы остро не поднимали финскую проблему, не желая лишней раз раздражать население этой окраины. В частности, состоявшийся в апреле 1906 г. в Москве II Всероссийский съезд русских людей делал мирные заявления: «Указанное местное хозяйственное и общественно-сословное самоуправление Финляндии, в той форме, в какой оно сложилось к настоящему времени, не противоречит русским государственным интересам на этой окраине, а потому не должно вызывать какого-либо вмешательства со стороны общегосударственных властей»²²⁹.

Серьезным поводом обратить внимание на Финляндию стало заключение в 1907 г. между русским правительством и финскими властями соглашения о взаимной выдаче преступников, которое давало возможность «революционным финнам» расправиться с любым патриотически настроенным русским. Независимость финского суда бросала черносотенцев в холодный пот: по запросу фин-

ской стороны любой подданный империи мог быть препровожден в Финляндию для суда и последующего наказания. Это представляло угрозу для личной безопасности наиболее ярых противников финского автономизма в случае фабрикации уголовного дела. Согласно рисовавшимся крайне правым мрачным картинам «любого... могут обвинить в самом ужасном преступлении», совершенном «будто бы на финляндской территории» (хотя бы вы никогда там и не бывали), «арестовать, отправить под конвоем в Финляндию, судить в финляндском суде по финляндским законам, приговорить и предать смертной казни!»²³⁰.

Катализатором роста ненависти к Финляндии стало рассмотрение приобретшего общероссийский резонанс дела об убийстве депутата Государственной Думы М. Я. Герценштейна в финляндском суде, на котором была озвучена версия о причастности к нему членов крайне правых союзов. В январе 1907 г. Главный совет СРН просил царя «передать дело русских людей, обвиняемых в участии в убийстве Герценштейна, русскому суду, дабы не осталось сомнения, что дело это будет рассмотрено беспристрастно и справедливо...»²³¹. Данная просьба к царю была повторена в августе 1909 г. на общем собрании московских монархистов. В ней говорилось, чтобы «русские люди в пределах Отечества судились русским судом, а не направлялись в Финляндию»²³².

Особенность финской проблематики состояла в использовании сепаратистскими силами законодательно закрепленного и признанного имперскими властями автономного статуса окраины. Наличие в Финляндии собственного денежного обращения (финская марка), администрации, суда, правовой системы, государственного языка (финский), узаконенного неравноправия русских делало положение этой окраины уникальным в составе империи. Социальная и правовая несправедливость фин-

ландского автономизма проявлялась в том, что, пользуясь правами русских граждан повсеместно в России, финны поставили «русских завоевателей» на своей территории в бесправное положение. Отсутствие на окраине русской цензуры приводило к массовым оскорблениям в финской печати членов царской фамилии и беспардонной критике политики Петербурга²³³. В частности, председатель финского сейма Свинхувуд требовал с парламентской кафедры предания русского царя местному суду. Существование потенциально мятежной провинции рядом со столицей империи угрожало и обороноспособности страны в случае «вооруженного с финляндским населением столкновения»²³⁴.

Проблема недопустимости сохранения автономного статуса Финляндии обосновывалась, с одной стороны, соображениями военной безопасности и возможной постановкой новых претензий, в частности, присоединение к ней частей Эстляндской, Петербургской и Олонешкой губерний. С другой стороны, удовлетворение требований финской элиты по расширению границ автономии могло вызвать цепную реакцию со стороны других инородческих окраин. Известная самостоятельность Финляндии, ставшая маяком для остальных окраин и источником непрекращающихся требований предоставления таковой же, подрывало внутреннюю стабильность государства. «...малейшая уступка правительства финляндским притязаниям в смысле остановки или отступления с пути политики государственного сплочения ...привела бы к последствиям... еще горшим вследствие соблазнительного примера для других инородческих сепаратизмов», — предупреждали представители правых партий премьер-министра В. Н. Коковцова в 1911 г.²³⁵

Крайне правые не скрывали, что автономный статус Финляндии повышал уровень претензий со стороны

польской элиты. Не сумев получить самостоятельность в результате мятежей, Польша избрала путь постепенного обособления, но с сохранением возможности эксплуатации России. В случае реализации польских требований Царство Польское оказалось бы в привилегированном положении, так как Россия вынуждена была за свой счет обеспечивать ее безопасность от внешних врагов и служить источником доходов для панов²³⁶. Черносотенцы прогнозировали, что предоставление автономии не принесет в империю успокоения, а лишь разожжет аппетиты поляков, которые предъявят новые территориальные претензии по полному «отбудованию Крулевства» с присовокуплением к нему всей западной части России со Смоленском, Киевом и Одессой.

Постоянное будирование проблемы польской автономии повышало и без того высокий градус политической температуры в обществе. Негативное отношение к ней черной сотни усиливалось в связи с сочувственным отношением к притязаниям поляков кадетов и других врагов самодержавной системы, разыгрывавших польскую карту для раскачивания государственного корабля. Демонстративно вызывающее поведение в Думе депутатов польского кола, показывавших свою абстрагированность от России, вносило неразбериху в работу русского парламента. «Наконец, приступили думцы к решению земельного вопроса. ...А поляки тут же заявляют: “Вы, русские, как хотите, так себе и делите землю а до нас не мешайтесь, вы нам дайте только автономию”... А русские им отвечают: “Если вы не хотите, чтобы мы по-своему вам поделили землю, то мы вам не дадим и автономии”... Ну, словом, поднялось в Думе столпотворение вавилонское, полная неразбериха...», — говорилось в обращении Русского собрания²³⁷. Под предлогом стабилизации ситуации в обществе состоявшийся в 1906 г. в Киеве II Всероссийский съезд русских

людей решительно высказался против автономии Польши, как и вообще против автономии какой бы то ни было из числа инородческих окраин России²³⁸.

Подход идеологов крайне правых при оценке ситуации на Кавказе характеризовался признанием приоритета проблемы армянского сепаратизма. Их пугали армянские притязания на создание автономии с включением в нее ряда русских областей²³⁹. Очагом сопротивления имперским властям выступал расположенный в Эчмиадзине руководящий орган Армяно-григорианской церкви, являвшийся неофициальным центром всей духовной, национальной и политической жизни армянского народа. Ставя целью создание автономии Армении, Эчмиадзин тайно поддерживал сепаратистское движение, идеологическими очагами которого стали армянские приходские общины. Роль исполнительного органа по реализации сепаратистских планов выполняла партия «Дашнакцутюн»²⁴⁰.

3. *Подрыв первенства РПЦ и русского народа.* Наибольшую проблему с точки зрения подрыва первенства РПЦ и узурпации принадлежавшего русскому народу права привития инородцам базовых ценностей русской цивилизации представляли поляки, которых подозревали в желании воссоздания Польши «от моря до моря» посредством постепенного отделения от империи Литвы, Белоруссии и значительной части Украины с Киевом. Идейной основой польского экспансионизма являлась «ягеллонова» концепция польской государственности, которая в условиях зависимого от восточного соседа положения трансформировалась в католический прозелитизм на территории западно-русских губерний и культурно-бытовое ополячивание белорусских и украинских крестьян²⁴¹. Отчитываясь на состоявшемся в августе 1909 г. в Москве собрании монархистов о результатах поездки в Вильно, о. Макарий давал такую оценку: «Право-

славное население сдавлено польскими тисками и должно отречься от своей веры»²⁴².

Притязания поляков, пытавшихся распространить свое влияние и на коренные русские земли, буквально приводили черносотенцев в ярость. «Если где-либо в Твери или Вологде найдется хотя десять поляков, то русский народ обязан будет устроить им польскую школу, костел, содержать для них судью поляка, если они того потребуют, и предоставить им даже собственное самоуправление и средства для того, если они найдут это для себя нужным», — возмущалось в июне 1907 г. «Русское знамя»²⁴³. Требования поляков по предоставлению привилегированного положения в имперской системе, автономии, самоуправления, собственного национального судопроизводства, права открывать повсеместно в империи костелы и польские школы черносотенцы комментировали так: «...не у каждого сумасшедшего может разыграться фантазия до таких размеров; ведь это прямое желание превратить Россию в крепостную вотчину Польши»²⁴⁴.

Остро проблема деструктивной сущности польского экспансионизма встала во время обсуждения Холмского вопроса. В 1911 г. в докладной записке ряда правых партий на имя премьер-министра В. Н. Коковцова черносотенцы информировали: «... «ягеллоновская» идея и ненависть ко всему русскому за последнее время среди поляков нисколько не ослабели. Необходимость оградить от окончательного ополячения русскую Холмшину чувствуется все острее и острее по мере того, как неотложное дело это подвергается все новым и новым проволочкам»²⁴⁵. На заседании состоявшегося в сентябре—октябре 1909 г. в Москве Монархического съезда черносотенцы требовали не допустить решения Холмского вопроса в пользу поляков, указывая на имевшие место нападки на православных: «А положение было и продолжает быть крайне натянутым.

Духовенство многократно подвергалось грубым оскорблениям, в суде прошел ряд оскорблений... Скоро предстоит крупное судебное дело о панах, которые, охотясь за лисицей, взломали замки у церкви, подняли половицу и затравили лисицу, осквернив церковь кровью лисицы и прострелив образ Божией Матери. Это вопиющее дело получило направление довольно своеобразное — охота в чужом владении без дозволения»²⁴⁶.

Впрочем, черносотенцы питали себя надеждой, что ополячивание не даст серьезных результатов, так как «Польша не переделала этих губерний в течение четырехвекового над ними господства»²⁴⁷. В июле 1908 г. газета «Русское знамя» отмечала, что православный народ трудно сбить с самобытного пути, так как нация перенимает только то, что «соответствует ее духовному складу и чем резче этот склад выразился, тем скорее она перенимает соответствующее ее духовным потребностям и почти совершенно не перенимает чуждой ей по духу цивилизации. Россия в несколько лет переняла религию из Греции, которая соответствовала ее духовным потребностям. Но от католичества и других западноевропейских сект Россия всегда отворачивалась»²⁴⁸.

Не меньшую озабоченность правомонархистов вызвал армянский и финский экспансионизм. Крайне правых беспокоила активность армянских просветительных обществ, «покрывших наряду с “церковными” школами, густою, непроницаемой сетью “народных” школ весь Кавказ», ведших зловедную с русской государственной точки зрения деятельность²⁴⁹. Отсутствие контроля властей за деятельностью просветительских обществ превращало их в инкубаторы по выращиванию сепаратистов.

Черносотенцев третиговала деятельность созданного при участии финских националистов Союза беломорских карел, посредством которого осуществлялось навязыва-

нии карелам лютеранства, создание финских школ, библиотек, распространение литературы на финском языке, формирование профински ориентированной прослойки молодежи, что дало возможность финнам «свободно хозяйничать в беломорской Карелии»²⁵⁰. Крайне правые подчеркивали, что деятельность финского Союза беломорских карел угрожала «отогнуть от Святой Руси» национальные меньшинства, за влияние на которые развернулась настоящая борьба. Главным инструментом здесь выступала религия. Крайне правые отмечали, что Карелия стала теперь для «лютеранских проповедников “обетованной землей”, завоевать которую они всячески стараются»²⁵¹. Фактором, способствовавшим такому положению, являлась пассивность Русской православной церкви, пастыри которой не знали карельского языка и не проявляли должной ретивости в проведении миссионерской работы. Сказывалось и недостаточное финансирование из Центра для создания школ, церквей и распространения бесплатной литературы.

Предложения части национальных элит и оппозиционных политических партий по федерализации и автономизации Российской империи как единственного способа сохранения многонационального государства формировали жесткость подходов черносотенцев к национальному вопросу. По мнению крайне правых, в условиях враждебности национальных меньшинств (армяне, поляки, финны, евреи и т. д.) предоставление автономии окраинам будет использовано в сепаратистских целях²⁵². Предупреждая об опасности распада России на удельные княжества, в октябре 1907 г. «Русское знамя» прямо заявляло: «Автономия — это прямой путь к независимости окраин»²⁵³.

Угроза такого развития событий была весьма высока, так как часть инородцев, согласно листковой литерату-

ре и материалам периодической печати крайне правых, проводила «разрушительную, антигосударственную деятельность» и исповедовала «непримиримую ненависть ко всему русскому», что «слишком наглядно выразилось особенно за время настоящего революционного движения»²⁵⁴. В программных документах идеологи черной сотни указывали, что населявшие империю народы еще не доросли до требований предоставления им уступок. Революция являлась показателем социальной незрелости народов, поэтому обсуждение данной проблематики предлагалось отложить до полного успокоения страны. Всероссийский съезд Русского собрания в феврале 1906 г. заявлял, что «считает необходимым оставить в силе исключительные законы впредь до полного повсеместного восстановления порядка, при котором только и может быть обеспечена истинная свобода»²⁵⁵.

Противодействуя инициативам оппозиционных партий и национальных элит по федерализации и автономизации Российской империи, а также введения равноправия всех населяющих ее народов, идеологи правомонархистов доказывали, что предоставление уступок только разогреет аппетиты нацменьшинств, за которыми последуют все новые и новые требования. Отмечалась характерная тенденция, что любые, даже незначительные, послабления одним инородцам вызывают поток требований со стороны других. Так, предоставленная Финляндии при Александре I самостоятельность в делах самоуправления стала причиной требования автономии со стороны поляков. Газета «Русское знамя» писала: «...за финляндцами поспешили потребовать автономии поляки, за ними потянулись прибалтийские немцы... Одновременно всполошились латыши и тоже сочинили в пику немцам свою собственную автономию. Литовцы тоже заявили желание отмежеваться от России и Польши. Даже между украинца-

ми находятся малоумные сбитые с толку лица, требующие тоже автономии, о Кавказе, Туркестане и говорить нечего, если находятся сумасшедшие, требующие автономии для Сибири, после чего остается только выразить таковое желание всем прежде бывшим удельным княжествам с новгородской республикой во главе»²⁵⁶.

Негативное отношение к автономии базировалось у крайне правых на негативном опыте ее предоставления в прошлом. Либеральная политика в отношении инородцев приводила к непредвиденным последствиям. «При недавно еще действующей, но совершенно противоположной политике, мы уже видим ее пагубные результаты в почти полном отделении Финляндии, которая в благодарность за дарованную ей самостоятельность усилила до высших размеров всегда таившуюся коварную для России ненависть», — писала черносотенная пресса²⁵⁷.

Заигрывания с инородцами вместо ожидаемой благодарности встречались с дальнейшими попыткам ослабить патронаж Петербурга, а также мятежам и восстаниям. Например, при симпатизировавшем Польше Александре I поляки получили автономию и широкие права самоуправления, в частности собственное войско и правовую систему, практически не ощущая на себе давление восточного соседа. Это не стало гарантией от измены, выразившейся в восстании 1830 г.: «... гуманность русских государей послужила для них лишь только средством для более успешной измены, и они передались тотчас во власть врагу России»²⁵⁸. Лишив Польшу самоуправления и войска, русское правительство не отказалось от намерения привлечь поляков в лоно русской государственности, открыв им широкий доступ в войска и на гражданскую службу. И эта попытка оказалась неудачной. Восстание 1863 г. похоронило последние надежды сделать из родственного славянского племени сводного брата русского народа²⁵⁹.

Наряду с недопустимостью удовлетворения требований инородцев об автономии соседствовала убежденность в неприемлемости предоставления им и национально-культурного самоуправления, под которым в начале XX в. понималось сознательное обособление, выделение народности в национальную группу согласно отличительным особенностям «быта, миросозерцания, религии, воззрений на государственный и общественный строй, язык, даже темперамент и степень трудоспособности и энергии», а также «науки, искусства, литературы, техники, промышленности, торговли, ремесел...»²⁶⁰. Крайне правые предупреждали, что размытость сути и неопределенность границ данного понятия может представлять соблазн для сепаратистов. Реализация плана отделения рисовалась следующей: начавшись с создания безобидных благотворительных, гимнастических и просветительских союзов, обособление постепенно проникнет в официальные и общественные учреждения (городские и земские самоуправления), где завоюет почву для реализации национальной и территориальной автономии с собственным законодательным органом. Далее последует расширение прав автономии вплоть до создания собственного государства.

Для доказательства возможности такого развития событий приводился пример европейских государств: «Венгрия когда-то была вполне подчинена Австрии, а ныне она связана с нею лишь унией...»; «Норвегия прежде составляла одно целое со Швецией. С недавнего же времени, отделившись от нее, образовала вполне самостоятельное королевство». Черносотенцы предлагали обратиться и к собственной истории. Финляндия «по присоединении к России... имела весьма немногие привилегии в национальном отношении. С течением же времени, развивая все более и более право на свое “национально-культурное самоопределение”, она достигла столь широких авто-

номных прав, что ныне стала уже требовать собственную, финляндскую, государственность, связанную с Российской державой лишь добровольной унией»²⁶¹.

Таким образом, черносотенцы оказывались перед дилеммой: «Выходит, с одной стороны, никак нельзя признавать за инородцами безграничных прав в отношении “национально-культурного самоопределения”, а с другой — и ограничение этих прав кроме огромнейшего зла ничего другого не принесет. Благоразумной середины тоже нет, ибо она есть не что другое, как та или иная степень ограничения в указанном отношении»²⁶². Находился простой выход в сохранении статус-кво, а именно: не давать инородцам никаких законодательством установленных прав национального самоопределения за исключением сохранения национальной идентичности в «домашнем и строго частном быту», чтобы «немец оставался немцем, поляк поляком, армянин армянином и т. д.»²⁶³. Вопросы государственного строительства, земских, городских самоуправлений и прочих общественных учреждений, суда и школ должны находиться только в руках русского государства. По мнению крайне правых идеологов, для большинства инородцев вопрос об национально-культурном самоопределении вообще не стоял, так как они не обладали собственной культурой. Например, указывая на серьезное проникновение польского языка в литовскую литературу, черносотенцы удивлялись: «Разве это культура? Это просто какое-то пассивное и бессознательное самооплачивание»²⁶⁴.

Черносотенцы исходили из убеждения, что только в рамках единой империи гарантированы внутренний национальный мир и внешняя безопасность. В апреле 1907 г. «Русское знамя» перечисляло выгоды, полученные инородцами от вхождения в единое государство: прекращения межплеменные войны, установлены законность

и строгий порядок, пресечено своеволие национальных элит, окраины постепенно приобрели благоустроенный вид, росло материальное благосостояние населения²⁶⁵. На примере Польши черносотенная пресса показывала, что благодаря экономической политике русского правительства в Польше крестьяне получили земельные наделы, а польская промышленность — защиту от иностранных конкурентов, что дало заработок сотням тысяч промышленникам-полякам и полякам-рабочим²⁶⁶.

В рамках Российской империи слабые народы сохранили национальную идентичность и обеспечили перспективы своего выживания. В частности, с учетом убежденности правомонархистов в исторической неизбежности потери Польшей самостоятельности утверждалось, что родственному племени повезло оказаться под крылом братского славянского народа, а не немецких соседей (Австро-Венгрии и Германии) и тем спастись от полного онемечивания²⁶⁷. Черносотенная пресса неоднократно указывала польским сепаратистам, что залогом нормального развития Польши является сильная Россия, будучи преградой от германской волны²⁶⁸.

Российская империя спасла и грузинский народ. В июле 1907 г. газета «Русское знамя» писала: «Надо подивиться хитрости революционеров, сумевших одурманить хотя бы грузин настолько, чтобы заставить их забыть прошлое своей несчастной родины, бывшей лакомой добычей для всех разбойников, заставить забыть Грузию, что только заступничество России сохранило ее жителей от поголовного истребления...»²⁶⁹. От турецкого геноцида были защищены и армяне: «Для благополучия Армении Россия необходима: защита извне... — вот в каком отношении нужна Россия Армении, и только в такой роли признают Россию армяне»²⁷⁰. Национальные меньшинства призыва-

лись «за честь и благо принадлежать к составу Российской империи и не тяготиться своей зависимостью»²⁷¹.

В целом крайне правые на страницах своих документов и периодической печати доказывали, что пребывание инородцев в составе империи приносит серьезные экономические блага и выгоды, а именно: безопасность, экономическое процветание, доступ к материальным и культурным ценностям других народов, прежде всего русского. Критикуя сепаратизм, федерализм и автономизм, состоявшийся в апреле—мае 1907 г. в Москве IV Всероссийский съезд объединенного русского народа заявлял: «Окраины должны быть приведены к убеждению, что... теснейшее их единение с коренною Россией, служащее залогом ее безопасности, благосостояния и развития, еще более необходимо для блага и мирного преуспевания самих инородцев»²⁷². Черносотенцы указывали, что твердая русификаторская политика Александра III, направленная на большее единение Финляндии с Россией, привела к расцвету окраины: «...объединительная политика отнюдь не отразилась неблагоприятным образом ни на культурном и экономическом развитии края, ни чувствах к России его населения, если не считать слабой численно, но влиятельной кучки шведоманской олигархии»²⁷³.

Наоборот, следствием ослабления контроля Центра являлся рост противоправных проявлений, нарушение нормального хода экономической жизни, что, в первую очередь, сказывалось на благосостоянии низов общества: «...период роста финляндского сепаратизма, когда при Н. Н. Герарде и Лео Михелине Финляндия жила почти без вмешательства и контроля общегосударственной власти, в самом этом крае ознаменовался поразительным ростом террористических и общеуголовных преступлений, огрубением нравов и крайне ощутительным понижением экономического благосостояния»²⁷⁴.

Тезис о выгодности нахождения в империи соседствовал с утверждением о неспособности инородцев к самостоятельной государственной жизни. Предлагаемые инородческими сепаратистами идеи создания малых государств не выдерживали, с точки зрения крайне правых, никакой критики. В частности, неспособность Финляндии существовать в качестве суверенного независимого государства доказывалась следующими аргументами, изложенными в составленной в 1911 г. докладной записке правых партий на имя премьер-министра В. Н. Коковцова²⁷⁵.

С одной стороны, окраина строила свое благополучие за счет неограниченного рынка сбыта производимой продукции на территории всей империи, с другой — находилась на содержании у России, ежегодно получая значительные финансовые вливания. Заинтересованность финнов в «русском работодателе» подтверждалась и историческими фактами, которые приводились на страницах официальных документов крайне правых: «... на Выборгском сейме 1809 г., где, по финляндским лжеучениям, будто бы было положено основание Финляндскому “государству”, земские чины выразили совершенно определенное положение о введении в крае русской монеты вместо шведской, дабы в монетном отношении Финляндия не отличалась от прочих русских “провинций”. Что в 1822 году генералы и офицеры финских войск просили, как особой милости, разрешения делить боевую службу русской армии под знаменами империи»²⁷⁶. Таким образом, делался вывод, что из-за недостатка собственных природных ресурсов Финляндия в рамках империи ведет паразитическое существование, а ее благосостояние основывалось не на производительном труде, а за счет предоставленных находением в многонациональном государстве преимуществ.

Обращаясь к историческим примерам, крайне правые утверждали невозможность существования в независимом

статусе и польского государства²⁷⁷. Среди основных причин, предопределивших потерю Царством Польским независимости, назывались следующие.

Во-первых, некачественность ее элиты, недостатки которой не были компенсированы сильной монархической властью. Нежелание шляхты в прошлом поступиться собственными привилегиями ради укрепления государства, попустительство евреям и немцам в захвате экономики страны подточило основы польского государства, павшего под ударами соседей. Свою роль сыграла продажность шляхты «громко кричавшей о своей любви к “Отчизне” и открыто продававшей свою Родину шведам, саксонцам, австрийцам, французам и туркам»²⁷⁸. Отсутствие государственного и национального сознания не позволило выдвинуть на арену борьбы за независимость героев, подобных Жанне д'Арк или Минину и Пожарскому. Наследницей польской шляхты стала польская интеллигенция, проявлявшая черты «недоброй памяти польских сеймов: гонор, громкие слова, необузданность, невежество и полное отсутствие любви к Родине»²⁷⁹. Утрата Польшей независимости не стала для польской элиты уроком, чья мятежная деятельность приводила только к дальнейшей минимизации прав самоуправления и широких привилегий, полученных окраиной после вхождения в империю.

Во-вторых, причиной польской трагедии стала ее многовековая антирусская политика, испытывавшая терпение обретавшего могущество восточного соседа. «Не упрекайте кроме самих себя в ее гибели. Не утешайтесь ребяческим лепетом, что ...вероломство соседей помешало ...существованию королевства», — обращались к польским националистам черносотенцы на страницах «Русского знамени»²⁸⁰. Агрессивная политика Польши в прошлом вызвала ответную реакцию русского государства, возвратившего захваченные Польшей русские земли, подвергав-

шиеся религиозному и экономическому гнету. Обосновывая разделы Польши, черносотенная пресса утверждала, что Россия восстановила историческую справедливость: «Царство Польское есть красный мыльный пузырь, что оно состоит только из крохотного клочка собственно Польши, а все остальное огромное пространство есть русские, славянские и литовские земли, когда-то Польшей завоеванные и ничего общего с ней не имеющие»²⁸¹. К разделам Польши «под польскими королями едва ли состояла четвертая часть народонаселения польского, против русского и литовского народонаселения», которые проживали в Восточной Галиции и Литве, в большинстве своем заселенных русскими²⁸². Газета «Русское знамя» делала вывод: «Очевидно, что Россия, заняв провинции по Бугу и Неману, Польши не коснулась. Она возвратила свое древнее достоинство, — достоинство св. Владимира, составившее Литву после татарского погрома. Настоящая Польша и даже важные русские провинции разделены между Пруссией и Австрией»²⁸³. Подобными историческими изысками черносотенцы пытались переориентировать усилия поляков на отвоевание у Германии и Австро-Венгрии собственных земель и нейтрализовать попытки колонизации восточных территорий.

Рассматривая польскую катастрофу как результат векового славянского спора о лидерстве, разрешавшегося потоками крови, крайне правые напоминали полякам об упущенном историческом шансе стать во главе всех славянских народов, невозможности повернуть историю вспять, необходимости смириться с существующим положением вещей: «В разрешении этого спора главную роль играют русские силы, а потому русским принадлежит решающий голос...»²⁸⁴

По мнению крайне правых идеологов, сохранение империи в унитарном варианте позволило бы укрепить

государственность и действенность административного аппарата, обеспечить возвращение к строгому порядку, восстановить погрязшие революцией легитимность законов, создать условия для роста благосостояния и дальнейшего поступательного развития населяющих Россию народов²⁸⁵. Еще в декабре 1905 г. в обращении только что созданного СРН утверждалось: «Единство и нераздельность Российской империи и незыблемость основных начал русской государственности ... может дать безусловные гарантии прочного правового порядка в таком разноплеменном государстве, как Россия»²⁸⁶.

Желая остудить головы сепаратистски настроенным инородческим элитам, черносотенцы предупреждали, что полная или частичная реализация их планов по разрушению Российской империи неизбежно выльется в царство анархии и взаимного истребления, приведет к культурному, хозяйственному и политическим регрессу и созданию «государств в государстве». Истинный инородческий патриотизм, по мнению черной сотни, должен проявляться не в попытках отделиться и отвоевать кусочек автономии, а в единении с Россией, укреплении внутриимперских экономических связей в целях извлечения конкретной выгоды для самих инородцев. Полякам советовали: «Развивайтесь и богатейте под сенью братского народа, но не стройте карточного домика польской автономии. Будьте русскими людьми, и тогда ни польский говор, ни католическая религия не будут пропастью лежать между русским и поляком»²⁸⁷. Общее экономическое пространство, лишенное границ и таможен, с единым законодательством могли бы стать хорошей основой для роста народного хозяйства, торговли и благополучия населяющих империю народов. Сепаратисты, ратовавшие за отделение от России, шли в разрез с собственными национальными интересами: «С народом, любящим свою

родную землю и дорожающим ее благополучием, сговориться легко уже потому, что он поймет, что ему выгодно не ссориться с нами»²⁸⁸.

В официальных документах правомонархических организаций утверждалось, что существование империи выгодно с политической, экономической и оборонной точек зрения, так как траты подданного на финансовое обеспечение функций государства обходятся дешевле. Утверждалось, что если маленькие страны вынуждены нести огромные расходы на содержание госаппарата, то всем губерниям России выгоднее иметь одно правительство, дипломатию, армию и т. д. Империя обходилась дешевле. «Нет необходимости разбиваться на части, как разбита земельно и народно маленькая Европа», — говорилось в «Своде основных понятий и положений русских монархистов», принятом в мае 1912 г. IV съездом СРН и V Съездом русских людей²⁸⁹.

Федерализация представлялась нецелесообразной в связи с повышением экономического бремени на коренной русский центр, который сам нуждался в финансовых средствах для развития. Крайне правая пресса предупреждала, что автономии будут выкачивать из коренной Руси ресурсы, в то время как державный народ вынужден будет за свой счет обеспечивать безопасность страны от внешних врагов и служить источником доходов для национальных элит²⁹⁰. Указывалось, что пользовавшаяся неоправданными привилегиями Финляндия за время нахождения в составе империи «разжирела и отъелась на русских деньгах, за счет русской крови, русского пота». На требование депутатов II Государственной Думы от польского коло предоставить польскому краю право распоряжаться собственными денежными средствами министр финансов ответил, что привисленский край «поглощает больше средств, чем приносит дохода»²⁹¹.

Невозможность изменения имперского национально-государственного устройства страны на страницах правомонархических документов объяснялась также сложным геополитическим положением. Ослабление центральной власти и перенос значительной части полномочий на автономные окраины могли привести к усилению в региональных и мировых масштабах влияния враждебных России государств (Германии, Австро-Венгрии, Турции и др.), которые воспользовались бы выпавшим шансом использовать получившие свободу рук территориальные новообразования в своих военно-политических играх. Автономия прибалтийских губерний значительно усилила бы Германию на северо-западе, так как остзейские бароны несомненно пожелали бы присоединиться к «общему фатерлянду»²⁹². Обретшая независимость Финляндия попала бы под влияние Швеции²⁹³. Самостоятельная Армения не просуществовала бы «долее дня провозглашения этой самостоятельности, не сделавшись добычей соседей в тот же день»²⁹⁴.

В случае отпадения от Российской империи Польша неизбежно была бы поглощена Австро-Венгрией или Германией. Ставшую немецкой колонией Польшу ожидала бы судьба Моравии и Чехии, подвергавшихся планомерному онемечиванию. Перенесение границ немецких государств за счет польских территорий на восток привело бы к усилению их военно-стратегического положения накануне прогнозируемой мировой войны. По мнению черносотенцев, здравый подход к проблеме автономии проявляли прибалтийские низы, отказавшие своим верхам в поддержке сепаратистских требований, понимая, что в случае независимости они сделаются легкой добычей Германии²⁹⁵. Указывалось, что игры в федерализм могли позволить себе страны в условиях абсолютной безопасности государства. Например, окруженные двумя океанами

Соединенные Штаты Америки, имевшие естественные препятствиями от враждебных поползновений.

Правомонархисты утверждали, что путь автономии мог привести к распаду империи, подрыву силы и престижа России и созданию на окраинах государств, которые будут представлять «злейших и более опасных ...врагов, чем любые азиаты»²⁹⁶. Черносотенная пресса указывала, что при получении окраинами послаблений от центральной власти у национальных элит неизбежно возникнет желание отомстить за многовековое унижение. В частности, газета «Русское знамя» писала, что Россия «не найдет верного и надежного союзника в самостоятельной Польше, наоборот, новое государство останется верным своей антирусской позиции»²⁹⁷. Соседство двух держав, не отделенных естественными границами, приведет к кровавым военным столкновениям, которые закончатся поражением Польши и восстановлением ее положения в качестве российской провинции.

Недопустимость федерализации и автономизации Российской империи с последующим ее распадом обосновывалась черносотенцами неизбежными кровавыми конфликтами, которые вспыхнут между новыми государственными образованиями. Если в борьбе с русским империализмом инородцы проявляли склонность к объединению, то при предоставлении окраинам большей свободы неизбежно произойдет размежевание. «Россия представляет конгломерат целой массы отдельных народностей, почти ничего общего не имеющих, стоящих на различных ступенях культуры и преследующих далеко не одинаковые интересы», — предупреждало «Русское знамя» в июле 1907 г.²⁹⁸ Попытки более сильных инородцев покорить слабых приведут к вооруженному сопротивлению со стороны последних, а следовательно, анархии, распрям, войнам и самоистреблению народов. В феврале

1911 г. «Русское знамя», писало, что интересы проживающих в России народов «непримиримы, так как каждая народность желает господствовать»²⁹⁹.

Крайне правая печать язвила, что если бы все территориальные вожделения сепаратистов сложить вместе, то для их удовлетворения не хватило бы и двух Российских империй: «Уверенность в осуществлении автономной Армении до Ростова-на-Дону укоренилась в головах армян столь же твердо, как всосалась в плоть и кровь поляков твердая уверенность в воссоздании Польши “от моря до моря”»³⁰⁰. На правильность таких оценок указывал и опыт существования Польши как самостоятельного государства, которая на протяжении веков осуществляла захваты и грабеж окружающих территорий³⁰¹. Черносотенная пресса напоминала, что для покоренных народов поляки являлись более жесткими завоевателями, чем русские. Даже в случае распада Российской империи перспективы Польши будут безрадостными: на западе польские амбиции столкнутся с Германией, которая «никогда не поступится своими польскими провинциями», на юге и западе — с сопротивлением православного населения Белоруссии и Украины, не желавших возвращаться в зависимое положение³⁰².

По прогнозам крайне правых идеологов, получившие самостоятельность окраины подвергнутся постепенному экономическому и культурному поглощению более сильными соседями. Подтверждение возможного развития событий в данном направлении черносотенцы находили в современной им России. Попытки вовлечения в орбиту своего влияния и подчинения более слабых народов проявлялись как раз со стороны имевших определенную самостоятельность инородческих окраин. В частности, Финляндии — на Карелию, а Польши — на белорусские и украинские территории³⁰³. При расширении самостоятельного статуса финской и польской окраин их полити-

ческое, религиозное, культурное и экономическое подчинение соседних областей значительно бы усилилось.

Данный процесс привел бы к потере находившихся на более низкой ступени социального и экономического развития инородцами своей национальной идентичности. В качестве примера крайне правая пресса приводила онемечивание и окатоличивание славянских племен, ранее проживавших на побережье Балтийского моря (вплоть до Дании и Голландии). В своих исторических изысканиях крайне правые публицисты приходили к парадоксальному выводу о том, что немцы и есть славяне: «Ганновер, Саксония, Пруссия, Мекленбург, Шверин, Ольденбург — все это онемеченные славяне, утратившие свой язык»; «они (немцы — *М. Р.*) расселились на славянской земле и превратили северных славян в немцев»³¹⁴.

Доказывая тезис о неизбежности поглощения сильными нациями слабых этносов, черносотенцы выдвинули идею об «искусственных» народах, целенаправленно селекционировавшихся для реализации геополитических задач. В частности, прибалтийские народы, по утверждению черносотенной прессы, имели славянское происхождение и были насильно превращены немецкими и польско-католическими культурегерами в литовцев, латышей и эстонцев³¹⁵. Привитие принадлежности к новому этносу сопровождалось уничтожением славянской памяти, заменой языка, религиозных верований и культуры. Газета «Русское знамя» писала: «...немцы показали себя: старо-славян вендов произвели в латышей-литовцев, составили им азбуку с немецкими буквами и начали разрабатывать и обрабатывать какую-то особую литовскую разновидность, которая живет не только в Лифляндии, Курляндии, но и в Витебской губернии...» Цель деятельности немецких просветителей была черносотенцам понятна: «...убить славянское самосознание и возродить какое-то латышское,

чуждое и враждебное всему русскому» для дальнейшего присоединения этих земель к Германии. Указывалось, что подобную методику немцы практиковали и в других регионах Европы. «Создав в России “латышей” и “украинцев”, немцы на балканском полуострове создают “албанцев” из сербов и греков», — писала черносотенная пресса³⁰⁶.

Показательно, что появление «мазепинского» движения, целью которого являлось отчуждение украинцев от русских, также рассматривалось черносотенцами как попытка Австрии и Германии создать новый «искусственный» украинский народ для ослабления восточного соперника и утверждения своего господства в Малороссии и Новороссии³⁰⁷. Бурное развитие в начале XX в. украинской культуры и, в частности, языка рассматривалось как результат кропотливой работы немецких культуртрегеров, о чем со страниц черносотенной прессы звучали следующие заявления: «Австрийцы, как известно, создали особый “украинский” язык из смеси слов латинских, немецких, польских с малорусскими окончаниями и при помощи денег, угроз, подкупов и наград ввели не только в Галиции, Подолии, но и в Юго-Западной Руси, где в Киеве много лет украинофильствующие люди управляли разными заведениями и учреждениями»³⁰⁸. В связи с тем, что черносотенцы расширительно трактовали термин «русский народ», включая в его состав украинцев и белорусов, это давало им основание квалифицировать украинофильство («мазепинство») как национально-государственную «измену», ставившую цель подчинить Украину Австро-Венгрии в обмен на автономию.

Крайне правые утверждали, что защита интересов русского населения и обеспечение первенства русского народа в «инородческих землях» могли быть осуществлены только в рамках «единой и неделимой» империи. Федерализация была чревата неизбежным ущемлением прав рус-

ского населения на окраинах, так как неизбежно привела бы к повышению правового статуса инородцев и экономической дискриминации русского населения. Черносотенцы ссылались на примеры имевших особый статус самоуправления в рамках империи Финляндии и Польши, где славянское население (украинцы и белорусы) находилось в неравном экономическом и политическом положении. Предсказывалось, что закабаление инородцами русских не будет сдерживаться общероссийскими законами и приобретет хищнический характер. В частности, требование автономии Польши черносотенцами интерпретировалось как желание польских панов вернуть утраченное право грабить православное население западных губерний: «...покоренные нами поляки не только посягают на нашу православную веру, но хотят отобрать завоеванные земли, облитые родной кровью веками победоносного русского воинства»³⁰⁹.

Автономия таила и другую опасность — рост ненависти к метрополии и русскому народу, попытки политическими средствами выказать месть за былое национальное унижение. На заседании Монархического съезда, состоявшегося в сентябре 1909 г. в Москве, рисовались неприглядные перспективы: «В руках небольшой кучки поляков будет не только материальная сила и распоряжение экономической жизнью русского населения, но и все культурные силы — школы и народное образование. Скажите сами: что придется нам делать тогда?»³¹⁰ Черносотенцы не исключали и массовых убийств русского населения. На автономных окраинах возможности центральной власти по отстаиванию интересов народа-хозяина были бы ограничены. Это противоречило основной функции государства, задача которого, по мысли крайне правых, должна была состоять в том, чтобы «самоуправление нигде не клонилось к ущербу

русских народных интересов — религиозных, умственных, хозяйственных, правовых и политических»³¹¹.

Черносотенцы апеллировали к памяти жертв, принесенных русским народом в лице лучших его представителей в процессе создания Российской империи: «Огромное Русское государство создано в течение многих веков кровью, потом, страданиями и лишениями, умом и сердцем русского народа, неутомимого в труде и созидательной работе, любвеобильного и снисходительного к друзьям и врагам. Это — неопровержимая, никогда непоколебимая истина»³¹². Требования либеральных и революционных партий о федерализации и автономизации России воспринимались черной сотней как предательство памяти русских воинов, отдавших жизни в процессе «собирания земель». Именно поэтому в программе СРН на выборах во II Государственную Думу требовалось, чтобы «завоеванные кровью предков земли навсегда оставались неотъемлемой частью Русского государства»³¹³.

Целостность государства рассматривалась крайне правыми как идея, способная объединить различные группы населения в борьбе за сохранение территориального наследия и традиций страны. Второй пункт программы и устава Союза Михаила Архангела гласил: «Сила Родины кроется в сохранении неделимой целостности государства Российского... а также в братской поддержке русскими всех сословий и состояний, друг друга, везде и всюду, как в духовном, так и в материальном отношениях»³¹⁴. Подчеркивалось, что забота о единстве страны является делом всех государственных и общественных структур, всех слоев и классов российского общества. Особую надежду они возлагали на депутатов Государственной Думы, которым наказывали, чтобы «выборные в Государственную Думу... заботились о целостности и неделимости России». Исходя из вышеизложенных соображений, черносотенцы отверга-

ли даже возможность обсуждения вопросов, связанных с пересмотром государственных границ империи. Любой отход от данного положения рассматривался как идеологический подрыв.

Таким образом, после подавления первой российской революции пристальное внимание черной сотни к вопросу сохранения Российской империи было связано с деструктивной деятельностью оппозиции и части национальных меньшинств, создававших угрозы существованию единого многонационального государства. Исходя из необходимости сохранения единства страны, они стремились во что бы то ни стало сохранить унитарное государственное устройство империи и не допустить ее федерализации в какой-либо форме. Для крайне правых союзов понятия «самодержавная Россия» и «единая империя» были нераздельны, так как обеспечивали выживаемость русского народа и его базовых ценностей. Сохранение неограниченной монархии обосновывалось необходимостью защиты внешних рубежей страны, обеспечения внутренней безопасности, развития экономических связей, восстановления строгой законности и порядка³¹⁵.

§ 3. Первенство русского народа как защита национально-государственных устоев

Исходившие со стороны космополитической бюрократии, либерального и революционного лагерей, а также сепаратистски настроенных национальных меньшинств угрозы первенству РПЦ, самодержавным устоям и целостности империи вызвали ответную реакцию консервативного лагеря. Дисбаланс между ролью русского народа как стенового хребта империи и его реальным положением, проявлявшимся в отсутствии видимых преимуществ по сравнению с жителями национальных окраин (прежде

всего Финляндии), давало черносотенцам основание говорить об отсутствии в стране «иностранческого» вопроса и наличии русского, вызванного «антинациональной» политикой «космополитической» бюрократии³¹⁶ и усилением национализма народов Российской империи, принявшего в ряде регионов (Польша, Кавказ) сепаратистский и воинственно русофобский характер³¹⁷.

Сотням разновекторных программ реформирования страны была противопоставлена концепция практической реализации первенства русского народа, под которым в правовомонархической трактовке понимались законодательно закрепленные приоритетные права носителей православно-монархических убеждений в религиозной, политической, социальной, хозяйственной и военной сферах³¹⁸. Кратко определение первенства русского народа было дано в утвержденной в апреле 1906 г. программе Союза русских рабочих людей: «Она (русская народность. — *М. Р.*) одна должна обладать всею полнотою прав государственных и гражданских; вера ее — господствующая, ее голос в государственном строении — решающий, ее общий язык — господствующий и обязательный во всех концах державы Российской»³¹⁹.

Проблема восстановления приоритетного статуса русского народа в империи и возвращение носителям русских базовых ценностей стратегических позиций в государстве обуславливались присущей консерватизму функцией защиты национальной традиции. Именно в сохранении и всемерном развитии первенства русского народа как государствообразующего этноса — носителя базовых ценностей русской цивилизации черносотенцы видели залог крепости государства и империи. В концентрированном виде это положение было зафиксировано в уставе Союза Михаила Архангела: «Русскому народу как основной единице, сгруппировавшей около себя покоренных русским

оружием и добровольно присоединившихся под защиту его разных инородцев, принадлежит по праву первенствующее, господствующее значение во всей государственной жизни, а тем более в совершающихся государственных созидательных преобразованиях»³²⁰.

При подходе к проблематике русского народа черносотенцы исходили из базовых консервативных постулатов, утверждавших естественную иерархию народов в зависимости от их вклада в дело общегосударственного строительства. Первенство над более малочисленными и слабыми народами исходило из тезиса, что никакая из населяющих империю народностей не могла претендовать на выполнение функции структурообразующего народа. При всем многообразии населявших Россию народов только русские могли занимать исключительное положение как создатели государства и строители империи. Все остальные народы могли пользоваться общими правами, но до тех пор, пока это не задевало общегосударственных интересов³²¹.

Идея первенства русского народа, базировавшаяся на признании за ним особой миссии как государственно-образующего компонента Российской империи, доказывалась следующей системой аргументации.

Во-первых, черносотенцы выдвинули тезис о державности русского народа, обуславливавшейся наличием особых качеств, позволявших ему стать станovým хребтом государства³²². К ним, в частности, относились интегративные способности русских, наличие у них особых психологических черт: благодушия, доверчивости, гостеприимства, милосердия, миролюбивости, самопожертвования, уживчивости, сострадания, терпимости, обусловленных религиозностью и идеализмом воззрений³²³.

Во-вторых, исторической ролью русского народа в создании государства, собирании земель и защите их от

внешних противников³²⁴. В черносотенных документах роль русского народа в создании государства и империи подчеркивалась различными терминами: «устроитель», «создатель», «созидатель», «строитель».

В-третьих, мессианизмом русского народа, который, по мнению правомонархистов, как носитель истинной веры («народ-богоносец» в терминологии Ф. М. Достоевского) должен был привить духовно и культурно отсталым инородцам и отказавшимся от христианских принципов народам Запада истинные ценности православия, духовности и христианского братства³²⁵.

В-четвертых, необходимостью обеспечения стабильности в Российской империи, ответственность за которую был способен взять только русский народ, который в огромном межнациональном государстве мог преодолеть центростремительные тенденции и объединить все «население царства Русского под единым скипетром и державою»³²⁶.

Черносотенцы не ограничивались громкими лозунгами о первенствующей роли русских как носителей уникальных державных качеств. Реализация первенствующих прав рассматривалась как общегосударственная задача³²⁷, которая должна была проходить на законодательно закреплённой основе³²⁸. Черносотенцы постоянно подчеркивали, что в условиях бессилия власти главную роль в национальной консолидации должен был сыграть сам русский народ. Первым шагом в данной связи представлялось необходимым четкое осознание массами своих национальных интересов в деле защиты «достояния государства Российского», а также «разграничении интересов русских и инородцев»³²⁹.

Показательно, что адресатом большинства листовок и прокламаций являлись именно «русские люди», а не ставшие впоследствии популярными обращения «российский

народ», «россияне» и т. д. Призывая русский народ к политической активности, черносотенцы проявляли известную смелость, так как бросали вызов административному аппарату, на протяжении веков подавлявшему любую инициативу «снизу» и державшему подданных в плотных бюрократических тисках.

Анализ программных установок правомонархических организаций показывает, что к предлагаемым мерам восстановления первенствующего статуса русского народа относились: политико-государственная русификация, первенство русского языка, ограничение влияния национальных меньшинств на выработку политических решений в органах исполнительной и законодательной власти, ограничение самоуправления окраин, ликвидация привилегированного статуса Финляндии и Польши и т. д. Впервые указанные меры продекларировал состоявшийся в феврале 1906 г. в Санкт-Петербурге I Всероссийский съезд Русского собрания³³⁰, более развернуто данные принципы сформулировал состоявшийся в апреле—мае 1907 г. в Москве IV Всероссийский съезд Объединенного русского народа³³¹. Рассмотрим их подробнее.

Важной мерой реализации первенства русского народа и противодействия инородческому сепаратизму должна была стать политико-государственная русификация национальных меньшинств. Правильному пониманию характера русификаторской политики крайне правых поможет обращение к базисным истокам черносотенной идеологии. Возникнув как консервативное движение, черная сотня противодействовала разрушению сложившейся политической и социальной структуры традиционного общества. Проявившийся в революционные годы инородческий национализм, обосновывавший право национальных меньшинств на независимое существование и служивший идеологической основой сепаратизма, пред-

ставлял угрозу целостности империи. Тренд на изоляционизм и дистанцированность народов друг от друга в корне противоречил идее русского консерватизма об «объединении всего населения царства Русского под единым скипетром и державою»³³².

Специфика подходов крайне правых к проблеме приобщения инородцев к русскому культурно-историческому сообществу ограничивалась рамками политико-государственной формы русификации, целью которой являлось признание национальными меньшинствами приоритета базовых ценностей русской цивилизации (православие, самодержавие, народность) в качестве общегосударственных и слияние их национальных интересов с приоритетами Российского государства. Разъясняя смысл русификации, в мае 1909 г. газета «Русское знамя» отмечала, что под ней надо понимать объединение «различающихся по языку и обычаям российских граждан в одно целое», создание общероссийской гражданственности на базе объединения инородных граждан с господствующей народностью³³³. Через два года газета уточнила, что в результате русификации инородцы должны были признавать своим отечеством единую Россию, а не малую родину, имеющую обособленные интересы³³⁴. Здесь черносотенцы противопоставляли классическому национализму, под коим понимали верность только своему народу, свой патриотизм — преданность общему Отечеству³³⁵.

Отличительной чертой черносотенного толкования русификации являлось сохранение инородцами собственной культурно-бытовой самобытности. Реализуя политическую русификацию, черносотенцы не ставили цели сознательного насаждения культурных и бытовых свойств державной нации. Ю. И. Кирьянов подчеркивал, что СРН не желал нарушать самобытность населяющих Российскую империю нерусских народностей и оставлял

неприкосновенными их веру, язык, быт, благосостояние и землю, а также признавал особую общность для народностей, живущих на окраинах и имеющих там свою коренную и определенную племенную оседлость³³⁶. Наконец, Союз русского народа заявлял, что все нерусские народности, имеющие исконную племенную оседлость в коренной России и живущие извечно среди русского народа, он признает равными себе, своими верными и добрыми соседями, друзьями, сородичами, причем из иноверцев выражал свое благорасположение мусульманам.

В связи с тем, что правомонархическая идеология носила охранительный и оборонительный характер, под русификацией нельзя понимать ассимиляцию инородцев из-за возможного возникновения обратного влияния — ассимилируемых на ассимилирующих. Черносотенная пресса неоднократно писала о том, что полная культурно-бытовая русификация нецелесообразна в связи с угрозой перерождения исконно русских духовных начал³³⁷. С точки зрения консервативного подхода к определению понятия «истинно русский человек», под которым понимался православный монархист, необходимости в кровном всесмешении не было. Выражение «обрусить инородцев» означало не ассимиляцию их русскими, а превращение их в истинных защитников российского политического строя³³⁸. С учетом того, что основные принципы правомонархической русификаторской политики формировались в условиях борьбы с революционной и сепаратистской деятельностью национальных меньшинств, именно поэтому основным объектом идеологического влияния должны были стать недружественные инородцы. Русификация рассматривалась не как право сильного народа ассимилировать покоренные народы, но как выполнение цивилизаторской миссии и возложенной свыше исторической обязанности³³⁹.

Реализация программы по приобщению национальных меньшинств к российской государственности должна была осуществляться посредством мер законодательного регулирования. Указывалось, что при проведении русификации недопустимы либерализм и попустительство инородцам, воспринимавшиеся последними как слабость, что неизбежно заканчивалось мятежами и восстаниями против центральной власти. В частности, критиковавшиеся крайне правыми поблажки Александра I полякам в праве преподавать в школах и училищах на родном языке привели к росту национализма среди учащихся. Открытые в начале XIX в. Виленский университет и Кременецкий лицей стали рассадниками тайных патриотических обществ, инспирировавших антирусские настроения и вылившихся в открытую поддержку польской элитой похода Наполеона в Россию³⁴⁰.

Учет прежних ошибок и опора на опыт предков должны были стать залогом успеха в осуществлении русификаторской политики в будущем, эталонным проводником которой для черносотенцев стал Николай I. В годы правления этого царя в Царстве Польском было внедрено имперское законодательство, русскому языку присвоен статус государственного с обязательным преподаванием в школах, польские и литовские вооруженные силы заменены русскими, униаты возвращены в лоно РПЦ, что уменьшило влияние и «интригу» католичества. Результатом реализации данного комплекса мер стал отказ поляков от мятежей в период венгерских событий 1848—1849 гг. и Крымской войны. Масштаб и твердость политики Николая I нашли полное одобрение черносотенцев. «Для окончательного решения польского вопроса надлежало реанимировать политику Николая I, доверив ее исполнение надежным и решительным деятелям», — писало в январе 1907 г. «Русское знамя»³⁴¹.

Положительно оценивались крайне правыми идеологами и русификаторские усилия правительства Александра II, которое предприняло попытки подрыва организационных структур РКЦ посредством уничтожения Минской епархии РКЦ и унии в Холмшине, введения преподавания на русском языке Закона Божьего во всех католических учебных заведениях Виленского учебного округа. Но и эти меры казались черносотенцам половинчатыми. «Если бы правительство средством обрусения польского края догадалось бы ввести еще население в Польшу на конфискованных землях не помещиков русских, а приобретение на льготных условиях земель не для частного владения, но главным образом для русских крестьян и притом общинами, то дело обрусения в течение 40 минувших лет завершилось бы полным успехом и польский край с коренною Русью слился бы самым тесным образом», — писала крайне правая пресса³⁴².

Другим положительным примером русификаторской политики для черносотенцев стал Александр III, ведущий борьбу с ополячиванием православного населения западных губерний на всех направлениях: «...Катехизис, молитвенники и богослужebные книги были переведены на русский язык и введены в употребление. Систематическое проведение этих мер грозило свести на нет польскую интригу в лице ее козыря — католицизма, который этим совершенно обезвреживался и из орудия борьбы переходил в обыкновенную религию, способную более или менее удачно направлять своих адептов на путь спасения»³⁴³. Весьма важным для крайне правых было наличие конкретных результатов русификаторской политики царя-миротворца. Посетивший Варшаву черносотенец писал в «Русское знамя»: «Недавно мне пришлось быть в Варшаве, и я прямо был поражен ее обрусением. Достаточно сказать, что за две недели моего там пребывания я не встретил случая,

чтобы мне где-либо не ответили по-русски, чтобы со мной где-либо были невежливы... и заметьте, что в острое время обсуждения Холмского вопроса! На улицах Варшавы вы теперь слышите всюду разговор на русском языке, столько же сколько и на польском. И это свершилось за эти десять лет как-то совершенно незаметно ни для поляков, ни для русских: русская могучая волна захватила польскую, и последняя должна в ней волей-неволей раствориться»³⁴⁴.

Наличие положительных результатов заставляло крайне правых требовать от правительства Столыпина возрождения русификаторской политики, похороненной с кончиной Александра III, в частности, «признать непременно обязательным повсеместное осуществление того, чтобы русский язык был языком власти, администрации, общественных учреждений, войска, суда и государственной школы, как низшей, так средней и высшей, будучи в них обязательным предметом изучения и языком преподавания»³⁴⁵.

Какими же методами предполагалось осуществить политическую русификацию инородческого населения?

В расширенном виде методы русификации разработал состоявшийся в апреле—мае 1907 г. в Москве IV Всероссийский съезд объединенного русского народа, к которому отнес следующие. Во-первых, предоставление комфортных условий для миссионерской деятельности РПЦ: «Православная церковь, как господствующая в Российской империи, должна иметь на окраинах соответственное внешнее выражение, не говоря уже, разумеется, о беспрепятственном или отнюдь не умалительном, в чем бы то ни было, проявлении ее внутренней жизни, при ответственном развитии оной». Во-вторых, внедрение среди инородцев русского образования: «Правительственная школа, являясь могучим фактором объединения окраин с Центром России, должна ставить основной целью своей

деятельности, кроме общеобразовательных задач, также и укрепление в сознании учащихся мысли о том, что они, прежде всего, подданные Русского государства и лишь затем уже финляндцы, латыши, поляки, армяне, литовцы и др., — а равно и заботиться о водворении среди инородцев правильных взглядов на русскую жизнь, правды о русском народе, его прошлом и настоящем...». В-третьих, распространение русского языка (при сохранении самобытного): «Государственным языком должен быть на окраинах один только русский язык как язык власти, администрации, войска, суда и школы, причем областью местных языков может быть лишь семья, литература, церковь»³⁴⁶.

Требование законодательной легализации и повсеместного распространения на окраинах русского языка входило в программы всех крупных крайне правых организаций. Еще на заре создания черносотенного движения в ноябре 1905 г. Русское Собрание в обращении к населению родило формулу, которая была заимствована другими крайне правыми союзами: «Русский язык есть государственный язык, и все правительственные учреждения, пользуясь исключительно этим языком, неуклонно и настойчиво стремятся к поддержанию его единства и обязательности во всех частях и отраслях государственной жизни»³⁴⁷. Данное положение в неизменном виде было представлено в программных документах СРН, Союза русских людей³⁴⁸, Русского народного союза имени Михаила Архангела³⁴⁹ и других.

Понимая значение для государства единого средства общения, черносотенцы выдвинули тезис о необходимости реализации абсолютного доминирования русского языка на территории всей Российской империи как инструмента по распространению православной духовности и культуры. В резолюции состоявшегося в Санкт-Петербурге в феврале 1906 г. Всероссийского съезда Русского собрания

утверждалось, что существенными условиями теснейшего единения окраин с Центром является «отведение русскому языку подобающего ему, как государственному языку, значения»³⁵⁰. Программа СМА безапелляционно заявляла: «Русский язык есть господствующий язык во всех пределах неделимой Российской империи»³⁵¹. Этой формулировке вторили СРН и Партия правового порядка, заявившие в обращении к избирателям в начале 1907 г.: «Мы будем стремиться, чтобы государственным языком был признаваем во всех владениях русского царя русский язык»³⁵². В постановлениях II Всероссийского съезда Русских людей утверждалась необходимость использования русского языка как языка власти, администрации, общественных учреждений, войска, суда и государственной школы, как низшей, так средней и высшей, будучи в них обязательным предметом изучения и языком преподавания³⁵³.

Употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях должно было определяться особыми законами. Черносотенцы старались не перегибать палку. Они допускали использование национальных языков в «домашнем и вообще частном быту», считая неприемлемым для государства вмешиваться в эту сферу из-за возможного роста недовольства. Равным образом признавалось допустимым издание на национальных языках книг, газет и журналов частного характера, не направленных против базовых русских ценностей (православие, самодержавие, народность). «...Областью местных языков может быть лишь семья, литература, церковь», — заявлялось в постановлениях состоявшегося в апреле—мае 1907 г. в Москве IV Съезда объединенного русского народа³⁵⁴.

Жесткость подходов проявлялась только в отношении украинского языка, который черносотенцы рассматривали как местный диалект русского³⁵⁵. Тезис о выработке

геополитическими гигантами (Австро-Венгрия, Германия) особого языка для украинцев рассматривался через призму сепаратизма³⁵⁶, угроза которого рождала специфическую систему мер противодействия. Состоявшееся в ноябре 1915 г. совещание уполномоченных правых организаций и правых деятелей в Нижнем Новгороде заявляло о необходимости жестких мер в отношении «украинской литературы, украинских книжных магазинов (книгарен)», а также учреждений, поддерживающих культурно-национальное самоопределение украинцев³⁵⁷. К властям звучали призывы к изгнанию из средних и высших школ преподавателей, использовавших в учебном процессе украинский язык как «насадителей мазепинства». Резкой критике подвергались и русские оппозиционные партии, вошедшие в Прогрессивный блок и требовавшие «восстановления малорусской печати»³⁵⁸.

Первенствующий статус русского языка, по утверждениям программных документов крайне правых, предполагалось обеспечить исключительно правовыми методами. В дискуссиях с политическими оппонентами, обвинявшими их в игнорировании интересов национальных меньшинств, черносотенные публицисты ссылались на опыт демократических стран — Франции и США, где при обилии используемых населением языков и диалектов весьма четко и конкретно была решена задача единого средства общения. Черносотенцы предлагали законодательными мерами создать такие условия, когда знание русского языка «было бы неизбежно необходимо». В частности, в мае 1907 г. газета «Русское знамя» требовала принять закон, согласно которому всю полноту гражданских прав могли приобретать лица, в совершенстве владеющие русским языком³⁵⁹. Этому должно было способствовать закрытие доступа инородческим языкам в государственные и общественные учреждения (земские и городские самоуправле-

ния, суды, школы, где «везде и всюду должен царить только общегосударственный язык»³⁶⁰.

С одной стороны, указывалось, что правовая основа, пускай и условная, для реализации первенства русского языка уже существовала и необходимо лишь четкое исполнение уже имеющихся законов. В частности, ст. 3-я Основных законов Российской империи гласила: «Русский язык есть язык государственный и обязателен в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях»³⁶¹.

С другой — наличием в указанной статье положения о том, что употребление местных языков в государственных и общественных установлениях определяется «общими законами» нивелировался смысл первой части, давая национальным меньшинствам надежду на в перспективе равный статус их языков с русским. Двоякость трактовки 3-й статьи Основных законов Российской империи возбуждала активность инородцев в предъявлении претензий по легализации своих языков. Революция актуализировала эту проблему. Требования поляков по расширению применения польского языка наряду с «насильственным окатоличиванием и ополячиванием» православного населения западных губерний сопровождалась эпатажными выпадами финнов, проводивших в присутствии высокой российской правительственной делегации работу сейма в Гельсингфорсе на финском и шведском языках³⁶².

Безучастие Центра к «бесцеремонным» притязаниям поляков и финнов давало сигнал остальным национальным меньшинствам начать давление на власть. Если до первой российской революции инородцы (за исключением поляков и финнов) не настаивали на придании особого статуса родным языкам, уступая русскому место общегосударственного, то теперь «даже чувашаи, не имеющие почти вовсе истории, и те потребовали признания языка

своего в государственных учреждениях, преподавания в школах на родном языке, выдачи бумаг на чувашском языке и проч.», — писала в марте 1907 г. черносотенная пресса³⁶³. И после окончания революции с окраин империи сыпались требования применения «бесчисленного множества инородческих языков во всех общественных и даже государственных учреждениях — школах, на суде, на железных дорогах и т. д.»³⁶⁴.

Основания для беспокойства по поводу попираемого статуса русского языка как государственного у черносотенцев были. С одной стороны, сказывались неудачи русификаторской политики в некоторых национальных окраинах, причиной чему было отсутствие твердой позиции по ее реализации со стороны русских чиновников. Последние, по мнению черносотенцев, из-за желания прослыть либеральными изучали местные наречия, в результате чего убедили «туземцев» в необязательности знать русский. Крайне правые констатировали: «В Средней Азии... за 50 лет нашего владычества огромное большинство туземного населения не имеет и отдаленного понятия о русском языке, но зато все старые туркестанцы и множество новых из господ чиновников прекрасно лопочут на киргизском, сартском и иных среднеазиатских диалектах...»³⁶⁵.

С другой стороны, под влиянием национально-освободительной борьбы в желании умиротворить инородцев именно административный аппарат становился основным препятствием к реализации статуса русского языка как государственного. Крайне правые подвергли резкой критике инициативу русского наместника на Кавказе графа Воронцова-Дашкова, лоббировавшего обучение в низших и средних учебных заведениях не только на русском языке, но и на туземных. «На Кавказе может возникнуть такая же ситуация, как и в Польше, где потомки завоевателей

вместо русификации подвергаются ополячиваю», — предупреждала черносотенная пресса³⁶⁶.

Твердость позиции против придания официального статуса инородческим языкам обуславливалась возможными негативными последствиями. Официальный орган СРН газета «Русское знамя» в феврале 1907 г. заявляла: «Если же инородцам будут дарованы дальнейшие льготы и расширено употребление местных языков в ущерб правительственному, то это поведет сначала к автономии, потом и к полному отделению от России...»³⁶⁷ Наоборот, прогнозировалось, что повышение статуса русского языка как государственного и его всемерное распространение создаст условия для сближения народов, развития хозяйственных связей, улучшения благосостояния народа, а следовательно сохранения уникальной Российской империи. Крайне правые указывали, что, зная русский язык, «самоед и грузин могли вести свободно торговые сношения между собой на протяжении 6 тыс. верст»³⁶⁸.

Русский язык рассматривался как инструмент объединительной политики окраин и Центра, создававший прослойку тяготевших к России образованных людей³⁶⁹. В связи с этим предлагалось вернуться к плодотворному опыту русификаторской политики Александра III: «Еще в начале девяностых годов (XIX в. — *М.Р.*) даже в сельских управлениях русским чиновникам нельзя было обойтись без переводчика, ныне же в самом глухом уголке Мингрелии или Гурии всегда найдутся молодые люди, с которыми можно поговорить по-русски»³⁷⁰.

Требование господства русского языка объяснялось и необходимостью выполнения Россией ее культурно-цивилизационной миссии, которая могла быть подорвана уравниванием инородческих языков с русским: «Тысячу лет крепла Россия при сознании, что ее задача научить одному языку и установить однообразное управление по

огромному пространству Европы и Азии»³⁷¹. Особо широкое распространение русский язык получил среди татар, которые хотя и сохранили верность исламу, но приняли идею «белого царя», создавшую фундамент для диалога с русскими завоевателями. Внедрение русского языка было одним из основных элементов русификации: «Необходимо не только не поступаться русским языком, а напротив, настойчиво вводить его всюду, начиная с низшей школы и распространяя его на все правительственные и общественные учреждения, как было при императоре Александре III. Благотворность объединительной силы языка оказалась повсеместно на окраинах, не исключая и Финляндии, начавшей выказывать более дружелюбия к нам»³⁷².

В контексте восстановления первенства русского народа в наибольшей степени дискриминационные меры касались участия национальных меньшинств в Государственной Думе. Несмотря на явные преимущества непосредственного донесения до царя гласа русского народа, минуя бюрократический фильтр, одной из причин негативного отношения черносотенцев к законодательному учреждению стала деятельность депутатов от национальных окраин. «Русские, — подумайте, — что с вами будет, если случится, что большинство голосов в такой Думе будет на стороне инородцев!!! А ведь их будет немало; их подкрепят и русские из породы изменников! Что будет тогда с нашею православною церковью! Что будет с нами, когда законы нам будут писать жида и по-свойски начнут приводить их в порядок!», — говорилось в мае 1906 г. накануне выборов в I Государственную Думу в листовке СРН³⁷³.

Опыт двух созывов показывал, что альянс сепаратистски настроенных инородцев с русскими оппозиционными партиями стал действенным инструментом по расшатыванию внутренней стабильности государства. Сам факт присутствия в Думе представителей национальных мень-

шинств искажал закладывавшийся при ее создании смысл быть «русской по духу», призванной обеспечить движение по «историческому, великому, пути согласно идеалам: православия, самодержавия и народности»³⁷⁴. В принятой в марте 1908 г. программе Русского народного союза им. Михаила Архангела уверенно заявлялось: «...В случае инородческого и крамольного засилья в самой Думе Дума могла бы отодвинуть интересы коренного русского населения на задний план и тем способствовать разложению государства Российского»³⁷⁵. Впоследствии черносотенцы только укрепились в этом мнении.

По результатам анализа работы первых двух Государственных Дум черносотенцы пришли к выводам о негативной деятельности инородцев, которая проявлялась в следующем.

Во-первых, Государственная Дума как инструмент узурпации первенства русского народа. В активной роли в законотворческой инициативе и законодательном процессе сплоченных и экономически сильных национальных групп (евреи, поляки, финны) черносотенцы увидели попытки захватить ведущие позиции в представительном учреждении. Рассматривая это как умаление прав первенства русского народа, Русское Собрание и СРН в октябре 1907 г. в совместном обращении заявили, что инородцы бросили вызов державной нации в «святая святых» — месте, где определяется будущее страны: «В первой Думе представителями от Петербурга сидели еврей и поляк с товарищами. И как старалась эта Дума сокрушить Русское государство, уничтожить самое имя России и отдать в руки инородцев русский народ. Во второй Думе представителями от Петербурга сидели еврей с товарищами. Эта Дума была игрушкой в руках инородцев и местом составления заговоров для революционеров»³⁷⁶.

Выдвижение инородцев на первые роли в законодательном учреждении и их активность свидетельствовали о некачественности политической элиты русского народа, не сумевшей сформулировать национально-государственные интересы страны и ставшей инструментом в руках четко видевшего свои политические ориентиры инородческого эстеблишмента. Продвигая мысль о преждевременности учреждения русского парламента, крайне правые указывали, что являвшаяся выразителем наиболее образованных слоев русского общества партия кадетов «вошла в союз с революционерами финляндцами, армянами, поляками, латышами, не говоря уже о жидовском Бунде»³⁷⁷.

Во-вторых, Дума как трибуна революционизирования страны. Практика работы Дум первых созывов утвердила черносотенцев в мысли, что русский парламент стал для враждебных инородцев трибуной для раздувания в стране революции, выразившейся в посылке в законодательный орган нелояльных режиму депутатов. Изобличая стремление сепаратистов к разрушению Российского государства, в сентябре 1907 г. Русское собрание громогласно заявляло: «Требуя амнистии палачам революции... члены Думы ...необузданной болтовней раздували революционный пожар в залитой кровью несчастной стране нашей, попирали народные святыни, предавали русские интересы, явно служили внешним и внутренним врагам России, явно работали по инородческой и еврейской указке»³⁷⁸.

В разгоне первых двух Дум черносотенцы видели отеческую заботу царя, не желавшего смириться с ущемленным положением оттесненных крамольниками на задний план «истинно русских» людей и попытавшегося восстановить естественное положение первенства русского народа. В частности, данная позиция была изложена в июле 1907 г. в обращении СРН: «Жида же, армяне, поляки и крамольники, воспользовавшись смутой, хотели было,

сидя в Думе, Русским государством управлять, да не тут-то было. Думу Государь разогнал 3 июня и повелел, с 1 сентября 1907 года, по новому закону, новую Думу так выбирать, чтобы в нее побольше русских и поменьше инородцев попало...»³⁷⁹

Изменение избирательного закона, сопровождавшееся разгоном 3 июня 1907 г. II Государственной Думы, несколько оздоровило политическую ситуацию в стране, но кардинально не изменило. По мнению крайне правых, III Государственная Дума с меньшей интенсивностью, но все же продолжила разрушительную работу своих предшественниц, став инициатором ряда опасных законопроектов. В сторону октябристской Думы звучали упреки о предпочтении интересов инородцев в процессе обсуждения Холмского вопроса, попытке уравнивания религий и введения режима свободы совести, учреждении в Западном крае земских институтов, отмене черты еврейской оседлости, наделении пенсией учителей еврейских школ и т. д. «Если все это злое, что сделано последней Думой, не есть открытое предательство и, как говорят некоторые, лишь теоретичность взглядов и непонимание народного духа и требований, то и в таком случае подобным людям недопустимо занимать подобающие места», — делал заключение председатель Астраханской народно-монархической партии Н. Н. Тиханович-Савицкий³⁸⁰.

Впоследствии черносотенцы окончательно утвердились во мнении, что присутствие инородцев в законодательном учреждении является источником дезорганизации работы всего государства. Состоявшийся в декабре 1911 г. в Москве Всероссийский съезд Союза русского народа подвел окончательные итоги: «...с самого начала существования и до сих пор, вопреки воле монарха, Государственная Дума служила и служит местом крамолы, расчленения и духовного растления русского народа, при-

сваивая себе роль парламента — конституционного учреждения»³⁸¹. Следует отметить, что в отличие от дубровинских ортодоксов обновленцы более положительно оценивали работу III и IV Государственных Дум, считая, что благодаря присутствию крайне правой фракции «забрезжил свет национального самосознания»³⁸². Ее деятельность вселяла надежду на постепенное вхождение народного представительства в подготовленную для нее монархистами колею.

Исходя из неудачного опыта работы первых Дум, черносотенцы пришли к убеждению о необходимости ограничения участия инородцев в деятельности законодательного учреждения. В частности, в резкой и краткой форме квинтэссенцию ограничительных мер в мае 1907 г. сформулировала газета «Русское знамя» в отношении поляков: изгнание польских депутатов из Государственной Думы и лишение польского края права посылки в законодательное учреждение иных представителей, кроме русских³⁸³.

Как и националисты³⁸⁴, в вопросе правовой дискриминации черносотенцы исходили из позиции об обоснованности ограничения политических прав враждебных инородцев на общегосударственном и местном уровне в целях пресечения их антигосударственной деятельности. Они уделяли особое внимание критике популярного в среде либеральной и революционной оппозиции мнения, согласно которому отсутствие свобод и равноправных отношений с метрополией толкало национальные меньшинства на конфронтацию с властями. По утверждениям правомонархистов, бунтовать инородцев заставляло не отсутствие свободы, а наоборот. Именно ее чрезмерное наличие приводило к кровавым выпадам против титульной нации. В частности, дарование инородцам Манифестом 17 октября всей полноты прав способствовало лишь усилению их разрушительного натиска на русскую нацию и российскую государственность: «Что дала эта свобода

Белоруссии? Прежний мир, прежние добрососедские отношения между православными и католиками отошли в область преданий. Взамен пышно расцветает иезуитская пропаганда и стремление подчинить Св. Русь влиянию Папского престола в Риме. Идет усиленная пропаганда полонизма и католицизма не только в Западном крае и Польше, но и по всей России»³⁸⁵. Отсюда делался вывод о том, что ограничение свобод приведет к локализации национальной и революционной борьбы. Казалось, что стоило дать жесткий укорот инородцам, пустить в ход все силы и средства репрессивного аппарата самодержавия, как спокойствие вновь придет на окраины. Любое сопротивление, по мнению крайне правых, необходимо было давить в зародыше³⁸⁶.

В поиске дополнительных аргументов крайне правые обращались к примеру Британской империи, являвшейся для их политических оппонентов, в частности кадетов, образцом передового государства. Покоренные англичанами народы, в первую очередь индусы, не пользовались гражданскими правами коренных жителей туманного Альбиона, равно не имели представительства в законодательном учреждении Великобритании. Таким образом, ущемленное политическое и экономическое положение национальных меньшинств рассматривалось естественным для всех империй, где государствообразующая нация предоставляла завоеванным народам лишь тот объем прав, который не подрывал внутренней стабильности и целостности страны. Исходя из данных соображений, черносотенцы выводили заключение о том, что имперская власть могла самостоятельно устанавливать баланс предоставляемых прав державообразующему народу и национальным меньшинствам в целях обеспечения оптимальных условий для развития Российского государства: «Русский народ хочет, чтобы Россия была для русских, и заставит подчи-

ниться все покоренные племена своей могучей воле»³⁸⁷. Данный подход в июле 1907 г. обосновала газета «Русское знамя», предложившая рассматривать враждебных инородцев с точки зрения «военных приобретений» в результате «завоеваний»³⁸⁸.

Нейтрализовать угрозы первенствующему статусу русского народа, по мнению правомонархистов, могли следующие меры.

Во-первых, ограничение представительства национальных меньшинств в Государственной Думе на период государственной нестабильности. Исходя из положения о том, что наиболее заинтересованными в дальнейшем ослаблении государства являются враждебные инородцы, черносотенцы выдвинули предложение о том, что «впредь до полного умиротворения государства, окончательного подавления революционного движения и анархии» право голоса в Думе должно предоставляться только носителям базовых русских ценностей. Условием отмены ограничения для представителей национальных окраин должно было быть полное приобщение их к государственным интересам и отказ от сепаратистской деятельности. В противном случае «инородцы, впредь до окончательного слияния их интересов с общегосударственными, не могут быть полноправными членами Государственной Думы...», — заявлялось в постановлениях состоявшегося в 1909 г. в Москве Монархического съезда русских людей³⁸⁹. Отстранение от участия в работе Государственной Думы национальных меньшинств должно было регулироваться специальными законами, продление или отмена которых находились в зависимости от активности сепаратистского движения в конкретной местности, наличия революционных партий и иных проявлений неояльности.

Во-вторых, полный запрет на участие в выборах евреев. Утверждая данное положение, черносотенцы исходили из того, что евреи являются непримиримыми врагами Русско-

го государства и участие их в законотворческой деятельности недопустимо. «Иудеи как граждане глубоко и принципиально враждебного всему христианству международного паразитирующего государства никогда и ни в каком случае не имеют доступа в Государственную Думу», — требовали в 1909 г. участники состоявшегося в Москве Монархического съезда русских людей³⁹⁰. Запретительные меры в отношении евреев были внесены в программы и уставы большинства крайне правых организаций. «Союз будет стремиться к изменению положения о выборах в Государственную Думу в том смысле, чтобы, во-первых, евреи как народность, не имеющая никакого определенного географического очертания в России, были лишены права участия в Государственной Думе», — гласил пункт программы Русского народного союза им. Михаила Архангела³⁹¹. Вслед за евреями запрет на доступ в Государственную Думу могли получить поляки, финны и «кавказские туземцы» как следующие за ними по степени враждебности³⁹².

В-третьих, недопущение инородцев к обсуждению круга вопросов, связанных с первенствующим статусом русского народа, по причине различности их интересов с интересами державной нации. Пытаясь нейтрализовать влияние национальных меньшинств на решение основополагающих и судьбоносных проблем жизни русского государства, состоявшийся в 1909 г. в Москве Монархический съезд русских людей сформулировал список тем, к обсуждению которых они не допускались. К таковым, в частности, относились: об отношении церкви к государству и окраин к центру, вероисповедный, государственной обороны, аграрный, социальной структуры общества (сословный строй), школьный (за исключением инородческих учебных заведений)³⁹³.

Наиболее жесткое ограничение черносотенцы налагали на участие инородцев в обсуждении законов, касав-

шихся статуса Русской православной церкви. Основания для беспокойства у них были. Указывая на инородческий состав комиссии по вопросу об исповеданиях II Государственной Думы, куда, по заявлению «Русского знамени», вошел «весь наличный состав евреев Второй Думы» и ни одного православного из числа присутствовавших в Думе крестьян, крайне правые били тревогу по поводу разрабатываемых в недрах комиссии законопроектов о свободе совести и отделения церкви от государства. Включенные в комиссию русские не могли выступить защитниками православия по причине своих либеральных взглядов: «Утешать себя надеждами, что православную религию от натисков евреев и армяшек отстоят такие столпы православия, как Долгоруков, Тесленко и поп Тихвинский, вошедшие в эту комиссию от партий Думы, — праздное занятие»³⁹⁴. В результате судьба РПЦ была всецело предоставлена в компетенцию «инородцев, иноверцев и особенно иудеев»: «...православию грозит серьезная опасность, не его существованию, а его нравственной неприкосновенности, ибо кроме поругания православия ничего иного от этой инородческой комиссии и ожидать нельзя»³⁹⁵.

Допуск национальных меньшинств в Государственной Думе к обсуждению фундаментальных основ русской государственности казался правомонархистам неслыханным: «...реформу церкви... обсуждать... будут и жида Нисселович и Фридман, и поляки, и татары, и армяне, словом, те инородцы и иноверцы, для которых разрушить Русскую православную церковь, оплот государства, — крайне желательно»³⁹⁶. Исходя из присущих черносотенным идеологам конспирологических представлений, они были убеждены, что православие подвергается спланированным и целенаправленным ударам, так как в масонской среде существовал проект замены державной религии атеизмом. Пытаясь закрепить первенство носителей базовых ценностей рус-

ского культурно-исторического сообщества на решение вопросов, имевших общеимперский характер и касавшихся основ политического и хозяйственного строя страны, программы крайне правых организаций декларировали, что обсуждать их могли только «православные русские люди» как представители народа, создавшего Российское государство³⁹⁷.

В-четвертых, ограниченность полномочий инородцев в обсуждении общеимперских вопросов. Понимая, что игнорировать интересы национальных меньшинств в условиях постманифестной монархии нельзя, некоторые черносотенные союзы шли на компромисс, допуская в качестве исключительной меры их участие в выработке законопроектов, имеющих отношение к их народности. Эти послабления предусматривались только в отношении дружественных инородцев, внесших в состав империи свои территории и не участвовавших в революционном и сепаратистском движениях. В данном случае им предоставлялось право решающего голоса только по вопросам, касающимся их «собственного быта и собственной территории», причем это право не распространялось на остальные части государства. Состоявшийся в октябре 1906 г. в Киеве Съезд русских людей не исключал возможности обсуждения депутатами с окраин общеимперских вопросов, но при условии пользования лишь совещательным голосом³⁹⁸.

Отдельные черносотенные организации предусматривали в своих программных установках право донесения своих нужд и враждебным инородцам. В частности, в программе Русского народного союза им. Михаила Архангела заявлялось: «...чтобы выборные от окраин Польши и Кавказа, избранные членами Думы, получили бы право голоса только по вопросам, касающимся нужд обитаемых ими окраин, разрешение каковых в том или ином смысле должно быть делом исключительно русской Государ-

ственной Думы и должно отвечать интересам как политическим, так и экономическим России, а ни в каком случае не идти им вразрез»³⁹⁹. Здесь черносотенцы страховались, так как участие в работе Думы национальных меньшинств могло быть использовано для получения дополнительных льгот и привилегий, что объективно увеличивало и без того тяжелую нагрузку на державный народ по обеспечению империи. Впрочем, данная позиция являлась исключением среди крайне правых организаций.

В-пятых, изменение избирательного закона. Причину инородческого состава первых двух Государственных Дум черносотенцы видели в несовершенстве избирательного закона. Основываясь одновременно на сословном, имущественно-цензовом и территориальном принципах, он открывал широкие ворота доступа к законотворческой работе сепаратистам. На состоявшемся в Киеве в 1906 г. III Всероссийском съезде русских людей было предложено положить в основу нового выборного закона «русское национальное начало», которое обеспечило бы лояльному населению свое представительство в Государственной Думе. С середины 1906 г. черносотенцы развязали кампанию давления на царя посредством посылки телеграмм с требованием издать новый выборный закон, основывающийся на «национально-православной» составляющей, а именно:

а) сословно-приходском принципе (взамен волостного, т. е. территориального), который бы обеспечил в Думе представительство православных крестьян — носителей русских традиций. Внедрение сословно-приходского принципа должно было преодолеть несовершенство избирательного закона, при котором представительство в Думе от сословия крестьян-землевладельцев и горожан обеспечивали лица, ничего общего с данными социальными группами не имевшие. Черносотенцы возмущались тем

обстоятельством, что депутатом от столицы православного государства — Петербурга оказался еврей⁴⁰⁰;

б) принципе сегрегации избирательных курий по национальному признаку. Желая снизить влияние инородцев на выборы депутатов, черносотенцы предложили в местностях со смешанным населением разделить избирательные курии, создав специальные инородческие. Условием, при котором инородцы могли образовывать собственные избирательные курии, являлся 5-процентный барьер их представительства на территориях смешанного проживания. При этом количество подлежащих выбору в Думу инородцев из мест с преобладающим неправославным населением не должно было превышать числа выбранных депутатов от православного населения. Обосновывая явные привилегии для русских, черносотенцы указывали на недостатки жителей национальных регионов Российской империи, выражавшиеся в использовании своего положения в личных целях, кумовстве, родственном и земляческом эгоизме, которые не могли быть терпимы в деле государственного строительства. Признавая, что среди них могут быть и вполне профессиональные управленцы, предлагалось использовать их «в чужом месте», так как «у себя же дома тянут своих невольню, связанные родством и дружбою», — утверждалось в постановлениях состоявшегося в ноябре 1911 г. в Москве Всероссийского съезда Союза русского народа.

В контексте русского вопроса первенство державной нации рассматривалось как скрепа империи и инструмент противодействия сепаратистским устремлениям. Исходя из данного посыла, крайне правые обращались к депутатам Государственной Думы с требованием отвергать «всякую мысль об “автономии” окраин и отдельных областей» и требовать «первенствующего значения во всех отраслях государственной жизни русским людям и русскому наро-

ду»⁴⁰¹. По мнению правомонархистов, только в условиях законодательно закреплённого первенства представлялось возможным продвижение государственных интересов на присоединённых территориях и экономический экспансионизм, в частности, обеспечение таких программных пунктов, как теснейшее единение коренной России с окраинами, установление на окраинах твердой русской государственной власти, охрана интересов русского народа, неотложное принятие мер к восстановлению порядка, самовоспитание инородцев, чтобы стать «русскими по духу», подъем коренного русского центра, насаждение в центре страны национальных сил, способных практически противостоять любым сепаратистским поползновениям⁴⁰².

Многочисленные примеры окраинного сепаратизма, попыток оттеснить русских от руля государства и захват стратегических позиций в народном хозяйстве рождали тезис об игнорировании и попирании инородцами национально-государственных приоритетов державного народа. «Настолько усиленно и успешно в этом направлении работали враги русского народа, что внешними, для всех видимыми успехами даже сами они, враги, обманулись: им показалось, что к 17 октября 1905 г. все уже было приготовлено к ниспровержению Руси, и они свирепо набросились на колосса русского, но, к счастью, ошиблись. Жестокий штурм отбит. Но этим еще далеко не исчерпана вся сила вражеская», — заявлял киевский профессор Н. С. Мищенко на состоявшемся в октябре 1908 г. Съезде отделов Союза русского народа Юга России⁴⁰³.

Поэтому реализация монополии титульной нации на политическую и экономическую сферы Российской империи неизбежно диктовала необходимость решения специфических проблем, связанных с ликвидацией при-

вилегий отдельных инородческих окраин, которых были лишены как население коренных русских областей, так и большинство других национальных меньшинств. В данной связи объектами масштабной критики правомонархистов стали обладавшая автономным статусом Финляндия и имевшая развитый институт городского самоуправления Польша, в отношении которых предлагалось осуществить следующий комплекс мер.

1. Ликвидация финской автономии. Исключительное положение обладавшей автономным статусом Финляндии в составе Российской империи привлекало к себе пристальные взоры крайне правых, убежденных в необходимости восстановления унитарности империи посредством ликвидации финского национально-государственного изоляционизма и утверждения равного с прочими российскими территориями правового положения. При этом идеологи крайне правых обращали внимание на необходимость восстановления исторической и социальной справедливости, так как финны обладали невиданными для державного народа преимуществами. Здесь черносотенцы выступали не только за уравнивание финнов в правах с остальными российскими подданными, но и защитниками русского народа, представители которого на территории Финляндии были лишены значительного объема политических и гражданских полномочий. Отмечалось, что любой житель финской окраины обладал всеми преимуществами подданного империи в любом ее конце.

Помимо этого привлекательность автономного статуса Финляндии возбуждала претензии со стороны национальных элит других окраин империи (Польша, ряд регионов Кавказа и Закавказья), что неизбежно вызывало центробежные процессы и мешало возвращению империи в состояние вожделенного покоя: «В тех случаях, когда по каким-либо причинам дают инородцам одинаковые пра-

ва с коренным населением, а тем более преимущества, то присоединенные народы тотчас стремятся к обособлению и затем, — заручившись самостоятельностью, становятся во враждебные отношения к своей владычице и... сами норовят извлечь из нее для себя выгоды и подорвать могущество»⁴⁰⁴. По такому сценарию развивалась ситуация в Австро-Венгерской империи, где немцы, как государство-образующий народ, были вынуждены под натиском национальных меньшинств сдавать одну позицию за другой, что в результате ставило под вопрос целостность страны.

В качестве идеологического и правового обоснования упразднения финской автономии и уравнивания финского населения в правах с другими подданными империи черносотенцы выдвинули следующие тезисы.

Во-первых, Финляндия принадлежит России на правах завоевания и военного трофея. В программе и уставе Русского народного союза им. Михаила Архангела утверждалось, что Финляндия является нераздельной с Россией окраиной, «кровью русского солдата, навеки завоеванной»⁴⁰⁵.

Во-вторых, Финляндия является частью русской земли, утерянной во времена средневековья и возвращенной в результате изгнания агрессора: «... русская Финляндия в преобладающей своей части является древним достоянием России, точные пределы коего установлены были историческими актами (Ореховский договор Новгорода со Швецией 12 августа 1323 г.), временно отторгнутым, но возвращенным в увеличенных размерах, по договорам 1721, 1743 и 1809 годов “навсегда”, как “собственность и державное обладание Российской империи”»⁴⁰⁶.

В-третьих, отсутствие юридических оснований финской автономии подтверждалось основными правовыми документами, определявшими государственный строй страны. В частности, Свод законов Российской империи

издания 1906 г. признавал Финляндию частью Российской империи, а не отдельным государством⁴⁰⁷. Манифест 17 октября, к которому черносотенцы испытывали спорные чувства, также утверждал статус Финляндии как имперской провинции. В обращении Русского собрания говорилось: «...упоминание в Манифесте о “порядке обсуждения законопроектов, общих для империи и Великого Княжества Финляндского” — еще раз удостоверяет, что Финляндия с Россией составляют одно неделимое целое, а следовательно и пожелание Русского собрания о неделимости и цельности России осуществилось в этом акте монаршей милости»⁴⁰⁸.

Настаивая на реанимации жесткой линии, свойственной правлению Николая I и Александра III, последовательно проводивших курс на ликвидацию автономного статуса Финляндии, черносотенные идеологи утверждали: «...политика теснейшего исполнения финляндской окраины с остальной империей... явилась не новшеством, но лишь возвратом к первоначальному, истинному положению Финляндии в составе Российской империи, — признанному всеми лучшими представителями русской науки»⁴⁰⁹. Заявлялось, что предоставление после присоединения окраины привилегированного статуса Финляндии, выразившегося в консервации особой административной и правовой системы, сохранении в качестве государственного языка финского следует рассматривать как аванс имперских властей за лояльное поведение в будущем. С учетом того, что Финляндия не оправдала возлагавшихся на нее надежд, центральные власти имеют неосомненное право ввести в крае общую для всей империи административную и законодательную систему.

Исходя из вышеизложенного, следовал вывод об отсутствии у Финляндии историко-правовых оснований на автономное существование в границах империи и ее праве

претендовать лишь на местное самоуправление. «Финляндия составляет органическую неотделимую часть Российского государства, пользующуюся великодушным произволением русских монархов, самоуправлением в области внутренних ее хозяйственных и общественных нужд, и в области государственно-политической она ни одним законодательным актом не была и не должна быть противопоставлена остальной России», — говорилось в постановлениях II Всероссийского съезда русских людей⁴¹⁰.

К первостепенным мерам решения «финской проблемы» черносотенцы относили ликвидацию всех имевшихся у Финляндии привилегий, делавших ее положение в составе Российской империи уникальным. Иными словами, статус окраины должен был быть понижен до уровня рядовой российской губернии. Ряд предварительных политико-правовых реформ по данному вопросу был выработан на II Всероссийском съезде русских людей в 1906 г. и на Съезде русских людей в Москве в 1909 г. В сжатом виде они содержали полное уравнивание как гражданских, так и служебных прав русских и финских подданных⁴¹¹. В первую очередь, финны должны были наравне со всеми подданными империи на общих основаниях нести бремя по обеспечению безопасности государства (отбывание воинской повинности и несение расходов по государственной обороне). Принципиальность данного требования особо подчеркивал лидер СМА В. М. Пуришкевич: «Принимая во внимание, что участие Финляндии в расходах по обороне империи не соответствует действительным затратам государства на оборону, ходатайствовать, чтобы это участие (отнюдь, впрочем, не в виде натуральной воинской повинности) было распространяемо на Финляндию в полной мере»⁴¹². Понимая, что выполнение этого пункта приведет к наполнению русской армии неблагонадежным финским элементом, крайне правые проявляли известную

гибкость, предлагая заменить личное отбывание воинской повинности денежной компенсацией⁴¹³.

В рамках русификации и культурного прикреплении к империи в Финляндии должен быть введен государственный русский язык в школы, суды и все государственные учреждения. Важная роль отводилась экономической интеграции с Россией, которая должна была проявляться в ликвидации финской денежной системы и замены ее имперской: «Русская монетная система должна быть единою во всей империи, не исключая Финляндию»⁴¹⁴. При реализации русификаторской политики черносотенцы настаивали на ее твердом характере, предупреждая власти, что «всякие колебания, задержки и уступки всегда веди лишь к ослаблению уз, связавших край с Россиею...»⁴¹⁵. Желая подсластить горькую пилюлю и компенсировать утрату имевшихся привилегий, финнам предлагалось участие в выработке общеимперских решений в рамках работы в Государственной Думе. Несмотря на негативное отношение к участию враждебных инородцев в законодательном учреждении, ради стратегического успеха черносотенцы готовы были пожертвовать этим принципом. В частности, о возможности привлечения финнов к имперскому законодательству заявлял в своей программе Союз Михаила Архангела⁴¹⁶.

2. Ограничение польского самоуправления. Если в контексте финского вопроса черносотенцами ставилась задача ликвидации автономии, то польская проблематика включала в себя ограничение или полное упразднение имевшего место быть на этой окраине городского самоуправления. Базовый подход черносотенцев к проблеме самоуправления определялся следующими принципами: самоуправление, во-первых, не должно затрагивать интересов центральной власти, во-вторых, должно ставить на первое место общегосударственные интересы⁴¹⁷. Крайне

правые настаивали, что только доказавшие преданность базовым ценностям русской цивилизации инородцы могли рассчитывать на самоуправление при строгом надзоре центральных властей, дабы «это самоуправление нигде не клонилось к ущербу русских народных интересов — религиозных, умственных, хозяйственных, правовых и политических», — утверждалось в распространенном в ноябре 1905 г. обращении Русского собрания⁴¹⁸. В постановлениях состоявшегося в апреле 1906 г. в Москве II Всероссийского съезда русских людей было высказано пожелание о «предоставлении Эстонии и Латвии местного самоуправления» как инструмента для противодействия «немецкой колонизации Прибалтийского края»⁴¹⁹.

Степень возможного расширения прав инородцев в области местного самоуправления находилась в пропорциональной зависимости от степени их лояльности центральным властям. С учетом того, что поляки были причислены к враждебным инородцам, на сохранение и всемерное развитие институтов самоуправления, по версии черносотенцев, они рассчитывать не могли. Обосновывая правоту своей аргументации, черносотенцы указывали на негативный опыт введения городского самоуправления в 90-х гг. XIX в., вызвавший масштабный рост польского засилья. В составленной в 1911 г. докладной записке ряда правых партий на имя премьер-министра В. Н. Коковцова указывалось: «...самоуправления городские на всем северо-западе, а частью даже и на юго-западе находятся почти исключительно в польских руках. Вследствие этого городские служащие там поляки, подряды, заказы и иные городские работы отдаются полякам, исполняются польскими инженерами и польскими рабочими, которых иногда стараются нарочно выписывать издалека. Нарождается многочисленный польский “третий элемент” крайне шовинистского характера. Города пестрят польскими объяв-

лениями и вывесками — были принуждены их вывешивать и владельцы не польских магазинов. Появился, при помощи городского управления, польский театр, появились польские газеты, в том числе очень дешевого, народного типа»⁴²⁰. Политика городских самоуправлений неизбежно вела к ополячиванию белорусской деревни, находящейся в тесных торгово-экономических отношениях с городом.

Основа польского засилья в земских органах самоуправления Западного края была заложена в законе о выборах 1890 г., по которому более многочисленное русское население оказывалось неспособным провести своих представителей из-за земельных и домовладельческих ограничительных цензов. С одной стороны, число полноцензовых польских дворян-землевладельцев вчетверо превышало число таковых же русских при почти равных площадях русского и польского землевладения. С другой — число польских цензовых домовладельцев превышало число русских, что давало возможность заполнить городские думы польским «элементом». Цензовый порядок выборов обеспечивал преобладание поляков и при выборах в Государственный Совет, когда от 18-миллионного русского населения девяти западных губерний в этот государственный орган избирались только поляки — представители 780-тысячного польского населения⁴²¹. Черносотенцы сделали попытку нейтрализовать несправедливость цензового закона, предложив на состоявшемся в 1909 г. в Москве Монархическом съезде русских людей разделение избирательных землевладельческих и городских курий на два отдела — русский и польский, с предоставлением каждой национальности числа гласных пропорционально площади землевладения и численности городских жителей⁴²².

Вторым по важности вопросом в контексте сохранения империи являлось недопущение введения и развития в Западных губерниях института земства, которое, по

мнению крайне правых, стало бы, во-первых, очередным шагом для предъявления дальнейших сепаратистских требований, а во-вторых, инструментом закабаления численно незначительной, но экономически сильной польской диаспорой православного населения края. «Если земство будет введено на общих основаниях... то через 10 лет наш край будет частью Речи Посполитой», — заявлял в своей речи в сентябре 1909 г. на Монархическом съезде в Москве видный черносотенец Г. К. Шмидт⁴²³.

3. Отторжение территории. Предлагая различные рецепты решения финской и польской проблем, крайне правые не могли не понимать их трудную реализуемость в силу неорганичности этих окраин с остальными провинциями России. Различие в путях исторического развития и духовно-культурная чуждость Польши и Финляндии, тяготевших к европоцентристским перспективам, рождали мысль о невозможности их интеграции в состав империи даже в длительной перспективе. В наказание за строптивость отдельными идеологами крайне правых озвучивалась идея изъятия из их состава территорий, населенных преимущественно православным населением. В частности, вопрос отторжения у Польши земель был впервые поставлен на состоявшемся в апреле 1906 г. в Москве II Всероссийском съезде русских людей, на котором было предложено образовать особую Холмскую губернию с присоединением ее к губерниям Юго-Западного края⁴²⁴. Это требование поддержал через три года Монархический съезд русских людей, принявший постановление выделить из пределов Привислинского края Царства Польского в особую губернию Холмщину и Подляшье, так как «поляки, протестующие против выделения, никаких прав на Холмщину, как искони русскую землю, не имеют»⁴²⁵.

В контексте финского вопроса состоявшийся в 1909 г. в Москве Монархический съезд русских людей по пред-

ложению В. М. Пуришкевича постановил возбудить соответствующие ходатайства о выделении из состава Финляндии Выборгской губернии, как «искони русскую область и населенную русскими людьми, неправильно в начале XIX столетия включенной в состав Финляндии... и причислить к категории губерний Европейской России»⁴²⁶. В 1911 г. черносотенцы предлагали премьер-министру В. Н. Коковцову изъять из состава Великого княжества и присоединить к России совершенно обруселые территории финляндской Карелии⁴²⁷.

Нежелание поляков разделить свою судьбу с русским народом, непрекращающаяся вражда к Российскому государству заставляли черносотенцев прийти к неутешительному выводу о том, что «Царство Польское, вместо того чтобы быть передовым постом и оплотом России, есть и будет всегда передовым постом и оплотом для ... других наций, России недоброжелательных»⁴²⁸. Учитывая расходы по управлению беспокойной окраиной, содержание крупной военной группировки в крае, сильную конкуренцию фабричной промышленности Царства Польского, отбывавшей внутрироссийский рынок у «коренной» русской буржуазии, черносотенцы приходили к выводу о том, что Польша слишком дорого обходится русскому народу. Заплаченная русским народом цена за нахождение Польши в составе империи казалась слишком высокой. Черносотенцы приводили слова Николая I, считавшего Польшу проклятием для России и не без симпатии относились к предложению Паскевича обменять у Австро-Венгрии Польшу на Галицию⁴²⁹. В пылу полемики со стороны черносотенных публицистов звучали мысли об ошибочности присоединения Польши в состав империи и необходимости оставить «это яблоко раздора... разделенным между Австрией и Пруссией», с последующим полным онемечиванием поляков. Крайне правым казалось: «полезнее было

бы получить России, вместо Царства Польского, один Мемель с его маленькой по Неману территорией»⁴³⁰. Желая побольше насолить строптивым полякам, центральный орган СРН газета «Русское знамя» в июне 1907 г. предлагала отдать Польшу не Австро-Венгрии, а Германии, чьи культурегеры имели более значительный опыт по онемечиванию славянских племен⁴³¹. Впрочем, подобные предложения на страницах крайне правой печати носили эмоциональный характер и не ставили целью их практическую реализацию, так как противоречили базовому принципу правомонархической идеологии о единстве и неделимости Российской империи.

Существенное влияние на изменение позиции черносотенцев по национальному вопросу оказала I Мировая война, вызвавшая пересмотр ряда принципиальных положений, в частности, по немецкой и польской проблематике. Если в отношении вступивших в русское подданство после 1870 г. немцев как «лояльных» враждебной стороне лиц предлагалось введение жестких дискриминационных санкций, а именно: признание их иностранными подданными со всеми вытекающими из сего по закону последствиями⁴³², то в отношении Царства Польского произошли явные послабления. В связи с провозглашением Германией и Австро-Венгрией намерения по окончании войны создать самостоятельное польское государство с присоединением к нему ряда российских территорий, правомонархисты поддержали выраженную в царском манифесте волю по образованию «целокупной Польши из всех польских земель и предоставление ей по завершении войны права свободного строения своей национальной, культурной и хозяйственной жизни на началах автономии, под державным скипетром государей российских и при сохранении единой государственности»⁴³³.

Вновь появившаяся после начала мировой войны правомонархическая организация — Отечественный союз, устами своего председателя В. Г. Орлова продекларировала отказ от травли инородцев. Оправдываясь перед единомышленниками из других крайне правых организаций за отход от канонов, он заявлял в открытом письме: «Долгом считаю сообщить во всеобщее сведение русским людям, что я остался таким же правым, патриотом, преданным престолу и России, каким был даже при современном шатании умов многих правых деятелей, и в уставе организованной мною политической партии, как и во всех монархических уставах, ясно указано о непреложном, твердом и неизменном служении самодержавному Государю, Православной церкви и русскому народу, и все члены этой партии обязуются исповедать наши исконные начала и твердо охранять исторические устои. Правда, в уставе этой партии нет вызова инородцам, не допускается травля их, ибо, отвечая современным повелительным запросам жизни нашей родины, было бы негосударственно и несправедливо действовать против тех народностей, кои сражаются за честь, славу, мощь и величие России»⁴³⁴. Однако благородный порыв В. Г. Орлова не был оценен, и он подвергся остракизму из крайне правого лагеря.

Как видим, практическая реализация первенства русского народа как инструмента преодоления инородческого влияния неизбежно налагала отпечаток на формирование позиции крайне правых по инородческому вопросу. Проведенные в 1905—1907 гг. государственные преобразования, либерализовавшие общественно-политическую жизнь и вызвавшие широкое национальное движение, по убеждению черносотенцев, обострили и без того напряженные отношения между русским народом и враждебными инородцами. Это актуализировало вопрос о природе и перспективах Российской империи. Если в либеральном и

революционном лагерьх широкое распространение получил тезис о поработительном характере Русского государства, то черносотенцы жестко отвергли определение Российской империи как «тюрьмы народов». В ходе газетной полемики, они вывели свою систему доказательств жизнеспособности уникального в истории человечества многонационального государства и положительный анамнез его развития. Здесь черносотенцы применили традиционный для них метод сравнительного исторического анализа современной им русской державы с распавшимися многонациональными государствами прошлого и настоящего. Акцентируя внимание на базисных основах империй прошлого, черносотенцы указывали, что при их строительстве закладывались следующие принципы.

1. Военная сила, организационное и техническое превосходство завоевателей над покоренными народами. В частности, созданная «силой и гением ее царей» обширная Персидская империя, включавшая огромные территории с многочисленными покоренными народами, часто более культурными, чем завоеватели, держалась только на военной силе малочисленных персов. Та же картина наблюдалась в Римской империи, где небольшой, но доблестный и организационно сплоченный народ, покорив огромные территории, не сумел сколько-нибудь существенно их колонизировать⁴³⁵. Рим строил свою империю на недостаточной количественно, но необычайно высокой качественной человеческой базе, которая, будучи подточена войнами и разжижена миграционными процессами, привела невиданное геополитическое образование к падению. Та же участь ждала и разделенную морями и имеющую слабые внутренние связи Британскую империю, основывавшуюся на техническом превосходстве англичан, которые не смогли вовлечь в лоно своей цивилизации многочисленные покоренные народы.

2. *Гений создателя.* В отдельную категорию черносотенцы относили так называемые искусственные империи, созданные благодаря гению одного человека и потому отличавшиеся крайней недолговечностью. К таковым черносотенные идеологи относили империи Александра Македонского и Наполеона⁴³⁶.

3. *Религиозная общность как скрепляющее империю звено.* Данный фактор, появившийся с арабскими завоеваниями, позволил арабам посредством распространения ислама сплотить в одном государстве разноплеменные народы. Однако из-за своей малочисленности они также не смогли сохранить целостности халифата. Распад в ближайшем будущем ожидал и Турецкую империю, в которой, несмотря на насильственное насаждение ислама, покоренные народы держались в повиновении силой оружия⁴³⁷.

В целом черносотенные идеологи утверждали, что фактором, способствовавшим успешному строительству империи, являлось наличие «жизненного импульса» народа-строителя, с ослаблением которого империи распадались. В 1911 г. черносотенное «Русское знамя» предсказывало скорую гибель Британской империй, структурообразующий народ которой уже растратил свои силы. Большой потенциал по сравнению с англичанами демонстрировала молодая немецкая нация, стремившаяся потеснить «европейскую старушку». «Если бы случилась война Германии с Англией и Германия бы победила, то сейчас же бы отпали Египет, Индия и т. д. и английское королевство бы распалось», — заключала черносотенная пресса⁴³⁸. Участь распада ждала и состоявшую из враждующих народов Австро-Венгерскую империю, так как убывающая пассионарность австрийцев встречалась с растущей национальной активностью подчиненных народов — венгров, чехов и поляков.

Декларируя благоприятные перспективы Российской империи, крайне правые указывали на разность базисных основ распавшихся государств с русской державой. Российская цивилизация была моложе европейской примерно на четыре столетия, уже пережившей пик своей исторической активности и неумолимо двигавшейся к закату. Русский народ не растратил свою социальную потенцию и только вступал в период плодоношения. Положительную роль в этом играл умеренный и холодный климат, способствовавший активности, бодрости, энергии и силе русского народа. Русский народ не только в два раза превышал численность остальных народностей империи вместе взятых, но и, обладая большей жизненной энергией, размножался энергичнее и быстрее других. При 100-миллионной численности русских наиболее революционные народы насчитывали: армяне — около 1,5 млн, грузины — 1,1 млн, евреи — 5 млн. Особо рельефно преобладание народа-хозяина над «разрушителями» империи видно из процентного состава населения: русских — 65%, тюрко-татарских племен — 10,6%, поляков — 6,2%, финнов — 4,5%, евреев — 3,9%, литовцев — 2,4%, грузинских племен — сгурийцами — 1,1%, армян — 0,9%, монголов — 0,4% и прочих инородцев — 2%. Следовал вывод, что причины, вызвавшие гибель других империй, в России отсутствуют, так как господствующий народ многочисленнее завоеванных: русских насчитывалось 65% против 34,5% остальных народностей⁴³⁹.

Силе империи способствовали географические факторы. Территориально Россия представляла из себя целостную часть суши, равнинную, богатую природными ископаемыми и малозаселенную. Принадлежавшие России инородческие окраины составляли одну неразрывную с метрополией территорию. Это обуславливало отсутствие, по мнению черной сотни, колоний: «...у нас нет никаких

колоний, а одна обширная государственная территория, нет колонизации, а есть только переселение из более густонаселенных частей в менее густонаселенные»⁴⁴⁰. Отличие от Британской империи состояло в том, что последняя вынуждена была отправлять избыток своего населения за моря, в то время как русский народ, размножаясь, только увеличивал и гуще заселял занятую им сплошную территорию. Газета «Русское знамя» писала: «Русский народ можно приравнять к водоему, в котором постоянно бьют могучие ключи; переполняясь, он заливает все большие и большие площади земли...». Крайне правые считали, что при сохранении «жизненного импульса» русские заполнят территориальные пустоты между всеми племенами и постепенно естественным образом растворят их в себе. Этому способствовала их значительная размножаемость: из 2,5 млн ежегодного прироста в империи 2,2 млн приходилось на русских. Таким образом, русских ежегодно рождалось больше, чем численность грузинского и армянского народов. В 1911 г. черносотенцы прогнозировали, что через сто лет в России будет жить свыше 300 млн человек, из которых русских будет насчитываться не менее 250 млн. «Через сто лет все окраины до Камчатки включительно будут заселены, и нам придется еще кое-что присоединить от соседей», — заявляли крайне правые⁴⁴¹.

Крепость Российской империи обуславливалась ее видовым отличием от предшествующих и современных ей западных аналогов, которое проявлялось не только в разности духовных культур, самобытных формах самовыражения, но и, как следствие, в отношении к покоренным народам. На страницах своей печати черносотенцы приводили многочисленные примеры проявления насильственности европейских народов при проведении жесточайшей колониальной политики: принудительное распространение среди покоренных народов христианства, уничтоже-

ние еретиков, геноцид непокорных, работоторговля, массовые грабежи и т. д.

Обращаясь к русской истории, черносотенные идеологи делали вывод, что терпимость и уважение к побежденным составляли отличительный характер русских в самые грубые времена. Определяющим фактором отношения к инородцам являлась вытекавшая из православия совесть, представлявшая, по замечанию «Русского знамени», «постоянную величину, удаляющую при решении житейских вопросов своекорыстные интересы». Благодаря православию русские «оккупанты» ненасильственно интегрировали инородцев в состав своего государства⁴⁴². Даже в ходе завоеваний, которые нередко проводились разбойничьими атаманами, «слабые, полудикие ... инородцы не только не были уничтожены... но даже не были лишены своей свободы и собственности», а инородная знать включалась в общерусскую жизнь на совершенно равных правах. Крайне правые указывали на секрет «успеха» русских, недоступный пониманию западных народов: «Тысячелетняя история красноречиво свидетельствует, что мы никогда не смотрели и не смотрим на другие племена как на вечных своих врагов и соперников»⁴⁴³. Русское государство интегрировало новые племена и народы и, благодаря преданным устоям страны русским воеводам, «быстро превращало их в русских православных людей без всякого насилия и коварства»⁴⁴⁴.

По мнению черносотенцев, история России была чужда гонений по этническому и религиозному принципу. Московское царство являлось самой веротерпимой страной своего времени, в которой иностранцы не преследовались за исповедание своей религии при условии отказа от миссионерской деятельности в среде православных. При этом оговаривалось, что «русский народ, позволяя всякому иностранцу верить как он хочет, не позволяет

в России строить храмы тех, так называемых культов христианства, в которых разрешается принаравливать свою совесть к интересам минуты, толкуя вкривь и вкось Святое Писание»⁴⁴⁵. Русские власти «не мучили евреев, как мучила Западная Европа, не преследует их...»⁴⁴⁶. Был найден более гуманный выход: отгородиться от «беспокойного племени» чертой еврейской оседлости, игравшей защитную роль для русских духовных устоев. Отказ от притеснения инородцев декларировался и самими черносотенцами. «...не значит, что Союз... намерен *притеснять* другие, *нерусские* народности, входящие в состав Российской империи. Напротив, Союз желает, чтобы всем жилось хорошо, он не допускает даже мысли о порабощении кого бы то ни было», — говорилось в опубликованном в 1906 г. обращении СРН⁴⁴⁷.

Из факта отсутствия специального колониального законодательства черносотенцы выводили тезис о «неколониальном» характере Российской империи (в отличие от Британской — классического примера таковой). Это давало им основание заявлять, что постановка вопроса о колониальном гнете, порабощении и эксплуатации инородцев не применима к России⁴⁴⁸. В крайне правой литературе приводились примеры того, что после присоединения Финляндии и Прибалтики земельная собственность осталась у их прежних владельцев, а местная администрация и аристократия (прибалтийские немцы) были инкорпорированы в политическую систему империи. Подчеркивая достойный статус прибалтийских баронов, ставших источником пополнения административного аппарата империи, черносотенцы часто приводили на страницах своих газет обращенную Николаю I просьбу генерала Ермолова «сделать его немцем»⁴⁴⁹.

Финляндии были сохранены действовавшие на ее территории шведские законы и шведский язык, предоставле-

ны общие с коренным населением империи права, допуск на службу во все правительственные и частные учреждения империи, упразднена воинская повинность, открыт Гельсингфорсский университет с преподаванием на шведском языке и т. д. Вхождение в империю расширило территорию Финляндия за счет включения в ее состав русской Выборгской губернии. При этом «русские не пользуются правом служить в пределах Финляндии. Мыслимо ли где-либо на земле, кроме счастливой России, такое постыдное отношение победителя к покоренным...», — вопрошала черносотенная пресса⁴⁵⁰.

Серьезные преимущества инородческие окраины имели и в экономическом отношении, так как внутри империи были ликвидированы таможенные барьеры. Финляндии было предоставлено право беспошлинного ввоза в Россию промышленных и сельскохозяйственных товаров. Посредством тарифных ставок русское правительство содействовало развитию привисленской фабричной промышленности, давая ей возможность успешно конкурировать с фабричными предприятиями коренной России. Инородческие предпринимательские слои имели равный с коренным народом статус на осуществление коммерческой деятельности. Крайне правые указывали на отсутствие фактов эксплуатации и порабощения национальных меньшинств русским народом. Наоборот, инородческие народы не терпели от «завоевателей» зла и притеснений, а некоторые (в особенности евреи, поляки, финляндцы, армяне, грузины) под защитой русского народа, пользуясь «его потом, кровью и могуществом, — укрепились, разбогатели, жили и спаслись от поглощения их другими народами»⁴⁵¹. В частности, в то время как в России ощущалась острая нехватка высших учебных заведений, в Варшаве был создан университет и политехникум.

На отсутствие в империи колоний указывал низкий уровень жизни народа-хозяина по сравнению со многими инородческими окраинами⁴⁵². Черносотенцев возмущали попытки либеральной оппозиции пересмотра истории, неизбежным выводом из которых следовало, что инородческие окраины — жертва русского империализма, обираемая петербургским правительством, а инородцы — бесправны и угнетаемы. При помощи цифр на страницах крайне правой прессы доказывалось, что денежный поток идет не из окраин в центр, а совершенно в обратном направлении⁴⁵³. Причинами подобного положения являлся отказ русского правительства рассматривать инородческие территории в качестве колоний, в результате чего Центр выступал эксплуатируемой стороной, а целостность империи обеспечивалась за счет покорителей. По твердому убеждению черносотенцев, низкий уровень жизни коренного населения был обусловлен непосильной платой за сохранение единства империи. Если древний Рим и современная Британская империя богатели за счет ограбления своих колоний, то центр русской государственности оказался беднее многих инородческих окраин. Черносотенцы недоумевали: практика европейских государств показывала, что колонии являлись источником обогащения завоевателей, дешевых природных ресурсов, рынком сбыта товаров метрополии и вывоза капиталов. Общепринятые рамки отношения «Центр-колония» проявлялись в значительно ущемленном статусе покоренных народов, правовом неравноправии с коренной нацией, особом колониальном законодательстве, жестком административном руководстве присланными из Центра чиновниками, что обеспечивало мощь и процветание метрополии. Всего этого черносотенцы в современной им России не находили. В их интерпретации сложившееся в империи положение свидетельствовало об эксплуатации окраинами ме-

трополии, а не наоборот. Возрождение и расцвет русского Центра могли произойти только в случае предоставления русским преимуществ перед инородцами или хотя бы равных с ними прав⁴⁵⁴.

Подводя итоги, следует отметить, что внесенное в программные документы всех правомонархических организаций требование первенства русского народа базировалось на выполнении им государствообразующей функции в качестве носителя православной веры и монархических ценностей, обусловивших его значимость в создании Русского государства, империи и уникальной культуры. Остальные народы России данным качеством не обладали, так как в силу специфики исторического развития утратили собственную государственность (или никогда таковой не имели), доверив управление русскому народу, который и стал стержневым элементом конструкции государства, гарантом ее существования, безопасности, правового порядка и мирного сожительства других народов.

Данный принцип крайне правые предлагали положить в основу законодательства страны, наделив приоритетными политическими правами лишь носителей православно-монархических убеждений. В частности, программные установки черносотенных организаций содержали требования приоритетного положения РПЦ, чья церковная организация должна была сохранить свое доминирующее положение, а русский язык сохранить значение государственного на всей территории империи⁴⁵⁵. В рамках имперской системы первенство державного народа было изображено скрепой разноплеменного государства и, в отличие от «инородческого» национализма, не представляло опасности для единства Российской империи. Ослабление первенства носителей базовых русских ценностей рассматривалось как удар по стержневому элементу конструкции государства, что неизбежно привело бы к распаду импе-

рии, а это повлекло бы за собой межнациональные распри между национальными меньшинствами в попытке занять освободившееся место.

Первенство русского народа в правомонархической трактовке нельзя рассматривать в контексте крайних форм национализма (шовинизма, нацизма), т. е. как превосходство и преимущество перед другими нациями по расово-биологическим характеристикам. Согласно программам черносотенных организаций дружественные инородцы могли рассчитывать на равноправие с русским народом, национальную самобытность и самоуправление. В черносотенных документах подчеркивалось не превосходство русской нации, а ее первенство, что нивелирует качественный расово-этнический компонент, но подчеркивает функционально-ролевой.

Библиографические ссылки

- ¹ Русское знамя. 1907. 1 февраля.
- ² Там же. 1908. 12 января.
- ³ Там же. 1907. 21 августа.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. 29 марта.
- ⁶ Размолодин М. Л. О консервативной сущности черной сотни. Ярославль, 2012. С. 139—148.
- ⁷ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № Ц58654.
- ⁸ Прямой путь. 1912. Вып. V (май).
- ⁹ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № 58654.
- ¹⁰ Лебедев С. В. Слово и дело национальной России. Очерки истории русского патриотического движения. М., 2007. С. 59.
- ¹¹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 666.
- ¹² Русское знамя. 1908. 15 января.
- ¹³ Прямой путь. 1913. Вып. III (март).

- ¹⁴ Русское знамя. 1909. 8 сентября.
- ¹⁵ Там же. 1911. 27 апреля.
- ¹⁶ Там же. 1909. 8 сентября.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. 1907. 24 ноября.
- ¹⁹ Там же. 2 декабря.
- ²⁰ Там же. 24 ноября.
- ²¹ Там же. 1911. 27 апреля.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. 1907. 21 июня.
- ²⁸ Там же. 24 ноября.
- ²⁹ Там же. 1913. 2 апреля.
- ³⁰ Там же. 1907. 13 апреля.
- ³¹ Там же. 21 июня.
- ³² Там же.
- ³³ Последние дни императорской власти. По неизданным документам составил А. Блок. Пг., 1921. С.128.
- ³⁴ Русское знамя. 1907. 21 июня.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. 1909. 8 сентября.
- ³⁷ Последние дни императорской власти... С.128.
- ³⁸ Русское знамя. 1909. 11 апреля.
- ³⁹ Там же. 1911. 20 января.
- ⁴⁰ Там же. 1909. 19 сентября.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф.102. 4 д-во. 1905. Д.999. Ч.39. Т.IV. Л.50—51.
- ⁴² Русское знамя. 1909. 18 сентября.
- ⁴³ Там же. 1907. 13 апреля.
- ⁴⁴ Там же. 31 октября; 21 октября.
- ⁴⁵ Там же. 1909. 19 сентября.
- ⁴⁶ Там же. 11 апреля.

- 47 Прямой путь. 1912. Вып. V (май).
- 48 Вестник Русского собрания. 1906. 22 сентября.
- 49 ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Л.853. Ч.55.
- 50 Русское знамя. 1909. 8 сентября.
- 51 ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Л.853. Ч.55.
- 52 Русское знамя. 1911. 27 апреля.
- 53 Там же. 1909. 8 сентября.
- 54 Там же. 1913. 28 марта.
- 55 Там же. 1909. 8 сентября.
- 56 Там же.
- 57 Там же. 19 сентября.
- 58 Там же. 8 сентября.
- 59 Там же. 1907. 29 марта.
- 60 Там же. 1909. 18 сентября.
- 61 Там же. 1907. 23 марта.
- 62 Там же. 1909. 18 сентября.
- 63 Там же. 8 сентября.
- 64 Там же.
- 65 ГАРФ. Ф.102. 4 д-во. 1905. Д.999. Ч.39. Т.IV. Л.50—51.
- 66 Русское знамя. 1911. 27 апреля.
- 67 Там же. 1909. 19 сентября.
- 68 Там же. 18 сентября.
- 69 ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Л.853. Ч.55.
- 70 Русское знамя. 1911. 11 апреля.
- 71 Там же. 1907. 20 апреля.
- 72 Там же. 1909. 19 сентября.
- 73 Там же.
- 74 Там же. 18 сентября.
- 75 ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Л.853. Ч.55.
- 76 Куда временщики ведут Союз русского народа. СПб., 1910. С. 195.
- 77 Русское знамя. 1912. 14 августа.
- 78 Там же.
- 79 Там же.

- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Там же. 1911. 20 января.
- ⁸² Там же. 1912. 14 августа.
- ⁸³ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1908. Д. 237. Л. 55.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Русское знамя. 1909. 8 сентября.
- ⁸⁶ Там же. 18 сентября.
- ⁸⁷ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1906. II отд. Д. 833. Л. 31.
- ⁸⁸ Русское знамя. 1907. 29 марта.
- ⁸⁹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 698.
- ⁹⁰ Там же. Ф. 102. 4 д-во. 1915. Д. 110. Л. 192—193.
- ⁹¹ Русское знамя. 1907. 26 июля.
- ⁹² Там же. 18 мая.
- ⁹³ Цит. по: Русское знамя. 1908. 28 августа.
- ⁹⁴ Куда временщики ведут Союз русского народа. С. 614—615.
- ⁹⁵ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 698.
- ⁹⁶ Русское знамя. 1908. 5 марта.
- ⁹⁷ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 698.
- ⁹⁸ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № 17/34.
- ⁹⁹ Русское знамя. 1908. 9 июля.
- ¹⁰⁰ Там же. 5 марта.
- ¹⁰¹ Там же. 1907. 21 августа.
- ¹⁰² ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 698.
- ¹⁰³ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/2. № 381/33.
- ¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. 102. ДЛ ОО. 1906. II отд. Д. 833. Л. 31.
- ¹⁰⁵ Русское знамя. 1907. 4 июля.
- ¹⁰⁶ Там же. 1911. 27 мая.
- ¹⁰⁷ Там же. 1907. 15 июня.
- ¹⁰⁸ Там же. 1911. 28 мая.
- ¹⁰⁹ Там же. 24 июля.
- ¹¹⁰ Там же. 1908. 19 августа.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² Там же. 1911. 2 июня.

- ¹¹³ Там же. 1908. 19 августа.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ Там же. 1911. 27 мая.
- ¹¹⁶ Там же. 28 июля.
- ¹¹⁷ Русское знамя. 1911. 29 июня.
- ¹¹⁸ Колокол. 1909. 29 сентября.
- ¹¹⁹ ГАРФ. Ф.102. 4 д-во. 1909. Д.172. Л.39.
- ¹²⁰ Русское знамя. 1908. 19 августа.
- ¹²¹ Прямой путь. 1912. Вып. II (февраль).
- ¹²² От Главной палаты Русского народного союза им. Михаила Архангела. К русскому народу. СПб., 1912. С. 3.
- ¹²³ Вестник Союза русского народа. 1912. № 117.
- ¹²⁴ Куда временщики ведут Союз русского народа. С. 614—615.
- ¹²⁵ Русское знамя. 1911. 27 мая.
- ¹²⁶ Там же. 24 июля.
- ¹²⁷ Там же. 1913. 13 июня.
- ¹²⁸ Там же. 1911. 27 мая.
- ¹²⁹ Там же. 2 июня.
- ¹³⁰ Там же. 18 мая.
- ¹³¹ Там же. 2 июня.
- ¹³² Там же.
- ¹³³ Там же.
- ¹³⁴ Там же.
- ¹³⁵ Там же.
- ¹³⁶ Там же.
- ¹³⁷ Там же.
- ¹³⁸ Там же. 1907. 15 июня.
- ¹³⁹ Там же.
- ¹⁴⁰ Там же. 1908. 14 марта.
- ¹⁴¹ Там же. 1907. 26 июля.
- ¹⁴² Там же. 29 июля.
- ¹⁴³ Прямой путь. СПб. 1913. Вып. III (март).

- ¹⁴⁴ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 58804.
¹⁴⁵ Там же. Кор. 46/1. № 17/34.
¹⁴⁶ ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1906. II отд. Д.833. Л. 31.
¹⁴⁷ Русское знамя. 1907. 21 августа.
¹⁴⁸ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № 58654.
¹⁴⁹ Националисты в 3-й Государственной Думе. СПб., 1912. С. 5.
¹⁵⁰ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № 17/34.
¹⁵¹ Там же.
¹⁵² Русское знамя. 1907. 21 июня.
¹⁵³ Там же.
¹⁵⁴ ГАРФ. Ф.102. 4 д-во. 1909. Оп. 1. Д. 172. Л. 124.
¹⁵⁵ Там же. Ф.116. Оп.2. Д.9. Л.5.
¹⁵⁶ Русское знамя. 1907. 21 августа.
¹⁵⁷ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 244. Л. 24—25.
¹⁵⁸ Там же. 4 д-во. 1909. Оп. 1. Д. 172. Л. 124.
¹⁵⁹ Степанов С. А. Черная сотня. М., 2005. С. 42—48.
¹⁶⁰ ГАРФ. Ф.116. Оп. 2. Д. 9. Л. 347.
¹⁶¹ Там же.
¹⁶² Там же. Д.1. Л. 680.
¹⁶³ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № 58654.
¹⁶⁴ Там же.
¹⁶⁵ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1907. Д. 219. Л. 45.
¹⁶⁶ Там же. Ф.116. Оп. 2. Д. 9. Л. 347.
¹⁶⁷ Русское знамя. 1907. 14 февраля.
¹⁶⁸ Там же.
¹⁶⁹ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1907. Д. 219. Л. 45.
¹⁷⁰ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № 58654.
¹⁷¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1907. Д. 219. Л. 45.
¹⁷² Там же.
¹⁷³ Там же. 4 д-во. 1912. Д. 130. Ч. 45. Л. 24.
¹⁷⁴ Там же.
¹⁷⁵ Там же.
¹⁷⁶ Там же. Ф. 102. ДП ОО. 1907. Д. 219. Л. 45.

- ¹⁷⁷ Там же. 4 д-во. 1912. Д. 130. Ч. 45. Л. 24.
- ¹⁷⁸ Там же. Ф. 102. 4 д-во. 1912. Д. 130. Ч. 45. Л. 24.
- ¹⁷⁹ Там же. ДП ОО. 1907. Д. 219. Л. 45.
- ¹⁸⁰ Там же.
- ¹⁸¹ Там же. 1906. II отд. Д. 833. Л. 31.
- ¹⁸² Вестник Союза русского народа. 1912. № 104.
- ¹⁸³ Русское знамя. 1907. 27 июля.
- ¹⁸⁴ Там же. 1908. 9 июля.
- ¹⁸⁵ Там же.
- ¹⁸⁶ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. IV Л. 133.
- ¹⁸⁷ Из отчета о перлюстрации Департамента полиции за 1908 г. // Красный архив. Т. 2(28). М.—Л., 1928. Л. 147.
- ¹⁸⁸ Русское знамя. 1908. 9 июля.
- ¹⁸⁹ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1909. Д. 172. Л. 50.
- ¹⁹⁰ Колокол. 1909. 30 сентября.
- ¹⁹¹ См. Сборник программ политических партий в России. Под ред. В. В. Водовозова. Вып. VI. СПб., 1906.
- ¹⁹² Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. М., 1999. С. 141.
- ¹⁹³ Деяния первых двух Всероссийских съездов русских людей. СПб., 1906. С. 10—21.
- ¹⁹⁴ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33 (№ 8913 и 13315).
- ¹⁹⁵ Там же. Кор. 46/2. № 381/33.
- ¹⁹⁶ Колокол. 1908. № 642. Приложение.
- ¹⁹⁷ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 675—676.
- ¹⁹⁸ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № 17/34.
- ¹⁹⁹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 678.
- ²⁰⁰ Там же. Ф. 102. 4 д-во. 1915. Д. 110. Л. 121.
- ²⁰¹ Русское знамя. 1910. 2 июня.
- ²⁰² ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № Ц58654.
- ²⁰³ Вестник Русского собрания. 1906. 17 февраля.
- ²⁰⁴ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 94—108.

- ²⁰⁵ Сборник съезда русских людей в Москве. 24 сент. — 4 окт. 1909. М., 1910. С. 128—188.
- ²⁰⁶ Степанов С. А. Черная сотня. С. 29—46.
- ²⁰⁷ Совещание монархистов 21—23 ноября 1915 года в Петрограде. Постановления и краткий отчет, печатано по постановлению Совета Съездов. М., 1915. Л. 28—40.
- ²⁰⁸ Труды Всероссийского монархического совещания в г. Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Пг., 1916. Л. 31—39.
- ²⁰⁹ Там же.
- ²¹⁰ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 244. Л. 23—30.
- ²¹¹ Русское знамя. 1907. 10 июня.
- ²¹² Степанов С. А. Черная сотня. С. 31.
- ²¹³ Там же. С. 31.
- ²¹⁴ Русский народный союз им. Архангела Михаила. Программа и устав. СПб., 1909 (Приложение к «Колоколу» 1908. № 692).
- ²¹⁵ Степанов С. А. Черная сотня. С. 31.
- ²¹⁶ ГОПБ. ОКР. Кор. 46/2. № 381/33.
- ²¹⁷ Вестник Русского собрания. 1906. 1 декабря.
- ²¹⁸ Русское знамя. 1911. 27 мая.
- ²¹⁹ Там же. 1907. 25 ноября.
- ²²⁰ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33 (инв. № 59262ЦХ).
- ²²¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1907. Д. 217. Л. 76.
- ²²² Русское знамя. 1907. 27 июля.
- ²²³ Там же. 21 августа.
- ²²⁴ Вестник Русского собрания. 1906. 29 сентября.
- ²²⁵ Русское знамя. 1907. 15 мая.
- ²²⁶ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 244. Л. 26.
- ²²⁷ Там же.
- ²²⁸ Там же. 4 д-во. 1909. Оп. 1. Д. 172. Л. 118.
- ²²⁹ Там же. ДП ОО. 1905. Д. 1350. Ч. 17. Лит. А. Л. 269—270.
- ²³⁰ Русское знамя. 1907. 31 января.

- ²³¹ Союз русского народа. М.—Л., 1929. С. 97.
- ²³² ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1909. Д. 172. Л. 2.
- ²³³ Там же. ОО. 1911. Д. 244. Л. 26.
- ²³⁴ Вестник Русского собрания. 1906. 17 февраля.
- ²³⁵ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 244. Л. 27.
- ²³⁶ Русское знамя. 1908. 9 июля.
- ²³⁷ ГАРФ. Ф. 116. Оп.2. Д. 1. Л. 698.
- ²³⁸ Там же. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 1350. Ч. 17. Лит. А. Л. 269.
- ²³⁹ Русское знамя. 1913. 25 сентября.
- ²⁴⁰ Там же.
- ²⁴¹ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 244. Л. 26—29.
- ²⁴² Там же. 4 д-во. 1909. Д. 172. Л. 2.
- ²⁴³ Русское знамя. 1907. 21 июня.
- ²⁴⁴ Там же.
- ²⁴⁵ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 244. Л. 27.
- ²⁴⁶ Там же. 4 д-во. 1909. Д. 172. Л. 55.
- ²⁴⁷ Русское знамя. 1907. 20 января.
- ²⁴⁸ Там же. 1908. 17 июля.
- ²⁴⁹ Там же. 1913. 25 сентября.
- ²⁵⁰ Там же. 25 ноября.
- ²⁵¹ Там же.
- ²⁵² Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911—1917. М., 2001. С. 306—310.
- ²⁵³ Русское знамя. 1907. 7 октября.
- ²⁵⁴ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № 1160, 28.
- ²⁵⁵ Вестник Русского собрания. 1906. 17 февраля.
- ²⁵⁶ Русское знамя. 1907. 20 мая.
- ²⁵⁷ Там же. 28 февраля.
- ²⁵⁸ Там же. 17 мая.
- ²⁵⁹ Там же.
- ²⁶⁰ Там же. 1911. 3 мая.
- ²⁶¹ Там же.
- ²⁶² Там же.

- ²⁶³ Там же.
²⁶⁴ Там же.
²⁶⁵ Там же. 1907. 28 апреля.
²⁶⁶ Там же.
²⁶⁷ Там же. 1911. 26 мая.
²⁶⁸ Там же. 1908. 17 июля.
²⁶⁹ Там же. 24 июля.
²⁷⁰ Там же. 1913. 25 сентября.
²⁷¹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 37. Л. 7.
²⁷² Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 101.
²⁷³ Там же. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 244. Л. 27.
²⁷⁴ Там же.
²⁷⁵ Там же.
²⁷⁶ Там же.
²⁷⁷ Русское знамя. 1913. 25 сентября.
²⁷⁸ Там же. 1907. 28 апреля.
²⁷⁹ Там же.
²⁸⁰ Там же.
²⁸¹ Там же. 1911. 26 мая.
²⁸² Там же. 1907. 20 января.
²⁸³ Там же.
²⁸⁴ Там же. 28 апреля.
²⁸⁵ Вестник Русского собрания. 1906. 17 февраля.
²⁸⁶ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № 1160/28.
²⁸⁷ Русское знамя. 1907. 28 апреля.
²⁸⁸ Там же. 1908. 24 июля.
²⁸⁹ Прямой путь. 1912. Вып. V (май).
²⁹⁰ Русское знамя. 1908. 9 июля.
²⁹¹ Там же. 1907. 28 апреля.
²⁹² Там же. 28 февраля.
²⁹³ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № 17/34.
²⁹⁴ Русское знамя. 1913. 25 сентября.
²⁹⁵ Там же. 1908. 9 июля.
²⁹⁶ Там же. 1907. 28 февраля.

- ²⁹⁷ Там же. 1911. 26 мая.
- ²⁹⁸ Там же. 1907. 27 июля.
- ²⁹⁹ Там же. 1911. 4 февраля.
- ³⁰⁰ Там же. 1913. 25 сентября.
- ³⁰¹ Там же. 1911. 26 мая.
- ³⁰² Там же. 1907. 21 июня.
- ³⁰³ Там же. 28 февраля.
- ³⁰⁴ Там же. 1913. 5 мая.
- ³⁰⁵ Там же. 1911. 26 мая.
- ³⁰⁶ Там же. 1913. 5 мая.
- ³⁰⁷ Совещание монархистов 21—23 ноября 1915 года в Петрограде. Л. 36—40.
- ³⁰⁸ Русское знамя. 1913. 5 мая.
- ³⁰⁹ Там же. 1907. 6 февраля.
- ³¹⁰ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1909. Д. 172. Л. 55.
- ³¹¹ Там же. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1265. Л. 16—17.
- ³¹² ГОПБ. ОРК. Кор. 46/2. № 381/33.
- ³¹³ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 675.
- ³¹⁴ Там же. Л. 678—678 об.
- ³¹⁵ Русское знамя. 1907. 22 февраля.
- ³¹⁶ Там же. 12 июля.
- ³¹⁷ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/2. № 981/33 (папка СРН. СПб).
- ³¹⁸ Программы политических партий России. Конец XIX—начало XX вв. М., 1995. С. 444—445.
- ³¹⁹ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/2. № 381/33.
- ³²⁰ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 678.
- ³²¹ ГОПБ. ОРК. Кор. № 46/2. № 981/33.
- ³²² ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 675.
- ³²³ Русское знамя. 1907. 14 февраля.
- ³²⁴ Там же. 1908. 24 июля; ГАРФ. Ф. 102. ОО. Оп. 265. 1916. Д. 610. Л. 100.
- ³²⁵ Прямой путь. 1912. Вып. V (май); Русское знамя. 1907. 29 июня.

- ³²⁶ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 68—85.
- ³²⁷ Сборник программ политических партий в России. СПб., 1906. С. 15; ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 37. Л. 7.
- ³²⁸ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 678.
- ³²⁹ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № 1100/28.
- ³³⁰ Вестник Русского собрания. 1906. 17 февраля.
- ³³¹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 94—108.
- ³³² Там же. Л. 84.
- ³³³ Русское знамя. 1909. 30 мая.
- ³³⁴ Там же. 1911. 1 мая.
- ³³⁵ Там же. 27 апреля.
- ³³⁶ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. С. 307.
- ³³⁷ Русское знамя. 1907. 10 июня.
- ³³⁸ Лебедев С. В. Слово и дело национальной России. С. 138.
- ³³⁹ Русское знамя. 1909. 30 мая.
- ³⁴⁰ Там же. 1907. 20 января.
- ³⁴¹ Там же.
- ³⁴² Там же. 17 мая.
- ³⁴³ Там же. 1908. 23 февраля.
- ³⁴⁴ Там же. 1912. 13 июля.
- ³⁴⁵ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 1350. Ч. 17. Лит. А. Л. 269—270.
- ³⁴⁶ Там же. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 94—108.
- ³⁴⁷ Там же. Ф. 588 (Б. В. Никольский). Оп. 1. Д. 1265. Л. 16—17.
- ³⁴⁸ Там же. Ф. 116. Оп. 1. Д. 37. Л. 7.
- ³⁴⁹ См.: ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 78.
- ³⁵⁰ Вестник Русского собрания. 1906. 17 февраля.
- ³⁵¹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 678.
- ³⁵² ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № 17/34.
- ³⁵³ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 1350. Ч. 17. Лит. А. Л. 269.
- ³⁵⁴ Там же. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 94—108.

³⁵⁵ Степанов С. А. Черная сотня. М. 2-е изд., доп. и перераб. 2005. Л.31—32.

³⁵⁶ Русское знамя. 1913. 5 мая.

³⁵⁷ Труды Всероссийского монархического совещания в г. Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Л. 31—39.

³⁵⁸ Совещание монархистов 21—23 ноября 1915 года в Петрограде. Л. 28—40.

³⁵⁹ Русское знамя. 1911. 7 мая.

³⁶⁰ Там же. 1 мая.

³⁶¹ Свод Законов Российской Империи. Том первый. Часть I. Свод Основных Государственных Законов. СПб., 1906.

³⁶² Русское знамя. 1907. 20 мая.

³⁶³ Там же. 11 октября.

³⁶⁴ Там же. 1911. 1 мая.

³⁶⁵ Там же. 7 мая.

³⁶⁶ Там же. 1907. 11 октября.

³⁶⁷ Там же. 28 февраля.

³⁶⁸ Там же. 11 октября.

³⁶⁹ Там же. 28 февраля.

³⁷⁰ Там же. 11 октября.

³⁷¹ Там же.

³⁷² Там же. 28 февраля.

³⁷³ Вестник Русского собрания. 1906. 26 мая.

³⁷⁴ Русское знамя. 1907. 29 июня.

³⁷⁵ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 678.

³⁷⁶ Там же. Ф. 102. ДП ОО. 1907. Д. 217. Л. 76.

³⁷⁷ Там же. 1906. II отд. Д. 833. Л. 31.

³⁷⁸ Вестник Русского собрания. 1906. 29 сентября.

³⁷⁹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 666.

³⁸⁰ Там же. Ф. 102. 4 д-во. 1915. Д. 110. Л. 121.

³⁸¹ Постановления Всероссийского съезда Союза русского народа и примыкающих к нему монархических ор-

ганизаций. 21 ноября—1 декабря 1911 в г. Москве. СПб., 1912. С. 1—29.

³⁸² Прямой путь. 1913. Вып. III (март).

³⁸³ Русское знамя. 1907. 17 мая.

³⁸⁴ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 217—263.

³⁸⁵ Земщина. 1911. 26 апреля.

³⁸⁶ Степанов С. А. Черная сотня. С. 31.

³⁸⁷ Русское знамя. 1907. 6 февраля.

³⁸⁸ Там же. 27 июля.

³⁸⁹ Сборник съезда русских людей в Москве. 24 сентября—4 октября. 1909. М., 1910. С. 128—188.

³⁹⁰ Там же.

³⁹¹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 678.

³⁹² Там же.

³⁹³ Сборник Съезда русских людей в Москве. 24 сентября—4 октября. 1909. М., 1910.

³⁹⁴ Русское знамя. 1907. 6 апреля.

³⁹⁵ Там же.

³⁹⁶ Прямой путь. 1912. Вып. II (февраль).

³⁹⁷ Третий Всероссийский съезд русских людей в Киеве. Киев, 1906. С. 114—141.

³⁹⁸ Там же.

³⁹⁹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 678.

⁴⁰⁰ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33 (№ 13315).

⁴⁰¹ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1265. Л. 6.

⁴⁰² Вестник Русского собрания. 1906. 17 февраля.

⁴⁰³ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. IV. Л. 133.

⁴⁰⁴ Русское знамя. 1907. 20 января.

⁴⁰⁵ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 678.

⁴⁰⁶ Там же. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 244. Л. 28.

⁴⁰⁷ Свод Законов Российской Империи. Том первый. Часть I. Свод Основных Государственных Законов. СПб., 1906.

⁴⁰⁸ Вестник Русского собрания. 1906. 3 марта.

⁴⁰⁹ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 244. Л. 28.

⁴¹⁰ Деяния первых двух Всероссийских съездов русских людей. СПб., 1906. С. 10—21.

⁴¹¹ Вестник Русского собрания. 1906. 17 февраля.

⁴¹² ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1909. Оп. 1. Д. 172. Л. 123.

⁴¹³ Там же. ОО. 1911. Д. 244. Л. 28.

⁴¹⁴ Там же. 1905. Д. 1350. Ч. 17. Лит. А. Л. 269—270.

⁴¹⁵ Там же. 1911. Д. 244. Л. 28.

⁴¹⁶ Там же. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 678.

⁴¹⁷ Там же. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1265. Л. 16—17.

⁴¹⁸ Там же.

⁴¹⁹ Деяния первых двух Всероссийских съездов русских людей. СПб., 1906. С. 10—21.

⁴²⁰ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 244. Л. 28.

⁴²¹ Там же. 4 д-во. 1909. Оп. 1. Д. 172. Л. 123.

⁴²² Там же.

⁴²³ Там же. Л. 55.

⁴²⁴ Там же. ДП ОО. 1905. Д. 1350. Ч. 17. Лит. А. Л. 269—270.

⁴²⁵ Там же. 4 д-во. 1909. Оп. 1. Д. 172. Л. 123.

⁴²⁶ Там же.

⁴²⁷ Там же. ОО. 1911. Д. 244. Л. 28.

⁴²⁸ Русское знамя. 1907. 20 января.

⁴²⁹ Там же. 1908. 28 февраля.

⁴³⁰ Там же. 1907. 20 января.

⁴³¹ Там же. 21 июня.

⁴³² Государственная дума. 1906—1917. Стенографические отчеты. Т. IV. М., 1995. С. 38—40.

⁴³³ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. С. 309.

⁴³⁴ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1915. Д. 110. Л. 28.

- ⁴³⁵ Русское знамя. 1911. 26 февраля.
- ⁴³⁶ Там же.
- ⁴³⁷ Там же.
- ⁴³⁸ Там же.
- ⁴³⁹ Там же.
- ⁴⁴⁰ Там же.
- ⁴⁴¹ Там же.
- ⁴⁴² Там же. 1908. 17 июля.
- ⁴⁴³ Там же. 1907. 10 июня.
- ⁴⁴⁴ Там же. 1911. 26 мая.
- ⁴⁴⁵ Там же. 1908. 17 июля.
- ⁴⁴⁶ Там же.
- ⁴⁴⁷ ГАРФ. Ф.116. Оп. 2. Д. 1. Л. 677.
- ⁴⁴⁸ Русское знамя. 1907. 12 июля.
- ⁴⁴⁹ Там же. 20 января.
- ⁴⁵⁰ Там же.
- ⁴⁵¹ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/2. № 381/33.
- ⁴⁵² Русское знамя. 1907. 29 июня.
- ⁴⁵³ Там же. 28 апреля.
- ⁴⁵⁴ Там же. 20 января.
- ⁴⁵⁵ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. С. 298—
301.

ГЛАВА II. ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ РУССКОГО НАРОДА В ИДЕОЛОГИИ ЧЕРНОЙ СОТНИ

§ 1. Идентификация понятия «русский народ» в идеологии черной сотни

В данной главе будет рассмотрена тема оценки состояния русского народа в идеологии черной сотни. Успешное решение поставленной задачи может быть достигнуто только при определении содержательной трактовки понятия «народ» и «нация», присущих правомонархической доктрине. Крайне правые не приняли получившее распространение на Западе определение, смысловое содержание и трактовку понятия нации. Консервативные корни и русоцентричный характер черносотенной доктрины заставляли их ограничиваться рамками российского масштаба при разработке понятия «русская народность», рассматривавшейся как сугубо национальная категория, ограниченная национальными традициями. Отказавшись от решения всемирных «универсалистских» задач, черная сотня находила опору в национальных идейных корнях, в частности в русском консерватизме, а не в западных учениях.

Воспринятые русскими националистами идеи европейских мыслителей о неравенстве рас и народов были отвергнуты отечественной консервативной мыслью, стоявшей на позициях признания социальной иерархии, а не этнической¹. А. В. Репников отмечал, что русские консерваторы видели причины государственных нестроений в религиозно-нравственном состоянии народа и не рассматривали развитие комплекса идей национальной исключительности как панацею от социальных бед². Данная мысль находила свое отражение и на страницах правомонархической прессы, в которой нередко были случаи жесткой критики русского народа как основного виновника собственных проблем из-за утраты религиозности. Препятствующим фактором для восприятия крайне правыми расистских идей был присущий им религиозный подход, ставивший приоритет духовного очищения субъекта (нация, человек) перед социально-политическими преобразованиями социума на основе умозрительных доктрин, т. к. источниками нестроений рассматривались причины морального порядка, а не социальные условия жизни³. Идеи расового превосходства и этнической чистоты не могли быть восприняты черносотенцами в силу их антихристианского характера, поэтому плодородную почву для их утверждения представляли секуляризированные сегменты российского политического сообщества, черпавшего идейные новации за рубежом.

Концепция русской народности в теоретических построениях идеологов правомонархических организаций рассматривалась как защитно-охранительный комплекс идей, выполнявший мобилизующую функцию по защите основ традиционного русского общества, но не фундамент для разжигания ксенофобии и ненависти к представителям других этносов. Включенная в основополагающие документы крайне правых организаций формула «Россия

для русских» в «Обращении» Союза русских людей расшифровывалась следующим образом: «Державные права русской народности суть: первенство Православной церкви, самодержавная власть русского царя, единство строя и подчиненности Государю императору сухопутных и морских военных сил Российской империи и общегосударственное значение русского языка»⁴. С этой точки зрения лозунг утверждал Россию как духовно-территориальное пространство для лиц, рассматривавших Русь как оплот святости и место спасения во Христе. Приоритетом здесь выступала проблема сохранения незыблемости духовных ценностей русского культурно-исторического сообщества от влияния чуждых идеологий.

Пытаясь дистанцироваться от националистов, правомонархисты отказались от расово-биологического критерия определения понятия нации, а также широкого использования самого термина «нация», заменив его народностью. Руководствуясь необходимостью сохранения «единой и неделимой России», идеологи черной сотни осудили этнический национализм, видя в нем конфликтный потенциал осложнения межнациональных отношений в стране. Не желая безоговорочно опираться на теории западных националистов и расистов, они не обращали особого внимания на четкую теоретическую разработку оперируемых ими терминов. Их доктрина не имела генетической зависимости от европейских учений, поэтому даже сам термин «национализм» черносотенцы считали несостоятельным и неприменимым к России. Он был привнесен с Запада, будучи рожден в других социокультурных условиях и среде. Их пугало его иностранное происхождение как проявление антиправославной западной мысли, а потому, по мнению правомонархистов, он был малоприменим для реализации практических задач по стабилиза-

ции социальных и гармонизации межнациональных отношений в России⁵.

Отрицательно относясь к распространенным в тот момент на Западе теориям, рассматривавшим национальный феномен в контексте расово-биологических факторов, черносотенцы придерживались иной трактовки понятия «нация». В отличие от понимания национальности как определенного типа человеческой общности по крови и единства этнического происхождения черносотенцы вкладывали в этот термин религиозно-политическое и культурное содержание. «Плотское единство» националистов крайне правым казалось недостаточным. «Националисты не считают единство, религию и политический строй за устой государства, находя, что эта вещь сторонняя, как кто хочет, так пусть и понимает», — писало «Русское знамя»⁶.

В своих подходах к определению понятия народности черносотенцы использовали теоретические наработки славянофилов. Народность рассматривалась в нераздельности с православием и самодержавием и не имела самодовлеющего этнического значения. Иными словами, народность понималась как религиозная (православная), политическая (самодержавие) и культурная (язык, быт, просвещение) общность. Содержательная сторона данного понятия была раскрыта в Своде основных понятий и положений русских монархистов, выработанном в мае 1912 г. IV Всероссийским съездом Союза русского народа и V Всероссийским съездом русских людей: «...народность, в отличие от национальности и космополитизма, есть триединство 1) вероисповедания, 2) государственности и 3) своебытной просвещенности, основанной на обособленности языка, страны и нравов (обычаев)»⁷.

Этническому подходу националистов черносотенцы противопоставили «почвенническое» содержание понятия народности, которое рассматривалось как историче-

ски сложившаяся самобытная общность, связанная племенным родством, территорией (всею русскою землею) и возделыванием ее плодов для материального самодовления (удовлетворения своих нужд). Культурный компонент народности определялся как идентичность самосознания народа, обусловленный общностью «языка, науки, просвещения и всего того, что творится в Отечестве всеми средствами человеческого разума для блага общественного и частного». Культурная составляющая в значительной степени являлась производной от религиозного элемента, а потому носила второстепенное значение, что было зафиксировано в Своде понятий русских монархистов: «Народность же требует, кроме языка, истории (быт), нравов, обычаев и просвещения (культуры), единство: 1) веры, 2) царства и 3) земщины»⁸.

Таким образом, под народностью черносотенцы понимали духовно-религиозное, политико-идеологическое, культурно-историческое и соборное единство русских людей⁹. Данная трактовка коренным образом отличалась от пришедшего с Запада понятия нации, в который националисты вкладывали этническое, «кровное» родство, а либералы государственно-гражданскую сплоченность. Сравнивая нацию с народностью, черносотенцы указывали, что нация является понятием более общим по объему и менее содержательным по сути: «Нация есть искусственное общество людей разного рода и племен, разное верующих и не всегда говорящих одним общим языком, но сплоченных одной цивилизацией и подвластных одному государству». Противопоставляя два понятия, крайне правые указывали на необязательность присутствия у нации важнейших атрибутов, составлявших понятие народности. «Национальность может обходиться без веры и вероисповедания (французы), рода и племени (австрияки), без страны и земли (жиды), без государственности (цыга-

не, жида)», — утверждалось в программных документах крайне правых. При утрате одного из базовых компонентов русской народности черносотенцы указывали на опасность ее перерождения в «национальность» или «нацию». «Без вероисповедного единства, царского домостроительства и земской соборности русская народность перестает быть народностью, а становится антинародною не русскою национальностью», — говорилось в Своде основных понятий и положений русских монархистов¹⁰.

Народности противопоставлялся и космополитизм, давая определение которому, крайне правые делали акцент на отсутствии у него каких-либо атрибутов, присущих как понятию народности, так и нации: «Учение о такой безнародности, при которой будто возможно гражданское сплочение, которое охватывало бы всю земную поверхность без различия народности и национальности»¹¹. По мнению черносотенцев, в утверждении космополитизма были заинтересованы «паразитное жидовство и масонство», которые посредством внедрения его в сознание народов пытались ликвидировать охранительно-защитительную функцию нации-народности и обеспечить себе доступ к власти и национальным богатствам страны. В этой связи повсеместное внедрение на Западе понятия нации в вышеуказанной трактовке рассматривалось ими как переходный этап к космополитизму: на пути «прогресса» нация постепенно теряла бы один за другим свои защитные компоненты, разлагалась и превращалась в лишённую национальных черт людскую массу — объект для эксплуатации еврейских банкиров и промышленников. Космополитизму противопоставлялось христианство, которое «объединяет все народы, без разрушения народного облика, масонство же стремится обезнародить народ, как пытается оно обезнародить и обессилить государство и обезверить веру». Исходя из вышеизложенного, заяв-

лялось, что и национализм и космополитизм для русской народности одинаково вредны, так как разрушают «народность русскую, уничтожают, в конце концов, русскую государственность и русскую церковность»¹².

Итак, принадлежность к русскому народу определялась через принятие основных компонентов теории официальной народности: православия, самодержавия и народности. В мае 1907 г. газета «Русское знамя» кратко, но емко утверждала: «Русский народ как нация выражается в трех символах: вере православной, царе самодержавном и народе русском»¹³. Они стали идентификационными чертами истинно русского человека. «...Три основные начала сознательно или бессознательно, но, во всяком случае твердо, начертаны в сердце каждого честного русского человека, любящего Родину и верного долгу и присяге», — утверждалось в постановлениях III Всероссийского съезда русских людей¹⁴. Состоявшийся в ноябре 1911 г. в Москве Всероссийский съезд СРН к истинно русским относил лиц, «твердо, до самозабвения исповедующих наши святыне основоположения, единственно и исключительно способных осуществить самодержавную волю нашего царя»¹⁵.

Рассмотрим подробнее систему аргументации, предлагаемую черносотенцами при определении понятия русской народности.

1. Принадлежность к православию как трактовка русскости. Основной характеристикой русскости являлась православная религиозная традиция, сформировавшая за тысячелетнюю историю русский народ, систему его взглядов и определившая его национальный облик. По заявлению состоявшегося в 1909 г. в Москве Монархического съезда, православие «создало сущность русской национальности, всегда являлось единственно прочным и жизнотворным началом...»¹⁶. Черносотенное «Русское знамя» писало,

что православие есть «целое мировоззрение, веками воспитанное, народом воспринятое в свою душу как родное, как единое истинное, как основа его жизни, и это мировоззрение закон народа должен не только охранять, но и воспитывать в сынах народа, если хочет быть родным народу, священным для него»¹⁷. Тезис о роли РПЦ был заимствован у русских консерваторов и почвенников, в частности Ф. М. Достоевского, писавшего: «Русский народ весь в православии и в идее его. Более в нем и у него ничего нет — да и не надо, потому что православие все»¹⁸. Данное мнение поддержал И. А. Ильин, заявивший: «Православие научило нас освящать молитвою каждый миг земного труда и страдания: и в рождении, и в смерти; и в молении о дожде, и в окроплении плодов; и в миг последнего, общего молчаливого присеста перед отъездом; и в освящении ратного знамени, и в надписи на здании университета; и в короновании царя, и в борьбе за единство и свободу Отчизны. Оно научило нас желанию быть святою Русью»¹⁹.

Черносотенцы рассматривали православие как национальную веру, ставшую стержневым элементом складывания самобытного облика русского народа. Исходя из разработок консервативных мыслителей (Ф. М. Достоевского и И. А. Ильина), народ в крайне правой системе взглядов воспринимался не только как субъект истории, социальный организм, но как духовная общность. Черносотенцы подчеркивали, что влияние православия и русского народа друг на друга было обоюдным. За многовековую историю взаимоотношений православие, по выражению крайне правой прессы, «прониклось духовными запросами русского племени, став его народной верой». «Сохранив неприкосновенную чистоту догматов, Русская православная церковь приобрела национальный характер...», — заявлял в марте 1907 г. на монархическом собрании студент-академик Б. Надеждин²⁰.

Из данного посыла следовал тезис об определяющей роли православия в формировании самой русской народности и выработке ее отличительных от других народов черт. «Русское народное самосознание верой православной рождено, воспитано, укреплено и освящено, которая и положила в основу русской государственности не деспотическую (варварскую) силу, а начала христианской любви и нравственности», — говорилось в официальном документе Союза русского народа²¹. РПЦ выработала единую систему нравственных идеалов и духовных принципов русского народа, в частности понятия совести, справедливости, святости, греха, правды, добра и зла, милосердия, братства, чувство достоинства, сочувствие к бедному, слабому, больному, ответственность гражданина перед царем и Богом²².

Вслед за основоположниками славянофильской и «официально народной» доктрин черносотенцы указывали на православную религиозность как фактор, обеспечивающий наличие у русского народа таких духовно-нравственных качеств, как верность, взаимоподдержка, жертвенность, соборность, солидарность, терпение, позволивших России выстоять в тяжелые исторические периоды, выдержать внешний натиск, создать великую империю: «Прошедший тяжелый исторический путь, не раз оказываясь на краю гибели, русский народ выработал в себе непреодолимую стойкость и крепость духа, готовность к перенесению невзгод и готовность к страданиям»²³. Православие проникло во все сферы жизни русского народа, став основой его политической, общественной и семейной жизни, что давало огромную нравственную силу и христианское терпение переносить страшные потрясения русской истории: удельное время, монгольское иго, Смутное время, крепостное право, нашествие Наполеона²⁴.

Успех православия объяснялся его соответствием характеру и духовным потребностям русского народа, которому черносотенцы приписывали природную религиозность и вечный поиск божественной истины. Идеолог Союза русских людей Ю. П. Бартенев утверждал, что христианское учение пустило глубокие корни в менталитете русских: «Русский народ, глубоко проникшись бытовою стороною православия, смотрит на жизнь земную как на подготовку к бытию загробному...»²⁵ Присущая русскому национальному типу религиозность как психологическая черта в сентябре 1909 г. подчеркивалась и «Русским знаменем»: «Русский народ — религиозный по преимуществу, начиная крестьянином и кончая дворянином. Искание Бога живого составляет ту характерную особенность русского человека, которую не отрицают и враждебные духу народному выродки русского общества, всевозможные “левые”»²⁶. Соответствие православного вероучения духовным исканиям восточных славян утверждалось и в программных документах крайне правых организаций. «...Русский народ на заре народной своей жизни... воспринял христианство православное, а не инославное, и потому, что само православие сохранило истину во всей ее целостности и неприкосновенности», — говорилось в Своде основных понятий и положений русских монархистов²⁷.

По мнению крайне правых, православие наиболее отвечало характеру и психологическим чертам восточного славянства, что сделало процесс восприятия «греческой веры» безболезненным. При выборе религии русский народ «инстинктивно почуял, что только православие дает “полную свободу и господство совести”». Потребность в совести составляла уникальную черту восточного славянства, проявлявшуюся даже в их языческой мифологии, которая не была проникнута враждой, кровью, насилиями (что проявлялось у западных народов). «Языческие боги

славян были добродушными и бескорыстными, как и сами славяне», — писала черносотенная пресса²⁸.

Приоритет религиозного компонента над этническим при определении национальности распространялся и на другие народы. Об этом свидетельствуют многочисленные высказывания крайне правой литературы: «В Германии мужик и лютеранин, и католик, и реформатор, как придется. Во Франции — мужик католик, кальвинист и гугенот. В России же мужик только православный»; «И как русско-го человека нельзя представить себе иначе как православным, так и поляка иначе как католиком, татарина иначе как магометанином»²⁹.

Исходя из этого тезиса, черносотенцы делали вывод, что утрата духовного компонента приводила к потере принадлежности к народу. Вслед за Федором Достоевским, утверждавшим, что «неправославный человек не может быть русским», принадлежность к православию провозглашалась главным признаком русскости. В несколько иной интерпретации эта мысль была озвучена видным черносотенцем Н. Е. Марковым в ноябре 1915 г. на Всероссийском монархическом совещании в Нижнем Новгороде: «Русский народ крепко связан своими верованиями, и если он перестанет быть православным христианином, он перестанет быть собственно русским»³⁰.

Данное положение было зафиксировано в большинстве программных и руководящих документов крайне правых, в частности в «Памятке» Союза Михаила Архангела. Измена православию неизбежно вела в стан врагов Родины, что было сформулировано одним из видных черносотенцев Густавом Шмидтом: «Потеряв веру, русские становятся космополитами и революционерами»³¹. Даже принятие инославной христианской веры не могло спасти от данного приговора: «Русский человек, совращенный в баптизм или другую секту, перестает быть рус-

ским, он ненавидит русского православного человека, не любит русского царя и вешает в своем доме портрет Вильгельма, его родиной становится Германия, и облик этого русского делается немецким»³². Лишенный православного ядра и самодержавного политического стержня народ превращается в многомиллионную этническую массу, с разновекторными устремлениями, делающими его уязвимым для внешних и внутренних врагов. Наоборот, принятие православия являлось пропуском в среду русского народа. «Когда спрашивают про кого-либо родом из Польши или с польской фамилией, он поляк? Отвечают: нет, православный. Если он родился в Польше и поляк родом, но веры не католической, а православной, то он этим самым считается уже русским», — разъясняла черносотенная пресса³³.

2. Самодержавный монархизм как трактовка русскости. Идентифицирующим признаком истинно русского человека являлся также проистекавший из православия монархизм. Черносотенцы отстаивали тезис, что для подлинно верующего православного христианина признание неограниченной самодержавной монархии как единственно возможной формы правления являлось очевидным. Крупный исследователь черносотенного движения С. А. Степанов писал, что для «черной сотни принадлежность к господствующей нации определялась не столько национальностью или религией, сколько степенью преданности престолу»³⁴. В этом утверждении есть некоторое уничтожение принципа религиозности, что в отношении «коренных русских людей» не вполне верно. Если православие рассматривалось правомонархистами как идейный фундамент самодержавия, то отношение к самодержавию определяло глубину веры индивида. По сути, это были две стороны одной медали, определявших понятие русскости: православие являлось его духовным проявлением, в то

время как самодержавие — политико-мировоззренческим воплощением.

Отождествление понятия «русский» с верностью самодержавию постоянно подчеркивалось крайне правыми идеологами. «Можно было бы указать отступников православия, преданных отвлеченной идее монархизма, даже преданных лично тому или другому русскому государю, но изменника православно преданного идее русского царского самодержавия не только указать, но и представить невозможно. С другой стороны, при иных исторических условиях существование людей православных, но отрицающих самодержавие или равнодушных к нему, вполне понятно и нормально. Другое дело — в России русскому нужно изменить самодержавию, нужно отречься от «всей родной святыни», искать исцеления у иных, мертвых и нелепых богов. Трудно совместить такое национальное отступничество с верностью православию. И мы видим, на деле даже лучшие из таких отступников быстро охладевают к народной вере, или еще чаще и хуже пытаются отыскивать в православной вере и церкви демократические и иные любезные им начала», — заявлял на собрании монархистов Б. Надеждин³⁵.

Отказ признать самодержавие национальной формой правления с точки зрения правомонархистов автоматически вел к отрешению от принадлежности к русскому народу. Черносотенная печать всячески напоминала, что приверженность монархии является русской национальной чертой: «Тот, кто не православен, тот не русский: он уже выродок. Тот, кто не предан царю, также не русский, потому что эта преданность есть наследие тысячелетних верований»³⁶.

По мнению русских консерваторов, благодаря православию русский народ выработал отличную от восточного деспотизма и западного абсолютизма форму монархиче-

ской власти, которая являлась наиболее приближенной к идеальному типу монархии вообще³⁷. Русское самодержавие рассматривалось правомонархистами как классическая монархия, в то время как существовавшие в мировой истории другие образцы являли собой пример отклонения от нормы. Главная отличительная черта самодержавия состояла в выражении им религиозно-нравственного и этического идеалов русского народа. «Монархия есть верховенство того самого этического начала, которое является сущностью всякой личности данной нации», — утверждал председатель Монархической партии И. И. Восторгов в книге «Монархический катехизис». Иными словами, русская монархия являлась зримым политическим проявлением или производной мировоззренческих представлений русского народа. «Идея “Царь” есть идея стихийного всего многомиллионного русского народа. Эта идея — вне корысти и честолюбия, естественное ее движение — идея народного блага, и весь вопрос заключается в создании таких условий, при которых эта идея могла бы жить и своим светом правды и справедливости осенить жизнь народную и вести ее по пути прогресса и духа материального улучшения», — писало «Русское знамя» в январе 1908 г.³⁸

Аргументируя нравственную основу самодержавной власти, черносотенная пресса не скупилась на декларации о духовном родстве русского народа со своим православным царем, связь которых имела религиозно-духовную основу: «У царя и народа — одно сердце и одна душа. У нашего царя и русского народа — один учитель и наставник — Иисус Христос. У царя и народа — один Отец — Царь небесный»³⁹. Доказательную базу составляли печатавшиеся на страницах «Русского знамени» поговорки, в которых проявлялось отношение русского народа к своему царю: «Русский народ инстинктивно понял общность своего мирозерцания с царским. В своих сказках он забитого Иванушку-дурачка

делает царем, замарашка делается царицей. В своих пословицах он говорит: “Народ думает, царь ведает”, “Как весь народ вздохнет, до царя дойдет”. С другой стороны, расхитители царского самодержавия, кто бы они ни были, считаются русским народом одинаково опасными как для себя, так и для царя, что народ высказывает, говоря: “Царево око видит далеко, а из-за тына и царю не видать”, “Приспешники царю застыят, народу напастят”, “Царские милости в боярское решето сеются” и т. д. и перенося всю свою ненависть в периоды гнета не на царя, а на временщиков, как, например, на Малюту Скуратова, на Бирона и на других. На русского царя только тогда переносится народная ненависть, если он уклоняется от православия или от совести, — что, конечно, одно и то же, что, например, и случилось с так называемым Лжедмитрием и с Борисом Годуновым, который народом назывался царем-иродом»⁴⁰.

В воззрениях русских консерваторов и правомонархистов, самодержавие в наибольшей степени, чем какая-либо иная форма правления, соответствовала характерным чертам русского народа, которые определялись как особые монархические качества: политический консерватизм, врожденный монархизм, покорность властям, аполитичность, неприятие инакомыслия и правового государства⁴¹. Рассмотрим эти черты подробнее.

Аполитичность. Черносотенцы приняли идеи государственников-охранителей и славянофилов об аполитичности русского народа, являвшейся следствием присущей ему религиозности. Утверждая, что народные массы не стремятся участвовать в управлении государством, крайне правые часто использовали в своих программных документах и на страницах печати рожденную славянофилами формулу: «Внешняя правда — государству, внутренняя правда — земле; неограниченная власть — царю, свобода мнения и слова — народу»⁴². Представления о предназна-

чении русского народа жить на земле и в Боге четко выразил неославянофил Д. А. Хомяков, утверждавший: «Народ, живущий верой и бытом, твердо стоит на принципе самодержавия, т. е. устранения от политиканства, в котором видит лишь “необходимое (или неизбежное) зло”, которое возлагает, как бремя, на избранное и жертвующее собою для общего блага лицо — государя...»⁴³

Следуя этим размышлениям, крайне правые идеологи пропагандировали идею о том, что русский народ, добровольно отрекаясь от власти, передает правление царю: «Народ может наслаждаться полным счастьем, когда вся власть над ним сосредоточена в одних руках, когда им управляет одно лицо, то есть монарх, который своей могучею властью устраняет противоречия, все различия во взглядах мелких начальников», т. е. также нейтрализует противостояние внутри бюрократического аппарата⁴⁴. Помимо отвлеченно религиозной аргументации монархисты применяли и аргументацию из практической области, указывая, что для решения государственных вопросов народ не обладает достаточной компетенцией, уровнем образования и времени в силу занятости производством материальных благ⁴⁵.

Повиновение власти как этическому принципу. Исходя из присущей консервативной идеологии установки об иерархическом строении общества, повиновение и покорность государству определялись правомонархистами как неотъемлемые черты русского национального характера. «Ты один, государь, должен стоять выше всех законов и умягчать своей властью несовершенство их и должен стоять, никем не заслоненный пред своими подданными...», — говорилось во всеподданнейшем адресе собрания Монархической партии⁴⁶. А. В. Репников отмечал, консерваторы приписывали русскому народу высокий уровень ожиданий от государства, персонифицировав-

шийся в лице его главы. Со времен Ивана Грозного в народе культивировался сформулированный им тезис о повинности православному царю как части христианского благочестия. Это трактовалось как утверждение патриархально-семейных отношений между царем-батюшкой и его народом, но не проявление рабской покорности⁴⁷. Утверждая, что потребность в смирении и послушании рассматривалась консерваторами не как аномалия, а норма, исследователь приводит мнение К. П. Победоносцева, отмечавшего, что «искание над собой власти» представляет естественную психологическую черту людей и является проявлением не «рабской сущности», а следованием нормам Нового Завета. В контексте данных представлений «государство и власть защищают народ, монарх подобен “отцу”, а его подданные “детям”»⁴⁸.

Мнение К. П. Победоносцева было развито Л. А. Тихомировым в книге «Монархическая государственность»: «Это очень глубоко подмеченная черта нашей психологии — черта, которую можно назвать женственною... Она вовсе не есть выражение слабости, по крайней мере, по существу, но выражает поэтическое созерцание идеала, искомого нами и чарующего нас в частных воплощениях своих, вызывающего наше преклонение и подчинение, ибо идеалом нельзя владеть, а ему можно только подчиняться как высшему для нас началу»⁴⁹.

Данная черта выражала целую серию присущих русскому народу государственно-политических достоинств: смирение, скромность, искание идеального, вековая терпеливость, подчеркивая которые, черносотенная пресса писала: «Русский народ — аскет, народ-страстотерпец... Стремление страдать во Христе создало в русском народе и вообще в православных свойство безропотно нести свой крест, быть твердым в своих убеждениях и не употреблять против насилия насилие... русский народ безропотно и

твердо нес татарское иго, век Ивана Грозного, боролся с суровой природой и нашествиями иноплеменников, а со времен Петра начал нести иго рабства и попрания всех его человеческих прав, как, например, во времена Бирона — иго, перед которым бледнеет весь татарский гнет»⁵⁰. Следствием способности к повиновению власти был исторический успех русского народа: «Народ бесприкословно повиновался воле государя и с помощью самодержавия и церкви Православной развил свою национальность, подчинил сотни племен, даже культурнее себя, и укрепил русский дух на шестой части земного шара»⁵¹.

Врожденный монархизм. Черносотенцы выдвинули тезис о том, что единоличная власть отвечала природе русского народа. Естественный монархизм славян проявился еще до принятия христианства призыванием варягов, от которых потребовали установления сильной власти и прекращения беспорядков⁵². Монархия объявлялась производной от национальных интересов народа. «Не верю в коллективный ум, а потому и в парламентаризм. Верую только в монархизм», — отражал мнение миллионов своих соратников на съезде монархистов в 1906 г. священник Пестряков⁵³.

В воззрениях черной сотни только неограниченная самодержавная монархия могла обеспечить условия для следования Россией предначертанным свыше самобытным путем, обеспечить порядок и стабильность функционирования православного социума, обуздать внутренние и внешние деструктивные силы, раскачивавшие лодку государственного корабля. Неприятие западноевропейских демократических институтов, правового государства и инакомыслия зафиксировано в обращении к царю собрания Монархической партии, которое в августе 1906 г. заявляло: «Но ни в каком случае народ твой не признает над собою власти никаких парламентских безответственных

властителей, а только единого ответственного пред Богом и историей царя, и скорее погибнет в кровавой смуте, нежели даст надеть на себя ярмо конституции»⁵⁴. Такая же мысль была высказана и в мае 1911 г. в «Русском знамени». «Кому будет с радостью повиноваться русский православный народ — царю ли самодержавному, помазаннику Божьему, или 500 самодурам, с деятельностью которых и благожелательством к себе он уже познакомился?» — задавались вопросом редакторы газеты «Русское знамя»⁵⁵.

С точки зрения черносотенных идеологов, представляя самобытную форму государственного управления, самодержавие вытекало из национальных качеств русского народа и его религиозных верований, что порождало у православного социума внутреннее стремление к истинно монархической власти. «Главная ценность самодержавия заключается не в его достоинствах, а в том, что оно — симптом известного духовного строя народа», — тиражировал высказанное славянофилами утверждение на своих страницах печатный орган СРН газета «Русское знамя»⁵⁶. У славянофилов правомонархистами была заимствована идея о том, что неограниченная монархия соответствовала социальному строю русского народа, в основе которого лежали связь царя и народа через православие, сословность и патриархальные устои общества. Важным качеством русской монархии называлось служение интересам православного социума всему русскому народу, а не интересам отдельных социальных групп. Таким образом, по мнению правомонархистов, сформировавшееся на русской почве самодержавие было тесно связано с мирозерцанием народа и всем его бытом⁵⁷.

В славянофильском духе черносотенцы доказывали, что имевшие место в истории России бунты и мятежи никогда не были направлены против института неограниченной самодержавной власти, не ставили целью получение

либеральных свобод и расширение прав, а имели экономическую поддержку, стремление обуздать злоупотребления бюрократического аппарата и всегда носили религиозно-нравственную окраску. Крайне правая пресса заявляла, что на протяжении всей своей истории русский народ никогда не изменял монархической форме правления: «Загляните бегло в русскую историю, и вы найдете... что от интриг, неправды и лихоимства “приказных”, от духовного убожества и гнета правительства — народ бежал в дремучие леса, и там, оставаясь верным своим вековым идеалам, он воздвигал святые, православные монастыри — будущие оплоты государства — и молился за Россию и самодержавного царя»⁵⁸. Данное обстоятельство отмечалось и А. В. Репниковым при анализе взглядов русских консерваторов⁵⁹, что еще раз подчеркивает существенные консервативные черты правомонархической доктрины.

По мнению крайне правых, особые монархические качества русского народа проявлялись в критические моменты русской истории, когда появлялась возможность смены формы правления. Указывая на естественный «монархизм» русского народа, черносотенцы заявляли о возможной республиканской альтернативе России после смерти Ивана Грозного и прекращения династии Рюриков: «...свободный народ мог установить конституцию, республику, завести выборных царей, сильно ограниченных в своей власти, как в соседней Польше. Но народ оставил самодержавие...»⁶⁰. Такая же альтернатива возникла и двумя столетиями позже — в 1812 г., когда русский народ имел возможность «сменить свое позорное рабство на ту, золотую якобы, республиканскую свободу, которую им предлагал Наполеон...»⁶¹.

Необходимость сохранения самодержавия, по мнению крайне правых, остро актуализировалась в связи с имевшими место в России в начале XX в. модернизационны-

ми изменениями, приводившими к росту социальной напряженности, что создавало благоприятные условия для деятельности либеральных и революционных организаций. Черносотенные идеологи указывали, что успех левой агитации носил временный характер и не имел перспектив стать настоящей системой взглядов русского народа, так как рано или поздно столкнулся бы с его внутренним мировоззрением: «Набить революционной трухой голову какой-нибудь курсистке левые могут, взбунтовать полуграмотных рабочих они тоже могут, но изменить пути внутреннего развития русской национальной души, опровергнуть хотя бы Тютчева и Леонтьева и лишить их действенной силы — для этого у жидов силенки не хватит»⁶².

Правомонархисты считали увлечение революционными идеями некоторой части народа явлением мимолетным и обусловленным переходным этапом: «Русский мужик — монархист и черносотенец; прикоснувшись к современному “образованию”, он становится “критиканом” и отчасти революционером; но, достигнув настоящей образованности, русский человек опять становится монархистом и черносотенцем, какими были Достоевский, Тютчев, Леонтьев»⁶³. Глубокоукорененное православие и врожденный монархизм проявятся, как только человек подойдет к так называемой «точке невозврата»: «Интеллигентные безбожники долгое время могут путать простого русского человека и таскать его по “окольным путям”, но когда они, наконец, подведут его к иконе и скажут: “Плюнь на икону”, то простой русский человек забудет все “окольные пути”, по которым его водили, размахнется и трахнет плюгавенького интеллигентишку по уху своим могучим трудовым кулаком»⁶⁴. Черносотенцы приводили в пример Максима Ковалевского, судьба которого показала, что влияние левых идей не носит безграничного характера и не имеет глубокого укоренения. Ковалевский всю сознатель-

ную жизнь был врагом православной церкви, критиковал русские народные идеалы и традиции. В конце жизни он ужаснулся содеянному, пересмотрел свои взгляды и вернулся в лоно церкви, что вызвало бурю негодования левых и заявления П. Н. Милюкова о его сумасшествии⁶⁵.

Постоянство национального характера приводило черносотенных идеологов к мысли о перманентности самодержавия как отвечающего природе русского народа. «Народ, создавший самодержавие, глубоконациональный образ правления, прекрасно уживающийся со свободой граждан и с участием в государственных делах по форме Земских соборов, остался и в XX в. таким же убежденным сторонником единоличной власти повсюду», — утверждала черносотенная пресса⁶⁶. Теоретическое обоснование этому факту дал глава Русской монархической партии И. И. Восторгов: «Основными элементами государственной структуры являются нация или народ и верховная власть. Под именем нации объединяется вся масса групп и лиц, порождающая данный государственный порядок, организуемый верховною властью. Тем не менее нация и государство не тождественны по своему содержанию: государство есть только один из союзов, связующих членов данной нации, и нация только некоторою частью своего существования живет в государстве, не будучи поглощаемая им всецело. Нация не только способна перестраивать формы образуемого ею государства, но способна и пережить его полнейшее крушение и восстановить его много веков спустя»⁶⁷.

Из природной присущности самодержавия русскому народу следовал вывод о недопустимости искажения верховной власти, что может повлечь угрозу для существования самого русского народа: «Россия как носительница идеи совершеннейшей формы монархии, идеи православного царя, может и должна заимствовать, перенимать,

усваивать и развивать все истины чистой науки. Но высшие государственные учреждения, через которые проявляется воля верховной власти, законы, формы обложения и все общественные учреждения, она должна развивать самобытно, строго сообразуясь с народным духом, так как нации и государства развиваются, крепнут и гибнут исключительно благодаря только своему государственному праву»⁶⁸.

Для национальных меньшинств именно верность самодержавию (а не православию) оказывалась определяющей при идентификации принадлежности к русскому народу. Если для коренного русского православие и монархизм являлись необходимыми требованиями для признания их истинно русскими людьми, то инородец мог исповедовать свою традиционную религию, но если он принимал самодержавие как единственно допустимый в России способ правления, то имел шанс называться истинно русским человеком.

Таким образом, термин «истинно русский» в отношении инородцев означал прежде всего политическую принадлежность. Поэтому руководство СРН предпринимало меры по созданию Мусульманского союза русского народа из казанских татар. В ряде мест функционировали отделы крайне правых союзов, состоявших исключительно из представителей национальных меньшинств. Так, по данным И. Е. Алексеева, в 15% отделов крайне правых союзов Казанской губернии большинство членов составляли чуваша, а три отдела Царско-народного русского общества состояли из мусульман. Помимо этого в губернии действовало самостоятельное Царско-народное мусульманское общество⁶⁹.

Полной противоположностью выступали евреи, которым правомонархисты приписывали враждебное отношение к устоям русского традиционного общества и

стремление революционными методами установить в России свое господство. Впрочем, некоторая часть евреев пыталась доказать свою лояльность властям. В Одессе в феврале 1910 г. возникло «Общество евреев, молящихся за царя» Моисея Кениса, пытавшееся примкнуть к черносотенному движению⁷⁰.

3. Культурно-психологическая и историческая общность как трактовка русскости. В дополнение к конфессиональному и политическому элементам принадлежности к русской народности черносотенцы добавляли также культурно-психологическую и историческую составляющие, под которыми понималось служение русскому государству, принятие базовых ценностей русской культуры и традиций, жертвенное участие в судьбе страны, верность ее историческим заветам, принятие ее прошлого.

В первую очередь, культурно-психологический и исторический критерии относились к представителям нерусских по этническому происхождению лиц, чьи предки ратным трудом доказали преданность России и разделили историческую судьбу страны: «Да где же вспомнить, хотя бы приблизительно, всех инородцев, всех, рожденных мусульманками, грузинками, француженками, поляками, литвинками, гречанками, шведками, немками и даже финляндками и все же ставших настоящими русскими людьми, готовыми отдать, да и отдавших всю свою жизнь, всю свою кровь, все свое состояние в пользу родины»⁷¹.

Трактовка принадлежности к русскому народу в категориях религиозного и политического факторов давала правомонархистам возможность преодолеть присущую националистам узость этнического или «кровного» критерия и войти в состав державного народа представителям других этносов, признававших имперские интересы России приоритетными по отношению к своим собственным и не проявлявших к ним враждебности в какой бы то ни

было форме. Расширительная трактовка русскости была зафиксирована в программах большинства черносотенных организаций. В официальном документе Союза Михаила Архангела сынами России признавались «лица других вероисповеданий, кроме иудейского, но с тем неперменным условием, чтобы свои отдельные интересы, племенные и вероисповедные, они отнюдь не противопоставляли, а подчиняли и сливали с общими интересами Российского государства»⁷².

Данная трактовка культурно-психологического фактора и исторического служения России обеспечивала, по мнению правомонархистов, интеграцию в состав русского народа представителей достаточно широкого спектра нерусских этносов. Крайне правая пресса писала: «Как сметь, наконец, не признавать русскими мучеников долга, отдавших родине свою жизнь, свое время, свое состояние. Понадобился бы целый том, чтобы перечислить нерусские имена русских патриотов от петровского Лефорта и Ганнибала до современных Алиханова и Каравгозона, от Екатерины Великой до супруги Александра I, от Карамзина до Тагиева, от князя Цицианова, завоевателя Кавказа, — до Меллер-Закомельского, от генералов Дибича, Багратиона, Барклая-де-Толли, Кауфмана до Раненкампа, Рейбота и фон дер Лауница, от Пушкина до Лермонтова...»⁷³

4. Соборность как форма организации русского народа.

Одним из идентифицирующих признаков принадлежности к русскому народу для черносотенцев являлась соборность, которая в широком смысле подразумевала единение народа, выражаемое «в слове и деле всеми его членами вместе и каждым в отдельности». Она охватывала все сферы жизни народного организма, став одним из компонентов определения понятия народности, которая «есть соборность рода, языка и быта страны (отечества, родины), связанная верою, просвещением и предопреде-

ленною Господом Богом целесообразностью»⁷⁴. Соборность выполняла интегративную и охранительно-защитную функции, исходя из которых приобретала следующие основные формы:

гражданско-правительственная соборность как форма единения народа с царем, то есть своеобразный патриархальный демократизм, обеспечивавшей коммуникацию между верховной властью и подданными. Противопоставляя ее западноевропейским парламентским учреждениям, крайне правые указывали, что член собора — не представитель народа в стане царя, а «свидетель о жизни народной перед лицом самого народа, возглавляемого царем»⁷⁵;

церковная соборность как форма организации и единения православных верующих: «Церковно-соборное деяние есть свидетельство представителей церкви о вере Богом врученной им паствы. Правое веры свидетельство перед лицом церкви вводит ее в общественное сознание, утверждает и расширяет ее во все концы»⁷⁶;

земская народно-общественная соборность, выполнявшая интегративную роль обеспечения связи русского человека со своим социальным слоем, обществом и народом в целом. Данный вид соборности рассматривался как «свидетельство всех чинов людей о правде народной: о его жизни, нуждах, думах и чаяниях» и имел преимущества перед партийностью, так как обеспечивал возможность реализации качества (истины) перед количеством (большинством). Здесь черносотенцы исходили из мнения, что сила соборных постановлений заключалась не в численности, их провозглашающих, а в истинности провозглашаемого как «вечного проявления неизменной правды Божией». Ссылаясь на опыт демократических стран, крайне правые указывали, что «большинство голосов» часто обеспечивается умышленной подтасовкой, а иногда складывается неразумною случайностью⁷⁷.

Другой функцией земской народно-общественной соборности являлась охранительно-защитная. Исходя из положения о том, что русский человек принадлежит русской цивилизации, пока сохраняет связь с малой родиной и своим социальным слоем, черносотенцы указывали, что в отрыве от своей среды русский человек подпадает под соблазны западничества, духовно и физически разлагается. «Пожив в городе или где-нибудь на “шахтах”, — мужик очень часто возвращается в деревню хулиганом, ни к селу ни к городу толкует о “швабодах” и поносит начальство», — писала в январе 1916 г. черносотенная пресса⁷⁸.

Согласно исследованию А. В. Репникова, русские консерваторы традиционно рассматривали общину как основу охранительства в государстве, т. к. отношения в ней были построены на особом, религиозном понимании бытия⁷⁹. Вслед за ними ортодоксальное крыло правомонархистов считало необходимым консервацию общины как преграду на пути внедрения капиталистических отношений в деревне, вызывавших расслоение крестьянства и создававших основу для подрыва самодержавной системы. Одна из причин первой российской революции виделась в том, что проведенная в 1861 г. крестьянская реформа, во-первых, лишила помещиков возможности оказывать воспитательное влияние на крестьян, во-вторых, открыла дорогу для проникновения в сельский мир «неблагонадежных» элементов, что в совокупности создало условия для ослабления внутриобщинных связей, приведших к стремлению крестьян решать возникающие вопросы нередко незаконными мерами⁸⁰.

Исходя из вышеизложенных критериев, черносотенцы весьма расширительно толковали термин «русский народ», включая в его состав украинцев и белорусов, что определило его триединый характер. «Под именем “русской народности” мы понимаем: великоруссов, малорос-

сов и белорусов...», — заявляла черносотенная пресса⁸¹. Принятие указанных народов в русскую семью обуславливалось общностью православной религии, истории, национальной культуры и психологии, что констатировали в своих программах крупнейшие крайне правые организации — СРН и СМА. В данном случае черносотенцы следовали официальной идеологии, считавшей русским все православно-славянское население Российской империи и отказывавшейся видеть в украинцах и белорусах отчужденные от великороссов народы. Наличие у последних собственной национальной культуры и языка трактовалось как локальные проявления единого целого⁸².

Как видим, данные выше характеристики фиксировали размытость этнического компонента в определении понятия «русский». Трактую народность в религиозном, политическом и культурном контексте, черносотенцы делали в этой связи вывод о том, что истинно-русским человеком можно стать, приняв базовые ценности русского культурно-исторического сообщества. О малозначимости для черносотенцев этнического происхождения говорит то, что они признавали немецкое происхождение царской династии. На страницах «Русского знамени» указывалось, что предки бояр Романовых вели свою родословную от прусского короля Войдевита, внук которого Гландус Камбила в 1283 г., спасаясь от немецких крестоносцев, бежал к русскому князю Дмитрию Александровичу. При крещении прусака Гландуса, ставшего родоначальником Романовых, назвали Иваном, а прозвище дали по созвучию с прежним — «Кобыла» (Камбила)⁸³.

Для черносотенцев пример династии Романовых, веками верой и правдой служившей России, являл собой ошибочность националистического подхода определения русскости по крови. Иными словами, русскость являлась

не генно-этнической конструкцией, а категорией духовного порядка, подразумевавшей православное и самодержавно-государственное миропонимание. Данный подход подтвердил видный черносотенец И.И. Восторгов, который в своем труде «Монархический катехизис» вообще не включил этнический компонент в определение понятия народности, рассматривая ее как «общество, объединенное на основах единства духовных и материальных интересов — территории, географических условий, языка, верований, исторических условий развития и т. п.»⁸⁴.

Черносотенная идеология исходила из фундаментальных ценностей консерватизма, среди которых народ (нация) рассматривался сакральной общностью, предопределяющей судьбу составляющих ее социальных слоев, групп, личностей. Для консервативной идеологии народность формировала определенный тип личности через систему нравственных норм, человеческих взаимоотношений, способ жизни и ведения хозяйства.

Для крайне правых слова «черносотенец» и «русский» являлись синонимами. Данную мысль четко сформулировало в январе 1916 г. «Русское знамя»: «Русский человек должен быть православным — правым, и если русский не православный, то он — не русский»⁸⁵. Данная трактовка русскости неизбежно включала всех носителей вышеуказанных религиозных и политических взглядов как сторонников крайне правых организаций. «Нам не приходится пропагандировать свои идеи в народе, как то делают все политические партии почти без всякого успеха, если не считать обман и насилие за успех», — заявлялось в 1906 г. в Киеве на III Всероссийском съезде русских людей.

Таким образом, в черносотенной идеологии под народностью понималось духовно-религиозное, политическое, культурно-психологическое и соборное единство русских людей. Националисты делали приоритет на этнической

идентичности (родстве), а либералы на государственно-гражданском единстве. В современной литературе также встречаются подходы рассмотрения нации и как культурно-исторической и языковой общности (общности исторической судьбы, религии, языка и культуры), и как этнической общности, основанной на кровном родстве. С этой точки зрения в своих подходах к понятию нации черносотенцы опередили свое время, так как понятие народности в правомонархическом варианте трактовки несло прежде всего идеологическую начинку, что позволяло преодолеть фактор этничности.

Идеологию правомонархических организаций России начала XX в. достаточно сложно отнести к националистической и шовинистической, поскольку главными качествами русскости в их представлении было православное вероисповедание и верность самодержавным устоям. Этническое происхождение имело гораздо меньшее значение, что стало идеологическим новшеством, т. к. черносотенцы предлагали основу единения народов империи на базе самосовершенствования в христианском духе и укрепления основ общего государства — Российской империи. Преодолеть этнический фактор при формировании новой общности — советского народа впоследствии пыталась и КПСС, но уже на других идейных основах.

Как показывает вышеизложенный материал, отрицательно относясь к распространенным в то время на Западе теориям, рассматривавшим национальный феномен в контексте расово-биологических факторов, черносотенцы определяли принадлежность к русскому народу принятием базовых ценностей русского культурно-исторического сообщества — православия, самодержавия и народности. Несмотря на многочисленные обвинения либерального и революционного лагерей в национализме и шовинизме,

присущий черносотенной идеологии приоритет духовно-религиозного компонента позволял правомонархическому движению преодолеть узкий национализм и интегрировать в него представителей других национальностей, что определило интернациональный характер черной сотни. Дистанцирование от националистических идей расовой чистоты, национального превосходства и этнической сегрегации, чреватых возникновением напряжения с населением окраин страны, объяснялось стремлением сохранить единую и неделимую Российскую империю.

§ 2. Петровские реформы как источник поврежденности управленческой элиты

Как указывалось в предыдущем параграфе, принадлежность к русской народности определялась черносотенцами верностью базовым ценностям русской цивилизации — православию, самодержавию и народности, а не этническим происхождением. По мнению крайне правых, представители национальных меньшинств, являвшиеся носителями православно-самодержавного сознания имели больше оснований рассматривать себя истинно русскими людьми, чем этнические русские, порвавшие с мировоззренческими устоями своего народа. Исследователь С. А. Степанов отмечал, что в руководстве черносотенных союзов оказалось довольно много нерусских по крови и список «истинно русских» вождей пестрил молдавскими, греческими, грузинскими и немецкими фамилиями⁸⁶. Среди лидеров черносотенцев можно видеть немцев (В. А. Грингмут, Н. Ф. Гейден, Н. А. Энгельгард и другие), французов (председатель правой фракции III Государственной Думы В. Ф. Доррер)⁸⁷. Видное положение в крайне правом лагере занимали поляки (руководитель одной из правых организаций в Казани В. Ф. Залесский,

редактор газеты «Земщина» С. К. Глинка-Янчевский) и молдаване (П. А. Крушеван, П. Ф. Булацель)⁸⁸.

При этом русские по крови лидеры оппозиции П. Н. Милюков, П. Долгоруков, Н. А. Маклаков⁸⁹ и другие в глазах черносотенцев не принадлежали к русскому народу. «Понятия о Боге, царе и Отечестве так тесно связаны в душе русской, что разделить их совершенно невозможно. Несчастные, утратившие или устранившие одно из этих трех понятий, из этих трех верований, тем самым теряют и остальные два и перестают быть русскими. Вот почему революционеры — все люди, не верующие в Бога, люди, ненавидящие Россию, люди, отрекшиеся от братства с русским народом и предавшие самозванным братьям евреям, полякам или иным инородцам...», — по утверждению черносотенной прессы, не могли считаться русскими⁹⁰.

Современные историки и публицисты отмечают некоторую противоречивость правомонархистов в подходах к характеристике русского народа. С одной стороны, крайне правые утверждали, что основная масса народа остается верной самодержавным устоям. С другой — революционные события и бурлящие на политическом поле страсти показывали, что русский народ стремительно отходил от идеологических принципов, на которых Русь держалась последние триста лет. На самом деле противоречий нет. В представлении черносотенцев преобладающее большинство населения России сохраняло православные, самодержавные и национальные убеждения. В феврале 1907 г. председатель Астраханской народно-монархической партии Н. Н. Тиханович-Савицкий давал следующую количественную характеристику сторонников традиционных ценностей: «Таких русских людей в России — весь коренной русский народ»; «Русскому народу, — подразумеваю стоимиллионное крестьянство и мещанство, которое и есть подлинный русский народ...»⁹¹.

При этом утверждалось, что имевшая серьезное влияние на все сферы жизни страны элита русского общества, утерявшая исконно русские православно-монархические убеждения и представлявшая духовный оплот западной цивилизации, составляла незначительную в количественном отношении массу, о чем указывают заявления крайние правых: «...за исключением немногих отдельных отщепенцев, продавших свою жалкую совесть жидам за чечевичную похлебку. Но такие отщепенцы составляют лишь ничтожную каплю в море стомиллионного русского народа»⁹². В обращении к крестьянам, мещанам и рабочему люду столичного отдела СРН, датированном 1905 г., указывались мизерные масштабы «раковой опухоли» на теле здорового в целом народа: «...помните, что в государстве вы сила, вас сто миллионов, а интеллигенции и пяти не будет. Довольно терпеть эту интеллигентную шваль...» Через десять лет Совещание представителей монархических организаций в Саратове утверждало: «Фрондирующая кадетская интеллигенция дерзка, но труслива; социалисты более смелы, но их такая ничтожная кучка...»⁹³

Исходя из трактовки народности как духовного, политического и культурного феномена, черносотенцы отказывали в принадлежности к русскому народу определенным группам населения в связи с утратой ими базовых качеств, присущих русской национальности. В Своде основных понятий и положений русских монархистов, разработанном в мае 1912 г. IV Всероссийским съездом Союза русского народа, говорилось: «Все ли население страны входит в содержание понятия “народность”? Нет, не все»⁹⁴. К слоям, утерявшим право носить звание истинно русских людей, черносотенцы относили: 1) либеральную интеллигенцию, зараженную западными идеями и учениями; 2) безнациональную бюрократию, отошедшую в управлении страной от «русского национального начала»; 3) революционеров

и лиц, им сочувствующих, вынашивавших планы свержения исторической русской власти; 4) антипатриотичный нарождавшийся класс капиталистов, ставивший цель материального обогащения в ущерб «вечному». Последним давалась следующая характеристика: «Наша доморошенная буржуазия не национальна, и родилась она у нас с испорченной сердцевиною. Русская буржуазия, не имея свежести самобытной, заразилась гнилью Запада... Наша буржуазия всегда останется такою же чуждою народу, какой является она в настоящее время». С подозрением крайне правые относились к пролетариату, который потерял такое качество русского народа, как соборность, игравшего предохранительную роль. Оторванные от общины бывшие крестьяне, став у станков, постоянно попадали под влияние различных оппозиционных сил.

Наибольшую опасность для государственных устоев представляли денационализированная бюрократия, интеллигенция и члены оппозиционных партий. Последние выступали под общим названием «освободительное движение», под которым подразумевалась пестрая амальгама антигосударственных течений: от октябристов и кадетов до социал-демократов и анархистов. В опубликованном в 1906 г. основателем Русской монархической партии В. А. Грингмутом «Руководстве черносотенца-монархиста» к внутренним врагам России относились те, кто «в настоящее время хочет ограничить самодержавную власть русского царя», а именно: «1) конституционалисты, 2) демократы, 3) социалисты, 4) революционеры, 5) анархисты и 6) евреи»⁹⁵.

В июле 1908 г. «Русское знамя» конкретизировало эту трактовку: «К расхитителям царского самодержавия надо также причислять и честолубивую денационализированную интеллигенцию, скрывающую свои своекорыстные интересы под тогой общего блага; а также многих из на-

родных представителей, которые добиваются конституции и парламентского государственного строя»⁹⁶. Состояние и деятельность русской интеллигенции рассматривались как симптом разложения русской общественной жизни, представлявшую из себя идейную борьбу сил, выступавших трансляторами различных рожденных в иных социокультурных условиях идей и концепций. Черносотенцы жестко абстрагировались от образованных слоев общества⁹⁷. Таким образом, крайне правые констатировали, что в начале XX в. русский народ оказался духовно и идейно расколотым.

Так как этничность не могла являться фактором, определяющим русскость, то для дистанцирования от неразделявших православно-монархических взглядов групп населения правые вынуждены были вводить специальные термины. Наиболее употребимым в черносотенной фразеологии было понятие «истинно русского», введенного Николаем II на высочайшем приеме делегации СРН в конце 1905 г. Обращаясь к членам СРН в июне 1907 г., царь не подозревал, что и другой термин получит широкое распространение: «Уверен, что теперь, все *истинно верные русские*, беззаветно любящие свое Отечество сыны, сплотятся еще теснее и, постоянно умножая свои ряды, помогут мне достичь мирного обновления нашей Святой и великой России и усовершенствования быта великого ее народа». Помимо этого термина использовались также «коренные русские люди», «монархисты», «лучшие люди» и т. д. Только носители «чисто русских идеалов... могут быть названы основательно “лучшими”», — утверждали черносотенцы⁹⁸.

Подрывавшим православные и монархические основы представителям собственного народа в праве называться русскими было отказано. В программе черносотенной организации Союза русских рабочих людей им давались

определения «иностранцы русские», «шабестоги»⁹⁹. Эти различные по социальному статусу и взглядам категории, по мнению крайних правых, объединяло «порушение всех народных святынь, унижение веры отцов и дедов, разрушение государства Российского, опозорение самого имени русского»¹⁰⁰. В крайне правой прессе для них находились весьма пестрые эпитеты: «русские, ненавидящие все русское», «изменники», «предатели», «еврействующие», «продавшие совесть», «иностранцы русские», «забывшие Бога», «радетели крамолы», «отщепенцы государства» и др. Использование вышеуказанной терминологии проводило четкую границу с оппозицией самодержавию, в состав которой входили этнически русские люди, но не являвшиеся носителями традиционных ценностей.

Корень бед, вызвавших раскол народа и порчу русской элиты (управленческого и интеллектуального слоя), черносотенцы находили в реформах Петра, разорвавших органическую линию развития страны на этапы: допетровский (народные формы правления) и послепетровский (иностранческие формы правления). «Петр I, несмотря на свой всеобъемлющий ум, идя против желаний народа, наделал таких ошибок, за которые теперь нам приходится расплачиваться», — подводило итоги его реформ «Русское знамя»¹⁰¹. Исследователи черной сотни отмечали, что великий преобразователь России был единственным монархом, которого резко осуждали монархисты¹⁰². В. А. Грингмут давал ему такую оценку: «Петр Великий стыдился “варварства” своих подданных и выбивал его из них насильственными мерами, вводя европейские порядки в России, не сообразуясь много с ее национальными особенностями. За исключением коренных основ самодержавия и Православной церкви, он особенно не дорожил индивидуальными свойствами русской государственной и общественной жизни, не различая в них истинно культур-

ных элементов и элементов действительно некультурных, а целиком заменяя их целиком же взятыми европейскими порядками, как действительно вечно культурными, так и случайными, обусловленными лишь специальным временем и местом»¹⁰³.

Особенно серьезный удар петровскими преобразованиями был нанесен в духовном и культурном поле: «Преобразованная Россия отказалась от самобытного развития и от этого не выиграла ни в материальном, ни в духовном отношениях и дошла до унижения в международных делах и внутренней революции»¹⁰⁴. Привнесенное великим реформатором иноземное влияние раскололо русское общество на две разновекторные по своему мировоззрению части: исповедующие ценности русской цивилизации низы, народ и западно ориентированную элиту, дистанцировавшуюся от собственного народа заимствованной культурой, языком и даже одеждой¹⁰⁵. «Ведь каждому известно, что в течение почти двухсот лет из русской души вытраивалось все русское и вместо него вливалось все чужое, ядовитое», — заявлял в октябре 1908 г. на Съезде отделов СРН Юга России киевский профессор Н. С. Мищенко¹⁰⁶.

По заявлению газеты «Русское знамя», доминирование инородцев у царского трона «отделило царя от народа православного» и утвердило инородческую «духовную тиранию»¹⁰⁷. Привлеченными для управления страной иностранцами оказывалось негативное влияние на русскую элиту, результатом которого стало постепенное внедрение в ее мировоззрение базисных элементов протестантизма, густо замешанного на набиравшем силу либерализме¹⁰⁸. Процесс духовного перерождения аристократической верхушки начался еще со времени поступления на русскую службу немцев при Иване III, но массовый характер приобрел при Петре I, Анне Иоанновне и Екатерине II. Внедрение протестантских элементов посредством цер-

ковных реформ Петра привело к упразднению патриаршества, подчинению церкви государству и нараставшей секуляризации общественной и государственной жизни. Идейные основы Русской православной монархии были серьезно повреждены привнесенными элементами западного абсолютизма, утверждавшего приоритет государства над церковью. В вину Петру I ставилось то, что он подорвал «самую существенную основу своей власти — ее нравственно-религиозный характер». Российский истеблишмент перестал рассматривать царскую власть как богоданную: «Когда же возобладали на Руси, с Петра I, иноверцы-еретики иностранцы... воцарилось неверие в силу царской помазанности»¹⁰⁹. Если народные «низы» исповедовали веру в царя-батюшку, за двести лет так и не приняв императорства, то аристократическая и интеллектуальная элита эту веру утратила. Восприятие монарха в западной системе координат как равного партнера (первый среди равных) вылилось в беспрецедентные на Руси явления дворцовых переворотов и цареубийств, неоднократно имевшие место в российской истории в XVIII—XIX вв.: «...до Петра I не было покушений на жизнь прирожденных православных русских князей и царей со стороны подданных»¹¹⁰.

В воззрениях правомонархистов искажение идеократического принципа самодержавия и перерождение русской монархии в абсолютизм западного образца проявились, во-первых, в отказе от богоданного характера царской власти, во-вторых, в низведении верховной власти царя до управительного уровня, в-третьих, в узурпации верховной власти самодержца безнациональной бюрократией. Данное обстоятельство было описано видным черносотенцем И. И. Восторговым в книге «Монархический катехизис»: «Бюрократия, как система передаточных властей, безусловно необходима в государстве и в качестве

такой системы представляет преимущества перед другими ее формами. Но это до тех пор, пока она остается только системой передаточных властей, правительством, но не заменяет собою верховную власть, сводя к фикции верховенство монарха»¹¹¹.

Крупнейшая черносотенная организация СРН прямо подчеркивала, что чиновничья корпорация присвоила себе часть прав, составляющих исконную принадлежность русской самодержавной власти и заслонила «светлую личность русского царя от народа»¹¹². В официальном черносотенном документе «Задачи русского монархизма» утверждалось, что бюрократия перестала выполнять роль «присяжного доверенного» царя с функцией заботы, «чтобы всем в империи чувствовалось и жилось хорошо ...»¹¹³.

Таким образом утверждалось, что в результате Петровских преобразований национально ориентированная верховная власть потеряла контроль над космополитическим по своей сути бюрократическим аппаратом, а воля монарха при видимом самодержавии попала в зависимость от чиновничества. Отвергнув свою функциональную принадлежность быть «только исполнительницей предуказаний помазанника Божия, направленных на благо народа»¹¹⁴, правительство превратилось в антинациональный самодовлеющий организм. Подмена бюрократией верховной власти, по мнению крайне правых, привела к ослаблению защитных функций государства, что в начале XX в. вылилось в революционный взрыв: «Сильная же власть не может быть разделенной, а должна быть сосредоточена в одном лице, ибо всякое разделение власти ее ослабляет. С другой стороны, правящая власть, только опираясь в своих решениях и действиях на народные массы, может приобрести необходимую ей силу и авторитет. Власть — царю, совесть — земле»¹¹⁵.

Утверждая тезис о присущей бюрократии черте присвоения функций верховной власти, правые публицисты неизменно обращались к прошлому страны. Противоборство верховной и управительной ветвей власти, по их мнению, сопровождало всю историю их взаимодействия, периодически приводя к трагическим страницам истории русского государства. В июле 1908 г. газета «Русское знамя» данной теме посвятило отдельную статью, в которой в периодически проявлявшихся дезорганизациях русского государства обвинялась именно аристократическая верхушка, выполнявшая административные функции: «Расхищение самодержавия было в киевский период со стороны княжеских родов, которые из своекорыстных видов, не желая передать одному всю целостность и неделимость власти, создали, терзая Русь на части и обагрив ее братской кровью в междоусобных распрях, удельно-вечевой период. И бояре, расхищая царское самодержавие, создали местничество, производили смуты в детстве Иоанна Грозного, создали семибояршину, крепостное право и делали попытки ограничить царскую власть Василия Шуйского, Михаила Федоровича и Ивана Грозного...»¹¹⁶

Наиболее ярко деструктивная роль царских слуг проявилась в смутные времена. По версии крайних правых публицистов, прекращение династии Рюриков привело к узурпации власти Боярской думой, которая, как и современная Государственная, преследовала своекорыстные интересы в ущерб общегосударственным. Только утверждение династии Романовых и возвращение к самодержавной системе властiuстроения вернуло страну на путь естественного развития. Идеи самодержавия могли ослабляться в народе в период мирного поступательного развития и возрождались в условиях захватывавших страну нестроений: «Идея государственного единства восторжествовала как раз в такую пору, когда буйство и измена

служилых людей и засилье инородцев чуть было не стерли с лица земли самое имя нашего отечества. Бог помог нашим предкам не только отстоять родную землю своими руками и жертвами, но и восстановить предопределенную Божиим промыслом для счастья народов самодержавную власть»¹¹⁷.

Характерным признаком перерождения русской православной монархии в западный абсолютизм явилось появление бюрократической преграды между царем и народом, т. е. слоя чиновничества с чуждыми народу узко корпоративными интересами, что привело к дистанцированию верховной власти от народа, усилению централизации, бюрократизму. В июле 1908 г. газета «Русское знамя» указывала, что формированию бюрократической препоны способствовало прекращение созывов Земских соборов¹¹⁸. «С Петра Великого у нас явилось средостение между царем и народом — это чиновники бюрократии...», — заявлял председатель СРН А. И. Дубровин в августе 1908 г.¹¹⁹ Роковую роль в этом сыграли привлеченные для управления империей западные инородцы, привнесшие в страну чуждую политическую культуру, заразившие административный аппарат недугом бюрократизма и поставившие во главу служения личные интересы в ущерб общегосударственным.

Присущие бюрократии черты фиксировались в определении, которое ей давала черносотенная пресса: «Усиливающаяся власть чиновничества, отрешившегося от связи с действительной жизнью и запирающего двери своих кабинетов (канцелярий) для живого дела и живых людей, превращая их в мертвую бумагу, в номера “входящих” и “исходящих”»¹²⁰. В концентрированном виде безраздельную власть бюрократии в стране выразил премьер-министр С. Ю. Витте: «Самодержец — тот министр, который выходит с подписанными указами из кабинета царского»¹²¹.

В программе Союза русского народа при характеристике бюрократии делался упор на ее антиправославном характере: «Современный чиновничий строй, осуществляемый в громаднейшем большинстве случаев безбожными, нечестивыми недоучками и переучками, заслонил светлый образ царя от народа»¹²².

Негативная оценка бюрократии была одним из многих вопросов, где точки зрения крайне правых и оппозиционного лагеря сходились. Разница наступала при анализе причин поврежденности российской бюрократии. В отличие от либеральных и революционных партий черносотенцы акцентировали внимание на ее антинациональной сущности, утверждая, что порча управленческой элиты произошла в результате активного привлечения западных инородцев в правящие слои. Об этом в июле 1908 г. писала газета «Русское знамя»: «Начиная с Петра I, а при преемниках его еще более и более, царское самодержавие расхитили инородцы и иностранцы, которые под видом просвещения России постарались преобразовать Россию, извративши ее самобытное развитие; воспитывая детей русских дворян, они учили их рабски преклоняться перед Западом и пренебрегать всем русским и, захвативши в свои руки высшие государственные посты, стали между царем и русским народом»¹²³.

С началом I Мировой войны крайне правые подняли тему непропорционально большой доли немцев в административной и военной областях. В частности, один из членов Государственной Думы от фракции правых в ноябре 1916 г. заявлял: «...еще накануне войны мы, правые, обращали особое внимание правительства и Государственной Думы на переполняющих наше отечество выходцев из Германии, завладевших лучшими землями, преимущественно вблизи важнейших стратегических пунктов, не только в пограничных западных областях, но и в глубоком

тылу, в центре и на востоке России, и захвативших в свои руки во всех местностях ее, даже в столице, всю нашу торговлю и всю нашу промышленность»¹²⁴.

Начавший бить с Петра I источник пополнения российской бюрократии западными инородцами не иссяк и в XX в. Черносотенная пресса сигнализировала, что в административный аппарат налажен канал экспорта масонов для разложения России: «...наш заклятый вековой враг Англия и разлагающаяся Франция шлют нам масонов, легионы которых растут повсюду, проникая также и в войска»¹²⁵. По утверждению консервативных публицистов, прочное основание активному сотрудничеству космополитической части русской бюрократии с мировой закулисой заложил премьер-министр С. Ю. Витте, что проявилось в реформировании политической системы страны по масонским лекалам, а именно: принятии Манифеста 17 октября 1905 г., Основных государственных законов от 23 апреля 1906 г. и учреждения Государственной Думы по образцу западных парламентов. По заявлению газеты «Русское знамя», эти реформы стали «последними и, казалось, смертельными ударами, которыми жидовство покушалось свалить православную и самодержавную Россию»¹²⁶.

По мнению черносотенцев, сотрудничество административного аппарата с масонским орденом не с меньшей интенсивностью продолжалось и после ухода С. Ю. Витте. Хронической болезнью инородческого засилья страдало и современное им правительство Столыпина, о чем газета «Русское знамя» предупреждала в апреле 1909 г.: «...многие ближайшие слуги государевы в большинстве инородцы...»¹²⁷ В сентябре 1909 г. черносотенная пресса констатировала: «Никогда еще засилье инородцев на государственной службе не достигало таких размеров, как после 1905 года (вспомним появление поляков даже в дипломатическом ведомстве), никогда еще черта оседло-

сти не переходилась жидами с такой легкостью, как при П. А. Столыпине, никогда не распускались так финляндцы и кавказцы, как при нем»¹²⁸. Вина за инициирование гонений на крайне правых, настраивание против них П. А. Столыпина, разработку «прогрессивного» законодательства возлагалась и на занимавших высокое положение в МВД ставленников масонских лож Слизоберга, Гурлянда и Немировского¹²⁹. После произнесенной 6 марта 1907 г. премьер-министром декларации о наличии в России «чисто русского правительства» черносотенцы обрушились на него с язвительной критикой: «Так как ведь в России всякий Шрулька и Шмулька называет себя русским, то что же мудреного, что в этом цикле “чисто русских” мужей могут замешаться и такие имена, как Саблер, Кутлер, Гиршман...»¹³⁰.

Черносотенцы были далеки от мысли демонизировать П. А. Столыпина и ставить его в ряд сознательных противников монархии. Пытаясь понять причины непоследовательных действий премьер-министра, они обращались к доктрине жидомасонского заговора. В ноябре 1908 г. Комитет Астраханской народно-монархической партии во всеподданнейшем адресе прямо намекал на это царю: «Скажем Тебе откровенно, Государь, что Столыпина и других так называемых “конституционных” министров, мы не считаем людьми, действующими с какой-либо заглавной целью во вред Тебе и монархической России; но, видя все происходившее, мы глубоко убеждены в том, что они находятся под чьим-то роковым для России, таинственным влиянием, ведущим Россию в ту пропасть, из которой государства уже не поднимаются»¹³¹.

Доказывая, что «масонская паутина» прочно опутала вершины российского политического Олимпа, крайне правые указывали на сотрудничество столыпинского правительства с центристскими и левоцентристскими

партиями, нерешительность в борьбе с революционными организациями, нежелание ужесточить режим третьей-юньской монархии (в частности, пересмотреть избирательный закон), попушения общественным движениям, считавшимся марионетками в руках «темных сил». «Поэтому и теперь кадетствующая бюрократия, расхищая царское самодержавие, охотно протягивает руку октябристам, которые с первых же шагов в Государственной Думе вздумали было, нарушая присягу, отнять у царя его самодержавие», — резюмировала черносотенная пресса в июле 1908 г.¹³² В совокупности это указывало на стремление административной корпорации насадить в России республиканский или «скрытно республиканский» образ правления¹³³.

Согласно консервативным воззрениям свою лепту в ослабление государства внесли рекрутировавшиеся в административный аппарат представители завоеванных и присоединенных к империи народов. «Давно бы и весь земной шар находился под скипетром Русского Белого царя, если бы мы не допустили инородцев и иноверцев к святому делу управления страной...», — заявлял лидер СРН А. И. Дубровин¹³⁴. Вслед за немцами значительный процент представительства в высших аристократических кругах имели поляки. «У генерал-губернатора Берга жена являлась яркой католичкой, у русских вельмож Шуваловых мать была графиня Потоцкая, у многих русских “высокопоставленных лиц были жены и приятельницы ярые католички польки”, — сообщала крайне правая пресса¹³⁵.

Польское «засилье» во всех сферах российской государственной и общественной жизни обуславливалось проживанием накануне I Мировой войны за пределами этнических польских земель не менее 600 тыс. поляков. Наличие значительных польских общин в крупнейших городах России неизбежно приводило к проникновению их представителей во властно-административные структу-

ры, стратегические отрасли экономики, в первую очередь на железные дороги (Транссиб и Кавказ). Серьезные позиции в качестве крупных землевладельцев поляки имели и в сельскохозяйственном секторе страны. Особо остро проблема чрезмерного польского присутствия стояла в Западных губерниях, где администраторы — проводники русской национальной политики «потонули в массе нерусских чиновников, которые нанесли России неисчислимые потери»¹³⁶.

По утверждению правомонархистов, засилье поляков на всех этажах государственной машины активно использовал Ватикан для срыва государственной политики по русификации Польши и усиления своего влияния в Западных губерниях. «Ополячивание и окатоличивание шло в ужасающей степени благодаря тому, что Петербург наводнили польскими князьями и графьями», — сообщала в мае 1911 г. черносотенная пресса¹³⁷. В частности, саботаж русификаторской политики Царства Польского в XIX в. допустил генерал-губернатор Паскевич, который в 30-х гг. остановил переход Холмских униатов в православие, и граф Берг, через тридцать лет пресекавший попытку польских ксендзов образовать неподконтрольную Риму мариавитскую церковь¹³⁸. Благодаря польскому лобби в верхах общества были «принесены в жертву интересы Руси Надвислянской, Белохорватии, Завислянской, Мозурского Мозовца, русского Подляшья, литовской земли, бывшей православной, — все было исковеркано в угоду злобному еретическому Риму...»¹³⁹. Масла в огонь критики инородческой сущности государственного аппарата подливали сами поляки. В частности, польская газета «Курьер» (№ 291 за 1907 г.) откровенно раскрывала схему восстановления Царства Польского: «Целый миллион должностей и служебных положений во всей России в ру-

ках польских. С этих постов мы ослабляем Россию. Теперь же, когда она в развалинах, мы должны на этих развалинах воссоздать независимую от моря до моря Польшу»¹⁴⁰.

В критике инородческой сути российского бюрократизма правомонархисты встречались с явным противоречием. С одной стороны, они утверждали, что с привлечением национальных меньшинств к управлению империя теряла силу: «Россия стала слабеть с тех пор, как русский народ стали окружать инородцы и иностранцы, которые и постарались отдалить царя от народа»¹⁴¹. С другой стороны, механизм роста международного влияния и расширения границ государства был запущен именно в результате проведенных Петром I преобразований, в ходе которых было утверждено могущество чиновничьей конгрегации. Это противоречие не казалось черносотенным идеологам неразрешимым. Достижения Российской империи в послепетровский период обуславливались внутренними ресурсами самодержавной монархии, сумевшей какое-то время компенсировать наносимый бюрократическим средостением вред и мобилизовать сохранивших преданность (несмотря на разлагающее влияние инородцев) русскому делу служилых людей на решение важных государственных задач: «Люди эти, множась наравне с развитием роста государства, создали наше чиновничество, которое в свое время, когда состояло в большинстве своем из чисто русских честных людей, имело много заслуг за собой. Государи наши, опираясь на верный ему народ и на верных ему в то время служилых людей, создали из маленького Московского княжества наше великое государство, которое мощно раскинулось на 1/6 часть суши всего земного шара»¹⁴². Утверждалось также, что неудачи и провалы имели место именно тогда, когда организационную систему подменяли иностранным заимствованием, равно как прорыв наступал при попытках реанимации самобытной русской организации государства.

Диагностированный крайне правыми космополитизм российской бюрократии выпукло проявлялся в потере национального самосознания, забвении исторической памяти, ослаблении чувства патриотизма, причины которых виделись в «ложном направлении нашего просвещения, дающего нам людей не любящих и не признающих укладов жизни своей родины и, следовательно, не могущих искренно служить во благо ей»¹⁴³. Космополитическая сущность чиновничества выливалась в наднациональное равнодушие, где русский народ — строитель империи — нивелировался до уровня завоеванных инородцев: «Для бюрократии нет ни эллин, ни иудей, ибо нет для нее России, а есть одна она, собственной всеобъемлющей персоной. Лях, жид, армянин, татарин для нее тем предпочтительнее русского, чем численно более преобладает русское население над каждой инородческой нацией и чем более развито в русских национальное самосознание. Пока русское национальное самосознание дремало, а инородческие — пылали, бюрократия еще отдавала некоторое предпочтение русским как менее опасным. Но с пробуждением русского национального самосознания она, в виде противовеса, покровительствовала инородцам»¹⁴⁴. Это национальное безразличие вступало в противоречие с растущим патриотизмом государствообразующего народа: «Подлинный патриотизм верноподданных ненавистен бюрократии, но весьма любезен ей патриотизм “свиней”, объединенных любовью к общему корыту»¹⁴⁵.

Согласно воззрениям крайне правых взявший старт при Петре I процесс разложения управленческой элиты достиг своего апогея в начале XX в. Современный им бюрократический аппарат более не являл собой костяк государства, способный придать движению государственного корабля однонаправленный вектор: «...наша бюрократия исстари представляла плохо собранную по всем частям

машину из разных племен, наречий, наций...»¹⁴⁶ Утеряв идеократический стержень, он состоял из носителей различных взглядов, в том числе оппозиционных, в результате чего «октябристами у нас в России считаются почти все наши благонамеренные чиновники, т. е. те, которые убоялись лишиться своего места. ...Русский чиновник, никогда не имевший своих стойких убеждений, идет в октябристы — эта партия ему подходящая, и высшее начальство на эту партию хорошо смотрит»¹⁴⁷.

Черносотенцы констатировали, что к началу революции административный аппарат, судебное и силовые ведомства оказались в значительной мере засоренными либеральными, а частично и революционными элементами. В августе 1907 г. академик А. И. Соболевский, выступая на общем собрании Союза русских людей, делал вывод о неблагонадежности бюрократического аппарата: «Если мы будем рассматривать далее лиц, состоящих во главе администрации, то и среди них найдется очень много “кадетов”. Не редкость, что губернаторы, исправники и полицмейстеры — “кадеты” или послушные орудия в руках евреев»¹⁴⁸. В ноябре 1908 г. астраханские черносотенцы с ужасом информировали царя: «В армию проникли изменники, дисциплина упала. Просочилась зараза и в казачество, в этот надежный оплот русской мощи. Государственные должности не в надежных руках»¹⁴⁹.

Незадолго до крушения монархии видный черносотенец А. А. Римский-Корсаков, принадлежавший к высшей сановной бюрократии и изнутри знавший ее «политическую физиономию», давал такую оценку коллегам: «Или что можно сказать про украшающих высшее государственное законодательное учреждение сановников, бывших министров, даже премьеров, превознесенных милостями монарха и им одаренных свыше меры, поставленных им здесь на защиту его прав и прав его наследников, — сановников,

участвующих и в Прогрессивном блоке и подписывающих резолюции, клонящиеся к узурпированию этих прав, к скомпрометированию самого царского имени? Что можно сказать про придворных чинов, кичащихся своим мундиром и званием перед простыми смертными и в то же время братающихся с явными и откровенными врагами своего государя? А семидесятилетний сановник, всю долгую жизнь на разных постах утверждавший принципы царского самодержавия, переходящий к левым в верхней палате из-за неизбрания его правыми в какую-то комиссию? Где предел этой политической невоспитанности?»¹⁵⁰

В результате селекции западных ценностей православное самосознание правящей элиты настолько деградировало, что в начале XX в. под ее напором Николай II вынужден был пойти на ограничение своей власти законодательной Думой, созданной не по традиционным для Руси образцам земских соборов, а по лекалам европейского парламента. Неприятием религиозной основы самодержавия оказалось заражено большинство представителей аристократической верхушки и чиновничества, долженствующих стоять на страже православно-идеократической концепции самодержавия. «Царское самодержавие расхищается и помещными инородческими высшими классами», — писало «Русское знамя»¹⁵¹.

Крайне правые, по существу, обвинили бюрократический аппарат в национальной измене. «...Эти изменники и предатели, создавшие “за счет казны” революцию и, будучи русскими, ненавидящие все русское. К числу их принадлежит, главным образом, либеральное чиновничество, которое, — забыв Бога, изменив самодержавному государю, продало себя и совесть исконным врагам престола и Отечества», — заявлял киевский профессор Н. С. Мищенко на Съезде отделов СРН Юга России в октябре 1908 г.¹⁵² В этом черносотенцы отчасти видели за-

старелую черту русской бюрократии, всегда мечтавшей о слабом и зависимом царе. «Как в смутную эпоху бояре тянулись к тушинскому вору, так нынче их тянет к государственным вора. Говорят даже, что есть у них свой кандидат в конституционные цари, который хранит в укромном месте потемневшую теперь порфиру. Я говорю о “знаменитом” кадетском главе — П. Долгорукове», — давал характеристику административному аппарату на заседании СРН в сентябре 1909 г. Г. К. Шмидт¹⁵³.

Из всех врагов самодержавия к наиболее опасному крайне правые относили именно бюрократию, так как, с одной стороны, находясь вблизи царя, она могла проводить разрушительную политику, прикрываясь его именем, с другой — негативно влиять на него, подталкивая к шагам по ограничению богоданной власти. Либеральное чиновничество вынашивало планы конституции еще со времен Александра II, которого пыталось убедить, что ее жаждет все русское общество. «Министры обманули своего государя, уверив его, что конституции требует вся страна, весь русский народ, а в действительности это требование исходило от бюрократии и от кучки русской интеллигенции...», — утверждала черносотенная пресса¹⁵⁴.

Крайне правым казалось, что окружение царя настраивало его на признание факта ограниченности монаршей власти: «...многие ближайшие слуги государевы в большинстве инородцы и прочие великие и малые чиновники, казенным пирогом объедающиеся... не хотят постоять за царское самодержавие и говорят до сих пор, вопреки основным законам, о какой-то конституции...»¹⁵⁵. Уже после Манифеста 17 октября бюрократия не скрывала своего нежелания возвращаться к идеократической идее православно-монархического государства, оказывая открытую поддержку партиям, поддержавшим октябрьские преобразования. «Требование конституции равносильно измене

царю и народу», — заявляла черносотенная пресса, делая вывод, что бюрократия, будучи порождением петровского абсолютизма, став самодовлеющей силой, попыталась убить монархию, ее породившую¹⁵⁶.

Если революционные партии выступали за слом самодержавной системы, то бюрократическая элита вела линию на ее эволюционное перерождение в конституционную монархию по европейскому образцу. Крайне правые подозревали, что Манифест 17 октября и учреждение Государственной Думы, ограничившие власть царя, были давно подготовлены в недрах враждебно настроенного по отношению к самодержавию управленческого аппарата: «Все это козни бюрократии. Неясность основных законов и неясность “учреждения” Государственной Думы допущены ею — в том нет ни малейшего сомнения — умышленно»¹⁵⁷. Бюрократия стала препятствием благим пожеланиям царя воссоединиться со своим народом: «...избирательный закон был с умыслом так составлен, что Дума и не могла быть иной, как покойные две Думы, куда попали исключительно враги русского народа»¹⁵⁸. Проникшие при «благоклонном содействии самой бюрократии» в Государственную Думу оппозиционные партии вместо поиска выхода страны из кризиса использовали ее для раскачивания государственного корабля¹⁵⁹. Призванный играть консолидирующую роль русский парламент раскалывал общество, провоцируя верноподданнические слои населения на оборонительные действия: «Революция идет сверху и проникла уже в народ, который под влиянием продолжающейся устной и печатной пропаганды, будет вскоре окончательно деморализован (сбит с толку), и немудрено, если в конце концов он учинит резню, сметущую долой все законные власти. Поэтому роспуск Государственной Думы является настоятельной необходимостью. Она вторично явилась центральным

собранием революционно настроенных представителей, между которыми немало лиц, побывавших в ссылках и тюрьмах», — делало заключение «Русское знамя»¹⁶⁰.

Черносотенцы уделяли большое внимание разоблачению тайного заговора чиновничьего аппарата против монархии. Двуличная природа бюрократии проявлялась в политике «полумер», в частности в стремлении преобразовать общество на конституционный лад при сохранении жесткого контроля над обществом и возможности паразитирования. Если появление в стране народного представительства, по мнению крайне правых, было продиктовано желанием царя преодолеть изъяны бюрократической системы и улучшить систему государственного управления, то бюрократия преследовала совсем иные цели, а именно: «сменить» самодержавного хозяина на заинтересованную в лоббизме коммерческих интересов буржуазию, что создавало возможности для личного обогащения. Указывая на примеры республиканских стран, крайне правые предрекали, что при реализации замыслов бюрократии ее ждет полное перерождение. Так, по утверждениям черносотенной прессы, во Франции истинными правителями являлись евреи-капиталисты, в результате чего «здесь бюрократия выродилась при республиканско-анархическом способе правления в жидократию. Все министры, профессора, чиновники, большинство адвокатов — франкмасоны... Да и трудно сделать себе во Франции карьеру не франкмасону»¹⁶¹.

Двурушничество бюрократии проявилось задолго до начала революции. Обладая всей полнотой информации о возникающих угрозах, административный аппарат самоустранился от их локализации: «Если интеллигенты жидовскую революцию могли предвидеть, то народ она застала врасплох, никогда не ожидавшего, что “растерянность” или измена бюрократии отдаст глубину России на

растерзание супостатам»¹⁶². Это давало основание черно-сотенцам открыто критиковать чиновничью конгрегацию в пособничестве врагам монархии: «...бюрократический строй... при полном произволе и безответственности... привел нашу Родину на край гибели»¹⁶³. Официальные документы крайне правых и пресса публично обвиняли премьер-министра С. Ю. Витте в провоцировании революционного взрыва: «Эту неслыханную на Руси смуту нельзя назвать русской народной революцией, потому что в ней участвовали отбросы русского народа, а — революцией “сверху”, так как она совершилась, главным образом, при попустительстве полуинородческой бюрократии, во главе которой одиннадцать лет стоял жидовский ставленник С. Ю. Витте, подготавливавший для нее почву»¹⁶⁴.

Тезис одвuruшничестве бюрократии крайне правые доказывали результатами деятельности правительства Витте. В частности, в правомонархических документах утверждалось, что премьер-министр России и его окружение подготовили социальную базу революции посредством проведения таможенной и финансовой политики, приведшей к разорению сельского хозяйства и превращению мирного пахаря в «сознательного пролетария-хулигана»¹⁶⁵. Прегрешения С. Ю. Витте состояли в реализации реформ, в ходе которых был искусственно создан фабричный пролетариат, пополнивший ряды социал-демократических партий, введении золотого курса рубля, нанесшего удар по дворянскому землевладению и русским торговым предприятиям при одновременном укреплении еврейского банковского сектора¹⁶⁶, запуске процесса денационализации сферы образования и революционизировании высшей школы¹⁶⁷. В вину премьер-министру ставился и подрыв позиций РПЦ, так как во время его правления «по соображениям бюрократии составлялись гражданские законы, изменявшие или, по крайней мере, противоречившие установ-

лениям и канонам православной церкви и даже ее таинствам»¹⁶⁸.

В воззрениях крайне правых, С. Ю. Витте стал показательным примером трагических результатов правления антинациональной бюрократии, властвовавшей от имени царя: «...стоявшие у власти изменники во главе с гр. Витте подготовили и искусственно вызвали Японскую войну, искусственно заставляли русские войска терпеть поражения, и в конце концов заключили позорный мир ...когда были шансы одержать победу; мало того, обманули доверие самого Государя, заключив этот позорный мир против его воли; искусственно подорвали русский кредит, искусственно вызвали смуту внутри страны. искусственно разжигают эту смуту до сего времени при помощи иудейского золота. И все эти мерзости творились именем царя!»¹⁶⁹

Резюмируя годы правления С. Ю. Витте, газета «Русское знамя» писала: «В короткое время (Витте. — М. Р.) превратил великую, могущественнейшую в мире державу в жалкое посмешище в глазах иностранцев»¹⁷⁰. Ту же оценку четыремя годами позднее давал и В. М. Пуришкевич: «Дни правления Витте — печальные страницы русской истории»¹⁷¹. Обосновывая свой вердикт, известный черносотенец писал: «Он был фарисей, но фарисей обыкновенный, он был честолюбивый революционер, мечтавший о Робеспьере и создавший для того необходимую обстановку. Витте разлагал Россию исподволь. Под его управлением Россия лет через 15 пережила бы революцию и даже государственный переворот...»¹⁷². Не замеченным крайне правыми осталось и стремление С. Ю. Витте расширить права земств, в чем они увидели робкую попытку установить в стране двоевластие¹⁷³.

Доказывая тезис о революционности правительства Витте, черносотенцы неизбежно обращались к такому специфическому явлению, как зубатовщина, рассматри-

вавшееся как «насаждение социализма в народе за счет Св. церкви, государства и под их знаменем»¹⁷⁴. Свидетельством связи С. Ю. Витте с масонскими структурами являлось внедрение в деятельность репрессивного аппарата шедших из глубины веков приемов расправы с политическими противниками чужими руками посредством внедрения методов провокации и клеветы. Распространение изготовленных в охранке «революционных прокламаций» способствовало революционизированию рабочих масс и целых территорий. «Так как и в политической жизни “угол падения равен углу отражения”, то усердие Зубатова и его усмотрительно-допекательной политики воспрянули и закипели революционные инстинкты», — писала газета «Русское знамя»¹⁷⁵. Скрывая собственное бездействие по подавлению реальных революционных кружков, С. В. Зубатов ввел систему, в рамках которой на поток было поставлено осуждение лиц, не имевшие отношения к революционному движению: «...подсовывали через провокаторов нелегальщину, а потом хватали с ней, причем расходы по раскрытию каждого “дела” о поимке, обходившегося при провокаторской системе “подсовывания” не дороже двух двугривенных, выписывались по книгам суммами по размерам совести»¹⁷⁶. В результате политики С. В. Зубатова огульным клеветам искусственному революционизированию подвергались не только конкретные лица, но и отдельные народы: «В этих целях были заведены должности окружных клеветников, из которых самым лучшим оказался кавказский, успевший оклеветать Грузию, и так ее настроил, что этот родственник нам по вере край рыцарей, от которого Россия не имела за всю свою тысячелетнюю жизнь ни одной царапины, озарился вдруг революционными вспышками»¹⁷⁷.

Черносотенцы возложили ответственность за начало первой российской революции на С. В. Зубатова и покро-

вительствовавшего ему С. Ю. Витте: «Это освободительное движение сыграло роль обломившегося сука, который сама бюрократия подрубила...»¹⁷⁸ Слабый профессионализм зубатовских помощников приводил к стихийным взрывам в рабочей среде, о чем свидетельствовали события 9 января 1905 г. Однако из первых подобных проявлений не были сделаны соответствующие выводы: «В Одессе уполномоченный от Зубатова Шая Шаевич пересолит, и все легализованное рабочее движение проявилось в том же 1903 году в виде парадных революционных маневров одесских рабочих»¹⁷⁹.

Перерождению в начале XX в. самого абсолютистского режима в не поддававшуюся определению властную модель способствовала такая характерная черта русского чиновничества, как безответственность. В ноябре 1905 г. идеологи правомонархистов заявляли: «...а в последние времена у нас нет даже абсолютизма, а имеется самая невозможная форма управления государством, когда несколько человек (министров), облеченных, в сущности, почти неограниченной властью в своей сфере деятельности, распоряжаются каждый вполне самостоятельно, не неся в то же время никакой ответственности. Вот такое ненормальное положение вещей и привело к разложению великое и сильное государство Российское»¹⁸⁰. «В отсутствии всякой личной ответственности — главное основное и коренное зло всякого собора или собрания, духовного, так и политического», — делало заключение в марте 1913 г. «Русское знамя»¹⁸¹.

Чиновничья безответственность шла рука об руку с административной безынициативностью, ярко проявившейся в период первой российской революции. Фактором, способствовавшим выходу правомонархистов на политическую арену, была неспособность репрессивного

аппарата самодержавия навести порядок собственными силами. Крайне правые объясняли свою пассивность в первую половину революции тем, что ожидали от властей действенных мер к прекращению беспорядков. На запросы в органы власти, по свидетельствам правомонархистов, они получали неизменный ответ: не приказано мешать. «Мы видели, что те из преданных самодержавию, которые принимали должные меры к усмирению, отправлялись на тот свет, потому что не имели поддержки других. Бездействие власти, или, вернее, потворство преступникам, придавало им силу, и они издевались над тем, что мы считаем святынею...», — заявлял через два месяца после появления СРН его печатный орган¹⁸². Это породило, с одной стороны, подозрения в двусмысленной роли бюрократии, с другой — привело к мысли о необходимости собственной самоорганизации для сопротивления. Таким образом, именно пассивность власти способствовала мобилизации консервативных сил.

В послереволюционное время изъян бюрократии проявился в ее идейно-политическом индифферентизме. Если правительство Витте черносотенцы заносили в ряд революционных, то правительство Столыпина «держит себя нейтрально, оно хочет быть беспартийным, беспринципным, с одинаковым беспристрастием относясь ко всему происходящему»¹⁸³. Массовым явлением во властных структурах стало занимать выжидательную позицию. Появление в стране парламента дало административному аппарату возможность топить решение назревших проблем в думских словопрениях. Касаясь обсуждавшегося в правительстве вопроса изменения статуса Финляндии, черносотенная пресса писала: «Полились речи, обещания. Словами до некоторой степени общественная совесть была усыплена, до дела же не добрались. О Финляндии успели поговорить даже в германском рейхстаге. А нужно

было ввести в Финляндию 2 корпуса и заговорить на этом языке; весь вопрос и был бы исчерпан»¹⁸⁴.

Боязнь со стороны высших чиновников рисковать, нежелание брать на себя ответственность приводили к серьезным провалам при реализации государственной политики. Правительство Столыпина упрекали и в т. н. «приказной волоките», происходящей от небрежности, придирчивости и нерадивости чиновников¹⁸⁵. Особенно данные претензии касались самого премьер-министра, который не использовал имевшийся у него ресурс воздействия на царя: «...при своем красноречии он мог бы убедить государя сравнять окраины с Центром, но он не хочет...»¹⁸⁶

По мнению черносотенцев, бюрократический аппарат страдал незнанием истинных условий жизни страны, управляя и законодательствуя «из-за стен канцелярий и на основании только опытности, выработанной в тех же канцеляриях, почему результат такой кабинетной деятельности не мог быть согласован с действительными нуждами народа»¹⁸⁷. Дистанцированность от социальных проблем оборачивалась неспособностью эффективно реагировать на возникавшие государству и империи угрозы, дезинформированием и извращением воли царя. «...Находясь далеко от народа и не зная его нужд, подносили к утверждению государя такие законы, которые не только не отвечали народным желаниям, но иногда были направлены вразрез народным интересам», — говорилось в выпущенном в декабре 1905 г. обращении Русского собрания¹⁸⁸.

Ярким проявлением игнорирования воли царя являлось отношение к правомонархическим организациям. Черносотенцы указывали, что царь выказывал всяческое удовлетворение крайне правыми, называя их опорой, бюрократия же навешивала ярлык «революционеров справа» и преследовала¹⁸⁹. Крайне правые находили в этом прямой

умысел: «...лица, уже захватившие незаконно народное достояние, всеми силами стремятся устранить истину от монарха, так как при таких условиях им легче всего пользоваться своим произволом и угнетать народ, обманывая царя»¹⁹⁰. Приводились и конкретные примеры: «Например, финляндцы и шведы при Александре II, пользуясь благосклонной поддержкой состоявших на русской службе бюрократов, наложили полную печать молчания на всю патристическую русскую прессу в вопросах, касавшихся Финляндии, чтобы таким путем, скрывая истину от царя и русского народа, обманным путем вырвать у царя всевозможные для Финляндии привилегии в ущерб царскому самодержавию и во вред русскому народу и единству России»¹⁹¹.

По мнению черносотенцев, дезинформирование «петербургской полуинородческой бюрократией» царя ярко проявилось при инициировании шедших вразрез с традиционными политическими устоями страны реформ (принятие Манифеста 17 октября, учреждение Государственной Думы и др.) под предлогом того, что русский народ «бунтует и требует этого права»¹⁹². Черносотенная пресса язвила: «В глазах Витте жида, убивающие из-за угла русских православных людей, были бунтующим русским народом»¹⁹³.

Крайне правые были убеждены, что затеянные административным аппаратом реформы не только не приводили к успокоению страны, но подливали масла в процесс раскачивания государственного корабля. Газета «Русское знамя» писала: «Царь всегда был нам близок, скорбел и заботился о нас, это мы видим из целого ряда манифестов, при чтении которых сердце радуется, а глядя на применение обливается желчью горькой обиды»¹⁹⁴. Правомонархистам казалось, что стоит только прорвать ненавистную плотину, отделяющую царя от народа, и донести до него

информацию о положении в стране, как тотчас будут приняты меры, которые станут «верной гарантией народного покоя, безопасности и благосостояния»¹⁹⁵.

Непрекращающаяся рознь внутри аппарата сформировала противоречивую природу российской бюрократии, воплощавшую в себе и национальные качества, и космополитизм одновременно. Результатом двухвекового противоборства этих тенденций стало появление специфического типажа чиновника, ставившего корпоративные интересы выше государственных и общественных. Это ярко проявилось в правительстве Столыпина, в котором боролись две тенденции: желание подчинить все и вся и «зов крови». Обращаясь к премьер-министру, черносотенная пресса предупреждала: «С вашей русской душой не добиться вам до конца дела согнута России в бараний рог. Ваш бюрократический план великолепен: смирить левых, средних и правых, вышибить из всех “непокорных” дух политиканства, привести страну к одному общему знаменателю “деловой работы” каждого, дабы никто не поднял носа своего выше своего верстака, а затем под бой “построенных” интендантским порядком барабанов повести Русь прямой дорогой к храму Славы — это задача, достойного без лести преданного несравненного государственного гения... но только инородца Аракчеева (происходит из татар)»¹⁹⁶.

Крайне правые утверждали, что П. А. Столыпин и бюрократия стали препятствием на пути возрождения русского патриотизма и национального самосознания. Отказ со стороны административного аппарата не только в поддержке, но и в создании искусственных препятствий для деятельности черносотенных организаций давал основание лидерам движения в очередной раз обвинить правительство в сочувствии революции: «На верноподданных вымещает кадетская бюрократия свою трусость перед красными убийцами, благо верноподданные до сих пор

не сопротивлялись даже против явной несправедливости из уважения к закону...»¹⁹⁷ Вместо того, чтобы представить каждому «истинно русскому возможность вполне развить дарованные ему Богом способности и с наибольшей пользою применять их на благо собственное, благо Отечества и во славу государя»¹⁹⁸, правительство давило любую инициативу верноподданных сил в отстаивании национальных интересов. В сентябре 1909 г. черносотенная пресса утверждала, что П. А. Столыпину не удалось поднять дух нации, ее нравственную силу на уровень созидательной работы. Наоборот, патриотически настроенные силы оказались «замороженными» полицейским надзором¹⁹⁹.

В октябре 1907 г. черносотенцы предъявили правительству длинный список претензий: запрет рядом губернаторов патриотических шествий с портретами царя и пением Народного гимна; создание препятствий местными властями деятельности патриотических союзов и организаций; преследование чиновников — членов СРН; попустительское отношение к избиениям и покушениям на жизнь председателей черносотенных организаций; преследование штрафными санкциями правой прессы²⁰⁰. «Бюрократы-либералы арестовывают патриотов, доставляя возможность евреям напасть на безоружного арестанта и превратить его в кусок окровавленного мяса (как это было с несчастным Прохоровым в Елизаветграде)...», — констатировала газета «Русский народ»²⁰¹. Состоявшийся в начале сентября 1906 г. Съезд председателей СРН и членов Русского собрания направил телеграмму председателю Совета министров П. А. Столыпину, в которой прямо указывалось на потворство администрации крамольникам: «...из всех охваченных смутой городских центров империи, от руководителей местных монархических союзов, лиц безусловно уважаемых и облеченных доверием тысяч русских людей всех сословий, поступают заявления, что

первыми покровителями революции часто являются, непостижимым образом, лица из администрации, нередко весьма высоких степеней. О всех таких лицах должно быть начато дознание, они должны быть смещены и подвергнуты заслуженной каре»²⁰². Враждебное отношение начальствующих лиц заставляло правомонархистов обращаться напрямую к царю за защитой: «Вождь народа. Повели постановленным властям споспешествовать деятельности тобою вызванного в жизнь Союза русского народа, не чинить препятствия к вступлению в ряды этого Союза служилого тебе люда, а враждебных Союзу начальствующих устрани»²⁰³.

Другим свидетельством желания П. А. Столыпина ослабить позиции крайне правых во властных структурах стали многочисленные факты преследований пользовавшихся поддержкой черной сотни царских администраторов и представителей духовенства, зарекомендовавших себя как бескомпромиссных борцов с крамолой: «Покушался на генерала Думбадзе — последнего спас сам царь, пытался выжить генерала Толмачева — государь не допустил, за Толмачевым следовали Пешков, Селиванов, Веретенников»²⁰⁴. Преследованиям подвергся и член Главного совета обновленческого СРН бывший ярославский губернатор А. А. Римский-Корсаков. Особым вниманием высшей бюрократии пользовался авторитетный в черносотенной среде о. Иллиодор, которого по заявлению газеты «Русское знамя» выслали из Царицына за «проповедь любви и преданности царю, родине и церкви»²⁰⁵.

Дистанцирование правительства от всех слоев общества, его неспособность привлечь на свою сторону верноподданную часть населения заставляли крайне правых обвинять исполнительную власть в создании врагам самодержавия благоприятных условий для подготовки новой смуты. Черносотенная пресса с возмущением писала:

представители административного аппарата, не становясь открыто в ряды врагов существующего строя, сочувствовали революционерам своим бездействием²⁰⁶. Черносотенцы подвергали сомнению эффективность работы правительства по преследованию революционных партий. При наличии законодательства по запрету деятельности социал-демократических партий репрессивный аппарат проявлял терпимость к изданию на территории страны их печатных органов. В январе 1913 г. крайне правые утверждали: «...в столице государства издаются свободно две газеты, “Правда” и “Луч”, в которых ежедневно проповедуются социал-демократические учения, приглашают в организации тайных обществ... возбуждают одну, работающую, часть населения против другой — дающей эту работу; внушают ненависть к существующему строю и готовят темные народные массы к организованному выступлению на совершение социального переворота»²⁰⁷. Черносотенцы возмущались: их газеты подвергались постоянным штрафам, в то время как революционеры спокойно издавали свои печатные органы. В программных документах право-монархистов неизменно присутствовал пункт о необходимости пересмотра законов и правил о средствах массовой информации в направлении «обуздания революционной, клеветнической и безнравственной деятельности некоторых видов печати». Предлагалось создать систему, которая бы исключила гонения на монархическую прессу: «...существуют две марки в русских судах, в управлении по делам печати, во многих губернаторских канцеляриях. Одна неизменно строгая для черной сотни, другая столь же неизменно благодушная для крамольных “товарищей”...»²⁰⁸.

Особой критике подверглось судебное ведомство, поводом для которой послужили многочисленные осуждения участников октябрьских погромов 1905 г.: «...существующее ныне, уже совершенно бессмысленное, бестолковое

положение, при котором произвол чиновников достиг высшей своей степени, когда справедливости и правосудия искать негде, когда людей, не совершивших никакого преступления, сажают в тюрьмы и держат там иной раз больше года исключительно за преданность царю и Отечеству, когда выгоняют со службы людей верных долгу, честно исполняющих свои обязанности, и в то же время выпускают на свободу заведомых убийц, захваченных на месте преступления...»²¹⁹ Идеологи Союза русского народа открыто заявляли, что «русский суд находится иногда под влиянием евреев, и благодаря этому весы правосудия пристрастно наклоняются в их пользу»²¹⁰.

На этом фоне дикими казались гуманные приговоры участникам революционного движения. В октябре 1907 г. черносотенная пресса прямо указывала на оправдание Сенатом по суду лиц, оскорблявших и глумившихся в печати над особой царя, а также заведомых крамольников, покушавшихся на существующий государственный строй²¹¹. В августе 1907 г. академик А. И. Соболевский, выступая перед общим собранием Союза русских людей, делал вывод, что суды стоят на стороне революции, так как проявляют «милость» к революционерам и строгость к верным сынам царя и Родины.

Это негативно сказывалось на общем моральном состоянии населения, терявшего нравственные ориентиры и уважение к законности: «...суд развратил совершенно население, смешав у него понятие о дозволенном и недозволенном, о добре и зле, ибо в нашем суде установилась тенденция выступать как бы в защиту преступников и преступления...»²¹² По существу, черносотенцы обвинили государство в отказе от выполнения своих обязанностей по защите подданных, обеспечению их личной и имущественной безопасности: «Не горькой ли насмешкой являются либеральные замыслы преобразований, когда

нет суда и защиты от воров и убийц, и население, платящее огромные налоги, не может воспользоваться правом союзов и собраний с единственной целью самозащиты, так как государство восстановить порядок и безопасность не умеет или не хочет»²¹³. В целях преодоления ситуации, когда в «судебном ведомстве прекратились бы случаи покровительства революции», Союз русского народа потребовал от правительства удаления из судебного ведомства чиновников, принимавших участие в оппозиционных политических партиях, а также евреев²¹⁴.

Крайне правые обращали внимание и на то обстоятельство, что осужденным за противогосударственные преступления в местах высылки создаются достаточно комфортные условия отбытия наказания. Гуманность русского суда способствовала искусственному увеличению числа «борцов за свободу». Казенная пенсия ссыльным политкаторжанам нередко превышала заработок трудящихся тех мест, куда высылались государственные преступники. На севере страны и в Сибири даже появился своеобразный вид бизнеса среди местных жителей, намеренно оговаривавших себя в совершении политических преступлений, с тем чтобы попасть в категорию ссыльных. Корреспондент «Русского знамени» из Архангельской губернии писал: «Известно, что многие семейные крестьяне, коренные русаки, нарочно примазываются к ограбному движению, чтобы быть высланными со всеми чадами и домочадцами в нашу губернию и пожить спокойно, на казенных даровых хлебах. Бывают и такие ловкачи, которые превращают ежемесячное пособие в пожизненную ренту, совершая последовательно ряд преступных деяний серьезного политического характера, чтобы длить без конца срок надзора, всю жизнь ловко разыгрывать народного героя и страдальца за убеждения, которых у него никаких и никогда не было»²¹⁵.

Непоследовательность и противоречивость деятельности репрессивного аппарата самодержавия возмущала черносотенцев. В мае 1911 г. накануне выборов в IV Государственную Думу черносотенцы утверждали, что неэффективность работы бюрократии проявлялась в том, что она уничтожала только внешние признаки революции, но не выкорчевывала корень — тайные организации революционеров: «Ведь весь революционный штаб совершенно цел. Носарь, Бронштейн, Гершуни, Ратнер, Фидлер, Дейтч, Стефанович и прочие — все они за границей и оттуда руководят движением»²¹⁶. Правительство критиковалось за пассивность и снисходительность к вождям оппозиционеров: «Оно должно подавить мятеж. Оно должно уничтожить мятежную армию, а не сажать ее на казенные хлеба, доставляя ей удобства и развлечения, смущаясь перед ее театральными голодными и голыми забастовками и предоставляя ее начальникам преспокойно перекочевывать за границу»²¹⁷.

Неэффективность мирных средств, коварство и бескомпромиссность революционеров диктовали необходимость применения жестких методов: «Все мирные пути — созвания Думы, амнистия, либеральные законы — давно уже испробованы, и на них нельзя уже возлагать никаких надежд. У врага на все один жестокий, но нехитрый ответ: нам надо царя свергнуть... вас истребить, а имущество ваше поделить»²¹⁸. В борьбе с революционным лагерем черносотенцы настаивали на заимствовании его методов: «...в ответ на революционный террор правительство должно казнить революционеров, т. е. подавлять вредное для большинства явление путем беспощадного насилия. Точно так же в ответ на злостные речи, которые произносит ныне в Государственной Думе Милюков, — правительство, обладающее силой, должно карать подобных ораторов, должно, по меньшей мере, заточать их в оди-

ночное заключение, где они могли бы одуматься и понять, что нельзя безнаказанно оскорблять верования и идеалы многих миллионов своих соотечественников»²¹⁹. Обращаясь к П. А. Столыпину, «Русское знамя» предлагало план действий: «Нет, господа правительство, по-видимому, нельзя обойтись одной маниловщиной. Волей-неволей вам приходится воевать. Конечно, если воевать всерьез, то надо не только распустить Думу, но временно отменить всю конституцию, временно отменить или приостановить действие многих законов»²²⁰.

Бюрократический аппарат оказывался глухим к многочисленным призывам из правомонархического лагеря проявить жесткость в подавлении крамолы. Это неизбежно сказывалось на ситуации на окраинах империи, где на фоне пассивности, апатии и прямом саботаже местных администраций, не желавших раздражать инородцев резкими действиями, национальные элиты становились новыми центрами силы²²¹. В июле 1908 г. печатный орган СРН газета «Русское знамя» прямо обвиняло русских наместников на Кавказе, в Финляндии и Польше в самоустраниении от выполнения государственных функций, что подогревало сепаратистские аппетиты инородческих националистов: «А кто создал такое печальное положение, как не русские же администраторы, стоявшие во главе управления Финляндией! Лишенные даже всякого намека на патриотизм, они только заботились об интересах вверенной их управлению окраины и об уничтожении всяких связей ее с метрополией»²²².

Революция не послужила уроком и катализатором для исправления положения. И в послереволюционное время крайне правая печать подвергала бичеванию русскую власть на окраинах, которая «из своекорыстных выгод добываясь власти за счет и во вред русскому народу, стремится ко всевозможным автономиям в Финляндии,

Прибалтийском, Привислинском крае, Кавказе и т. д.»²²³. Особо чувствительные критические удары получили русский наместник на Кавказе граф Воронцов-Дашков за поддержку идеи земства и обучение в низших и средних учебных заведениях на языках местных народов²²⁴, аппарат генерал-губернаторства Царства Польского за срыв политики русификации и потакание полонизму и католическому прозелитизму²²⁵. Крайне правым казалось, что в после-революционной России рычаги управления окончательно выпали из рук бюрократии, а страну охватила анархия, по масштабам с которой не могли сравниться «ни республики древнего мира, ни современные разбойные республики Южной Америки»²²⁶.

Наиболее явно неспособность центральной власти противостоять поднимавшим голову национальным элитам, создававшим параллельные административные структуры и концентрировавшим в своих руках властные полномочия, проявилась на Кавказе²²⁷. На страницах черносотенной прессы приводились конкретные примеры отсутствия жесткой государственной политики по пресечению сепаратистской и революционной деятельности. В частности, в условиях отсутствия национального правителя руководство Армяно-григорианской церкви с центром в Эчмиадзине фактически присвоило себе светские управленческие функции, став неофициальным органом управления армянского народа, решения которого «во всей частной и политической жизни армянства обладают... непреложной силой закона и беспрекословной обязательностью. С послушниками, кто бы они ни были, не исключая даже самих епископов, расправа крута и коротка»²²⁸. При внешней лояльности центральной власти Эчмиадзин строил свою работу на основе глубокой конспирации и находился вне контроля русской администрации. Это давало армянскому духовенству возможность тайно поддерживать

националистические партии, в частности Дашнакцутюн, инспирировать сепаратистские настроения, тайно управлять всеми пружинами политической жизни Закавказья.

Бюрократии вменялось в вину и попустительское агрессивной религиозной пропаганде РКЦ среди православного населения Западных губерний²²⁹. Католический прозелитизм становился серьезным фактором в территориальных спорах и геополитическом раскладе тогдашнего времени. Особую остроту эта проблема получила в связи с Холмским вопросом: «...спешат всеми правдами и неправдами расширить область, населенную католиками, надеясь таким способом приобщить явочным порядком к Польше если не всю, то хотя бы часть Западной Руси»²³⁰. Крайне правые били тревогу по поводу складывающейся в западных губерниях ситуации. Об этом свидетельствовали многочисленные кричащие заметки в их прессе: «Русская земля в руках польских панов-католиков»; «Для католической шляхты отобрали землю у русских помещиков и дали совсем даром, а русского мужика гонят чуть не в Китай»; «Русские власти чуть не целуют рук у польских панов»; «...в Киеве на каждой улице баптистская соборня, на каждом шагу католический ксендз. Хуже, чем во времена Речи Посполитой» и т. д.²³¹ Черносотенцы, по существу, выступали лоббистами интересов православия, используя для этого специфические методы социально-политической борьбы.

В концентрированном виде в вину аппарату генерал-губернатора Царства Польского предъявлялись следующие претензии.

Во-первых, халатность в русификации Польши, проявлявшейся в препятствовании русской крестьянской миграции, противодействии скупке земель и недвижимого имущества «русскими покупателями», а также устройстве русских школ и строительстве православных храмов. При этом администрация губерний Западного края не препят-

ствовала переходу русских имений в польские, а частью в еврейские руки²³².

Во-вторых, игнорирование проблемы повышения благосостояния и образовательного уровня русских хозяйственных слоев (предприниматели, ремесленники, крестьяне), что приводило к их неспособности выдерживать соперничество с польскими и еврейскими конкурентами. По заявлению крайне правой прессы, русские торговые люди оставались «таким же “быдлом”, каким были в 1861 году: кротким, смиренным, непредприимчивым, неграмотным, необученным ничему»²³³.

В-третьих, самоустранение от пресечения гонений на православное духовенство и попустительство РКЦ, проявлявшееся в дозволении проведения миссионерской работы в русских землях и создании тайных католических монастырей, костелов, школ: «Католические монастыри за участие в повстанье были конфискованы, но теперь они католикам возвращены и вновь восстановили свою деятельность. Паписты подали прошение в министерство, министерство переслало генерал-губернатору Ю.-З. края, а тот, изнывая от желания облагодетельствовать всех инородческих пришельцев, дал свое полное согласие»²³⁴. Крайне правая пресса делала вывод: «...Русь надвислинская и завишенская, белохорватная благодаря генерал-губернаторам потеряла всякий православный облик».

В-четвертых, противодействие выделению Холмщины и Подляшья из Царства Польского под предлогом сохранения незыблемости границ Речи Посполитой, отказ от репрессивной политики в отношении националистических и католических партий, их средств массовой информации²³⁵.

Крайне правые идеологи утверждали, что включенная в конце XVIII в. в состав империи Польша могла стать твердым оплотом страны на западных рубежах. Инструмен-

том русификации Царства Польского должны были стать 6 млн православных из числа белорусов и украинцев, которым противостояли 2 млн поляков-католиков, литовцев и «русских совращенцев»: «Говорящих по-польски едва наберется всего и двести тысяч, как настоящих поляков... ничтожная опора для полонизма»²³⁶. Казалось, прояви власть целенаправленность и напор — и Царство Польское перестало бы существовать, слившись с русским народом. Однако за полтора века лет Польша не только не была русифицирована, но создавала постоянную напряженность на западных границах империи.

Иной пример решения национального вопроса демонстрировала национально ориентированная бюрократия допетровской поры, чьи воеводы «глубоко преданные православию и русскому делу» сумели все завоеванные в те времена земли сделать «более русскими, чем коренные русские земли»²³⁷. Приводились и конкретные примеры: «Царь Иоанн Грозный завоевал царство Казанское. Где оно? Где царство Астраханское? О них все забыли. А Царство Польское, княжество Финляндское все отлично знают...», — бросали упрек современной бюрократии черносотенцы²³⁸. В провале русификации крайне правые в первую очередь склонны были винить непоследовательность и саботаж власти.

Ставившаяся крайне правыми проблема инородческого засилья и закабаления русского народа тесно увязывалась ими с такими характерными пороками русской бюрократии, как коррупционность и коррумпированность. Массовое развращение административного аппарата началось еще в правление Петра Великого, а образчиком продажности стала правая рука великого реформатора: «...почему... государь император всея России так бескорыстен, что работает для своего народа сверх сил и ходит в заштопанных супругою чулках, а правая его рука, первый

человек в государстве после царя, его первый министр, светлейший князь А. Д. Меншиков так бесчестен, что берет взятки, хотя одевается вельможей, живет во дворце, дает великолепные ассамблеи и разъезжает в золоченой карете?»²³⁹ Всплеск коррупции наблюдался по результатам проведенных Александром II либеральных реформ в области земского и городского самоуправления: «Городские и земские налоги начали расти в необычайной прогрессии; кражи, растраты и подкуп стали обычными явлениями; народонаселение стало повсюду беднеть и разоряться; земледелие пало, дороги погублены, народное здоровье было предано на волю судьбы...»²⁴⁰

В начале XX в. продажность чиновничьей конгрегации достигла своего пика. Весомую роль в коррупционном разложении бюрократии крайне правые отводили евреям. В распространенном в 1906 г. обращении СРН прямо указывалось на корень проблемы: «...Союз ни в каком случае не может допустить порабощения коренного русского населения инородцами, а в особенности евреями, и поругания всего того, что дорого русскому сердцу, как это делалось до сих пор, особенно в последнее время, благодаря преступному попустительству, а иногда и прямому содействию крамольных и продажных властей»²⁴¹.

Засилье евреев в различных сферах экономики не поддавалось объяснению без поддержки на самых верхах административной системы. Утверждая зависимость С. Ю. Витте от еврейских капиталов, газета «Русское знамя» писала: «Он шел прямо. Открыто поощрял жидов»²⁴². Вину в поддержке еврейского натиска инкриминировали и П. А. Столыпину, который на страницах правомонархических документов фигурировал как их ставленник. Пытаясь скомпрометировать октябристов и поддерживавшего их премьер-министра, в начале 1907 г. черносотенная пресса делала вывод: «Народ русский отлично знает, что

октябристское правительство поддерживает евреев. Тот же народ, особенно торговый и промышленный классы, сознает, что и торговлю и промыслы, благодаря поддержке правительства, захватили евреи»²⁴³.

Вытеснение коренных жителей из различных сфер профессиональной деятельности становилось возможным при наличии лоббистов еврейских интересов на среднем и низшем уровне чиновничьей иерархии: «Захват иудеями торговли и промыслов явно поощряется правительством. Иначе, например, не могли бы овладеть столь прибыльным аптечным делом, которое ограждено особым, на каждое отдельное предприятие, правительственным разрешением»; «Главный нерв всей торговли и промышленности — дешевый кредит, широкий и удобный, открыт иудеям их банками в таком размере, о котором мы, русские, и мечтать не смеем. Это сделалось возможным только благодаря покровительству иудейским кредитным учреждениям со стороны русского государственного банка». «Переполнение иудеями адвокатуры вызывает тем большее изумление, что допуск в число присяжных поверенных иудея зависит, в каждом отдельном случае, от разрешения министра юстиции, отказ которого в разрешении не подлежит ни обжалованию, ни мотивировке (примеч. к 380 ст. Учр. Суд. Уст.), — утверждалось в докладной записке ряда правых партий на имя премьер-министра В. Н. Коковцова²⁴⁴.

К 1907 г. черносотенцы окончательно уверовали, что значительная часть чиновничества различных уровней предала национальные интересы и находилась на содержании у еврейских финансовых воротил. Захват евреями наиболее важных отраслей экономики и социальной сферы обеспечивал им зависимость власть предержащих: «Жида становятся страшною силой, вступать в борьбу с которою правительственная власть, связанная либераль-

ными лжеучениями, постоянно нуждающаяся в деньгах не может»²⁴⁵. Данное обстоятельство заставляло крайне правых делать резкие заявления как на страницах печати, так и в официальных документах. «Евреи ...опираясь на безнаказанность и поддержку со стороны властей, оказались господами России, а русские люди рабами, не имеющими ни возможности, ни права воздать “этим господам” должное по их заслугам», — утверждалось в циркулярном письме СРН в региональные организации²⁴⁶.

Наиболее наглядные картины тесной спайки царских слуг и евреев отмечались в черте оседлости, где коррумпированные чиновники действовали явно в ущерб православному населению. «Дело доходит до того, что на западе местная администрация, несмотря на просьбы русского простонародья, не назначает базары и однодневные ярмарки в дни еврейских праздников, в субботы, когда евреям неудобно торговать. Суббота соблюдается свято, а вся торговля переносится на воскресенье», — жаловались крайне правые²⁴⁷. Недоумение черносотенцев вызывало игнорирование правительством многочисленных телеграмм с жалобами по фактам враждебных проявлений евреев и предложениями по их нейтрализации.

Нередко бюрократия сама давала черносотенцам возможность утверждаться в обоснованности своих подозрений. Так, доказательством попустительства евреям стал принятый в мае 1907 г. особый правительственный циркуляр о запрещении местным властям водворять в черту еврейской оседлости тех иудеев, которые «противозаконно, путем захватного права, расселились в огромном количестве по всей России». «Пора, наконец, правительству исполнить закон и выселить иудеев из тех мест, где они не имеют права жительства. ...в черте оседлости иудеи, в явное нарушение закона, являются во множестве владельцами и арендаторами сельских недвижимостей.

Тем не менее, обязанность свою, прямо указанную в законе: уничтожать подобного рода сделки путем судебных исков — правительство совершенно забыло, и ни одного такого иска за последнее десятилетие предъявлено не было», — заявляли в докладной записке, посланной на имя премьер-министра В. Н. Коковцова, руководители ряда крайне правых союзов²⁴⁸.

В отличие от политических противников крайне правые не отождествляли православно-монархическую форму правления и бюрократический аппарат²⁴⁹. В связи с этим идеологи правомонархистов заявляли о недопустимости подмены понятий: «Наивные люди видят все спасение от переживаемых ныне нашей Родиной бедствий — в перемене формы управления государством по западноевропейскому образцу, причем этому западному строю противопоставляют обыкновенно тот бюрократический строй, который царил у нас еще недавно...»²⁵⁰ Абсолютистской монархии и западной республиканской модели правомонархисты предлагали альтернативу — возврат к модели Русской православной монархии, при которой православный царь и русский народ составляют нечто единое и действуют сообща, как союзники. Прослойка московской бюрократии была тонка и национально ориентирована, не мешая прямому контакту государя с поданными: «В старину у нас, на Руси, государи стояли близко к народу, в тесном единении с ним. Тогда потерпевший от несправедливости обращался прямо, как к своему защитнику, к самому царю и находил у него защиту и справедливость»²⁵¹. Существование земских и церковных соборов, института патриаршества давало возможность царю постоянно слышать голос русского народа и церкви по всем вопросам.

Предвосхищая вопрос о столь легком «падении» строя Русской православной монархии, черносотенцы заранее оправдывались: «Только гигантская сила Петра I могла

справиться с такой задачей, но эта же сила, действуя в иных случаях против воли народной, наделала таких ошибок, за которые мы еще и теперь вынуждены расплачиваться»²⁵². Следует отметить, что черносотенцы были далеки от идеализации допетровской системы государственного и социального устройства, признавая, что «нельзя являться слепым поклонником всех тогдашних порядков и не все может быть перенесено в современные условия общественной жизни как нечто полезное», но отстаивали мнение, что допетровская Москва была в соответствии со своей исторической эпохой на верном пути развития²⁵³.

Некоторые современные исследователи находили искусственность и противоречивость в системе рассуждений черносотенцев. В частности, указывалось, что, по логике черносотенцев, самодержавие сводилось к одному самодержцу. «На вопрос о том, как один человек может управлять огромной империей, ответа, разумеется, не было», — писал исследователь С. А. Степанов²⁵⁴. Крайне правые не находили в этом противоречия, так как использовали религиозный подход в оценке данного явления. Базисная идея о нравственной поврежденности человека, который портит представляемый им богоданный институт, являлась для них теоретической основой дальнейших рассуждений. Иначе говоря, недостижимость идеала бюрократии была заложена в самой ее природе в силу зависимости от человеческого фактора. «...Ввиду того, что составными элементами этого механизма являются люди со своей собственной волей, со своими собственными желаниями и мыслями, передача при его помощи центральной воли за пределы ее непосредственного влияния легко может сопровождаться не только отклонениями, но и прямым извращением ее настоящего направления», — писал И. И. Восторгов в книге «Монархический катехизис»²⁵⁵. Ему вторило «Русское знамя»: «И администрация у нас не

потому плоха, что территория большая, а потому, что она заполнена дрянными элементами, больными в умственном и нравственном отношении»²⁵⁶. Избавление бюрократии от присущих ей недугов виделось в нравственном совершенствовании ее представителей, что обуславливало необходимость усиления влияния на общество РПЦ.

С момента своего возникновения черносотенцы подвергали бюрократию постоянным нападкам, возлагая на нее вину за состояние страны²⁵⁷. Именно на резкой критике правительства будущими лидерами правомонархического движения зарабатывались политические очки и утверждался авторитет. Председатель Русской монархической партии В. А. Грингмут на состоявшемся в октябре 1906 г. III Всероссийском съезде русских людей в Киеве указывал причины возвышения в крайне правой среде основателя крупнейшей черносотенной организации СРН А. И. Дубровина: «...он первый сорганизовал ту стихию, которая известна под именем черной сотни, и первый поднял голос «Долой Витте», этого величайшего врага и лжеца России — и это в то время, когда никто не смел сделать это, а он посмел...»²⁵⁸. Начав с критики С. Ю. Витте, правомонархические идеологи и публицисты уже не могли остановиться, сделав травлю административного аппарата одним из важнейших направлений пропагандистской деятельности. Иными словами, определившийся в начале движения критический настрой по отношению к чиновничьей конгрегации черная сотня не могла преодолеть, продолжая следовать ему до конца.

Парадоксальность ситуации состояла в том, что именно традиционалисты выступили в невольной роли спасителя бюрократии в годы революции: «Если б дело шло только о спасении бюрократии, ни один патриот не шевельнул бы пальцем. Но дело шло о монархе, неслыханно униженном предательской бюрократией, и об Отечестве.

...земщина спасла бюрократию, успевшую опять шарахнуться к покинутому монарху»²⁵⁹.

Желая поставить все точки над «і» в своем отношении к административному аппарату, в сентябре 1906 г. I Всероссийский съезд уполномоченных отделов СРН официально заявил, что решительно порывает со старым режимом и «не желает возвращения к бю-рократическим порядкам последних годов, когда именем царя на Руси творились всякие беззакония»²⁶⁰. Признавая техническую отсталость страны, они возлагали за бюрократию ответственность только на чиновничью корпорацию: «Россия отстала и, пожалуй, еще в большей степени, нежели от своего века отставали наши допетровские предки»²⁶¹. Черносотенцы отказывались признать тезис оппозиционеров о причинно-следственной связи самодержавной формы правления и поражения России в Русско-японской войне, приводя многочисленные примеры военных неудач конституционных стран. Поражение в войне, катализировавшей революционный взрыв, по их мнению, потерпело не самодержавие, а «государственные воры и изменники».

Обосновывая жесточайшую критику, черносотенцы указывали на бюрократию как на основную причину, мешающую воплотить на земле «царство Божье»: «Но до сих пор идея православного царя далеко не достигла идеального своего воплощения в жизни, так как расхищение царского самодержавия шло и идет до сих пор»²⁶². Бюрократия отвечала черной сотне взаимностью, дав ей кличку «революционеры справа». В отличие от революционного лагеря, который определялся как враг «нестрашный», председатель Союза Михаила Архангела В. М. Пуришкевич предупреждал единомышленников: «Страшен враг скрытый. Это те, которые, пользуясь своим положением, стараются изобразить нас какой-то дикой бандой хулиганов. Остерегайтесь поэтому сановных шабесгоев»²⁶³.

Справедливости ради следует отметить, что для черносотенцев российская бюрократия не была монолитной. Отсутствие идейно-организационной консолидированности было результатом реформаторской деятельности Петра I, внесшего раздраз и в ряды административного аппарата. Со времен Петровских реформ бюрократия делилась на два лагеря: 1) космополитический лагерь, на-вербованный из инородцев и русских чиновников, представлявших собой плохие копии с хороших заграничных оригиналов; 2) русский лагерь, состоявший из служилых людей, сохранивших связи с национальными устоями. Перенос столицы из Москвы в Петербург преследовал цель минимизации воздействия на политику царя именно национально ориентированной бюрократии²⁶⁴. По мнению черной сотни, последние два века русской истории представляли из себя непрерывную борьбу двух группировок за власть, влияние и экономическое господство над третьей группой — народом. Это разделение, продолжавшее углубляться и вносившее дальнейший раздор в среду народа, было унаследовано и современной черносотенцам Россией²⁶⁵.

Основная разница двух лагерей проходила по линии воздействия на объект государственного управления — народ. Для космополитов народ представлял лишь неодушевленный объект приложения сил, что приводило к жесткой и безжалостной государственной политике без учета национальных и религиозных особенностей страны. «Русский лагерь» бюрократии в основном выполнял компенсаторную роль сглаживания наносимого космополитами вреда: «Ни у одного русского бюрократы от сотворения бюрократии не хватало духу бить народ смертным боем. Били инородцы-временщики, но и тем русские бюрократы не давали добить до смерти. Сами вначале попустительствовали инородчине, а потом сами

же первые спохватывались и свержали временщиков. Тем только и жива досель Русь...»²⁶⁶

Крайне правые утверждали, что только из-за наличия в бюрократической среде оставшихся верными русским идеалам чиновников удавалось поддерживать национально ориентированный вектор движения государственного корабля. Например, при разработке реформы об освобождении крестьян 1861 г. космополиты, желая удержать в своем обладании всю землю как залог господства в стране, требовали освобождения без земли. «Русская партия» предлагала наделить землей в полной мере. Освобождение явилось компромиссом двух течений, в результате чего реформа вышла половинчатой. В 1864 г. при проведении судебной реформы победу одержала партия космополитов, принеся в страну с Запада «хитрую механику судебных уставов»²⁶⁷. Земская реформа также стала ареной борьбы двух группировок: космополиты желали видеть в земстве переходную ступень к конституции, а «русская партия» — средство управления в народном духе²⁶⁸.

Черносотенцев нельзя рассматривать как анархизированные элементы, подвергавшие огульной критике правительство. Признавая необходимость бюрократического аппарата как проводника воли верховной власти, они не ставили целью его полного уничтожения: «Люди, говорящие о необходимости уничтожения бюрократии, говорят такую же нелепость, как проповедующий необходимость обрубить руки всему человечеству, так как есть люди, злоупотребляющие своими руками для грабежей и убийств...»²⁶⁹ Напротив, стремление упразднить весь бюрократический аппарат было присуще революционным партиям. В феврале 1907 г. «Русское знамя» четко заявило: «...без бюрократии ни одна система государственного управления обойтись не может, и самые республиканские страны управляются при посредстве все той же

бюрократии»²⁷⁰. На незаменимость бюрократии в книге «Монархическая государственность» указывал и теоретик монархической доктрины Л. А. Тихомиров: «Власть служилая, в виде всякого рода чиновников, комиссаров и т. п., составляет тот безусловно необходимый и полезный правительственный механизм, который служит для передачи и осуществления правящей воли»²⁷¹.

Крайне правые нередко вставали на защиту административного аппарата, особенно при очередных огольных нападках в либеральной прессе. В этом случае звучали заявления, что среди чиновников есть немало добросовестных людей, честно исполняющих свой служебный долг²⁷². В качестве аргумента указывалось на положительные черты русской бюрократии, отличавшие ее от зарубежных коллег: «...наша бюрократия гораздо демократичнее немецкой; ни один немецкий сановник не будет так просто разговаривать с народом, как наши губернаторы и даже министры, и так не войдет в положение обывателя»²⁷³.

Правомонархисты признавали, что при любой форме правления идеальным вариантом являлось прямое действие верховной власти (без бюрократической фильтрации), что «относится не только к действию центральной власти, но всякой власти вообще, на какой бы инстанции правительственной иерархии она ни находилась», говорилось в книге видного черносотенного идеолога И. И. Восторгова «Монархический катехизис»²⁷⁴. В данном им определении бюрократии заложена позиция ее неизбежности при государственном управлении: «Бюрократией называется та иерархическая лестница лиц и учреждений, которая служит для передачи влияния монарха по всем направлениям государственного управления, ввиду физической невозможности с его стороны влияния непосредственного»²⁷⁵.

Естественное возрастание роли правительственного аппарата происходило с территориальным ростом империи и усложнением государственного механизма. «С развитием роста нашего государства, когда пространство стало громадно, когда население умножилось и дошло, как ныне, до громадной цифры в 150 млн человек, тогда, понятно, уже немыслимо стало для каждого из нас со своими личными нуждами иметь свободный доступ к нашему самодержцу. Точно так же и узнавать нужды народов, управлять народом, следить за исполнением законов и исполнять их и вырабатывать законы государь наш самодержавный мог уже лишь при посредничестве служилых людей», — писала черносотенная пресса²⁷⁶. Ситуация в России не была так безнадежна, как в республиканских странах. На страницах «Русского знамени» заявлялось, что русская бюрократия не имела такого могущества, как административный аппарат Франции, который в начале XX в. насчитывал 600 тыс. чиновников при 40-миллионном населении страны.

Нейтрализуя критику либералов, отождествлявших чиновничий аппарат с самодержавием, черносотенцы указывали, что недостатки российской бюрократии носят универсальный характер и в полной мере присущи и западным демократиям, хронически сотрясавшимся коррупционными скандалами и министерскими перетрясками. Имеющийся в республиканских странах строгий контроль за злоупотреблениями чиновников наткнулся на поврежденную нравственную природу человека: «На практике приходится иметь дело не с идеальными людьми, а с обыкновенными, часто весьма порочными. Вот потому-то ни одна конституционная система не может выдержать ни малейшей, самой снисходительной критики»²⁷⁷.

Неустранимость присущих конституционному строю недостатков носила органичный характер, так как по-

строенное не на нравственных нормах Божественного абсолюта, а на юридических нормах государство могло противопоставить коррупции только уголовное преследование. По мнению религиозно мыслящих крайне правых, греховная природа человека не могла быть обуздана без «страха Божьего», а потому присущие чиновничеству дурные наклонности (продажность, подкупность, корыстолюбие, превалирование личных и партийных интересов над общественными) не могли быть устранены до тех пор, пока «все люди не сделаются ангелами»²⁷⁸.

Недостатки же монархического способа правления, построенного на нравственных нормах, носили «действительный характер» и при целенаправленной работе могли быть сведены до ничтожных пределов. Бюрократизм казался небезнадежной болезнью российского общества, пока сохранялся «запал» совершенствовать нравственные качества чиновничества на основе православных ценностей. Проблема могла быть решена и наполнением чиновничьего аппарата патриотичными служилыми людьми, а также постоянной общественной критикой чиновничьей конгрегации: «Черная сотня сумеет... сказать царю правду обо всем и... обо всех. Черная сотня не побоится назвать настоящими именами деяния гг. кауфманов, витте, герардов и щегловитовых, скрыдловых и других...»²⁷⁹. Опора должна была быть сделана на поддержку имеющихся в администрации добросовестных чиновников, «готовых выслушать справедливую критику и ликвидировать причины, вызывающие жалобы и недовольство». Положительную роль могло сыграть обращение к собственной истории в целях поиска в «ней более совершенных и самобытных форм управления государством, а не в чуждом нам, давно отжившем западном конституционализме, который многолетним опытом уже доказал свою полную непригодность»²⁸⁰.

Исходя из вышеизложенных рассуждений, крайне правые приходили к выводу, что преодоление бюрократического средостения, возрождение принципа единения царя с народом, оздоровление природы бюрократии в совокупности с надклассовым и надсословным характером самодержавия способны обеспечить внутреннюю стабильность государства и удовлетворение интересов всех слоев общества: «И русские самодержцы всегда охраняли частную собственность своих подданных от захватов как со стороны черни, так и со стороны могущественных классов и лиц, и поддерживали всегда прочные основы государственности и цельности и неделимости России, ставя на первом плане общественное благо, а не отвлеченный принцип права даже если это право вредит общественному благу»²⁸¹.

Опровергая тезис либералов о несовместимости сильной государственной власти с гражданскими свободами, черносотенцы указывали, что самодержавная форма правления не исключала наличия гражданских прав подданных. Однако предоставление «полной свободы мысли, слова и печати всем гражданам» могло быть осуществлено при определенных условиях, к которым относились: во-первых, наличие строгого контроля за возможностью реализации свобод меньшинствами, в частности более слабыми и обездоленными слоями общества, мнение которых при конституционном строе не учитывалось, и, во-вторых, недопущение предоставления свобод нарушителям гражданского порядка²⁸². Равно наличие демократических свобод не означало жесткой увязки с реализацией права наций на автономное существование. Автономии могли существовать и в самодержавном государстве, как, например, финская или польская (в XIX в.), и, наоборот, могли быть упразднены при вступлении России на путь западного конституционализма²⁸³.

Крайне правые выражали надежду, что при возникновении острой потребности в разрешении аграрного вопроса, экономических проблем, связанных с бурным ростом фабрично-заводской промышленности и утверждением капиталистического строя, их урегулирование может произойти только с высоты царского престола, так как только монарх способен обеспечить законность, порядок и учет интересов всех слоев населения²⁸⁴. Утверждая нераскрытый потенциал Русской православной монархии, который должен был обеспечить процветание России в будущем, крайне правые неизменно обращали свои взоры в старину: «В Древней Руси московские князья, объединяя Русь, отбирали удел за уделом у мелких князей и постепенно все более и более суживали и ограничивали их права и власть и силой оружия заставляли повиноваться непокорных. И в петербургский период император Александр II освобождает крестьян, наделяя их землей»²⁸⁵.

§ 3. Русская интеллигенция как причина государственных нестроений

Согласно воззрениям правомонархистов к концу XIX в. процесс отхода русского истеблишмента (управленческая, интеллектуальная и предпринимательская элиты) от базовых ценностей русской цивилизации — «Православия, самодержавия, народности» — был завершен. В результате полуторавековой селекции различных западных идеологических доктрин в российской элите выкристаллизовался лагерь западников, состоявший из противоборствовавших между собой групп: аристократов, бюрократии, либералов и революционеров. Если до 1861 г. первенство в перековке России на западный лад было за управленческой элитой (аристократы и бюрократия), то после отмены крепостного права данная ини-

циатива постепенно перешла в руки разночинной части русского общества, объединявшей либеральную и революционную группировки, получившей в черносотенной литературе обобщенное название интеллигенции.

Ненависть к интеллигенции черносотенцы унаследовали у русских консерваторов, которые еще в конце XIX в. сформулировали тезис о ее нигилизме и революционности²⁸⁶. В неприятии западнического крыла русского образованного общества солидаризировались как охранители, так и славянофилы, считавшие, что носители либеральных и социалистических идей представляют серьезную угрозу фундаментальным ценностям российского общества. «Самые злодеи... суть не что иное, как крайнее искажение того же обезьянского образа, который приняла в последние годы вся наша интеллигенция. После этого — какого же ждать разума и какой воли от этой самой интеллигенции», — писал К. П. Победоносцев²⁸⁷. И. Д. Осипов указывал, что славянофил И. С. Аксаков видел в интеллигенции оторванную от народа небольшую группу западников-индивидуалистов, а К. Н. Леонтьев утверждал, что интеллигенция мешает русскому народу сохранять «свое, особое, национально-византийское» миропонимание²⁸⁸.

Понятие «интеллигенция» стало собирательным названием для всех представителей образованной части общества, имевших различные политические взгляды, но которых объединяло одно — неприятие устоев русского традиционного общества и современной им православно-самодержавной России. «Известная образованность, просвещенность есть в глазах нашей интеллигенции синоним религиозного индифферентизма и отрицания. Об этом нет споров среди разных фракций, партий, “направлений”». Это все их объединяет. Этим пропитана насквозь, до дна, скудная интеллигентская культура с ее газетами, направлениями, программами, правами, предрассудками», — писал один из авторов «Вех» Сергей Булгаков²⁸⁹.

В трактовке правомонархистов термин «интеллигенция» определял не социальную прослойку или профессиональную принадлежность, а специфический тип мышления, характеризовавшийся отрицанием русских базовых ценностей и находившийся под влиянием заимствованных с Запада разноректорных идеологических доктрин. Иными словами, понятие «интеллигенция» объединяло всех критически настроенных по отношению к Русской православной церкви, самодержавной монархии и национальным устоям лиц, к которым мог относиться и родовитый аристократ, и профессор университета, и земский чиновник, и нищий разночинец. Одна из прокламаций столичного СРН в 1905 г. указывала: «В городских думах и земствах сидят господа, а в больших городах адвокаты, профессора, студенты, учителя, погорелые помещики, одворянившиеся купцы и прочие господа, называющие себя интеллигенцией... Не признавайте ее властью и правительством, разнесите в клочья...» Местом притяжения образованных «отрицателей» стала партия кадетов, которая «есть не более как многочисленное сообщество либеральных адвокатов, профессоров и чиновников разных ведомств — и ничего более»²⁸⁰.

Черносотенцы оказались единственными жесткими критиками интеллигенции на политическом поле дореволюционной России. Предъявляемые ей обвинения основывались на антитезе уваровской триады. Отказавшихся от мировоззренческого единства с русским народом, по мнению черносотенцев, характеризовали следующие черты: антицерковность (атеизм), антигосударственность и беспочвенность (безнациональность). Рассмотрим их подробнее.

1. *Антицерковность (атеизм)*. Утверждая нерелигиозность русской интеллигенции начала XX в., черносотенцы указывали, что отказ от православного мировоззрен-

ческого фундамента создавало основу для восприятия ею западных секулярных доктрин (либерализм, социализм, национализм). По замечанию философа-богослова Г. В. Флоровского, «магистраль русского западничества» неизбежно вела в «атеизм, реализм и позитивизм»²⁹¹. Действительно, идейные концепции либерализма и социализма отрицали христианские трансцендентные ценности, а потому могли приниматься только секулярным, позитивистским сознанием, рассматривавшим РПЦ и ее учение как анахронизм, пришедший из средневековых времен. Религиозное неверие как характерная черта русской интеллигенции была подмечена черносотенной прессой: «Скажите интеллигенту, что западные ученые, работая в эмбриологии, нашли, что в природе есть факт самозарождения, он поверит. Но скажите ему, что по воле Вечного, который сотворил природу, Сын Божий безмужне воплотился от Девы Марии, он, пожалуй, найдет это старым пережитком»²⁹².

Состояние и деятельность русской интеллигенции характеризовались крайне правыми как проявление серьезного загнивания русской общественной жизни, так как занимаются ею «люди без Бога и патриотизма»²⁹³. Представители русской интеллигенции начала XX в. сами утверждали свой разрыв с народом в религиозной плоскости. Теоретическое обоснование этому дал председатель кадетской партии П. Н. Милюков: «Разрыв интеллигенции с традиционными верованиями массы есть постоянный закон для всякой интеллигенции, если интеллигенция действительно является передовой частью нации, выполняющей принадлежащие ей функции критики и интеллектуальной инициативы»²⁹⁴.

Хотя многие представители русской интеллигенции и продолжали внешне сохранять христианский облик, строго соблюдая обрядовые требования церкви, внутрен-

не они уже не являлись носителями православного мировоззрения. «Адвокат Маклаков и не дурак, и не слабеш, но он — масон, т. е. он не верует в Бога по-христиански и не преклоняется перед самодержавием русского царя ...а посему адвокат Маклаков, несмотря на блеск своих умственных качеств, народу русскому — враг, и его “сила” должна быть сломлена и обезврежена», — писала газета «Русское знамя»²⁹⁵. В черносотенной прессе отрицание интеллигенцией православной религиозной традиции интерпретировалось как проявление чуждости русскому народу: «Русское прогрессивное общество проявляет вражду и неуважение к православной церкви и любовь к жидам, и в силу этого уже одного — оно не народно, а враждебно к народу»²⁹⁶.

Черносотенцы заявляли, что попытки русской интеллигенции начала XX в. присвоить себе имена гениев прошлого не имеют под собой основания. Главное отличие тогдашних образованных слоев от их предшественников лежало именно в религиозной области, так как великие умы России по своим взглядам и убеждениям исповедовали именно православные ценности: «Если большинство интеллигенции пропитано нигилизмом и пляшет под жидовскую дудку интернациональный канкан, то лучшие умы России по роковой необходимости постепенно двигались к идее, олицетворением которой является православный царь и режим, неразрывно связанный с его властью, что можно проследить во всю историю России. Митрополиты Петр, Иона, Алексей, Филипп, св. Сергей Радонежский являлись твердыми защитниками православно-самодержавного государственного строя. Ломоносов — первый русский ученый — был убежденным монархистом и всю жизнь боролся с немцами, от которых терпел гонения, защищая интересы русской науки. Фонвизин и Державин ...были глубоковерующие православные христиане,

патриоты и преданные самодержавию своих царей. Величайший полководец XVIII века Суворов был убежденный черносотенец»²⁹⁷.

Историка Н. М. Карамзина, баснописца И. А. Крылова, поэта В. А. Жуковского, писателя Н. В. Гоголя черносотенцы относили к своим единомышленникам. По высказываниям крайне правой прессы, если бы были живы лучшие представители русской интеллигенции XIX в., они пополнили бы их организации: «Пушкин, несмотря на весь его либерализм, был по убеждению верующий православный христианин, националист и глубоко уважал императора Николая I»; «Грибоедов в своем “Горе от ума” проявил высокий национализм»; «Достоевский ...был в полном смысле черносотенцем»; «Великий химик Менделеев был черносотенец»; «И даже философ Соловьев в своей последней и лучшей работе “Оправдание добра” признал и государство и необходимость войска, защищающего силой нравственные идеалы»²⁹⁸. Даже А. И. Герцен, по высказываниям «Русского знамени», утверждал, что «принцип нашего царя чрезвычайно высок»²⁹⁹. К своим духовным наставникам черносотенцы причисляли защищавших русские базовые ценности философов-славянофилов, что зафиксировано в датированном ноябрем 1905 г. обращении Союза русских людей: «Славные имена Киреевских, А. С. Хомякова, Ю. Ф. Самарина, Аксаковых и всех тех, кто потрудился над выяснением народного самосознания, да послужит нам кормчими звездами на этом трудном, но неизбежном пути»³⁰⁰.

Крайне правые утверждали, что, отказавшись от религиозного подхода в мировосприятии, русская интеллигенция заполняла образовавшийся духовный вакуум посредством культивирования нехристианских социальных учений либерализма и социализма, а также уходом во вновь созданные формы субкультур, объединявших раз-

ноплановые по доктринальным учениям секты (спиритуализм, оккультизм, гностицизм, каббализм, мартинизм, люциферианство и т. д.)³⁰¹. Специфика восприятия черносотенцами пестрой амальгамы социально-политических и псевдорелигиозных доктрин состояла в утверждении их искусственной селекции в недрах масонских лож в целях подрыва христианства, переориентации идейного вектора народов на ложные объекты и окончательного закабаления мира. «Либерализм — есть уловление в сети жидомасонства, так как цель либеральных теорий — внести смуту в умы и сделать (людей. — *М. Р.*) негодными, неспособными к здоровой трудовой культурной жизни», — писала черносотенная пресса³⁰². Социалистическому учению давалась следующая характеристика: «Басня о нелепом равенстве всех людей — вот та ловушка, посредством которой жида надеялись и надеются достигнуть своей цели. Этой басней заполнилась душевная пустота русского интеллигента, а более всего студенчества. Жида поднесли русскому студенчеству фальсифицированную религию — социализм»³⁰³.

Таким образом, разноплановые социальные и псевдорелигиозные концепции, носителями которых являлись образованные слои, рассматривались как инструмент целенаправленного уничтожения христианства. В частности, либеральная и социалистическая доктрины относились крайне правыми к суррогатным формам религии, призванным вытравить из сознания человека данный Богом вечный закон и заменить его теорией прогресса, утверждавшей неизбежную эволюцию общества и приход «светлого будущего». Цели обоих движений были направлены на водворение в России античного бесцерковно-государственного строя взамен христианского церковно-государственного³⁰⁴.

Обращаясь к опыту практической реализации либерального комплекса идей, черносотенцы указывали, что

он послужил ферментом свержения монархий в Европе³⁰⁵ и идеологической оболочкой утвердившегося на Западе капиталистического строя, открывавшего «вольным каменщикам» дорогу к политической власти и национальным богатствам «гоев». По мнению крайне правых, ориентированное на неимущие слои населения социалистическое учение планировалось масонами как средство масштабного передела в стране собственности. Привлекательность социализма обуславливалась романтическим ореолом идей социальной справедливости, способных увлечь русскую молодежь на разрушение созданного предками государства: «Жида, вообще, ловкачи по части фальсификации и отличные мастера втирать очки этой фальсификацией наивному люду. Окрасить воробья под соловья и спустить его по цене соловья — вот на что жида весьма способны. Также они, в лице своего типичного представителя немецкого жида Маркса, подкрасили грубо материалистичный, бездушный социализм нелепыми сказками и пустили в ход. Наши молодые люди, очертя голову, бросились в омут, и сколько знания и энергии погублено ими в позорной памяти «освободительное» время — трудно сказать, но страшно много»³⁰⁶.

По мнению правомонархистов, предлагаемые русской интеллигенцией рецепты реформирования страны на либеральных или социалистических началах не имели в русском народе глубоких идейных и культурных корней. «Тому, кто читал Ломоносова и Державина, Тютчева и Достоевского, кто задумывался над характером и силой влияния Амвросия Оптинского, — ясно, что к скотским мерзостям мялюковых русская духовная культура сведена быть не может», — писала газета «Русское знамя»³⁰⁷. Противопоставляя русский народ и интеллигенцию, крайне правые публицисты указывали, что попытки заменить православие и ценности традиционного общества

различными философскими суррогатами не дадут успеха, так как корни русской духовной культуры виделись в религиозном мировосприятии. «... А выросшее на такой почве обыкновенно не чахнет от столь ничтожных причин, как публичный духовный разврат, производимый кучкой миллиоковых. Миллюковы побеснуются и перемерут, а русские люди еще долгие века будут ходить в церковь и ставить свечи перед иконами...», — делала прогнозы черносотенная пресса³⁰⁸. За два месяца до падения самодержавия «Русское знамя» указывало русской интеллигенции на ее заблуждения: «Станьте сначала счастливы, а потом уже начинайте учить других, потому что право на учительство дает людям только счастье, ибо счастье — первый признак силы. Не владея счастьем, левая мразь тем самым показывает, что она — бессильна. А учиться у бессильных, душевно худосочных визгунов и пачкунов ни русский, ни какой-либо другой народ не станет»³⁰⁹.

Менее политизированную часть русского образованного общества отказ от христианских ценностей вынудил создавать свою собственную субкультуру, получившую особо широкое распространение в аристократических и т. н. богемных кругах России. Массовое появление в России в начале XX в. теософских обществ в Петербурге, Москве, Киеве, Калуге, Владикавказе, Смоленске и других городах (в основном в 1907 г.), по мнению крайне правых, фиксировало окончательный отход части общества от православия. «Отсюда рождение всевозможных сект и ересей, отсюда злоба, ненависть и классовая рознь, отсюда телесный и духовный разврат, отсюда прожигание жизни...», — констатировали черносотенцы³¹⁰.

В издававшихся сектантами журналах «Теософское обозрение», «Теософская жизнь» и др. делались попытки создания законченного мировоззрения на основе синтеза религии, философии и опытной науки. Предупреждая о

глубоко антиправославной сущности теософии, представлявшей опасность для сознания народа, черносотенная пресса открыто указывала на масонский источник многочисленных религиозных суррогатов: «Мысли, учения, образ действия и цели современных теософских обществ и теософского движения, несомненно, имеют много общего с иллюминатским масонством, но современные адепты свободной теософии, по-видимому, пытаются опереться на пантеистическое учение Боруха Спинозы. Пантеизм, как философская система, несомненно, есть учение антихристианское, и теософское движение в России приходится признать антихристианским, являющимся на поддержку так называемому освободительному движению»³¹¹.

Опасность теософов виделась в том, что, относя традиционную церковь к разряду анахронизмов, они рядились под одежды «просвещенных» боголюбов, способных ввести в соблазн ереси значительные массы населения предложением некоей новой соответствующей духу времени религии. «А разве не лжехристы этот недавно умерший великий богохульник и ересиарх Толстой со своими последователями, или люди, именующие себя «евангельскими», а также «гогофскими» христианами, или слуги сатаны и вызыватели нечистых духов масоны, чрез секту мартинистов со своим главой жидом Папюсом, одурачивающие русских людей призывом объединяться якобы во имя Спасителя в общество «Рыцарей храма», — писали ярославские союзники в «Русское знамя»³¹².

Ярким примером разложения русских образованных классов стал Л. Н. Толстой, в личности которого в концентрированном виде обнаружились все язвы интеллигенции. Список претензий черной сотни к классику русской литературы был велик, но на первом месте стояла его антихристианская деятельность, выразившаяся в ряде еретических работ: «Исповедь», «Новое Евангелие»,

«В чем моя вера», «Критика догматического богословия», «Царство Божье внутри нас», «Мысли о Боге», «Как читать Евангелие». На основе анализа этих произведений крайне правые вменили великому старцу в вину, что он «отринул Бога как личность, находящуюся вне нас», поставил Христа в один ряд с Платоном, Сократом, Буддой, Конфуцием, низвергнув Мессию до уровня «простого человека», почитать за Бога которого «великое кощунство», обвинил Святых апостолов во лжи, искажении учения Христа, объявил Евангелие «произведением бесчисленных рук и умов человеческих, исполненных погрешностей», отверг общехристианский Никейский символ веры, заклеил христианскую церковь как «изобретение дьявола», укорял священников в сознательном «религиозном обмане и подлоге» Евангелия, в «мошеннической замене» учения Христа своей «святодуховной» церковью, отрицал церковные таинства как «приемы грубого колдовства», порицал иконы как «чурбаны», призывал прекратить обучение Закону Божьему» в школах и т. д.³¹³

Резкой критике подверглась и измышленная Толстым псевдорелигия «непротивления». «Пропагандируя идею жидомасонов “не противьтесь злу”, идею разрушения жизни, Л. Н. Толстой учит слабовольных и легкомысленных людей строить свою жизнь не согласно с Божескими и человеческими законами, а по своему личному усмотрению... Таким образом, Л. Н. Толстой проповедует полную анархию, которая приводит общество и государство к разрушению», — бичевало в марте 1911 г. классика русской литературы «Русское знамя»³¹⁴.

В критике Л. Н. Толстого содержалась квинтэссенция оценки деятельности русской интеллигенции в целом: «С редким “художеством” нечестивый старец вот уже 30 лет безнаказанно срывает Христа со святого креста, поносит и бичует его, топчет и неистово хулит церковь Хри-

стову и все святыни земли русской, грабит душу России, толкает на ужасные религиозные преступления и зверства целые массы несчастных, сбитых им с толку сынов России, гонит их в тюрьмы, на смерть, на скитания в дальние края...»³¹⁵ Обращаясь к великому старцу, «Русское знамя» писало: «Вы много поработали на литературном поприще, многими сочинениями обогатили русскую литературу; но, вторгшись в неведомую вам область богословия... вы много вреда причинили православию и православным христианам»³¹⁶.

Антицерковная деятельность классика русской литературы Л. Н. Толстого стала основанием для протеста крайне правых против инициативы Московской городской думы по приданию официального статуса празднованию его 80-летнего юбилея в августе 1908 г. в Москве: «Какой ужасный трагизм! Многотысячное христианское население столицы и многомиллионной христианской страны властью случайной кучки людей привлекается к чествованию того, кто грязной старческой рукой и хульным языком нагло пограл сокровенные святыни христиан...»³¹⁷ Для черносотенцев празднование юбилея в столице Святой Руси человека, возводившего «хулы на самого Христа, Богородицу и таинства церкви», казались святотатством и кощунством. Тем более, что Л. Н. Толстой не покаялся перед увещеваниями Святого синода обратиться на путь истины после разоблачения его теории русскими архипастырями и профессорами богословия³¹⁸.

2. *Антигосударственность.* Под антигосударственностью интеллигенции черносотенцы понимали неприятие православно-самодержавной монархии вследствие секуляризации ее сознания и попытки выработать новую модель социальной организации, оторванную от традиционных национально-государственных устоев, носящую универсальный характер и основанную на абстрактных

ценностях («свобода», «равенство», «братство», «закон», «социальная справедливость» и т. д.). В связи с этим антигосударственность интеллигенции нельзя путать с анархизмом, отвергавшим не только самодержавную, но и любую государственную конструкцию. Иными словами, интеллигенция отрицала не государство вообще, а лишь исторически сложившуюся в России монархическую властную модель.

Крайне негативное отношение либеральной и социалистической части российской общественной мысли к Русской православной монархии проявилось в национально-государственном безразличии. Даже наиболее близкая к крайне правому лагерю партия октябристов, с которой черносотенцы пытались блокироваться на выборах, демонстрировала присущую всем находившимся левее партиям черту: «По их учению, царь может быть даже не русский. Не православный; это для них все равно. А за какую веру они стоят? Это для них тоже все равно; для них все веры одинаковы. Эти политические недоноски, т. е. “октябри”, понимают народность по-своему: по их толкованию, всякий, живущий в пределах Российской империи, есть русский, в том числе и еврей, и японец, и китаец, — все равно»³¹⁹. Объясняя причины подобного отношения, историк и мыслитель Г. П. Федотов в конце 1920-х гг. писал: «Для интеллигенции русской, т. е. для господствовавшего западнического крыла, национальная идея была отвратительна своей исторической связью с самодержавной властью»³²⁰.

Правомонархисты указывали, что, подвергая с морально-этических позиций самодержавие жесточайшей критике, интеллигенция нередко переходила черту, где, по существу, смыкалась с анархизмом. Отражением этого настроения русского образованного слоя к исторической русской власти являлся Л. Н. Толстой. На его примере крайне пра-

вые публицисты дали резкую оценку политической наивности и неискренности всей русской интеллигенции, проявлявшейся в критике тех черт самодержавной монархии, которые были присущи всем государственным образованиям. Делая выпады против царя, заявляя, что «право грабежа утверждается помазанием масла главного грабителя», а церковь «узаконяет, освящает и помазует грабеж», Л. Н. Толстой отверг государство как основанное на жертвах и страданиях, видя в нем источник зла и насилия. Признавая всякую власть узаконенным «правом грабежа властителями народа», Л. Н. Толстой рассматривал правительство «сложным, освященным преданием и обычаем учреждением для совершения посредством насилия безнаказанно самых ужасных преступлений, убийств, ограблений, спаивания, одурения, развращения, эксплуатации»³²¹.

По мнению черносотенцев, великий старец дал анархическим инстинктам русского народа морально-нравственное оправдание, став одним из виновников массовых кровопролитий в 1905—1907 гг. В работе «О значении русской революции» Л. Н. Толстой признал «подчинение всякой власти безнравственным делом», призвал крестьян «не давать податей», «не давать своих сыновей в солдаты», чем открыто подстрекал людей к бунту и неповиновению властям³²². Радикальный настрой охватил определенную часть интеллигенции, считавшей возможной коренную ломку государственных институтов не в среднесрочной перспективе, а в данный момент: «Настолько усиленно и успешно в этом направлении работали враги русского народа, что внешними, для всех видимыми успехами даже сами они, враги, обманулись: им показалось, что к 17 октября 1905 г. все уже было приготовлено к ниспровержению Руси...»³²³.

Крайне правые отказывались верить в то, что деструктивные проявления русской интеллигенции мотивиро-

ваны ясными представлениями о принципиально новом государстве, которое должно прийти на смену «кровавой тирании». Демонстрировавшие интеллектуальной элитой разрушительные инстинкты по отношению к традиционной государственности и церкви не поддавались разумному объяснению, а потому черносотенцы отвергали мысль о самостоятельном характере теории и практики ее политической борьбы. В годы первой российской революции в консервативных кругах окончательно утвердилось мнение, что русская интеллигенция пала жертвой масонского ордена, намеренно заразившего ее антихристианскими учениями (либерализмом и социализмом) и использовавшего ее в качестве инструмента по завоеванию власти³²⁴. «Жидомасоны настолько хитры, что руками русских “ослов” и изменников разрушают Россию, о чем кричат факты русской общественной и государственной жизни, которые всем известны и которые прекрасно иллюстрируют инородческое и жидовское засилье или, что одно и то же, осуществление исподволь колоссального заговора всемирного жидовства, чтобы свалить православную и самодержавную Россию, по той программе, которая подробно изложена в «Сионских протоколах», — писала в мае 1911 г. черносотенная пресса³²⁵.

Реализация масонского заговора по ниспровержению самодержавия была невозможна без наличия «коллорационистов» в среде русского народа. Основную функцию в выполнении планов мировой закулисы по завоеванию власти, по мнению черносотенцев, осуществляла русская интеллигенция, имевшая невысокий уровень политической подготовки и опыта. Издеваясь над «образованцами» и отождествляя их с известными литературными персонажами (Онегиным, Печориным, Рудиным, Базаровым), правые публицисты указывали, что наивные романтики, мечтавшие о справедливом переделе мира, оказались не

способными тягаться с искушенными врагами человечества, которые, опутав их своими сетями, вовлекли в противогосударственную деятельность: «Прошло 50 лет, — писало «Русское знамя, — а интеллигенция осталась таким же младенцем в понимании международной и политической жизни государства»³²⁶.

Показателем эффективности воздействия «вольных каменщиков» на русские образованные слои стало возникновение в конце XIX в. освободительного движения, а с ним и целого ряда разнонаправленных политических организаций, ставивших общую цель свержения самодержавия и действовавших в рамках единого разработанного кагалом плана, где каждая партия (от октябристов и кадетов до социал-демократов и анархистов) играла конкретную роль: «Жид прет! Кадеты с восторгом ведут его под руки, октябристы деловито выметают пред ним дорогу, левые “товарищи” нагло гремят в иерихонские трубы: расступись и поклонись, русский народ! Починись власти избранного племени! Это твоя судьба!»³²⁷

Роль тарана в сломе основ исторической русской власти выполняли либеральные и революционные партии. Внедренные масонами в массовое сознание идеи свободы, конституции, парламентаризма, равноправия, всеобщего избирательного права и т. д. имели результатом первую российскую революцию: «Что бы ни говорили гг. Горькие, Ходские и разные их сподвижники, с каким бы усердием ни приписывали они себе первенствующую роль в “русской” революции, будущий историк таковой все-таки должен будет признать с документами на руках, что ... громадное большинство русских деятелей освободительного движения были не более как бессознательными марионетками в руках ловкого и пронырливого иудина племени»³²⁸.

Ссылаясь на «Протоколы сионских мудрецов», черносотенцы утверждали, что «сионские мудрецы» уже взя-

ли под контроль все политические силы общества, в том числе и находившиеся в противоборстве друг с другом. Проникновения мировой закулисы не удалось избежать и «святая святых» — руководству СРН. Во время происходившего в 1909—1911 гг. раскола Главного совета СРН на так называемых обновленцев и дубровинцев, враждующие стороны обвиняли друг друга в сговоре с масонами и продажности «сановным шабесгоям». Обвиняя обновленцев, основатель и почетный председатель СРН А. И. Дубровин заявлял в открытом письме: «Парламентский дух в лице некоторых господ ворвался в Главный совет СРН и стремится превратить Союз в полное политическое ничтожество. Это предприятие «обновленного» Совета в достаточной мере обеспечено денежными средствами из странных источников...»³²⁹.

Черносотенцы утверждали, что после окончания первой российской революции масоны сменили тактику, отойдя от прямого натиска к естественному врастанию в общественный организм для разложения его изнутри. Они действовали под прикрытием различных общественных, просветительных, образовательных, благотворительных учреждений и печатных органов, оказывавших значительное влияние на массовое сознание. «Они заплонили наши школы, газеты, театры, искусство, науку, литературу, отчасти даже кафедры церковных проповедников...», — била тревогу газета «Русское знамя»³³⁰. Данная тактика получила у крайне правых название «белой революции» — по цвету эмблемы «Всероссийской лиги и международного союза борьбы с туберкулезом» — белой лилии (в отличие от «красной» — открытого противостояния с властями)³³¹. Борьба с туберкулезом, по их мнению, была лишь благовидным прикрытием истинной цели этого общества — подрывной деятельности. На это указывал и руководя-

ший состав — лица с еврейскими фамилиями во главе с сестрой графа Витте — Софьей Юльевной, в революционных симпатиях которого сомнения не было. Форма «мирного завоевания» несла серьезную опасность: она усыпляла бдительность русской государственной власти при постепенном захвате власти масонством.

Анализ форм социального действия либеральной интеллигенции приводил крайне правых к выводу о ее революционности, проявившейся во внесении идейного разброда и замешательства в умы простого народа. По заявлению газеты «Русское знамя», идеология государственного отступничества, ставшая отличительной чертой русского интеллигентского мировоззрения, заключалась в подрыве традиционных устоев, а именно: «полном разрушении всех идей, которыми жило человечество, и всего существующего социального, экономического и политического строя»³³². Более развернуто и полно данная мысль была высказана во всеподданнейшем адресе, принятом на общем собрании монархических партий в августе 1906 г.: «Крамольная интеллигенция... твердо укрепившись во всех правительственных, земских и городских учреждениях, на железных дорогах, пароходах, крупных торгово-промышленных предприятиях и в особенности в печати, усердно подготавливала в сфере своей деятельности, с конца шестидесятых годов, почву для революции; а всех правительственных лиц с русской душой, желавших честно исполнить свой долг, она немедленно убивала, убивает теперь и будет убивать дотоле, пока окончательно не будет водворен порядок в России законною, беспощадною силой»³³³. Все это создавало в обществе неблагоприятный психологический фон, способствовавший поражению страны в Русско-японской войне: «Неудачи Японской войны... во многом вызваны крамольною интеллигенцией и послужили ей наиболее удобным моментом для революционных действий»³³⁴.

3. *Беспочвенность (безнациональность)*. Под беспочвенностью русской интеллигенции крайне правые понимали агрессивную форму космополитизма, проявлявшуюся в бескомпромиссном отрицании национальной религии, государства, культуры и народного быта.

Истоки беспочвенности русской интеллигенции крайне правые вели с 60-х гг. XIX в., давших резкий всплеск попыткам представителей русской интеллектуальной элиты найти перспективы России через реализацию западного пути развития. Внедрением данного термина делалась попытка противопоставления образованного слоя сохранявшему верность традиционным ценностям народу. Презрение русской интеллигенции к уникальному в мировой истории государственному механизму проявился в практически полном отсутствии теоретических трудов об основах и истории Русской православной монархии. Наоборот, бурный рост предложений по внедрению западного вектора развития сопровождался дискредитацией истории и прошлого страны, следствием чего стало игнорирование русской самобытности и отрицание очевидных для всего мира достижений Российской империи в различных областях социальной жизни (науки, культуры, искусства и т. д.). «Вся культура и цивилизация ...названа “самодурством правящих классов”, сравнена с пирамидами и сералями древневосточных деспотов... Культура и цивилизация отождествлены с “порабощением и развратом”, наука уличена в коварных целях оправдать “цивилизованное рабство и разврат”...», — давали оценку творческим проявлениям западнического крыла интеллигенции черносотенцы³³⁵.

В отличие от консерваторов и правомонархистов, видевших перспективы страны в развитии и углублении самобытности русской цивилизации, российская интеллигенция в целях реализации различных концепций «за-

падного проекта» ставила первостепенную задачу именно в преодолении русской «самости», отрицании особого пути развития России и ее духовной миссии в мире как носительницы православия. Причину беспочвенности российской интеллигенции черносотенцы находили в том, что ее генезис проходил в условиях болезненных процессов, обусловленных петровскими преобразованиями и двухвековой идеологической агрессией Запада. Рассматривая самобытность как атавизм, требовавший нейтрализации путем перехода к западноевропейским духовным, политическим и социальным стандартам, интеллигенция утверждала подражательскую сущность России, становясь приверженцем концепции «догоняющего развития». Явно проявившаяся у русского образованного общества проблема собственной духовной и культурной самоидентификации давала черносотенцам основание рассматривать его как «людей, не признающих Отечества», характерными признаками которых являлось отсутствие «самоуважения, самоуверенности, гордости»³³⁶.

Корень беспочвенности интеллигенции крайне правым виделся в тенденциозности и односторонности полученного образования, следствием чего являлось плохое знание русской истории. «...Если бы она дала себе труд хоть немного почитать русскую историю, но при этом хорошенько продумать и вникнуть в самую сущность вещей, а не ограничиваться теми жалкими сведениями, которые приобретены ею в детские годы...», — заявлялось в пространенной в ноябре 1905 г. листовке СРН³³⁷. В июле 1908 г., за год до появления «Вех», «Русское знамя» раскрыло истоки мирозерцания «просвещенной общечеловечности»: «Интеллигенция преобразованной России с детства воспитывается в таком духе, который сразу парализует в ней интерес ко всему родному. Много лет тому назад, говорят ей, был у нас великий император Петр I,

который сказал, что люди до него на Руси жили плохо и поэтому надо преобразовать Россию и сблизиться с Европой. Но до сих пор нам далеко до Европы. И вот совесть русского ребенка начинает культивироваться в таком духе, из неверной посылки начинают вытекать следующие неверные выводы. Если нам светоч — Западная Европа, а не сама Истина, то, следовательно, на Руси до Петра была тьма и глупость. Поэтому надо сблизиться с Европой как можно скорей, заимствовать ее быт, ее государственное право, которое является необходимым условием прочности западноевропейского прогресса. Следовательно, и православие, и самодержавие как основы жизни древнего Московского царства, отжили свой век и негодны. Надо их уничтожить и ввести свободу вероисповеданий и институты верховной власти Западной Европы. К жизни во Христе и Царству Небесному не надо стремиться, надо стремиться к созданию своей жизни на манер Западной Европы и показать себя перед Европой в духе европейского, а не самобытного просвещения. Он уже не ищет одобрения своих поступков собственной совестью, а думает о том, что скажет Европа. Таким образом, у просвещенного русского «интеллигента» составляется чрезвычайно логическая и последовательная программа стремлений, но, конечно, не к Царствию Божьему на земле, а именно: вместо православного самодержавного строя надо создать конституционную монархию, при которой произвол монарха должен ограничиваться народной волей. Равенство пускай заключается в политической правоспособности граждан, основанной на имущественном цензе, т. е. плутократии и религиозной веротерпимости или, верней, индифферентизме, так как все равно Бога нет. Братство на земле — недостижимо; нужна борьба партий, где и выяснится, кто прав... А прогресс сам собой должен идти вперед, что мы и видим на Западе. Своей русской жизнью преобразованный интеллигент мало интересуется, браня

оголом правительство, ругая косность русского народа и его дикость и обращая внимание главным образом на политическую жизнь Западной Европы и все переоценивая в ней в лучшую сторону»³³⁸.

Тема разности мировоззрений «образованного класса» и народа, ставшая причиной взаимного непонимания и социальной разобщенности, многократно поднималась черной сотней на страницах своих газет. Отрицание самобытности России неизбежно вело образованный слой в идейную зависимость от Запада, рассматривавшегося ею как единственный центр мировой цивилизации, а собственную страну как недоразвитую периферию. Крайне правые указывали, что «сбитая с толку и слабая духом “интеллигенция”» делала ошибку, пытаясь навязать собственному народу под видом «общечеловеческих ценностей» чуждую культуру западноевропейских народов. Уничтожение интеллигенцией черт национальной самобытности в процессе собственной самоидентификации давало основание утверждать, что русская интеллектуальная элита порвала духовную связь с сохранившими верность традиционным устоям народными массами³³⁹. В результате интеллигенция «сама по всей справедливости может быть названа грязью или коростой на лице народа»³⁴⁰.

Черносотенцы констатировали, что тонкая прослойка интеллигенции в начале XX в. практически полностью находилась под влиянием прогрессивных идей. Будучи убеждены, что образованные слои не могли отказаться от традиционных ценностей без внешнего вмешательства, крайне правые выдвинули версию о том, что источником вредных идейных воздействий на русский образованный класс стали занимавшие все более прочное положение в «интеллигентных профессиях» евреи. «Они отняли у нас крупнейшую торговлю, адвокатуру, университеты, консерваторию, они посягают уже на веру Христову, потому

что отбирают у нас, отнимают у нас литературу», — утверждал представитель Русского собрания В. И. Веножинский в мае 1912 г.³⁴¹ Мощным средством влияния на сознание образованных слоев стала литература, где правые фиксировали чрезмерное представительство еврейских авторов. «Еврейская печать капля за каплей растлевает душу народа», — утверждал один из ораторов на IV Всероссийском съезде СРН и V Всероссийском съезде Русских людей в мае 1912 г.³⁴²

Как указывал Ю. Табак, процесс изменения отношения к евреям как протест против всего, что связано с репрессивной политикой самодержавия, захватил значительную часть интеллигенции. Открыто против правовой дискриминации евреев, а также возводимых на евреев обвинений в совершении ритуальных убийств, организации «всемирного заговора» выступали русские религиозные философы В. Соловьев, С. Булгаков, В. Ильин и другие.³⁴³ Особо ярко раскол русского общества по еврейскому вопросу и в отношении к евреям проявился во время процесса Бейлиса 1911—1913 гг. О бескомпромиссности борьбы свидетельствует заявление газеты «Русское знамя»: «Адвокат Маклаков ... навеки запятнал себя, приняв участие в защите жидов-хасидов, заподозренных в том, что они построили свою синагогу на крови, выточенной из живого русского мальчика»³⁴⁴.

Крайне правые ставили «предавшую интересы русского народа» интеллигенцию в один ряд с их масонскими нанимателями. В Своде основных понятий и положений русских монархистов, выработанных IV Всероссийским съездом Союза русского народа, указывалось, что наиболее зловредной для русской народности силой является еврейское племя и «все проникнувшие его духом хотя бы русского происхождения»³⁴⁵. В феврале 1911 г. газета «Русское знамя» официально объявила заклятыми врага-

ми России наряду с международными жидомасонскими организациями также «русских жидов и наших близоруких конституционалистов», как сообщников и послушных исполнителей их преступных замыслов³⁴⁶.

Оторвавшись от «родной почвы» представителям русской интеллигенции, ставшим трансляторами чуждых для традиционной Руси идей, отказывалось в принадлежности к русской народности. Либеральная интеллигенция и «прогрессивное» чиновничество награждались следующими эпитетами: «русские, ненавидящие все русское», «изменники и предатели», «еврействующие, продавшие совесть», «забывшие Бога», «изменившие самодержавному государю»³⁴⁷, «наемные продажные», «жидовские прихвостни», «масонские наймиты»³⁴⁸. В обобщенном виде русской интеллигенции было дано название «секта жидовствующих»³⁴⁹. В многочисленных монархических документах утверждалось, что русская интеллигенция «всегда составляла важнейший оплот еврейского засилья», так как ее характеризует «оторванность от родного народа и преданность еврейским идеалам»³⁵⁰.

По мнению крайне правых идеологов, вовлечению русского интеллигента в масонские игры способствовали характерные особенности его психологии. Сравнивая черты типичного представителя еврейского и русского образованного слоя, газета «Русское знамя» отмечала следующее. Еврейский интеллигент хитер, артистичен, умеет слушать оппонента, оставаясь при своем мнении. Проявляет необычайную настойчивость в достижении цели. Боек, обладает пробивными качествами. Высшей целью ставит личный интерес над общественным. Получив казенную должность, неизменно превращает ее в доходную. Неразборчив в выборе средств, для достижения желаемого готов попать моральные и нравственные нормы³⁵¹.

Русский интеллигент в массе образованней и умнее еврейского, но не имеет внутреннего стержня и стойких убеждений. Отсутствие сильных религиозных и национальных чувств обуславливает его внушаемость и легкое попадание под пагубное влияние. Зависимость от общественного мнения и страх прослыть отсталым делает его невольной игрушкой в руках «товарищей». Проявляет конформизм, с легкостью меняет свои убеждения. В массе своей не обладает пробивными качествами, ожидая предложений по службе и протекции вышестоящих. Не дождавшись реализации ожиданий, легко впадает в отчаяние, на почве чего рождается ощущение несправедливости существующих порядков. Выход из состояния бессилия находит в «либеральничании» и критике установленных норм, становясь легким объектом вербовки³⁵². Хорошо владевшие пером и словом русские романтики являлись находкой для оппозиционных газет, где их таланты находили признание. «Следствием такой “поддержки” является горячее ратоборство за еврейское равноправие на страницах “Биржевки” ...», — писала черносотенная пресса³⁵³. Несмотря на утрату базовых качеств, определявших принадлежность к русской народности, русский интеллигент, тем не менее сохранял свою самобытность. Это давало основание черносотенцам не ставить до конца знака равенства между русским представителем образованного слоя и еврейским: «Специфические жидовские свойства последнего всегда клали границу между обеими разновидностями интеллигента»³⁵⁴.

В период третьей ионьской монархии крайне правые акцентировали внимание на критике деятельности интеллигенции в духовном поле. Появление новых направлений в науке, литературе, искусстве и театре свидетельствовало о переносе борьбы с баррикад в идеологическую и культур-

ную плоскость, а именно: на страницы печати, театральные подмостки, в литературу и т. д.

На правом фланге политического спектра серебряный век русской поэзии и литературы воспринимался как результат злонамеренных духовных инъекций носителей антихристианских взглядов, призванных расшатать идеологические основы жизни народа. Писатели новой волны обвинялись в покушении на русскую литературу XIX в. «... Небезызвестный писатель, который раздут, конечно, еврейской кагальной печатью, Максим Горький, вооружился не только против всех инакомыслящих современников, но и против почивающего уже много лет Федора Достоевского. Он даже на него замахнулся. Они не только современникам запретят думать иначе, как они, но даже великих мертвецов хотят упразднить!», — возмущался на заседании Думы лидер обновленческого СРН Н. Е. Марков в октябре 1913 г.³⁵⁵

Черносотенцы воспринимали литературу начала века не как проявление собственно русского искусства, а как своего рода вид еврейской культуры, вносившей «духовное растление в русскую жизнь и искажающей русские понятия и идеалы». «Еврейство, господа, отнимает у нас этот свет, и вот — вместо чистых лучей русских писателей — в душу русской молодежи, русского общества и народа полились ушаты помой из таких сочинений, как “Яма” А. И. Куприна, “Иуда” Леонида Андреева и прочих бесчисленных измышлений еврейских упадочников-писак. Но ведь они русские, может заметить мне наивный неопытный человек или умный жид. “Поскоблите их хорошенько”, — отвечу я. — Нет, господа, они не русские: русские писатели со словом так не обходятся, русские литераторы так не писали, не пишут и не могут писать. ...Куприны и Андреевы — это литература евреев на ломаном русском языке. Это литература торгашей, овладев-

ших Олимпом», — возмущался представитель Русского собрания В. И. Веножинский на заседании съезда в мае 1912 г.³⁵⁶

Серьезной критике подвергся и классик русской литературы Л. Н. Толстой, который, по мнению крайне правых, был искусственно разрекламирован и возведен на роль кумира либеральной печатью. Л. Н. Толстого осуждали в отрыве его творчества от православных корней и формировании идейной основы для новой смуты: «Первым и величайшим виновником современной народной дикости является... Л. Н. Толстой, ибо он, своим авторитетом, провел в русскую жизнь принцип непротivления злу, прекратив тем борьбу со злом на Святой Руси, совершив тем самое нелепое и преступное, что когда-либо совершал смертный. От сотворения мира искони велась борьба между добром и злом: и если первое временами торжествовало, то только потому, что оно неукоснительно всеми мерами боролось со злом и побеждало его, как победил Бог дьявола и сверг его с неба в преисподнюю»³⁵⁷.

Оценивая творчество русских писателей через стандарты русской народности, черносотенцы в противовес современной им литературе приводили в пример А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова: «Мы видели мировую скорбь в произведениях Достоевского и слышали последнюю лебединую песнь литературы 19 века в психологических, изяшных рассказах Антона Чехова. Но до позора русская литература не могла дожить»³⁵⁸.

К началу XX в. ослабление национального самосознания и потеря чувства патриотизма либеральной части общества проявились в моральном терроре его печатных изданий по отношению к носителям традиционалистских взглядов. Степень угасания национального инстинкта ярко проявилась во время Русско-японской войны: «До чего дошло вытравление патриотизма — видно из того,

что находились такие “русские” люди, которые радовались победам японцев и злобно скорбели от наших побед. До страшного цинизма дошло петербургское студенчество, которое послало японскому императору телеграмму, которой поздравляло его с победой над... русскими»³⁵⁹. Доказывая степень негативного влияния интеллигенции на трудящиеся слои населения, крайне правые указывали на факты забастовок на пороховых и оружейных заводах, прекращение железнодорожного движения, подрыв и уничтожение мостов во время Русско-японской войны. Диссонансом звучали примеры японского воодушевления в годы войны, когда «народ с радостью приносил жертвы во имя любви к своей родине»³⁶⁰.

По результатам революции черносотенные идеологи утверждали, что важнейшей ее причиной был «упадок в народной душе патриотизма»³⁶¹. Настроения русской интеллигенции начала XX в. живо описал очевидец бурливших в России событий С. Л. Франк: «Все мы выросли и жили в атмосфере равнодушия к проблеме национального бытия: идеи национализма и патриотизма, лозунги о защите государства от внешних и внутренних врагов казались только лицемерным прикрытием реакционных мероприятий и вождедений власти, и над ними было принято только смеяться. Славянофильство, культивировавшее национальное сознание, скоро сошло со сцены или начало вырождаться; все оппозиционное общественное мнение стало “западническим”, а западничество — если не принципиально, то фактически — постепенно сливалось с индифферентизмом к проблеме государственно-национального бытия России»³⁶².

Черносотенцы резко отвергли принятое в либеральной литературе мнение, что, являясь интеллектуальной элитой, «мозгом нации», интеллигенция берет на себя инициативу формулирования общественных потребностей, а потому

выступает выразительницей народного мнения. Несанкционированная «приватизация» интеллектуальным меньшинством права на выражение воли всего российского социума приводила к неверному отражению настроений и извращению его реальных нужд пред властями. «Выдавая совершенно ложно свой голос за голос народа, она, произведя смуту в стране, потребовала якобы для водворения мира и порядка — парламентского образа правления», — говорилось во всеподданнейшем адресе, принятом на общем собрании монархических партий в августе 1906 г.³⁶³

В споре с Н. А. Бердяевым после выхода «Вех» газета «Русское знамя» указывала на заблуждение интеллигенции, отождествлявшей собственные взгляды с народными и не видевшей огромной пропасти в мировоззренческих основах между двумя частями единого целого: «Решив, что перечисленные нами силы (православие, самодержавие, народность. — М. Р.) уже не имеют никакого обаяния над народом и способны “только на одно насилие”, г. Бердяев чересчур поторопился и очевидно принял настроения русской интеллигенции за выражение “воли народа”. Из того обстоятельства, что “курсистки не веруют в Бога” и рабочие по складам читают Лафарга и Бебеля, еще не следует, что основная масса русского народа безбожна, что религиозный пафос в ней угас и религиозные идеалы ее умерли»³⁶⁴.

Здесь оценки черной сотни интеллигенции совпадали с позицией «великого отвергателя» Л. Н. Толстого, который цитировался на страницах ее изданий: «...либеральные земцы, врачи, адвокаты, писатели, студенты, революционеры и несколько тысяч оторванных от народа и опропагандированных рабочих, — называя и считая себя представителями народа, не имеют на это звание никакого права. Люди эти представляют правительству во имя народа требования свободы совести, свободы собраний, от-

деления церкви от государства, восьмичасового рабочего дня, представительства и т. п. А спросите народ... и настоящий народ... — не имеет никакого интереса к этим требованиям. ...они представляют только себя»³⁶⁵.

На фоне слабости и пассивности пропагандистского аппарата РПЦ и государства либеральная интеллигенция установила доминирующее положение в области формирования общественного мнения, громогласно заявив о своем предназначении трансформировать Россию в часть западной цивилизации. С одной стороны, это создавало возможность, прикрываясь тогой общего блага, вводить в соблазн коренной перестройки государства значительные массы различных классов и социальных групп общества³⁶⁶. Обращаясь к результатам деятельности Л. Н. Толстого, крайне правые утверждали, что он своим учением превратил русский народ из «верующего, добродушного и простосердечного в дикарей, для которых нет Бога, ни царя, ни властей, ни родителей, ни семьи, ни нравственности». «Проповедь Толстого, исказившего смысл славы Христа, есть, поистине, проповедь Антихриста. Он как дьявол посеял на Руси зло, и оно выросло до ужасающих пределов: вместо любви, истекавшей из учения Спасителя, извращение Его Святого учения посеяло среди людей ненависть и все исходящие из нее пороки и преступность», — возмущалась черносотенная пресса³⁶⁷.

С другой стороны, выступая от имени всех классов и социальных групп общества, в союзе с либеральной бюрократией, интеллигенция пыталась убедить царя, что духовный строй народа изменился и народ перестал видеть в царе выразителя нравственного начала — правды, а видит в нем только начальство и барина. А раз так, то самодержавие перестало быть нужным и лучше упразднить его³⁶⁸. Этой мысли следовал классик русской литературы Л. Н. Толстой, заявлявший в 1902 г. в письме Николаю II:

«Самодержавие есть форма правления отжившая, могущая соответствовать требованиям народа где-нибудь в Центральной Африке, отделенной от всего мира, но не требованиям русского народа, который все более и более просвещается общим всему миру просвещением»³⁶⁹.

Черносотенная пресса указывала, что, возвысившись над народом своей образованностью, русская интеллигенция приобрела такие черты, как хамское самодовольство, мещанское высокомерие и презрение к своему народу³⁷⁰. Характерной ее чертой являлось отсутствие к себе критического отношения при наличии огромного числа пороков, главным из которых была признана гордыня. Обращаясь к Л. Н. Толстому, черносотенная пресса с сарказмом писала об истоках рождения новой религии: «...просто из любопытства, взявши в руки в первый раз Евангелие и прочитавши в 5-й главе от Матфея слова Спасителя: “не противьтесь злу”, вы ничтоже сумняшесь, помыслили собственное евангелие с заповедями, во главе которых поставили вышеозначенную заповедь, — “о непротивлении злу”»³⁷¹. При этом указывалось, что вся предшествующая жизнь новоявленного пророка была далека от церковной чистоты: «А вы сами же в своей автобиографии признавались, что молодость свою провели в плотских пороках, а Евангелие до старости и в руках даже не держали. Откуда же могла взяться у вас Божественная, богопроповедническая премудрость?»³⁷²

Исследователь русского консерватизма А. В. Репников отмечал, что представители консервативного направления русской философии видели причину смуты в слепой самоуверенности интеллигенции, ее неспособности подчиняться законам жизни, но в стремлении перекраивать их по-своему, нежелании учиться у народа, но учить народ, а также в недостатке «серьезно выработанных умов в образованном классе, вследствие чего вся ум-

ственная работа этого класса отличается очень невысоким качеством»³⁷³.

Как и консерваторы³⁷⁴ черносотенцы невысоко оценивали деловые качества претендовавшей на управление государством русской интеллигенции. Проведенный ими сравнительный анализ деятельности законодательных учреждений образцовых «демократий» того времени — Англии и Франции выявил следующее. Если во французском парламенте преобладали представители т. н. «свободных профессий» — резонеры и политиканы, то в английском — представители деловых классов — земледельцы, промышленники, торговцы. В результате Англия, несмотря на многие неудачи, с непоколебимой твердостью вела свою внешнюю и внутреннюю политику, не зная серьезных потрясений. Не в пример ей Франция представляла собой очаг непрекращающейся острой политической борьбы, на почве которой разыгрывались то «травля националистов», то панамский кризис, то дрейфусиада, то преследование католицизма, то доносы в армии!.. С Англией считаются народы всего мира, к ее голосу все прислушиваются, зная, что за правительством стоит весь народ. Франция же должна сама дрожать за свою неприкосновенность и даже за свой государственный строй. Бесперывные смены министерств, не имеющих прочной опоры, — это последствия теоретического переустройства государства с адвокатами во главе...», — писала в июле 1907 г. газета «Русское знамя»³⁷⁵.

Крайне правые прогнозировали, что при получении кадетами власти российская государственность будет разрушена, так как ее члены не только являлись носителями рожденных в иных социокультурных условиях идей и концепций, но и не обладали необходимыми деловыми качествами. За восемь лет до февральских событий 1917 г. черносотенная пресса предупреждала: «Когда такие

люди, как Милюков, получают власть, они своим космополитизмом наносят величайший вред тому государству, которое имело неосторожность допустить их ко власти»³⁷⁶. В обращении к правительству состоявшегося в августе 1915 г. в Саратове совещания представителей монархических организаций указывалось: «Правительство не имеет права передавать благополучие русского народа и будущность России в руки людей беспочвенных, от народа оторванных, не понимающих его мирозерцания, всеми силами добивающихся навязать несвойственные ему, а значит — вредные для него формы правления. Такими людьми являются большинство нашей интеллигенции, не могущих даже своих дел устроить как следует, а только управлять государством...»³⁷⁷

Неспособность либеральной интеллигенции к государственному устройству на примере кадетской партии подчеркивал в своей записке на имя царя член Главного совета СРН А. А. Римский-Корсаков, указывая на ее внутреннюю противоречивую природу: «Наиболее сильной и деятельной является партия кадетов, ведущая на поводу все остальные; но если приглядеться к ней не в смысле писанных программ, а в смысле бытовых черт самого ее существования и последовательного хода ее возникновения, то придется признать, что эта партия сильна лишь своей слабостью. Нося название демократической, а сама по себе в составе своем чисто буржуазная, она должна была, не имея собственной почвы, принять навязанные ей слева лозунги народопрравства и отрицания собственности. Имея в составе своем значительное число так называемых земских деятелей, владельцев земли, кадетская партия первым пунктом своей программы поставила отчуждение земли, окончательное разорение собственных своих сочленов; конечно, руководители ее не были искренни в этом случае и к этому вовсе не стремились, весь-

ма охотно выпустив этот пункт из программы созданного и руководимого ими Прогрессивного блока, но не является ли это лучшим доказательством того, что они не верят в собственное свое самостоятельное существование и ищут сочувствия извне путем уступок и жертв; без этого сочувствия слева, без этих козырей из чужой, не ихней колоды карт кадеты есть не более как многочисленное сообщество либеральных адвокатов, профессоров и чиновников разных ведомств — и ничего более»³⁷⁸.

Отрицательное отношение к интеллигенции базировалось на негативном влиянии, которое та оказывала на государственные институты и органы местного самоуправления, превращая их в очаги сопротивления монархической власти. В мае 1911 г. крайне правая пресса констатировала, что земские самоуправления в предреволюционный период становились насадителями антиправительственных настроений: «Самоуправления способствовали революции, пропуская в народ социалистические издания и крамольных учителей, а интеллигентные руководители самоуправлений старались внушить народу безбожие, неповиновение власти, презрение к власти и подготавливали таким образом аграрные беспорядки»³⁷⁹. Неспособность земской интеллигенции к ежедневной кропотливой созидательной работе проявилась в игнорировании возложенных на нее функций по обустройству быта населения на местах и постоянных попытках расширить собственные полномочия посредством ухода из-под правительственной опеки, что неизбежно подрывало вертикаль власти, создавая основу для формирования немыслимого при самодержавии двоевластия: «Чтобы постепенно и более незаметно отделаться от правительственной власти... требуют... отдания в их руки переселенческого дела, уничтожения предельности обложения...»³⁸⁰

Признавая важность и необходимость для дела государственного строительства земских органов самоуправления, черносотенцы вынуждены были требовать существенного ограничения их прав только потому, что доминирующее положение в них заняли представители оппозиционных сил. «Земства основаны на выборных буржуазных началах, представляют собою довольно сплоченную и всегда однородную массу с либерализмом умеренного характера, но все-таки с ярко выраженной тенденцией совершенной независимости в своих делах», — давала характеристику органам местного самоуправления правомонархическая пресса³⁸¹. Это подвергало смертельной опасности институт земского самоуправления, так как для нейтрализации исходящей от него опасности черносотенцы предлагали не допускать расширения их хозяйственной самостоятельности (запрет земских банков, уменьшение земских налогов и т. д.), а также создание условий их материальной зависимости от правительства и государственного банка. В перспективе усиление властной вертикали должно было сопровождаться всемерным ограничением земского самоуправления. Черносотенцы предлагали упразднить земские управы с сохранением губернских земских собраний как совещательных съездов о нуждах местного населения³⁸².

Помимо отсутствия опыта в деле государственного строительства, неспособности к кропотливой, усердной и рачительной работе на благо страны крайне правые отмечали и такую характерную черту социального портрета русской интеллигенции, как безответственность: «Да ведь легко быть гражданином вселенной, что ни к чему не обязывает, чем верным сыном своей родины, что налагает массу обязанностей, вплоть до обязанности защищать ее до последней капли крови»³⁸³. В страстной борьбе за переустройство общества отсутствие социальной ответственности интеллигенции проявлялось в нежелании про-

гнозировать возможные последствия реализации их теоретических мудрствований на практике. Выдвигая свою религию непротивления, Л. Н. Толстой совратил на путь духовной и физической гибели сотни своих последователей. В частности, газеты сообщали о 7 тысячах адептов толстовской секты, которые переселились в Америку и, будучи одержимы верой, в зимнее время «босые и нагие путешествовали по американской пустыне навстречу грядущему Христу». Многие замерзли, другие тяжело заболели и сошли с ума³⁸⁴. Черносотенная пресса так описывала результаты идеологически-разрушительной деятельности Л. Н. Толстого: «Тысячи крестьян, рабочих и прочих горемычных тружеников России брошены “художеством” нечестивого старца в объятия государственного бунта против власти, против собственности, против податей, воинской повинности... Их секли кнутами, заточали в тюрьмы, вешали, ссылали... А злохудожник все продолжал безнаказанно сеять по Руси свои “художества” и воздвигал все новые и новые горы и холмы из окровавленных и изуродованных тел!»

Русская интеллигенция не представляла из себя однородной по социальному положению массы. Социальная дифференциация проникла и в ее среду, разделив «образованное общество» на высший и низший слой. Если в период первой российской революции черносотенцы считали, что участие интеллигенции в смуте является результатом ее идейных заблуждений, то впоследствии они поняли, что каждый из указанных слоев преследовал свои эгоистические цели. Высшим слоям образованного слоя только республиканская форма правления могла обеспечить прочное социальное положение за счет появления парламентских государственных институтов и замещения образовавшихся вакансий после изгнания царской бюрократии: «...сытые адвокаты, инженеры, доктора, профессора,

журналисты весьма мало интересуются материальными стремлениями трудовых классов, которые им непонятны и которые они считают низменными, но зато видят свет в расширении штатов, в увеличении синекур, в усложнении формальностей судопроизводства, в бесконечных постройках, в политических осложнениях, в отделении церкви от государства, в расширении всяких прав, конечно, при минимуме обязанностей и т. п. Это два противоположных полюса. Одним нужен хлеб, другим всякие права без обязанностей»³⁸⁵.

Незадолго до краха империи черносотенцы поняли, что высшие слои русской интеллигенции наконец обрели своего хозяина в лице крупной финансовой и промышленной буржуазии, лоббирование интересов которой сулило изрядный денежный куш. В обращении к правительству состоявшегося в августе 1915 г. в Саратове Совещания представителей монархических организаций указывалось, что за спиной интеллигенции стоят «синдикатчики, банки, разные промышленники и богачи, рассчитывающие при помощи подкупных и безответственных депутатов (членов Госдумы) издавать подходящие для себя законы для обдирания населения, как это мы видим во Франции, Америке и других парламентских странах»³⁸⁶. Черносотенцы срывали с интеллигенции тогу выразительницы «воли народа», показывая, что за ширмой «свободы, равенства и братства» кроются вполне меркантильные интересы буржуазии: «Банки и другие спекулянты будут всегда стремиться прижать и скупить за бесценок произведения земледельца; хозяева — дать меньшую плату служащему и т. д. Богатый класс, захватив власть через подставных и купленных членов Думы, никогда не позволит провести закон, который заставил бы их, например, щедро платить служащим, или не теснить зависимых от них, или, например, не спаивать народ, хотя это им и выгодно»³⁸⁷.

Крайне правые составили подробный социальный портрет и низшего слоя интеллигенции, чьи социально-психологические особенности были связаны с трудностями социальной адаптации: «Малообразованные и мало-развитые люди и в силу этого редко достигающие сносного материального положения, эти полуинтеллигенты вечно ропщут на общество, не сумевшее оценить их несуществующих талантов и качеств»³⁸⁸. Неспособность добиться достойного положения в обществе бросала профессионально непригодных недоучек в жернова революции в надежде компенсировать социальную неустроенность: «им терять нечего или... очень мало». Для некоторой части низшей прослойки интеллигенции революция стала профессией, дававшей возможность социализироваться в постоянной борьбе и обрести смысл существования. Они были радушно приняты в среду пролетариата, составив офицерский корпус революционной армии: «Выучившись говорить по “трафарету” митинговые речи... смутьяны легко повели за собой всю, так называемую, “сознательную”, т. е. одурманенную и опоенную часть рабочих»³⁸⁹. Провоцировавшиеся «полуинтеллигентами» многочисленные забастовки тяжело отзывались на экономике страны, приводя к разорению как предпринимательские слои, так и рабочих.

Очередным подтверждением непостоянства и переменчивости взглядов интеллигенции стало появление в 1909 г. сборника «Вехи», авторами которого выступили разочаровавшиеся в революции представители либерального сегмента общественной мысли. Выход «Вех» констатировал раскол в либеральном лагере, авторы которого, по оценкам идеологов черной сотни, ослабляли оппозицию, «уменьшая до крайности таким путем ее шансы на победу или, в лучшем случае, отдаляя ее момент и влияя на ее полноту»³⁹⁰. Либералы предприняли запоздалую попытку приватизировать патриотизм, который давно уже нахо-

дился в руках у черной сотни. П. Б. Струве лишь «погладил еврея против шерстки, заговорил о “национальном лице” и “национальном отталкивании от еврейства”, — язвила в мае 1909 г. правая пресса³⁹¹.

Авторы сборника «Вехи» вынуждены признать во многом правильную оценку русской революции, даваемую их политическими противниками из крайне правого лагеря. Высказанное в сборнике покаяние черносотенцы оценили как половинчатое и неполное: «Они отстали от воров и не пристали к панам». Для утверждения на началах традиционных ценностей сменовеховцам предлагалось почитать изданные несколько лет назад правомонархические газеты. Сменовеховцев газета «Русское знамя» охарактеризовала как «бывших людишек», которые не столько изменили свои взгляды, сколько решили заняться политической коммерцией, найдя новых хозяев в лице правительства: «Людишки порвали с щедрым иудеем в надежде на безотлагательное получение казенного пособия...» Черносотенная пресса отнеслась с презрением к подобной выходке сменовеховцев, предупреждая их, что «путь оппортунизма наклонен и скользок, ступившему на него недолго докатиться до дна, на котором нет места ширмам принципиальности и идейности и где нет удержу оголенному ненасытному властолюбию и наглому мародерству»³⁹².

Несмотря на вызванный сборником широкий общественный резонанс, серьезного влияния на мировоззренческие установки русской интеллигенции «Вехи» не оказали. Это явно проявилось в отношении к крайне правому сегменту политического спектра России, воззрения которого продолжали оцениваться как «человеконенавистническая реакционная доктрина». Собственно, сама идеология крайне правого лагеря как воззрения традиционалистской части населения России глубоко не исследо-

валась. В частности, попытка Н. А. Бердяева в опубликованной в сборнике статье «Черная анархия» обратиться к рассмотрению правомонархической системы взглядов являла собой лишь набор уже известных критических штампов, которыми либеральная печать награждала крайне правых на протяжении всего периода их существования. «Русское знамя» писало: «Идея выставить СРН революционерами справа или анархистами — не нова, и не господину Бердяеву принадлежит честь ее изобретения, но г. Бердяев, непризнанный философ, выступает со своими злыми глупыми выходками под видом якобы не политического противника монархистов, а нравственного»; «Ничего нового в речах Бердяева нет, — но в них все старое, вся беспардонная ложь, посевавшаяся еврейской печатью против СРН, собрана в один фокус, — под который шулерски подведен “философский” фундамент. Возражать Бердяеву? Возражать шулеру, уличаемому собственными краплеными картами, — нечего»³⁹³.

Развязанный либеральной и революционной печатью моральный террор против черной сотни был весьма эффективным. В послереволюционное время православная интеллигенция стала менее охотно вступать в крайне правые партии, а иногда и покидать их. Председатель Одесского филиала Русского собрания в сентябре 1909 г. в речи по случаю годовщины отдела вынужден был отметить: «Самый позорный факт в жизни “Русского собрания” — это бегство из него профессоров»³⁹⁴. Степень третиrowания в либеральной прессе носителей традиционных взглядов достигла такого масштаба, что вынудила лидеров черной сотни прибегнуть к угрозам: «...будет резня. Слышите, бывшие люди: резня между нами и вами. И не по нашей вине: вы ее накликаете, вы сеете ненависть к нам, а когда мы предлагаем вам, оставив демагогию, перейти

на почву спокойных объяснений, — вы отказываетесь под предложением отвращения к нам»³⁹⁵.

Крайне правые знали, о чем говорили. Обращаясь к фактам массовых избиений представителей образованных слоев в октябре 1905 г., черносотенцы указывали на то, что простым народом русская интеллигенция не воспринималась как носительница его мировоззрения и культуры³⁹⁶. По мнению историка Л. В. Селезневой, российские либералы знали культуру и быт русского народа «пожалуй, в меньшей степени, чем опыт иностранных демократий»³⁹⁷, а потому «вольнo или невольнo экстраполировали на практически всю нацию свой менталитет, вынуждены были адаптировать классическую теорию либерализма к российской реальности, свою систему ценностей, в которой доминировали свобода личности, возможность самореализации и совершенствования»³⁹⁸. В противостоянии с оппонентами правомонархисты не столько настраивали низы общества против образованных слоев, сколько констатировали факт враждебного к ним отношения. В годы между двумя революциями черносотенцы предупреждали интеллигенцию, что, заигрывая с революцией, она «готовит себе петлю...»³⁹⁹. Утверждалось, что если интеллигенция не пересмотрит своего негативного отношения к базовым ценностям русской цивилизации, то наступившая передышка закончится новым социальным взрывом, в ходе которого первой жертвой революционного террора станут именно образованные слои общества.

Крушение монархии и последовавшие за ней события отчасти показали правоту предсказаний черной сотни. По следам революционных событий 1917 г. один из оппонентов правомонархистов из либерального стана П. Б. Струве сделал запоздалое признание: «Русская революция оказалась национальным банкротством и мировым позором — таков непререкаемый морально-политический итог пере-

житых нами с февраля 1917 г. событий. Между тем один из замечательнейших и по практически-политической, и по теоретически-социологической поучительности и значительности уроков русской революции представляет открытие, в какой мере “режим” низвергнутой монархии, с одной стороны, был технически удовлетворителен, с другой — в какой мере самые недостатки этого режима коренились не в порядках и учреждениях. Не в “бюрократии”, “полиции”, “самодержавии”, как гласили общепринятые объяснения, а в нравах народа или всей общественной среды, которые отчасти в известных границах даже сдерживались именно порядками и учреждениями»⁴⁰⁰. Русской либеральной интеллигенции понадобилось пройти большой путь, чтобы признать правоту предсказаний их политических противников из крайне правого лагеря, сделанных задолго до революционных потрясений.

§ 4. Причины разложения русского народа в представлениях черной сотни

Правомонархисты исходили из того, что преобладающее большинство русского народа нерушимо исповедует базовые ценности русской цивилизации (православие, самодержавие, народность). К носителям истинно русских черт ими относились «верные престолу сословия: благородное дворянство, доблестное крестьянство, мещане и духовенство ...»⁴⁰¹ Вслед за государственниками и славянофилами⁴⁰² крайне правые считали, что в наиболее чистом и неиспорченном варианте православно-монархические убеждения и народный формат души сохранился в крестьянстве, определявшемся как ядро нации и оплот устоев традиционного общества. В документах крайне правых подчеркивалось, что «невежественные» и «необразованные» крестьяне в своей преданности православным,

самодержавным и национальным устоям значительно опережали просвещенные слои: «предельно преданно самодержавному царю, признающее его своим единственным защитником и заступником, истинным представителем народных желаний, стремлений и носителем моши и чести русского народа»⁴⁰³.

Для черносотенцев понятия просвещенности и образованности не были синонимами. На упреки либеральных оппонентов в «невежественности» и «темноте» монархически настроенных крестьянских масс черносотенцы заявляли: «...духовная просвещенность совершенно не зависит от степени образованности, и неграмотный человек сплошь и рядом бывает в миллионы раз просвещеннее учнейшего профессора»⁴⁰⁴. Митрополит С.-Петербургский Владимир на состоявшемся в февраля 1913 г. VI Всероссийском съезде русских людей дал следующую характеристику русскому народу: «По адресу русского народа раздаются иногда упреки в невежестве. Но это несправедливо. Ум русского народа такого свойства, что имеет особый национальный склад и враждебен в основе космополитизму, что умеет верно определить отношение отвлеченных мыслей к живой жизни, вот почему ум этот возмущается, когда в русскую жизнь стараются втиснуть несвойственные русскому народу идеи»⁴⁰⁵.

Апеллируя к именам крупнейших представителей русской интеллигенции, черносотенцы указывали, что М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Ф. И. Тютчев, И. А. Гончаров, братья Аксаковы, братья Киреевские, Ф. М. Достоевский, Ап. Майков, А. А. Фет, Н. Н. Страхов, Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, М. Н. Катков, К. К. Случевский, А. Н. Соболевский разделяли монархические идеалы. «Сказать, что эти люди — “темные” и “невежественные”, жиды не посмеют, и, следовательно, они должны признать, что мо-

нархические убеждения у русских людей не только не связаны с невежеством, но, наоборот, связаны с величайшей образованностью», — писало «Русское знамя»⁴⁰⁶.

Историки либерализма отмечали, что в отличие от западноевропейских единомышленников, опиравшихся на городской и сельский средний класс, российские либералы не имели широкой социальной поддержки⁴⁰⁷. Присущие большинству населения такие архетипические черты национального характера, как догматизм, аскетизм, способность нести страдания и жертвы во имя своей веры, устремленность к трансцендентному⁴⁰⁸, коллективизм, авторитет власти и т. д., противоречили главной либеральной ценности — индивидуализму. Сохранение в массе русского народа (за исключением его элиты) идейных устоев традиционного общества давало крайне правым основание утверждать свою политическую силу в опоре на «народ», народные низы. «Того, что наши народные массы — “черносотенные”, — не может отрицать никто. Глубокая вера в Бога, непоколебимая преданность царю и покорность законным властям издавна являются отличительными чертами нашего крестьянства», — писало «Русское знамя»⁴⁰⁹.

Несмотря на глубокий духовный и культурный кризис основ российского общества, вызванный петровскими преобразованиями и западными идеологическими влияниями, черносотенцы видели свет в конце туннеля: «В настоящее время все грозит России гибелью. Общественной самобытной жизни в современной России почти не существует. Народ обнишал. Интеллигенция — деморализована. Духовенство — соль земли — малообразованно, материально необеспеченно и не имеет светоча, примера праведной жизни на земле — патриарха, который бы, сияя над миром своей кротостью и смирением, являлся бы верной опорой самодержавию православного царя. И России угрожают не только внутренние, но внешние враги с за-

пада, юга и востока. Но вера православная и царское самодержавие в России все же остались. А есть православие, есть царь в России — еще не все пропало»⁴¹⁰.

Черносотенцы были далеки от мысли идеализировать русский народ и его качества. Трезво оценивая неблагоприятное состояние общества, они не были склонны обвинять только внешние силы в произошедшей революции. Ее причины виделись не только в кознях мировой закулисы, поврежденности русской элиты, но и в разложении духовных основ русской жизни: ослаблении в народе православной веры, патриотизма, невиданном падении чувства национального достоинства и самосознания, забвении исторического права русского человека «быть хозяином в собственном доме», социальной разрозненности, слабом развитии национального просвещения⁴¹¹. В отличие от поколения Минина и Пожарского современное поколение русских черносотенцы оценивали так: «Тшедушное, слабое и телом и душой, утратившее горячую веру в Бога, а с ней патриотизм, оно не смотрит в будущее, а стремится к временному скоро проходящему благосостоянию, забывая, не думая о благе потомства, гонится за временной наживой, из-за которой готово продать сплошь и рядом, как мы часто теперь видим, в особенности среди рабочих и пристроившихся в городах крестьян, не только родину, но и отца с матерью»⁴¹².

Этот нравственный упадок, по мнению крайне правых, стал благодатной почвой произошедших в начале XX в. революционных потрясений. В критические моменты черносотенные лидеры в частной переписке давали нелестную характеристику русскому народу. В перлюстрированном в 1908 г. Департаментом полиции письме члена III Государственной Думы от фракции правых А. С. Вязигина утверждалось: «У нас нет народа, у нас есть только население, обыватели»⁴¹³. Негативное влияние на состояние

народа оказывала зависимость целых групп населения от неблагоприятных условий жизни, разложение образованных слоев русского общества, произвол отошедшего от национальных начал административного аппарата⁴¹⁴.

Одну из причин деморализации народа черносотенцы находили в разрушении соборности как формы организации русского народа. Развитие капиталистических отношений запустило процесс разрушения общины, а с ней и разложение идейных основ традиционного крестьянского «мира». Оторванность верноподданного от естественной среды создавало благоприятные условия для пересмотра патриархальных воззрений. В черносотенной литературе описывалась методика вербовки в революционный стан: «Народ в общей массе своей составляет надежнейший оплот религии для каждого отдельного лица. Но лишь только одно лицо вышло из сферы народного влияния, как его начинают ловить волки в овечьей шкуре. Потребность веры в таком лице не угасла, угаснуть не может, ибо это есть отличительное свойство русской души; но легковверный ум, смущенный наверху схваченными верхушками, но не корнями знаний, стоит на распутье. Тут-то и начинается жидовская лафа. Жиды подступают к молодому человеку, являющему собой такое лицо, окружают его, как демоны грешную душу, и, как демоны, ташат его к погибели ради своих мелко корыстных иудиних интересов»⁴¹⁵.

Свидетельством разложения общины стало появление городского и сельского пролетариата — новой социальной группы, характеризовавшейся утратой соборности, а потому попадавшей под влияние различных оппозиционных сил. Черносотенцы проводили четкую границу между крестьянином, владевшим землей и крепко на ней стоявшим, и безземельным крестьянином — пролетарием, наводнившим города и фабричные районы. Эти группы крестьян совершенно различались по политическим

взглядам и отношению к существующему строю. Первым необходима была стабильность, вторые представляли аполитичные массы, всецело поглощенные заботами о куске хлеба, и если действительно были способны на беспорядки, то только с экономическими требованиями. Отсюда следовал вывод о необходимости улучшать благосостояние крестьянства посредством экономического и социального партнерства его с помещиками. Опасность представляли не крестьяне и рабочие, а «те бездельничающие карьеристы из опошлившейся дворянской и разночинной среды, для которых землевладение и земледелие не есть возделенная тихая пристань, но которых прельщает лишь одно звенящее золото. Они наиболее чутки и отзывчивы на жидовско-инородческий клич, на безумный призыв «растрепать» Россию, предвидя за свое предательство и подлую услужливость жидам обилие этого золота»⁴¹⁶.

Помимо разложения основ традиционного общества причина социального неблагополучия русского народа имела глубокие исторические корни. Отсталость государственных институтов, материально-технической базы от стран Европы виделась крайне правым идеологам в нелегком наследии внешних нашествий. Тяготевшее над Россией почти 300 лет монгольское иго, сковывало предприимчивый славянский ум и задерживало народный прогресс⁴¹⁷. Приняв на себя удар и спася Европу от нашествия, русские во многом отстали в науке и знании. Сказывалась и вековая забитость населения, пустившая глубокие корни в народном сознании. «Русский народ довольно темный, малоразвитый, недостаточно предприимчивый и... лежебокий от природы», — писала черносотенная пресса⁴¹⁸. На благосостояние народа серьезное влияние оказывало отсутствие образования: «А ведь наши крестьяне по сравнению с западноевропейскими прямо богачи; только немецкий крестьянин или швейцарец гораздо трудолюби-

вее. Чего не хватает нашему крестьянину, это образования...»⁴¹⁹ Другой унаследованной из прошлого чертой являлась неспособность каждого отдельного представителя народа реализовывать индивидуальные масштабные проекты без государственной поддержки или иного внешнего содействия: «Третье средство — народ наш нужно приучить к упорному труду. Нигде на свете нет столько хулиганов, пьяных и нищих, как в России...»⁴²⁰

Воспринимая историю органически, черносотенцы не обвиняли прошлое в современных им государственных нестроениях, находя в постигших страну катаклизмах и положительную сторону. Монгольское иго «дисциплинировало слишком своевольный и беспокойный славянский характер, сообщив ему большую уравновешенность, и пробудило национальное самосознание, благодаря которому жившие до этого в постоянной междоусобице славянские племена, сплотившись, свергли татарский гнет и образовали единую Русь»⁴²¹.

На имевшее место в начале XX в. бедственное состояние страны и народа существенное влияние оказали недостатки русского национального характера, находившие отражение в реальной политической практике. К ним черносотенцы относили следующие.

1. *Инертность, апатичность, бездеятельность, пассивность, аполитичность*. Обратной стороной религиозности выступала политическая пассивность верноподданного населения и сомнение в необходимости земного переустройства. «Русский народ, глубоко проникшись бытовой стороной православия, смотрит на жизнь земную как на подготовку к бытию загробному и, не пленяясь почестями и славой, выше всего ставит тихое и безмолвное житие...», — писал идеолог Союза русских людей Ю. П. Бартенев⁴²². В условиях острой политической борьбы положительные качества народа — миролюбивость,

терпимость, доверчивость превращались в противоположные: невежество, дряблость, лень, безнародность, безотечественность, неспособность дать жесткий отпор революционерам⁴²³. Черносотенная пресса возмущалась: население не делало ничего, чтобы оградить себя от бомб и разбоев революционеров, не желало принадлежать ни к каким политическим партиям, участвовать в политической жизни, выборах в законодательное учреждение⁴²⁴. Воспитанное веками монархическое сознание верноподданных россиян накладывало ограничения на участие в политическом процессе: «Мирное, трудящееся население, городское или деревенское, всегда было и будет на стороне монархического правительства и поэтому предпочитает лучше оставаться дома, нежели идти подавать голоса хотя бы и за русских людей»⁴²⁵.

Воспеваемая черносотенцами аполитичность русского народа сыграла с ними дурную шутку. Политическая пассивность их многомиллионного электората создавала благоприятную почву для побед их оппонентов на выборах. В результате в I и II Государственные Думы, которым черносотенцы дали определение «революционных», проникли враги: «Жид был там самым деятельным и влиятельным лицом; он создавал вопросы, давал направление, господствовал в прениях, участвовал и председательствовал в комиссиях, делал от них доклады; его даже призвали в вероисповедательную комиссию решать судьбу православной веры»⁴²⁶. Пытаясь преодолеть пассивность народа, черносотенцы призывали его к большей политической активности: «На очереди выборы в четвертую Государственную Думу. Людям, по-русски мыслящим, но и по-русски дремлющим, пора перестать говорить: «Я ничего не знаю, моя хата с краю»⁴²⁷.

2. Политический инфантилизм, неискушенность, неопытность, незрелость, внутренний разлад, неприязнен-

ность, рознь, отсутствие солидарности и сплоченности. Следствием неискренности и неопытности верноподданных слоев населения являлась неспособность противостоять внутренним угрозам со стороны оппозиционных сил, подрыв первенства державного народа, выразившегося в утрате контроля над политической и социально-экономической сферами общества и засилье инородцев. «Как и где найти такую прочную спайку для разрозненных русских людей, которая настолько сплотила бы их, чтоб никакие козни врагов для них не были страшны?», — задавали вопрос черносотенные идеологи⁴²⁸.

Традиционным для русского народа недостатком, по мнению крайне правых, являлось отсутствие единодушия, согласия, солидарности и сплоченности. Приводя в пример Германию, черносотенцы указывали, что в условиях рыночного выбора «ни один немец не отдаст торгового помещения в своем доме еврею и не пойдет в еврейский магазин приобретать себе какие-либо домашние принадлежности, так как у него есть для этой цели немецкие торговые заведения»⁴²⁹.

Распри в монархическом лагере стали ярким проявлением обоих присущих русскому народу качеств — политической незрелости и склонности к розни. Ярким их воплощением стал председатель СМА В. М. Пуришкевич, заслуживший в крайне правой среде прозвище «бациллы разложения»: «Каждая монархическая организация, к которой примыкал Пуришкевич, немедленно распадается. Начинаются ссоры, распри, наплыв темных людей и замаранных людишек, окружающих Пуришкевича тесным кольцом. Изгоняются основатели-патриоты, выживаются члены-учредители, устраиваются оскорбительные гонения на всех нравственно-чистоплотных людей, и в конце концов, после разгона всех честных элементов, остается распорядителем среди развалин “бацилла разложения” Пуришкевич “сотовариши”»⁴³⁰. Давая оценку по-

пытке захвата в 1913 г. Русского собрания сторонниками Н. Е. Маркова и В. М. Пуришкевича, газета «Русское знамя» писала: «...“Русское собрание” обратилось в арену мелких интриг политиканствующих людишек и притом с крайне грязной, в уголовном отношении, репутацией, находиться рядом с которыми в одном обществе для порядочных людей зазорно»⁴³¹.

В опубликованном в 1914 г. официальном документе крайне правых «Задачи русского монархизма» отмечалось: «...не редкость встретить в некоторых, даже небольших, городах по несколько независимых друг от друга монархических обществ, возникших только потому, что несколькими тщеславным лицам, иногда даже крайне неблагоприятным и неподходящим, захотелось именоваться громким титулом “председателя”. И вот, чтобы подчеркнуть свою “деятельность”, они начинают обливать друг друга грязью и, конечно на патриотической подкладке, причем в личных стремлениях нередко разногласят с местными властями. Курьезнее всего бывает еще то, что членами во всех этих обществах нередко состоят одни и те же лица — только председатели и секретари разные»⁴³². Даже накануне I Мировой войны черносотенцы признавали, что монархические общества очень плохо организованы, являясь «материалом весьма ценным, но пока сырым и не обработанным»⁴³³.

Компенсацией национальной разрозненности выступала высокая способность к мобилизации в условиях чрезвычайных ситуаций. Русскому народу было свойственно забывать классовые и социальные различия в период отечественной опасности, что проявилось в смутные времена, когда в условиях иноземной оккупации рознь уступила место единению сословий: «...триста лет тому назад верные престолу сословия: благородное дворянство, доблестное крестьянство, мещане и духовенство встали на защиту

Отечества, объединились и мы в смутные для государства годы»⁴³⁴. Это же было продемонстрировано и в годы первой российской революции появлением на политической арене черносотенных организаций. Следствием политической неопытности оказывалось тяготение к беспорядочным и бессистемным формам политической и общественной деятельности, равно и неспособность «втискивать себя в рамки системы и метода, предпочитая правильной, постоянной организации — “летучую, по наитию, импровизацию” до тех пор, “пока гром не грянет”...»⁴³⁵.

3. *Легковерие, наивность, простодушие, доверчивость и внушаемость*. Особенность восприятия крайне правыми происходивших в стране революционных процессов состояла в отказе верить в способность к разрушительным действиям русского народа в отношении собственного Отечества. Факторами, способствовавшими государственным нестроениям, по их мнению, являлись положительные качества русских православных людей, часто использовавшиеся третьими силами им в ущерб. Отличаясь храбростью и силой, с достоинством встречавший открытый вызов врагов, державный народ пасовал перед хитростью, обманом и лицемерием, чем постоянно пользовались его враги: «Геройская откровенность Святослава “Иду на вы” и до сих пор сказывается в русском народе; не могут русские понять, что есть враги, бесстыдно надевающие личину дружбы, открывая “братские объятия” только для того, чтобы вернее задушить бросающегося в них»; «этим великодушием злоупотребляли слабые инородцы, уподобляя великую нацию сильному коню, пожираемому овдами»⁴³⁶.

В потрясших страну событиях правомонархисты видели козни и руководящую руку инородцев и евреев, использовавших заблудшую и совращенную часть их соотечественников в целях достижения господства и узурпации

достояния, завоеванного «потом и кровью» русского народа. Здесь инородцы использовали такие черты русского народа, как политическую неискренность, отсутствие опыта, податливость, внушаемость, доверчивость, некритичное преклонение перед авторитетами: «Простой русский человек смирен и падок на похвалу; отсюда и вытекает то обстоятельство, что он с “уважением” слушает чепуху студента или лакейское суесловие земского лекаря... В силу своей умственной смиренности простой русский человек и начинает повторять за интеллигентшиками их поганенькие “выражения” и твердит, что и мы “не лыком шиты” и “во Хранции не хуже нашего люди живут”. Но от попугайского повторения до сознательного убеждения путь еще не близкий»⁴³⁷.

Без государственного патернализма доверчивость русского народа могла быть использована его врагами. «Наше русское несчастье это неумелое, неразборчивое преклонение перед авторитетами без всякого критического к ним отношения»⁴³⁸; «И в наше лихолетье мы видим, как ловко всевозможные революционеры, евреи и кадетствующие честолюбцы использовали народное невежество и нищету во вред царя и народа, желая свергнуть царское самодержавие, расчленив Россию и при помощи русского невежества унижить и поработить этот же русский народ. И враги русского царя в наше лихолетье являются, таким образом, также и врагами русского народа», — писала черносотенная пресса⁴³⁹. Это приводило к не отражающему реальную расстановку политических сил в стране составу Государственной Думы. «Русскому народу надо серьезно задуматься над тем, можно ли посылать в Думу октябристов и им подобных. Пусть народ подумает, кто его враги, кто его друзья!», — заявлял член Государственной Думы от крайне правых Н. Е. Марков.

Черносотенная пресса указывала, что без патерналистской опеки РПЦ и властей русские с легкостью поддавались чуждому влиянию, теряя свое национальное лицо, превращались в людей без родины и веры, о чем свидетельствовали следующие утверждения: «Оторванное от родной почвы студенчество оказывается легко поддающимся расслабляющему жиновскому влиянию»⁴⁴⁰. Черносотенцы признавали и отдавали должное наличию в среде малых народов тех консолидирующих качеств, которых не доставало русским. В противовес русским выступала «сила и сплоченность еврейского кагала, ополчившегося на христианство»⁴⁴¹.

Корень духовного разложения народа черносотенцы видели в тлетворном влиянии управленческой (бюрократия) и интеллектуальной (интеллигенция) элит общества, усилия которых были сконцентрированы на следующих направлениях: подрыв позиций РПЦ, сферы образования, нравственности и спаивание народа. Рассмотрим их подробнее.

1. Подрыв позиций РПЦ. После неудачи свергнуть самодержавие путем прямого натиска активность либеральной общественности в послереволюционное время сконцентрировалась на критике РПЦ. Крайне правая пресса подчеркивала, что «изменниками» удар наносится по православию, что может привести к изменению вектора национального самосознания и менталитета народа, отказу от стародавних ценностей. «Цель их — разрушить, осмеять веру, разрушить и другие цепи государственного быта, который верою держится», — подчеркивал архимандрит Макарий на Монархическом съезде русских людей в сентябре 1909 г.⁴⁴² Это не было случайным: для упразднения монархии необходима ликвидация главного исторического условия ее существования — православности социума, изменение вектора духовно-нравственных ориентиров,

иначе говоря, духовный переворот со сходом с православных рельсов на западную систему ценностей⁴⁴³. Подрыв православия неизбежно привел бы к формированию духовного вакуума, который заполнился «множеством новых политических и религиозно-социалистических лжеучений»⁴⁴⁴. Последние рассматривались как формы религиозных верований и определялись как «опаснейшие ереси», имеющие все признаки оных, с которыми следует бороться прежде всего церковным миссионерам⁴⁴⁵. Черносотенная газета «Земщина» настаивала на необходимости учреждения в структуре РПЦ особого миссионерского ведомства, специализирующегося на борьбе с новоявленными псевдорелигиями — социализмом, либерализмом, космополитизмом и жидомасонством⁴⁴⁶.

По мнению правомонархистов, структурированная в политические партии интеллигенция не только представляла опасность как источник негативного идеологического влияния на верноподданные слои общества, но и в своих попытках ликвидации первенствующего положения РПЦ посредством реализации антицерковных реформ. Крайне правые проводили исторические параллели, указывая на то, что падение монархий в Европе началось с подрыва церковных позиций. В утверждении этой мысли они опирались на документы политических противников. В мае 1911 г. «Русское знамя» приводило цитату из «Протоколов сионских мудрецов»: «Священничеству гоев мы позаботились дискредитировать и этим разорить его миссию, которая могла нам препятствовать. С каждым днем влияние священников на народ падает, всюду провозглашается свобода совести: следовательно, какие-то годы отделяют нас от момента полного крушения христианской веры, самой для нас опасной противницы по историям о духовном мире и будущей жизни»⁴⁴⁷.

Тезис о предшествующих трансформациях в мировоззренческой сфере политическим преобразованиям была сформулирована русскими консерваторами еще в середине XIX в. В частности, Ф. И. Тютчев в датированной 1849 г. статье «Римский вопрос и Папство» писал: «В течение трех веков историческая жизнь Запада была не что иное, как непрестанный натиск на все, что еще было христианского в составе старого западного общества. Этот труд разрушения был долог, и прежде чем свалить учреждение, понадобилось подточить их связующую силу, их цемент — христианское верование. Тем и приснопамятна Французская революция, что она открыла новую эру: восшествие антихристианской идеи на степень политической власти, вручила ей управление гражданским обществом»⁴⁴⁸.

Развитие либерального и революционного движения в России шло в том же направлении — постепенном подрыве позиций РПЦ как основы государственного порядка. «Все люди, верные самодержавному царю и родине, должны ясно видеть, что враг наносит страшные удары именно в корень дерева — Святое Православие», — писало «Русское знамя»⁴⁴⁹. Планы левого лагеря по революционизированию народа в сентябре 1909 г. лаконично раскрыла черносотенная газета «Колокол»: «И прежде всего она направлена против православия, ибо левые увидели, что можно сбить русского мужика с доброго пути, подбить его на грабежи, на поджоги, но нельзя идти против его веры; как пошли, так революция получила отпор. Следовательно, нужно прежде всего разрушить веру, развратить мужика, и вся левая печать принялась кадить староверам, как будто евреи что-либо понимают в староверии, — всячески поносить духовенство»⁴⁵⁰.

Напор критики либеральной и революционной прессы в отношении РПЦ только утверждал черную сотню в намерениях своих противников окончательно подорвать

православный фундамент общества: «Разнузданность еврейской печати такова, что чуть ли не ежедневно в ней подвергается осмеянию и поруганию православное духовенство», — констатировали черносотенцы. «Любой пьянчужка-ремесленник может требовать защиты у суда в случае оскорбления печатью. Церковь же Божья оскорбляется ежедневно десятками газет жидомасонского — или “прогрессивного” толка, и оскорбляется вполне безнаказанно и невозбранно! В какое время живем, господа!», — возмущалась газета «Русское знамя»⁴⁵¹. Либералы виделись оголтелыми врагами церкви, которые пользовались свободой, чтобы «только повредить церкви, в этом они единомысленны со всеми сектантами и раскольниками...»⁴⁵². Выпады против позиций РПЦ со стороны либералов не ослабили даже в период отечественной опасности. Требование Прогрессивным блоком «полного и решительного прекращения преследования за веру есть требование попустительства по отношению сектантов, не только отказывающихся лично идти в войска, но и открыто агитирующих против исполнения воинской повинности верными сынами Отечества», — заявлялось на состоявшемся в ноябре 1915 г. в Нижнем Новгороде Совещании уполномоченных правых организаций⁴⁵³.

В подрыв духовно-нравственного базиса русского народа, по мнению черной сотни, свою лепту вносила и космополитическая бюрократия, попустительствовавшая экспансии католиков и сект на канонической территории РПЦ. Взрыв возмущения вызвал у крайне правых факт разрешения правительством вопреки мнению Священного синода деятельности протестантского Русского евангельского союза, учреждение которого рассматривалось как удар по православию⁴⁵⁴. Воображение черносотенных идеологов рисовало мрачные картины тайного альянса денационализированной бюрократии с католическими

иерархами. «Благодаря... попустительству светской власти иезуиты осмелели до того, что решились превратить в католическую церковь православный храм, в котором и совершали униатский обряд, запрещенный в 1839 году», — писала о функционировавшем в Петербурге католическом храме монархическая пресса⁴⁵⁵. В запале противостояния черносотенцы делали, казалось, непростительные ошибки, обвиняя высшие должностные лица в тайном сочувствии вековечному врагу православной церкви. «Русское знамя» заявляло: «В Петербурге иезуитская пропаганда пользовалась, скажем вежливо, любезным покровительством самого “премьера”, желавшего угодить различным княжнам и графиням...»⁴⁵⁶. Строительство буддистского храма в Петербурге они восприняли как покушение на вековые устои, заговор против православия: «православие угнетаемо всеми кому не лень и тяжело и больно видеть русским людям унижение церкви Христовой возведением капища идольского в граде святого Петра, вблизи мошей святого Александра Невского»⁴⁵⁷.

Разложение бюрократического аппарата проявлялось в индифферентизме по отношению к РПЦ, отказу выполнять защитную функцию по отношению к государственной религии. Это возбуждало вопрос о первенствующем статусе церкви, который части крайне правых казался фактически уже утраченным. Самоустранение администрации от противодействия сектантству приобрело такой широкий размах, что в постановлениях состоявшегося в ноябре 1911 г. в Москве Всероссийского съезда Союза русского народа заявлялось: «...духовенство православное не в силах бороться с совращением... ему иногда мешают светские власти, которые... на окраинах почти поголовно возлюбили иноверцев»⁴⁵⁸.

Тревогу била и черносотенная пресса: «...светская власть не видит — нет, не хочет видеть сетей, искусно рас-

кидываемых целым полчищем слуг злого сатаны!»⁴⁵⁹ Подчеркивалось, что удар по православию проходит не только с молчаливого согласия местных властей, но и при их непосредственной поддержке. В постановлении Всероссийского съезда СРН, состоявшегося в ноябре 1911 г. в Москве, черносотенцы жаловались: «Русские люди просят сравнения прав прихода православного с инославными хотя бы в том, чтобы строить храмы, буде есть средства, без волокиты консисторской и административной: как ныне в Армавире 18 лет не могут добиться разрешения выстроить второй храм для 40 тысяч православных, хотя 4 тысячи армян имеют 2 церкви»⁴⁶⁰.

Размах и интенсивность деструктивной деятельности объединивших свои усилия космополитической бюрократии, либеральной и революционной группировок давали свои плоды. При незначительной численности образованных слоев общества черносотенцы констатировали катастрофические масштабы подрыва ими базовых ценностей русского народа. «Это ненормальное положение — народ сбился с пути благодаря непрошеным просветителям. Это последнее обстоятельство и есть главная причина всеобщего брожения, шатания, разнузданности, безначалия, беззакония. Мы, православные христиане, устраиваем свои миссии в иноверческих странах; туда нередко к диким народам бесстрашно идут наши миссионеры. Теперь на православной Руси наступило тяжелое, небывалое еще время; наши миссионеры нужны нам самим»⁴⁶¹.

2. Подрыв сферы образования. По заявлению черносотенной прессы, одной из причин революции 1905—1907 гг. стала проведенная Александром II школьная реформа, приведшая к упадку сельских учебных заведений: «Скоропалительное обучение и просвещение народа, не принося никакой существенной пользы ни самому народу, ни государству, только расшатало народную нрав-

ственность, породило массу таких зол...»⁴⁶² Крах реформы был обусловлен несколькими факторами.

Во-первых, слабым финансированием церковно-приходских школ, которые из оплота порядка быстро превратились в рассадники нигилизма. Реформа насаждалась сверху посредством открытия огромного числа учебных заведений, не сообразуясь с организационными и финансовыми возможностями по предоставлению достойного образования. В результате страна покрылась густой сетью школ, где ощущался дефицит квалифицированных учителей, восполняемый далекими от педагогики лицами. Черносотенная пресса давала весьма нелестные эмоциональные оценки учительскому составу, не знавшему нужд и потребностей крестьянской жизни: «Народная школа стала последним приютом для жалких бездарностей, горьких пьяниц, развращенных превратно понятой наукой атеистов, оскорбленных чудовищных самолюбий и разочарованных неудачников»; «...озлобленные и бессердечные люди, обиженные тем, что в гимназиях, где они не могли дотянуть до выпускного экзамена, товарищи их получали золотые медали». В сельские педагоги шли лица, «сами не знающие ничего, кроме жалких обрывков, вынесенных из жалких средних школ». Эти учителя, по утверждениям крайне правых, и стали «нагло-откровенными развратителями деревенских детей»⁴⁶³.

Передача из ведения Министерства народного просвещения сельских школ Синоду привела к ухудшению положения учителей. Несоответствие уровня образования провинциальной интеллигенции ее материальному состоянию прямо влияло на рост оппозиционности в ее среде. Сельские учителя — «голодный пролетариат, еле перебивающийся на те скудные гроши, которые им платят за их тяжелый труд. Живут они без всякой веры и надежды в будущее, без любви к настоящему, без со-

жаления к прошлому. Это беспочвенники, им все равно терять нечего»⁴⁶⁴. Качество педагогического состава ставило под сомнение вопрос о готовности страны к введению всеобщего обязательного начального образования. «Какие чувства и понятия могут привить народу эти озлобленные на весь мир педагоги, из числа нынешних пролетариев, те педагоги — для которых не существует родины, нет определенной религии, нет твердого и ясно-го сознания гражданского долга, — есть только один бесконечный индифферентизм», — возмущалась в январе 1908 г. черносотенная пресса⁴⁶⁵.

Во-вторых, проникновением в школы неблагонадежных, а порой и открыто революционно настроенных лиц. Недобросовестно поставленное дело народного просвещения виделось в полном отсутствии контроля за деятельностью учительского состава, направляемого в сельскую местность. «...Какой-нибудь сельский учитель, состоя в то же время на службе у революции и задавшись целью сеять среди народа идеи вольнодумства, вполне успешно достигает этой цели...»; «Кто ручается, что разные социалисты, анархисты, не успевшие довести до конца свои гнусные замыслы путем нелегальной, подпольной агитации, не возобновят свою деятельность на почве легальной да притом еще за казенный счет. Под видом сельских учителей и учительниц?» — ставила вопрос черносотенная пресса⁴⁶⁶.

Свою лепту в революционизирование деревни внесло «хождение в народ» народников: «Чего хорошего могли внушить крестьянской детворе те отбившиеся от своих сословий дворяне и поповичи, которые шли в народные учителя, порвавшие с семейными преданиями и отрекшись от веры отцов своих и от сословных правил чести и великодушия...»⁴⁶⁷. Переполненность сельских школ распропагандированными учителями приводила к тому, что педагоги «умышленно стараются извращать народные понятия и

народную нравственность внушением разных непонятных и потому уже вредных идей»⁴⁶⁸. Оценивая результаты «хождения» в народ революционеров, «Русское знамя» писало: «По мере развития у нас народного образования патриотическое чувство в народе падает все быстрее и быстрее, словно куда-то улечучивается»⁴⁶⁹.

Выпукло проблема революционизирования учебных заведений проявилась в вузах, рекрутировавших во властные структуры неблагонадежных чиновников и ставших поставщиками молодежи для революционных организаций. В августе 1907 г. академик А. И. Соболевский, выступая перед общим собранием СРЛ, констатировал разложение и сферы высшего образования: «Наши высшие учебные заведения находятся всецело в руках революции, составляя ее главный очаг. Надежды на правильный ход учебных занятий в высших учебных заведениях нет никакой; уже с половины сентября можно ожидать беспорядков в стенах рассадников просвещения. Очень плохо обстоит дело в среднеучебных заведениях — светских и духовных»⁴⁷⁰.

Черносотенцы из первых рук знали ситуацию на местах в университетах. Так, в докладной записке студентов-академистов Казанского университета, подготовленной в конце 1907 г., давалась следующая оценка ситуации в вузе: «...Казанский университет и в данный момент все русские университеты находятся всецело в руках левых антигосударственных организаций»⁴⁷¹. Академисты заявляли, что революционные настроения в среде студенчества умышленно сеются левой профессурой, разрешавшей в стенах университета студенческие сходки и проведение политической агитации. Руками студентов левые профессора выдавливали лояльных властям преподавателей посредством организации бойкота. Именно в стенах вузов студенчество приобщалось к «передовым» учениям, которые нравствен-

но ее калечили. «Молодежь не видит, что сама роет себе яму и своими руками работает на разрушение родины и на величие жида», — предупреждало «Русское знамя»⁴⁷².

Крайне правые обвинили масонский орден в создании на базе университетов безостановочного конвейера по подготовке «капитанов будущих бурь». «Русское знамя» возмущалось ненасытностью своих противников и их дальновидностью: «Жидам мало того, что они захватили в свои лапы торговлю и промышленность страны, т. е. богатство; им надо еще захватить и власть: выбить из колеи молодых людей, надежду страны, ее будущих управителей и стать на их место»⁴⁷³. Цель данных манипуляций состояла в том, чтобы превратить молодежь в пушечное мясо грядущей революции или, согласно лексике «Сионских протоколов», в «немыслящих, послушных животных...» Приводился и результат такой «селективной» деятельности. Автор одной из статей в «Русском знамени» писал: «...во время беспорядков 1901 г., когда студенчество обратилось с грандиозной петицией к министру Ванновскому, всем казалось, что наивные идеалисты будут домогаться конституции, свободы, парламента: ничуть не бывало. Все требования сводились к предоставлению евреям равноправия, — и гора родила мышь»⁴⁷⁴.

По утверждению крайне правой прессы, проводниками революционизирования молодежи в высших учебных заведениях становились еврейские студенты, захватившие позиции неформальных лидеров. «В стенах учебных заведений в цепких иудиных руках есть одно могучее средство, которое, пока не уничтожено, вечно будет делать русскую молодежь безвольными исполнителями жидовских предначертаний. Это средство — студенческие сходки. Ведь на каждой сходке берет всегда верх не самый искренний и умный голос, а самый громкий, самый нахальный. Уступчивая русская молодежь всегда по обыкновению ступе-

вываается, будучи не в силах по своей несплоченности заявлять властным голосом свои желания. Правом голоса пользуются только жида и их присные, т. е. те которых жида благословляют на трибуну. Руководители сходки обычно намечаются хорошо спевшимися жидами и выбираются или жида или такие из русских, которые всегда расшаркиваются перед жидами», — характеризовали ситуацию в вузах черносотенцы⁴⁷⁵.

Результатом натравливания неопытных романтиков на погрязшую в коррупции бюрократию стало массовое превращение высших учебных заведений в центры борьбы с существующей властью: «Высшие школы сразу стали поприщем политического сумасшествия, широко и невозбранно открыв свои стены для собраний всевозможных противогосударственных союзов... Полились речи... поднялись флаги... Красный флаг революции сменялся желтым флагом с черным треугольником посредине, — флагом всемирного жидовства и жизненно связанного с ним масонства»⁴⁷⁶. Черносотенцы предупреждали студентов, что их втягивают в весьма сомнительное предприятие, в случае удачи которого преференции получат масоны, а неудачи, — ответственность придется нести им, чему уже есть примеры: «Русских студентов ссылали в различные холодные области за их преступления, внушенные жидами выходки, а истинные виновники зла, прячась в лихую годину за спинами потерявших здравый рассудок людей, завоевывали да завоевывали чужими руками свое благополучие»⁴⁷⁷.

Пока искра революции тлела в вузах, являвшихся поставщиками и в административный аппарат, и в революционный лагерь молодых людей, черносотенцы считали, что в среднесрочной перспективе говорить об окончании революции преждевременно. В связи с этим крайне правые обрушили свою критику на Министерство народно-

го просвещения, которое целенаправленно оттесняло от «дела народного образования истинно русских людей и приближая к нему евреев в крещеном и некрещеном виде...»⁴⁷⁸ Черносотенная пресса утверждала, что, с одной стороны, в Министерстве народного просвещения евреи заняли «укрепленный форт», используя единоплеменников и их русских единомышленников для продвижения «прогрессивных» взглядов: «Наше современное министерство, напр. во главе с г. Кассо, его сотрудниками гг. Тайбе, Вейсманом, Бартольди... озаботившись преуспеванием жизни еврейского народа, дает паразитному племени расти и развиваться в организме русского народа»⁴⁷⁹.

С другой стороны, Министерство народного просвещения подверглось значительному «засорению» сторонниками партии кадетов, т. е. «людей, не признающих отечества». Вместо того, чтобы выполнять главную задачу просвещения — внедрять в массы русские базовые ценности, учебные заведения стали рассадниками космополитизма: «Наша молодежь в угоду жидам, под руководством жидовствующих профессоров, делается беспочвенной, буквально никуда не годной толпой»⁴⁸⁰. Со страниц черносотенной прессы звучала оценка деятельности министерства как союзника масонского ордена по закабалению страны и ее молодежи: «Современное Министерство народного просвещения... имеет смелость внедрять в незрелые умы подрастающего поколения наперекор общественному сознанию всего русского народа мировоззрение талмудического толка, принимая на себя великую ответственность за совращение “малых сих”»⁴⁸¹.

3. Секуляризация и денационализация сферы образования. Если проблема церковно-приходских школ виделась правомонархистам в низком профессионализме учительского состава и его политической ангажированности, то

светские средние учебные заведения страдали следующими недостатками.

Во-первых, после создания в 1864 г. системы министерских (государственных) и земских школ в среду простого народа была занесена бацилла секуляризма. Предлагая светское образование, эти школы отодвигали на задний план духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения, а именно: привитие таких принципов, как почитание царя, устоев традиционного общества, уважение к чужой жизни, собственности и т. д. Черносотенцы признавали значение светских дисциплин, если они гармонично уживались с религиозным образованием: «Наука обуздывала животные побуждения юношества только до тех пор, пока она не была врагом религии, т. е. первого и главного проводника просвещения всегда и повсюду»⁴⁸². Но как только наука подменила Бога и ею стали злоупотреблять «бессознательные безумцы или сознательные преступники», она стала орудием разрушения “условных понятий”, которыми создавалась и держалась цивилизация»⁴⁸³.

Либеральные чиновники Министерства просвещения обвинялись в том, что, внедрив в систему образования секуляризм, они заложили основу для восприятия народом оппозиционных идей. «У нас жида и русские изменники успели опоганить все, в том числе и ученье: ...сто раз лучше пребывать в первобытном состоянии, во тьме, чем быть образованным этим “освободительным ученьем”», — утверждали крайне правые идеологи⁴⁸⁴. Вопрос о школьном образовании монархические союзы поднимали во всеподданнейшем адресе от 8 августа 1906 г., в котором лаконично были обозначены тревожившие их проблемы: «Взгляни на безобразие наших средних и высших школ, в которых почти весь цвет русского народа систематически заражается безбожием, ненавистью к царскому престолу и ко всему, что дорого русскому народу»⁴⁸⁵.

Во-вторых, параллельно с внедрением секуляризма школа обвинялась в дискредитации ценностей традиционного общества и государственных устоев. Черносотенцы констатировали, что на уроках государственный порядок, история страны, быт и нравы русского народа высмеивались и унижались подбором исключительно отрицательных сторон, неприглядных фактов прошлого и «случайных недостатков переходных времен»: «С адской последовательностью работали сеятели отрицания в русской школе, прививая нам преклонение перед чужими народами, чужими нравами, чужими законами передачей исключительно блестящих качеств всего этого и заботливо скрывая явные несовершенства иноземного строя»⁴⁸⁶.

Либеральные учителя обвинялись в намерении подорвать в учениках патриотические чувства привитием «тепловато-туманного космополитизма, являющегося гибельным для молодых растущих организмов». Раствление начиналось в низшей и средней школе, где «насажены кадеты и жида, как будто нарочно затем, чтобы убить в молодежи все, чем наша отличается от других народностей и этим подорвать вконец русскую государственность»⁴⁸⁷. Черносотенный публицист Д. Булатович на собственном опыте свидетельствовал: «Я сам до 30 лет был невеждой, не понимающим разницы между самодержавием и абсолютизмом. Но кто же виноват в нашей несознательности, как не бюрократия, дозволявшая учить в школах чему угодно, только не познанию нашей национальной самобытности»⁴⁸⁸.

На фоне разрушения ценностной конструкции русской цивилизации происходило возвеличивание отдельных народов. Взрыв негодования правых публицистов вызвала рекомендованная Министерством народного просвещения для школьных библиотек брошюра «В свете правды», где имелись недопустимые, с их точки зрения, оценки: «Провидение водворило в нашем Отечестве самую боль-

шую и самую крепкую часть еврейства. Да не раз было высказано серьезными дальновидными публицистами, что евреям в России предстоит великая будущность»⁴⁸⁹. Данный порыв Министерства просвещения вызвал гневную отповедь черносотенной прессы: «...в XX веке жида встретили “просвещенных” бюрократов, которые не только не оказывают сопротивления жидам, но поняли, видно, задачу жидовства согласно жидовскому талмуду и вступили на правильный путь в деле просвещения России, задавшись целью “сломить” “невежественные предрассудки против жидов”»⁴⁹⁰.

4. Разрушение нравственности. Данная проблематика рассматривалась правомонархистами через призму всемирного масонского заговора, направленного на разрушение христианской цивилизации, основными нравственными устоями которой являлись: Бог, царь, Отечество, семья, собственность, коллективизм и т. д. Именно на подрыв этих принципиальных понятий и были направлены силы и средства масонов, без которых и «народ, и конкретный человек мог быть превращен в раба»⁴⁹¹. Согласно предлагаемой крайне правыми схеме работа «вольных каменщиков» по нравственному разложению русского народа шла в нескольких направлениях. Первое — разложение правящей бюрократии посредством подкупа, поощрения продажности, подталкивания к использованию своего положения для обогащения. Второе — революционизирование молодежи, привитие ей отрицания наследия предков и натравливание ее на погрязшую в коррупции бюрократию. Третье — подрыв патриархальных устоев в народных низах⁴⁹².

По мнению крайне правых, масонский орден стал архитектором либерального общества, находившегося в антагонизме с христианской цивилизацией. Если последняя ставила целью человеческого существования веру и

добродетель для «унаследования жизни вечной и вечного блаженства», то масоны выдвигали альтернативный путь, который черносотенная пресса характеризовала следующим образом: «...проповедовать утеху и наслаждение счастьем в течение земной жизни»⁴⁹³. В апреле 1907 г. черносотенная пресса была тревогу: русской неопытной молодежи прививается безверие, безнравственность, неуважение к родителям, национальный индифферентизм⁴⁹⁴.

Крайне правые утверждали, что «Протоколы сионских мудрецов» разрушали устоявшееся мнение о порождении либеральных идей французским просвещением XVIII в. Наоборот, французские энциклопедисты были использованы масонами для легализации богоборческих концепций, насчитывавших многовековую историю. По их мнению, идеи просвещения, якобы направленные на нравственное совершенствование человека, были «ядом, который сознательно прививало нам всемирное жидовство с целью ослабить нас и свести мощь русского оружия»⁴⁹⁵. Практиковавшийся механизм физического и нравственного развращения народа в январе 1907 г. описала газета «Русское знамя»: «В каждом человеке живет “Я” — духовное и физическое. В гармонии этих двух “Я” и заключается прогресс жизни, т. е. физическое и умственное развитие и нравственное просветление или духовное прозрение. И наоборот, в нарушении этой гармонии заключается регресс жизни, т. е. физическое ослабление, умственное потемнение и нравственное извращение. Следовательно, чтобы ослабить противника ...нужно только физически и нравственно его развратить»⁴⁹⁶. Именно это дало право «Русскому знамени» утверждать: «Сила жидов — в политическом невежестве христианских народов...»⁴⁹⁷. Черносотенцы предлагали универсальный рецепт избавления от масонских соблазнов: «чем мы сами будем лучше, чем

нравственнее и душевно чище, тем бессильнее против нас будет еврей»⁴⁹⁸.

Крайне правые предупреждали, что предлагаемая масонами секуляризация через подрыв христианских ценностей приведет к деградации государства, общества, личности и культуры. Наибольшее разрушительное влияние масонства на себе ощутила Франция, в которой в связи с утратой церковью своего первенствующего положения произошла деморализация народа: пали нравы и семейные ценности, повсеместно распространена продажность «чувства и мысли». Страна некогда великой культуры и науки приобрела всемирную известность благодаря своим публичным домам и новациям в области сексуальных утех. Атеизм и антипатриотизм привели к вырождению нации (смертность превысила рождаемость), и «когда-то чудная страна идет к вымиранию»⁴⁹⁹.

Черносотенцы предрекали такую же участь и России: «То же самое ждет и нас, если мы плоды своей какой ни есть, но все же своей самобытной культуры, добытой кровью и страданиями русского народа, отдадим в руки пришедшего элемента, евреев, ничего не давших России, кроме деморализации, эксплуатации и пресловутой революции...»⁵⁰⁰. Падение веры среди чиновничества приводило к «расслаблению» государственного механизма, внедрению в систему государственного строительства духа наживы и продажности — то есть утверждению предлагаемых масонами начал экономического взаимодействия. С оттеснением церкви на обочину литература, поэзия, музыка, искусство постепенно деградировали, высшие проявления человеческого духа уступали место культу материального потребления. Крайне правые указывали: «Посмотрите же, во что обратилась литература и журналистика... Глубокие умы, блестящие светочи, величайшие таланты заменились идиотами, неврастениками и развратниками»⁵⁰¹.

Правомонархисты уделили серьезное внимание изучению методов воздействия масонства на общественное мнение, которое для пропаганды своих взглядов использовало следующие средства. Во-первых, популярные курсы и конференции исторического, религиозного, искусствоведческого направления и т. д., на которых посетителям читали лекции с названиями: «Отделение церкви от государства», «Мораль без Бога», «Свободная любовь без брака», «Свобода материнства», «Секрет уменьшения родов у женщин», «Почему надо быть анархистом», «Абсурдность собственности» и проч.⁵⁰² Во-вторых, театры, живопись, литературу, где «безнравственные таланты и скандальные знаменитости усиленно рекламируются и выдвигаются вперед, в то время как отстаивающие традиционные ценности подвергались всеобщему осмеянию или игнорировались»⁵⁰³. В-третьих, учебные заведения (вузы, училища, школы) посредством внедрения в преподавательский состав лиц, разделявших «прогрессивные» взгляды. Для последних, по словам «Русского знамени», было характерно «искажение науки, систематический обман, мираж, подмена одних идей другими, оклеветание ученых, не идущих по указке масонства и превознесение тех, коих удалось привлечь в ложи»⁵⁰⁴.

Крайне правые утверждали, что захват основных сфер экономики, образования и культуры давал «вольным каменщикам» возможность использовать в своих разрушительных целях избирательный подход. Масоны понимали, что припасенные для интеллигенции учения либерализма и социализма не дадут эффекта при обращении их в народ. Поэтому низовой целевой аудитории были предложены другие блюда. Согласно «Протоколам сионских мудрецов» подрыв нравственных устоев традиционного общества должен сопровождаться широкой пропагандой красивого образа жизни, безудержного потребительства,

распутства и порока. По заявлению черносотенцев, удар масонов наносился по следующим целям: традиционным моральным нормам, семейным ценностям, нравственным качествам (смирение, трудолюбие и т. д.)⁵⁰⁵ и проявлялся в следующем.

Во-первых, внедрение и популяризация в общественном сознании духа наживы. Для русских консерваторов именно евреи привнесли в Россию с Запада капиталистический способ производства, приведший к разрушению патриархального уклада и предложивший новый идеал: жажду обогащения и безудержного потребления. Черносотенцы негодовали: евреи стали инициаторами создания такой экономической системы, при которой престижным становился не облагораживающий честный труд, а спекуляция, ростовщичество, обман, эксплуатация, ажиотаж. «Этим они, порождая презрение к упорному труду, стремление к легкой наживе и неразборчивость в средствах для ее достижения, понижают уровень общественной нравственности и притупляют чувство чести», — обрушивался на евреев один из крайне правых идеологов⁵⁰⁶. Подтверждение для многих антисемитских инвективов давали западноевропейские националисты. Газета «Русское знамя» приводила одну из резолюций антисиионистского конгресса в Лионе: «Евреи... ввели нам царство ростовщичества, биржевой игры и узаконенного воровства, они содержат большую часть органов прессы, они господствуют в агентствах публикаций и справок, с каждым днем они все больше и больше проникают на высшие посты администрации в судебном и учебном ведомствах, через французский банк они стали вкладчиками «национального кредита», никогда евреи не национализировались искренно, напротив, они готовы изменить всякому отечеству, если это им выгодно»⁵⁰⁷.

Во-вторых, разрушение семейных ценностей. Внедрением либеральных ценностей — индивидуализма и эгоизма убивалось детское почтение к родителям, прививалась привычка критиковать старших, а также «самодовольство и самоуверенность, граничащие с самопоклонением, слишком часто переходящее в самообожание, в свирепое тщеславие»⁵⁰⁸. Черносотенцев возмущали заявления, направленные против материнства и семьи, которые получили распространение среди учащейся молодежи: «Мать это даровая квартира на девять месяцев, к тому же квартира неудобная, тесная и сырая»⁵⁰⁹. Подобный человеческий материал, поставлявшийся в вузы из «средних школ с жидовскими и польскими преподавателями», и становился материалом для революционной пропаганды. «...Главную активную роль всех преступлений, безобразий, обид, “выступлений” играет наша школьная, но неучащаяся молодежь», — писало в конце 1907 г. «Русское знамя»⁵¹⁰. Неудивительно, что крайне правые делали безапелляционный вывод: «Школа XIX века стала причиной кровавого хаоса в России под названием “Первая русская революция”»⁵¹¹.

В-третьих, распространение порнографии. Жесткость позиции крайне правых по вопросам распространения порнографической литературы обуславливалась строгой позицией РПЦ в вопросах нравственности. В появлении в России в начале XX в. бульварной прессы, в том числе и откровенно порнографических газет, были обвинены доминировавшие в этом виде издательского бизнеса евреи, делавшие хорошие гешефты на потакании людским порокам: «Жида отравляют молодые души развратом; к этой цели направлены все издаваемые жидами журналы, книги, газеты, все произведения для театра и музыки»⁵¹². Исходя из утверждения о том, что появлением порнографической литературы мир был обязан евреям, в крайне правой среде распространилось мнение, что именно евреи

взяли на себя функцию общественных растлителей, навязывая массам вседозволенность. В сентябре 1912 г. орган СРН газета «Русское знамя» сделала новое заявление: «В средней школе жидки развели свободную лигу любви для развращения христианских детей»⁵¹³.

Крайне правые били тревогу и по поводу физического состояния молодежи: значительное ее количество болело венерическими заболеваниями и страдало алкоголизмом. Основываясь на проведенных в 1903 г. исследованиях среди более 2 тыс. студентов МГУ, черносотенная пресса возмущенно писала, что период «возмужания» начинается гораздо раньше, чем было принято считать. Так, молодежь начинает курить и употреблять алкогольные напитки между 15 и 20 годами, внебрачные связи начинаются между 14 и 17 годами. К 20 годам 25 процентов всех юношей уже болели серьезными венерическими болезнями⁵¹⁴. Данные исследования подтверждались обследованиями, проведенными в киевских высших школах: «На 20 человек нашей молодежи, наших устоев будущего общества, 5 полутрупов физических, 12 полутрупов психических (предающихся тайному пороку) и только трое здоровых людей». Черносотенцы предрекали мрачную перспективу: «Темно и мрачно будущее, в котором роль вожakov и предводителей будет принадлежать нравственным уродам, умственно — невеждам»⁵¹⁵.

При оценке нравственного состояния российской молодежи черносотенцы исходили из тезиса о негативном влиянии школьной реформы Александра II, приведшей к свертыванию системы традиционного воспитания и ее переформатированию под либеральный стандарт, внедривший в образовательные учреждения «пагубную проповедь разрушения, разъедающую все, что было дорого и свято нашим предкам, все, чем создавалась, росла и величалась Россия»⁵¹⁶. Черносотенная пресса констатирова-

ла: «Школа уничтожила любовь к Богу и Отечеству как к чувствам, способным перевернуть весь мир. Тело вытеснило душу, разврат прогнал любовь... Брак стал куплей и продажей. Союз сердец превратился в бесстыдную связь». Патриотизм в русской школе и обществе был разрушен пустыми фразами о братстве, «несбыточность которого понимает зрелый ум пожилого человека, но не в силах понять молодой рассудок, увлекающийся всем, что кажется ему возвышенно и благородно...»⁵¹⁷. Давая характеристику состоянию дел в высших учебных заведениях, профессор Н. С. Мищенко на Съезде отделов СРН Юга России в октябре 1908 г. указывал, что «прогрессивные» преподаватели обратили «храмы науки в скопища разных отбросов, изгнали оттуда науку и широко открыли двери для всевозможных преступных деяний и развращения юношества...»⁵¹⁸

Правомонархисты приходили к выводу о том, что внедрение подрывавшего библейскую ценностную базу секуляризма в учебные заведения приводило к огрублению нравов и нравственной деградации молодежи. Черносотенцы описывали образ современного им русского студента, сформированного под влиянием новомодных учений: «Вместо свежих и веселых лиц немецких студентов мы видим у своих, даже гимназистов, испытые и прямо-таки отвратительные по выражению лица. Видно, что у людей нет ничего святого: ни Бога, ни закона, ни совести. Отец с матерью — дураки и дрянь, с них можно только тянуть последнюю копейку, проводя дни в табачном дыму, в истерическом и злом празднословии, а ночи — с девкой и за водкой. Отечество у них — пустой звук. Чувство народности — глупость и идиотизм. Вера в Бога — низость и подлость. Армия — злоупотребление. Честность — бессмыслица. Ученье, как оно везде на свете идет, — отсталая ветошь. Таланты и искусство — ненужная блажь. Надо прибавить к этому страшную ненависть к состоятельным

людям. Если даже добились они благополучия своим трудом, то тем не менее им нет другого названия, как кровопийцы, эксплуататоры, ибо несчастные, сбитые с толку жидями, совершенно лишены воли...»⁵¹⁹

Причины нравственной деградации русских студентов правомонархисты традиционно находили и в негативном влиянии на них еврейских однокашников: провоцируя «русских студентов к оплевыванию православного Закона Божия, они сами трепещут перед своими раввинами, убивая в нас веру в Бога, они фанатично держатся своего талмуда. Одобряя лентяев, они сами усердно учатся. Научая русских космополитизму, евреи достойно держатся своей национальности. Сея раздор между русскими, евреи теснейшим образом сплочены». Уязвимость студенческой молодежи для передовых учений объяснялась отрывом от сословных корней. В результате анализа состояния русской школы черносотенцы приходили к выводу: «...оболваненный еврейским духом в средней школе русский юноша идет в университет со скудным запасом познаний и оторванный от родной почвы и родных преданий, это несчастный и бессознательный мяч в еврейских руках»⁵²⁰. По утверждениям черносотенной прессы, евреи намеренно развращали русскую молодежь для ликвидации будущих конкурентов на рынке труда: «Что удивительного, если, после последовательного погубления русской молодежи, жида оказываются самыми “способными, работящими, деловитыми” и т. п. Что удивительного, если впоследствии они начинают заполнять все места, делаются лейб-евреями и оказываются незаменимыми»⁵²¹.

5. Поощрение пьянства. Очередной причиной духовной деградации русского народа, потери им религиозного и национального облика стала пагубная деятельность бюрократии по его целенаправленному спаиванию. «...Народ от пьянства отравляется, расслабляется и глупое потомство

дает, часто зараженное дурными болезнями. Пьянство способствует вырождению народа. От одного могущественного народа в Сибири осталось только 200 человек», — писала в апреле 1908 г. черносотенная пресса⁵²².

Монархисты били тревогу, указывая, что пьянство угрожало национальным устоям страны, так как «удручающим образом повлияло на общественную нравственность со всех сторон ее проявления: шутка сказать, число преступлений за последние 2—3 года увеличилось на 500 процентов, вызвало равнодушие к вере и вместе с ее упадком вытравило патриотизм не только у населения, но и в армии, отказывающейся защищать общество от внутренних смут и громогласно заявляющей, что впредь не встанет и на защиту Родины от внешних врагов»⁵²³. Указывалось, что революция была прямым следствием пьянства: «Сравнительно еще недавно великая, сильная страна, благодаря алкоголю, утратила силу сопротивления всякому социальному злу, потеряла государственную стойкость и снизошла до положения чуть ли не полного политического ничтожества»⁵²⁴.

Главным виновником народной беды вновь назывался чиновничий аппарат, ставивший свои корпоративные интересы выше национальных и государственных. Национальный индифферентизм толкал его на пополнение бюджета за счет здоровья населения: «В кругу о доходах поражает, что водка дает несравненно больше дохода государству, чем вся русская земля. Казенная винная монополия дает семьсот миллионов рублей дохода, а все налоги с недвижимым имуществом и подать только 90 миллионов, то есть водка дает государству в восемь раз больше дохода, чем вся земля»⁵²⁵. Источником для таких рассуждений стал лист издания Сытина, обозначивший доходы и расходы государства. Несмотря на недостоверность содержащихся в нем сведений, для правомонархистов это был

очередной шанс атаковать правительство за неэффективность управления страной: «Железные дороги дают много дохода (530 млн), но и много проедают (517 млн), так что дохода государству от них мало... То ли дело винная монополия. Та, по крайней мере, не пропивает сама себя, а дает чистого дохода 450 миллионов. А если бы вдруг народ прозрел и, убедившись во вреде водки, перестал бы пьянствовать, откуда тогда взялись бы деньги на армию, на которую расходуется ежегодно почти 500 млн рублей, и на государственные долги 360 млн рублей?»⁵²⁶ «Не забудьте, г. бюрократы, — предупреждали черносотенцы, — что если не вам самим, то вашим детям и внукам придется жестоко расплачиваться за вашу вредную эгоистическую деятельность»⁵²⁷.

Свою лепту в спаивание народа вносили и оппозиционные политические силы. Показательно, что черная сотня бросилась на борьбу с алкоголизмом на спаде революции — в конце 1907—1908 гг., обвинив своих политических оппонентов «в непомерном развитии пьянства, как и в страшном озверении деревенской молодежи»⁵²⁸. Основания для таких утверждений давала статистика, свидетельствовавшая, что в годы революции продажа водки увеличилась вдвое. Черносотенная пресса приводила примеры: «Все помнят, что проповедники революции прежде всего привозили с собой водку. Не было “митинга”, на котором даровая водка не предлагалась бы щедрой рукой»; «Не столько хлеба раздавалось социал-демократами и иными революционными партиями бастующим рабочим, сколько водки»; «...революционная пропаганда, которая готовила в России кровавые года смут, мятежей и разбоев, избрала водку своим главным орудием»⁵²⁹.

Спаивание как средство революционизирования масс, по мнению правых публицистов, русские революционеры заимствовали у своих французских коллег: «Парижская

коммуна была своего рода припадком белой горячки, вызванной длительным опаиванием так называемой “национальной гвардии”, т. е. тех 300 тысяч французских рабочих, которые, оставшись без работы — а следовательно и без хлеба, — во время осады Парижа попали на службу государству, получая ежедневную вполне приличную плату под предлогом “военной” службы, которую они не несли, ограничиваясь политической болтовней по трактирам, и не участвовали ни в одной вылазке. За время осады рабочее население Парижа, честное, трудолюбивое, полное любви к Отечеству, со знанием долга окончательно развратилось, благодаря именно спаиванию всевозможными “народными благодетелями”, живущими припеваючи именно тогда, когда народ — настоящий народ — начинает “класть зубы на полку”. В осажденном Париже не хватало хлеба, не было ни мяса, ни крупы, ни съестного, но спирту и вина было сколько угодно»⁵³⁰.

Черносотенцы утверждали, что в России революционные события развивались по тому же сценарию: «Мы все, пережившие 1905—1906 годы, своими глазами видели на улицах Петербурга, Москвы, Одессы и т. д. студентов и барышень-курсисток с корзинками, полными “мерзавчиками”, шныряющими по квартирам голодающих рабочих. На всех митингах, на всех тайных собраниях водка всегда была...»⁵³¹ Газета «Русское знамя» ставила вопрос: «Почему в ужасные годы забастовок и смут, т. е. разорения и бедности, доходы монополии возросли в такой степени? Что ответят на этот вопрос наши красные и розовые проповедники трезвости?» Правые публицисты писали, что умышленное и сознательное спаивание населения было средством революционеров по вербовке себе новых членов: «К социал-демократам и социал-революционерам, к анархистам и республиканцам обращайтесь теперь с упреками в спаивании народа русского, а уж никак не к моно-

полии, являющейся все-таки единственным средством следить, регулировать, а затем с Божьей помощью и обуздывать пьяное бедствие»⁵³².

В спаивании народа традиционно были обвинены и евреи, открывшие в России широкую сеть пивных и шинкарных: «Не в первый раз, конечно, и не в одной России пьянство стало излюбленным помощником одураченных агентов масонства, воображающих, что работают сами от себя и на себя, работая исключительно для жадного и жестокого племени, мечтающего поработить все человечество»⁵³³. Черносотенцы усматривали в этом злой умысел, направленный на деградацию народа-хозяина: «Ну и пропивается народ российский, а жида жиреют, как и подобает “гонимой расе”»⁵³⁴. Указывалось на торговлю евреями водкой в Западной Руси со времен польского владычества, захваченный им шинкарный промысел на западе и юге империи, ведшийся беспатентно и тайно. В поощрении евреями пьянства в южнорусских и западных губерниях, в прямом сужении на это денег местным крестьянам и ремесленникам черносотенцы видели скрытую попытку забрать нажитое местным населением добро и землю⁵³⁵.

Желая перенести вину за алкоголизацию населения на евреев, черносотенцы приходили к выводу, что спаивание происходило не в «монопольных» заведениях, а в тайных еврейских шинкарнях: «...не в монополии, а в тайном кормчестве погибель веры и нравственности и развитие духовного разврата, подорвавшего силу воли и твердость духа в крестьянской среде»⁵³⁶. Причастность к этому виду бизнеса имели и бундисты, намерено опустошавшие карманы христиан для формирования социальной базы восстания. Источником водки для тайного кормчества стала «контрабанда, которая в пограничных местах (до сотни верст вглубь страны, а по рекам и того далее) доставляет тайным шинкарням спирт, специально изготовленным

заводами значительно дешевле монопольного»⁵³⁷. Масштабы наносимого казне ущерба принимали огромные размеры: «Можете ли вы себе представить, что, например, в городе Стародубье из одного склада продавалось 70 тыс. бутылок пива в год, из них 60—70% шло для беспатентной торговли евреев в городе и окрестностях»⁵³⁸. Крайне правые предупреждали, что в случае предоставления евреям равноправия пьянство захлестнет всю Россию, что поставит на грань вымирания другие народы империи.

Таким образом, исходя из определения русского народа по принадлежности к православной вере, основную причину разложения русского народа черносотенцы видели в растущей секуляризации российского общества, проводниками которой являлись управляющая (бюрократия) и интеллектуальная (интеллигенция) элиты, деятельность которых проявлялась в подрыве позиций РПЦ, сферы образования и нравственности. Факторами, способствовавшими духовному разложению русского народа, являлись присущие ему национально-характерологические черты, а именно: пассивность, аполитичность, неопытность, склонность к розни, отсутствие солидарности и сплоченности. Специфика подходов правомонархистов к указанной проблеме состояла в признании ими негативного влияния на державный народ со стороны национальных меньшинств, в первую очередь евреев.

Библиографические ссылки

¹ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. М., 1999. С. 58.

² Там же. С. 55.

³ Лебедев С. В. Слово и дело национальной России. Очерки истории русского патриотического движения. М., 2007. С. 130.

- ⁴ ГОПБ. ОРК. Кор. № 46/2. № 981/33.
- ⁵ Русское знамя. 1912. 13 октября.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Вестник Союза русского народа. 1912. № 104.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911—1917 гг. М., 2001. С. 305.
- ¹⁰ Вестник Союза русского народа. 1912. № 104.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Русское знамя. 1907. 13 мая.
- ¹⁴ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33 (№№ 8913 и 13315).
- ¹⁵ Постановления Всероссийского съезда Союза русского народа и примыкающих к нему монархических организаций. 21 ноября—1 декабря 1911 года в г. Москве. СПб., 1912. С. 28.
- ¹⁶ Сборник съезда русских людей в Москве. 24 сентября—4 октября 1909. М., 1910.
- ¹⁷ Русское знамя. 1916. 25 февраля.
- ¹⁸ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в тридцати томах. Т. 27. Л., 1984. С. 75.
- ¹⁹ Ильин И. А. Собр. соч. М., 2001. С. 273.
- ²⁰ Русское знамя. 1907. 11 марта.
- ²¹ Прямой путь. 1912. Вып. V (май).
- ²² Алексеев А.В. Духовно-нравственное состояние русского общества конца XIX—начала XX века: историко-конфессиональный (православный) взгляд: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.
- ²³ Русский монархический союз и расширение его деятельности по основам высочайшего рескрипта 30 января 1914 г. М., 1914. С. 3.
- ²⁴ Русское знамя. 1907. 29 июня.
- ²⁵ Бартенев Ю.П. Помраченный идеал. М., 1907. С. 2.
- ²⁶ Русское знамя. 1909. 10 сентября.

- ²⁷ Прямой путь. 1912. Вып. V (май).
- ²⁸ Русское знамя. 1908. 22 июля.
- ²⁹ Там же. 1907. 13 мая.
- ³⁰ Труды Всероссийского монархического совещания в Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Пг., 1916.
- ³¹ Русские ведомости. 1909. 2 октября.
- ³² Там же. 1916. 9 января.
- ³³ Там же. 1907. 13 мая.
- ³⁴ Степанов С. А. Черная сотня в России. 1905—1914 гг. М., 1992. С. 22.
- ³⁵ Русское знамя. 1907. 11 марта.
- ³⁶ Там же. 1913. 2 апреля.
- ³⁷ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. С. 75—78.
- ³⁸ Русское знамя. 1908. 20 января.
- ³⁹ Земщина. 1910. 10 июня.
- ⁴⁰ Русское знамя. 1908. 25 июля.
- ⁴¹ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. С. 86—89.
- ⁴² Аксаков К. С. Собр. соч. Т. I. М., 1889. С. 18.
- ⁴³ Хомяков Д. А. Православие, самодержавие, народность. Минск, 1997. С. 125.
- ⁴⁴ Русское знамя. 1907. 5 ноября.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33 (Инв. № 59262ЦХ).
- ⁴⁷ Репников А. В. Русский консерватизм: pro et contra // Хронос [Электронный ресурс]. М., 2011. Режим доступа: http://www.hrono.ru/proekty/parus/rep_pro.php.
- ⁴⁸ Репников А. В. Русская консервативная мысль о проблемах государственности // Хронос [Электронный ресурс]. М., 2011. Режим доступа: <http://www.hrono.info/proekty/romanov/lrc08.php>

⁴⁹ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. Ч. I. М., 1905. С. 12.

⁵⁰ Русское знамя. 1908. 17 июля.

⁵¹ Там же. 1907. 13 мая.

⁵² Там же. 1908. 15 января.

⁵³ Третий Всероссийский съезд русских людей в Киеве. Киев, 1906. С. 162.

⁵⁴ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33 (Инв. № 59262ЦХ).

⁵⁵ Русское знамя. 1911. 18 мая.

⁵⁶ Там же. 1909. 19 сентября.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. 1907. 12 апреля.

⁵⁹ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. С. 87.

⁶⁰ Русское знамя. 1907. 16 октября.

⁶¹ Там же. 1913. 5 февраля.

⁶² Там же. 1916. 1 декабря.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. 25 декабря.

⁶⁵ Там же. 1 декабря.

⁶⁶ Там же. 1913. 16 марта.

⁶⁷ Протоиерей Иоанн Восторгов. Полное собрание сочинений. В 5 т. М., 1914. Т. IV. С. 516.

⁶⁸ Русское знамя. 1908. 25 июля.

⁶⁹ Алексеев И. Е. Царско-народное мусульманское общество в Казанской губернии // Социально-историческое знание в Татарстане: исследовательские традиции и современность: Тезисы докладов Республиканской научной конференции. Казань: «Kazan — Казань», 1995. С. 18.

⁷⁰ Союз русского народа. М.-Л., 1929. С. 296—297.

⁷¹ Русское знамя. 1912. 6 октября.

- ⁷² Прямой путь. 1912. Вып. V (май).
⁷³ Русское знамя. 1912. 6 октября.
⁷⁴ Вестник Союза русского народа. 1912. № 104.
⁷⁵ Там же.
⁷⁶ Там же.
⁷⁷ Там же.
⁷⁸ Русское знамя. 1916. 1 декабря.
⁷⁹ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. С. 89.
⁸⁰ Русское знамя. 1909. 17 октября.
⁸¹ Там же. 1907. 9 декабря.
⁸² Степанов С. А. Черная сотня. С. 31—32.
⁸³ Русское знамя. 1913. 19 февраля.
⁸⁴ Протоиерей Иоанн Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. IV. С. 515.
⁸⁵ Русское знамя. 1916. 9 января.
⁸⁶ Степанов С. А. Черная сотня. С. 32.
⁸⁷ Черная сотня: историческая энциклопедия. 1900—1917. М., 2008.
⁸⁸ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. С. 89; Лебедев С. В. Слово и дело национальной России. С. 138; и др.
⁸⁹ Русское знамя. 1916. 25 декабря; Вече. 1909. 30 сентября.
⁹⁰ Русское знамя. 1907. 29 марта.
⁹¹ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1915. Д. 110. Л. 121.
⁹² Там же. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 677.
⁹³ Там же. Ф. 102. 4 д-во. 1915. Д. 110. Л. 17.
⁹⁴ Вестник Союза русского народа. СПб., 1912. № 104.
⁹⁵ Руководство черносотенца-монархиста. Кременчуг: Изд. СРН, 1906. С. 4.
⁹⁶ Русское знамя. 1908. 25 июля.
⁹⁷ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1915. Д. 110. Л. 121.

- ⁹⁸ Там же. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 678.
- ⁹⁹ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/2. № 381/33.
- ¹⁰⁰ Прямой путь. СПб., 1912. Вып. V (май).
- ¹⁰¹ Русское знамя. 1907. 22 февраля.
- ¹⁰² Степанов С. А. Черная сотня в России. М., 2005. С. 16—17.
- ¹⁰³ Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские! Сост. А. Д. Степанов. М., 2008. С. 26.
- ¹⁰⁴ Русское знамя. 1908. 17 июля.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. IV. Л. 133.
- ¹⁰⁷ Русское знамя. 1907. 22 декабря.
- ¹⁰⁸ Чернавский М. Ю. Сверхкраткие тезисы о консерватизме // Научный поиск в решении проблем учебно-воспитательного процесса в современной школе. Тезисы докладов конференции студентов, молодых ученых и учителей (Москва, 1997 г.). Выпуск III. М., 1998. С. 312—314.
- ¹⁰⁹ Русское знамя. 1907. 22 декабря.
- ¹¹⁰ Там же.
- ¹¹¹ Протоиерей Иоанн Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. IV. С. 542.
- ¹¹² ГАРФ. Ф. 166. Оп. 2. Д. 1. Л. 675.
- ¹¹³ Там же. Ф. 102. ОО. 1916. Д. 358. Л. 15.
- ¹¹⁴ Русское знамя. 1912. 14 июля.
- ¹¹⁵ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 677.
- ¹¹⁶ Русское знамя. 1908. 22 июля.
- ¹¹⁷ Там же. 1910. 28 августа.
- ¹¹⁸ Там же. 1908. 22 июля.
- ¹¹⁹ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. IV. Л. 50—51.
- ¹²⁰ Русское знамя. 1907. 22 июля.
- ¹²¹ Там же. 29 марта.

¹²² Устав и основоположения Союза русского народа. М., 1906. С. 8.

¹²³ Русское знамя. 1908. 25 июля.

¹²⁴ Государственная Дума. 1906—1917. Стенографические отчеты. Т. IV. М., 1995. С. 39.

¹²⁵ Русское знамя. 1911. 27 апреля.

¹²⁶ Там же. 27 мая.

¹²⁷ Там же. 1909. 11 апреля.

¹²⁸ Там же. 8 сентября.

¹²⁹ Там же. 1907. 29 июля.

¹³⁰ Там же. 1 мая.

¹³¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Л. 853. Ч. 55.

¹³² Русское знамя. 1908. 25 июля.

¹³³ Там же. 1907. 17 августа.

¹³⁴ Там же. 1910. 28 августа.

¹³⁵ Там же. 1911. 26 мая.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Цит по: Русское знамя. 1907. 21 июня.

¹⁴¹ Русское знамя. 1911. 4 февраля.

¹⁴² Там же. 1907. 1 февраля.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же. 1909. 8 сентября.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Там же. 1907. 2 сентября.

¹⁴⁷ Там же. 21 июня.

¹⁴⁸ Там же. 21 августа.

¹⁴⁹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Л. 853. Ч. 55.

¹⁵⁰ Последние дни императорской власти. По неизданным документам составил А. Блок. Пг., 1921. С. 129—130.

¹⁵¹ Русское знамя. 1908. 25 июля.

¹⁵² ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. IV. Л. 133.

¹⁵³ Вече. 1909. 30 сентября.

¹⁵⁴ Русское знамя. 1911. 18 мая.

¹⁵⁵ Там же. 1909. 11 апреля.

¹⁵⁶ Там же. 1911. 18 мая.

¹⁵⁷ Там же. 1909. 19 сентября.

¹⁵⁸ Там же. 1907. 29 июня.

¹⁵⁹ Там же. 1911. 26 мая.

¹⁶⁰ Там же. 1907. 28 февраля.

¹⁶¹ Там же. 24 января.

¹⁶² Там же. 1911. 9 марта.

¹⁶³ Там же. 1907. 22 февраля.

¹⁶⁴ Там же. 27 мая.

¹⁶⁵ Там же. 13 апреля.

¹⁶⁶ Там же. 22 февраля.

¹⁶⁷ Там же. 13 апреля.

¹⁶⁸ Там же. 2 декабря.

¹⁶⁹ Там же. 22 февраля.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Там же. 1911. 27 апреля.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же. 1907. 2 сентября.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ ГАРФ. Ф 1741. № 13409.

¹⁸¹ Русское знамя. 1913. 16 марта.

¹⁸² Там же. 1906. 9 января.

¹⁸³ Там же. 1907. 21 августа.

¹⁸⁴ Там же. 1911. 27 апреля.

¹⁸⁵ Там же. 1907. 22 августа.

¹⁸⁶ Там же. 1909. 8 сентября.

¹⁸⁷ Русский монархический союз и расширение его деятельности по основам высочайшего рескрипта 30 января 1914 г. С. 3.

¹⁸⁸ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. II д-во. 1906. Д. 186. Л. 12.

¹⁸⁹ Русское знамя. 1909. 18 сентября.

¹⁹⁰ Там же. 1908. 22 июля.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Там же. 1911. 4 февраля.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Там же. 1908. 27 апреля.

¹⁹⁵ Там же. 22 июля.

¹⁹⁶ Там же. 1909. 18 сентября.

¹⁹⁷ Там же. 1907. 29 марта.

¹⁹⁸ Русский Монархический союз и расширение его деятельности по основам высочайшего рескрипта 30 января 1914 г. С. 3.

¹⁹⁹ Русское знамя. 1909. 18 сентября.

²⁰⁰ Там же. 1907. 5 октября.

²⁰¹ Там же. 29 марта.

²⁰² Вестник Русского собрания. 1906. 22 сентября.

²⁰³ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. IV. Л. 133.

²⁰⁴ Русское знамя. 1911. 27 апреля.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Там же. 1907. 5 октября.

²⁰⁷ Там же. 1913. 10 января.

²⁰⁸ Там же. 1907. 29 марта.

²⁰⁹ Там же. 22 февраля.

²¹⁰ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 675.

²¹¹ Русское знамя. 1907. 5 октября.

²¹² Там же. 1910. 20 января.

²¹³ Вестник Русского собрания. 1906. 22 сентября.

²¹⁴ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 675.

- ²¹⁵ Русское знамя. 1907. 1 декабря.
- ²¹⁶ Там же. 20 апреля.
- ²¹⁷ Там же.
- ²¹⁸ Там же.
- ²¹⁹ Там же. 1916. 25 декабря.
- ²²⁰ Там же. 1907. 20 апреля.
- ²²¹ Там же. 1908. 9 июля.
- ²²² Там же.
- ²²³ Там же. 25 июля.
- ²²⁴ Там же. 1907. 11 октября.
- ²²⁵ Там же. 1911. 26 мая.
- ²²⁶ Там же. 1907. 20 мая.
- ²²⁷ Из отчета о перлюстрации Департамента полиции за 1908 г. // Красный архив. Т. 2 (28). М.—Л., 1928. С. 146—147.
- ²²⁸ Русское знамя. 1913. 25 сентября.
- ²²⁹ Там же. 1911. 1 мая.
- ²³⁰ Там же.
- ²³¹ Там же.
- ²³² Там же. 26 мая.
- ²³³ Там же.
- ²³⁴ Там же. 19 мая.
- ²³⁵ Там же. 26 мая.
- ²³⁶ Там же. 1907. 20 января.
- ²³⁷ Там же. 1911. 26 мая.
- ²³⁸ Там же.
- ²³⁹ Там же. 18 мая.
- ²⁴⁰ Там же. 1908. 29 августа.
- ²⁴¹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 677.
- ²⁴² Русское знамя. 1907. 22 февраля.
- ²⁴³ Там же. 9 февраля.
- ²⁴⁴ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 244. Л. 27.
- ²⁴⁵ Там же.
- ²⁴⁶ Там же. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

- ²⁴⁷ Там же. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 244. Л. 25.
²⁴⁸ Там же. Л. 27.
²⁴⁹ Вестник Русского собрания. СПб., 1906. 24 ноября.
²⁵⁰ Русское знамя. 1907. 22 февраля.
²⁵¹ Там же. 1 февраля.
²⁵² ГАРФ. Ф. 1741. № 13409.
²⁵³ Русское знамя. 1908. 17 июля.
²⁵⁴ Степанов С. А. Черная сотня в России. С. 28.
²⁵⁵ Протоиерей Иоанн Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. IV. С. 521.
²⁵⁶ Русское знамя. 1911. 26 февраля.
²⁵⁷ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 75.
²⁵⁸ Третий Всероссийский съезд русских людей в Киеве. Киев, 1906. Л. 145—146.
²⁵⁹ Русское знамя. 1909. 8 сентября.
²⁶⁰ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 675.
²⁶¹ Русское знамя. 1907. 14 июня.
²⁶² Там же. 1908. 22 июля.
²⁶³ Прямой путь. 1913. Вып. III (март).
²⁶⁴ Русское знамя. 1908. 17 июля.
²⁶⁵ Там же. 12 января.
²⁶⁶ Там же. 1909. 18 сентября.
²⁶⁷ Там же. 1908. 12 января.
²⁶⁸ Там же.
²⁶⁹ Там же. 1907. 22 августа.
²⁷⁰ Там же. 22 февраля.
²⁷¹ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М., 1905. Ч. I.
²⁷² Русское знамя. 1907. 22 августа.
²⁷³ Там же. 24 января.
²⁷⁴ Протоиерей Иоанн Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. IV. С. 521.
²⁷⁵ Там же. С. 541.
²⁷⁶ Русское знамя. 1907. 1 февраля.

- ²⁷⁷ Там же. 22 февраля.
- ²⁷⁸ Там же.
- ²⁷⁹ Там же. 29 марта.
- ²⁸⁰ Там же. 22 февраля.
- ²⁸¹ Там же. 1908. 22 июля.
- ²⁸² Там же. 1907. 22 мая.
- ²⁸³ Там же. 20 июля.
- ²⁸⁴ Там же. 1908. 22 июля.
- ²⁸⁵ Там же.
- ²⁸⁶ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. С. 87—88; Осипов И. Д. Аксиология русского консерватизма // *Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности)*. Сборник статей. Выпуск 1. Под ред. Ю. Н. Солони-на. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. С. 115.
- ²⁸⁷ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Т. 1. Полугом 1. М.—Пг., 1923. С. 111.
- ²⁸⁸ Осипов И. Д. Аксиология русского консерватизма // *Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности)*. С. 115.
- ²⁸⁹ Булгаков С. И. Героизм и подвижничество. Сб. Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С. 49.
- ²⁹⁰ Последние дни императорской власти. С. 130.
- ²⁹¹ Флоровский Г. В. Пути русского богословия // *О России и русской философской культуре*. М., 1990. С. 287.
- ²⁹² Русское знамя. 1913. 7 февраля.
- ²⁹³ Там же. 1911. 18 марта.
- ²⁹⁴ Миллюков П. Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вехи. Интеллигенция в России. Сборник статей 1909—1910. М., 1991. С. 318.
- ²⁹⁵ Русское знамя. 1916. 25 декабря.

- ²⁹⁶ Там же.
²⁹⁷ Там же. 1908. 25 июля.
²⁹⁸ Там же.
²⁹⁹ Там же.
³⁰⁰ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 618. Л. 2.
³⁰¹ Русское знамя. 1911. 24 июня.
³⁰² Там же. 18 мая.
³⁰³ Там же. 1909. 10 сентября.
³⁰⁴ Там же. 1908. 25 декабря.
³⁰⁵ Там же. 1911. 22 мая.
³⁰⁶ Там же. 1909. 10 сентября.
³⁰⁷ Там же. 1916. 25 декабря.
³⁰⁸ Там же.
³⁰⁹ Там же. 1 декабря.
³¹⁰ Там же. 1911. 18 марта.
³¹¹ Там же. 1908. 25 декабря.
³¹² Там же. 1911. 9 марта.
³¹³ Там же. 1908. 28 августа.
³¹⁴ Там же. 1911. 18 марта.
³¹⁵ Там же. 1908. 28 августа.
³¹⁶ Там же. 22 июля.
³¹⁷ Там же. 28 августа.
³¹⁸ Там же. 22 июля.
³¹⁹ Там же. 1907. 30 сентября.
³²⁰ Федотов Г. П. Будет ли существовать Россия? // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 452.
³²¹ Русское знамя. 1908. 28 августа.
³²² Там же.
³²³ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. IV. Л. 133.
³²⁴ Степанов С. А. Черная сотня в России. С. 44—47.
³²⁵ Русское знамя. 1911. 27 мая.
³²⁶ Там же. 18 мая.

- ³²⁷ Там же. 1907. 29 июля.
- ³²⁸ Там же. 27 июля.
- ³²⁹ Куда временщики ведут Союз русского народа. СПб., 1910. С. 614—615.
- ³³⁰ Русское знамя. 1907. 25 декабря.
- ³³¹ Там же. 1911. 26 мая.
- ³³² Там же. 1908. 22 июля; 1907. 16 февраля.
- ³³³ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33 (Инв. № 59262ЦХ).
- ³³⁴ Там же.
- ³³⁵ Русское знамя. 1908. 28 августа.
- ³³⁶ Там же. 1907. 4 октября.
- ³³⁷ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № 1100/28.
- ³³⁸ Русское знамя. 1908. 25 июля.
- ³³⁹ Там же. 1916. 25 декабря.
- ³⁴⁰ Там же. 1908. 5 марта.
- ³⁴¹ Вестник Союза русского народа. 1912. № 102.
- ³⁴² Прямой путь. 1912. Вып. V (май).
- ³⁴³ Табак Ю. Отношение Русской Православной Церкви к евреям: история и современность // Диа-Логос 1998—1999. М., 1999.
- ³⁴⁴ Русское знамя. 1916. 25 декабря.
- ³⁴⁵ Прямой путь. 1912. Вып. V (май).
- ³⁴⁶ Русское знамя. 1911. 4 февраля.
- ³⁴⁷ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. IV. Л. 133.
- ³⁴⁸ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 58804.
- ³⁴⁹ Русское знамя. 1910. 15 января.
- ³⁵⁰ Там же. 1909. 10 сентября.
- ³⁵¹ Там же. 1907. 26 сентября.
- ³⁵² Там же.
- ³⁵³ Там же.
- ³⁵⁴ Там же. 1909. 10 сентября.
- ³⁵⁵ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 9. Л. 150—151.
- ³⁵⁶ Вестник Союза русского народа. 1912. № 104.
- ³⁵⁷ Русское знамя. 1910. 20 января.

- ³⁵⁸ Вестник Союза русского народа. 1912. N 104.
- ³⁵⁹ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1908. Д. 191. Л. 5.
- ³⁶⁰ Там же.
- ³⁶¹ Там же.
- ³⁶² Франк С. Л. Умственный склад, личность и воззрения П. Б. Струве // С. Франк. Непрочитанное. М., 2001. С. 573.
- ³⁶³ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33 (Инв. № 59262ЦХ).
- ³⁶⁴ Русское знамя. 1916. 25 декабря.
- ³⁶⁵ Там же. 1908. 28 августа.
- ³⁶⁶ Там же. 25 июля.
- ³⁶⁷ Там же. 1910. 20 января.
- ³⁶⁸ Там же. 1909. 19 сентября.
- ³⁶⁹ Лев Толстой и русские цари. М., 1995. С. 106.
- ³⁷⁰ Русское знамя. 1907. 2 декабря.
- ³⁷¹ Там же. 1908. 22 июля.
- ³⁷² Там же.
- ³⁷³ Репников А. В. Консервативная модель переустройства России // Вестник Фонда развития политического центризма, июнь 2000, № 2 (23). Россия в условиях трансформаций. Историко-политологический семинар. Материалы. Вып. 2. М., 2000. С. 4—28.
- ³⁷⁴ Он же. Консервативная концепция российской государственности. С. 87—88.
- ³⁷⁵ Русское знамя. 1907. 12 июля.
- ³⁷⁶ Там же. 1909. 30 мая.
- ³⁷⁷ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1915. Д. 110. Л. 17.
- ³⁷⁸ Последние дни императорской власти. С. 127—128.
- ³⁷⁹ Русское знамя. 1911. 6 мая.
- ³⁸⁰ Там же.
- ³⁸¹ Там же. 20 января.
- ³⁸² Там же. 6 мая.
- ³⁸³ Там же. 1907. 24 октября.
- ³⁸⁴ Там же. 1908. 22 июля.

- ³⁸⁵ Там же. 1907. 12 июля.
- ³⁸⁶ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1915. Д. 110. Л. 17.
- ³⁸⁷ Там же. ОО. Оп. 265. 1916. Д. 610. Л. 100.
- ³⁸⁸ Русское знамя. 1907. 24 октября.
- ³⁸⁹ Там же.
- ³⁹⁰ Там же. 1909. 1 мая.
- ³⁹¹ Там же.
- ³⁹² Там же.
- ³⁹³ Там же.
- ³⁹⁴ Там же. 10 сентября.
- ³⁹⁵ Там же. 1909. 1 мая.
- ³⁹⁶ Размолодин М. Л. Черносотенные организации губерний Верхнего Поволжья в 1905—1914 гг. (на материалах Ярославской, Костромской и Владимирской губерний). Ярославль, 2001. С. 29—31.
- ³⁹⁷ Селезнева Л. В. Западная демократия глазами российских либералов начала XX века. Ростов-на-Дону, 1995. С. 174.
- ³⁹⁸ Там же.
- ³⁹⁹ Русское знамя. 1907. 9 июля.
- ⁴⁰⁰ Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1991. С. 279.
- ⁴⁰¹ Прямой путь. 1913. Вып. III (март).
- ⁴⁰² Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. С. 87—88.
- ⁴⁰³ ГОБП. ОРК. Кор. 46/1. № Ц58654.
- ⁴⁰⁴ Русское знамя. 1916. 1 декабря.
- ⁴⁰⁵ Прямой путь. 1913. Вып. III (март).
- ⁴⁰⁶ Русское знамя. 1916. 1 декабря.
- ⁴⁰⁷ Селезнева Л. В. Западная демократия глазами российских либералов начала XX века. С. 174.
- ⁴⁰⁸ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 9.
- ⁴⁰⁹ Русское знамя. 1916. 1 декабря.

- ⁴¹⁰ Там же. 1908. 25 июля.
- ⁴¹¹ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/2. № 381//33.
- ⁴¹² Русское знамя. 1907. 17 февраля.
- ⁴¹³ Из отчета о перлюстрации Департамента полиции за 1908 г. // Красный архив. Т. 2(28). М.—Л., 1928. С. 146—147.
- ⁴¹⁴ Колокол. 1908. № 642. Приложение.
- ⁴¹⁵ Русское знамя. 1909. 10 сентября.
- ⁴¹⁶ Там же. 17 октября.
- ⁴¹⁷ Русский монархический союз и расширение его деятельности по основам Высочайшего рескрипта 30 января 1914 г. М., 1914.
- ⁴¹⁸ Русское знамя. 1907. 13 декабря.
- ⁴¹⁹ Там же. 24 января.
- ⁴²⁰ Там же. 1908. 3 апреля.
- ⁴²¹ Русский монархический союз и расширение его деятельности по основам высочайшего рескрипта 30 января 1914 г. М., 1914.
- ⁴²² Бартенев Ю. П. Помраченный идеал. М., 1907. С. 2.
- ⁴²³ Русское знамя. 1907. 29 июля.
- ⁴²⁴ Там же. 11 сентября.
- ⁴²⁵ Там же.
- ⁴²⁶ Там же. 29 июля.
- ⁴²⁷ Земщина. 1911. 26 апреля.
- ⁴²⁸ Прямой путь. 1913. Вып. III (март).
- ⁴²⁹ Русское знамя. 1907. 6 апреля.
- ⁴³⁰ Там же. 1913. 9 марта.
- ⁴³¹ Там же. 28 марта.
- ⁴³² ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1916. Д. 358. Л. 16.
- ⁴³³ Там же.
- ⁴³⁴ Прямой путь. 1913. Вып. III (март).
- ⁴³⁵ Русский монархический союз и расширение его деятельности по основам высочайшего рескрипта 30 января 1914 г. М., 1914.
- ⁴³⁶ Русское знамя. 1908. 24 июля.

- ⁴³⁷ Там же. 1916. 25 декабря.
- ⁴³⁸ Там же. 1910. 20 января.
- ⁴³⁹ Там же. 1908. 22 июля.
- ⁴⁴⁰ Там же. 1909. 10 сентября.
- ⁴⁴¹ Прямой путь. 1912. Вып. V (май).
- ⁴⁴² Колокол. 1909. 29 сентября.
- ⁴⁴³ Куда временщики ведут Союз русского народа. С. 614—615.
- ⁴⁴⁴ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 98—99.
- ⁴⁴⁵ Постановления Всероссийского съезда Союза русского народа и примыкающих к нему монархических организаций. 21 ноября—1 декабря 1911 в г. Москве. СПб., 1912.
- ⁴⁴⁶ Земщина. 1911. 26 апреля.
- ⁴⁴⁷ Русское знамя. 1911. 18 мая.
- ⁴⁴⁸ Цит по: Аксаков И. С. Федор Иванович Тютчев (биографический очерк). М., 1874. С. 191—192.
- ⁴⁴⁹ Русское знамя. 1911. 9 марта.
- ⁴⁵⁰ Колокол. СПб. 1909. 29 сентября.
- ⁴⁵¹ Русское знамя. 1913. 17 февраля.
- ⁴⁵² Там же. 1916. 25 февраля.
- ⁴⁵³ Труды Всероссийского монархического совещания в г. Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Пг., 1916.
- ⁴⁵⁴ Вече. 1909. 18 октября.
- ⁴⁵⁵ Русское знамя. 1913. 17 февраля.
- ⁴⁵⁶ Там же.
- ⁴⁵⁷ Постановления Всероссийского съезда Союза русского народа и примыкающих к нему монархических организаций. 21 ноября—1 декабря 1911 в г. Москве. СПб., 1912.
- ⁴⁵⁸ Там же.
- ⁴⁵⁹ Русское знамя. 1913. 17 февраля.

⁴⁶⁰ Постановления Всероссийского съезда Союза русского народа и примыкающих к нему монархических организаций. 21 ноября—1 декабря 1911 в г. Москве. СПб., 1912.

⁴⁶¹ Русское знамя. 1907. 4 апреля.

⁴⁶² Там же. 1908. 13 января.

⁴⁶³ Там же. 4 января.

⁴⁶⁴ Там же. 13 января.

⁴⁶⁵ Там же.

⁴⁶⁶ Там же.

⁴⁶⁷ Там же. 4 января.

⁴⁶⁸ Там же. 13 января.

⁴⁶⁹ Там же.

⁴⁷⁰ Там же. 1907. 21 августа.

⁴⁷¹ Там же. 1908. 5 января.

⁴⁷² Там же. 1907. 4 октября.

⁴⁷³ Там же. 1909. 10 сентября.

⁴⁷⁴ Там же. 1907. 14 февраля.

⁴⁷⁵ Там же. 1909. 10 сентября.

⁴⁷⁶ Там же. 1907. 9 декабря.

⁴⁷⁷ Там же. 1909. 10 сентября.

⁴⁷⁸ Там же. 1912. 1 сентября.

⁴⁷⁹ Там же.

⁴⁸⁰ Там же. 1907. 4 октября.

⁴⁸¹ Там же. 1912. 1 сентября.

⁴⁸² Там же. 1907. 19 декабря.

⁴⁸³ Там же.

⁴⁸⁴ Там же. 4 октября.

⁴⁸⁵ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33 (Инв. № 59262ЦХ).

⁴⁸⁶ Русское знамя. 1908. 4 января.

⁴⁸⁷ Там же. 1907. 4 октября.

⁴⁸⁸ Там же. 1909. 19 сентября.

⁴⁸⁹ Там же. 1912. 1 сентября.

⁴⁹⁰ Там же.

- 491 Там же. 1908. 19 августа.
- 492 Там же. 15 января.
- 493 Там же. 1911. 22 мая.
- 494 Там же. 1907. 5 апреля.
- 495 Там же. 1911. 26 июня.
- 496 Там же. 1907. 4 декабря.
- 497 Там же. 1911. 29 июня.
- 498 Там же. 1908. 19 августа.
- 499 Там же.
- 500 Там же. 1907. 24 января.
- 501 Там же. 1908. 29 августа.
- 502 Там же. 1911. 28 июля.
- 503 Там же.
- 504 Там же.
- 505 Там же. 1907. 25 ноября.
- 506 Там же. 15 мая.
- 507 Там же. 1912. 1 сентября.
- 508 Там же. 1908. 4 января.
- 509 Там же.
- 510 Там же. 1907. 28 ноября.
- 511 Там же. 1908. 4 января.
- 512 Там же. 1909. 10 сентября.
- 513 Там же. 1912. 1 сентября.
- 514 Там же. 1907. 28 ноября.
- 515 Там же.
- 516 Там же. 1908. 4 января.
- 517 Там же.
- 518 ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. IV. Л. 133.
- 519 Русское знамя. 1907. 4 октября.
- 520 Там же.
- 521 Там же.
- 522 Там же. 1908. 3 апреля.
- 523 Там же. 1907. 3 июля.
- 524 Там же.

- ⁵²⁵ Там же. 1908. 3 апреля.
⁵²⁶ Там же.
⁵²⁷ Там же. 1907. 3 июля.
⁵²⁸ Там же. 1912. 18 сентября.
⁵²⁹ Там же. 1913. 7 мая.
⁵³⁰ Там же.
⁵³¹ Там же.
⁵³² Там же.
⁵³³ Там же.
⁵³⁴ Там же. 1908. 19 августа.
⁵³⁵ Там же. 5 марта.
⁵³⁶ Там же. 1912. 18 сентября.
⁵³⁷ Там же.
⁵³⁸ Там же. 1908. 19 августа.

ГЛАВА III. РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННЫЕ МЕРЫ СПАСЕНИЯ РУССКОГО НАРОДА

§1. Первенство РПЦ как условие духовного возрождения русского народа

Возникшее как реакция на угрозу традиционным устоям в послереволюционное время правомонархическое движение открыто встало на защиту первенствующего положения РПЦ, противопоставив секулярному вызову национальные духовные принципы. Вопрос спасения самодержавной монархии, ценностей традиционного общества и самого русского народа для крайне правых идеологов напрямую был связан с укреплением религиозно-нравственных основ. Черносотенцы исходили из убеждения, что аутентичность русского народа будет сохраняться до тех пор, пока Русская православная церковь сохраняет доминирующие позиции в духовной сфере страны, при утрате которых наступит неизбежный конец самодержавию, а затем и разложение народа из коллективистско-соборной общности в массу не связанных друг с другом общим миропониманием атомизированных индивидов. В связи с этим черносотенцы предлагали реализовать следующую систему практических мер: восстановление первенства

РПЦ и нейтрализация любых попыток подрыва ее доминирующего статуса.

В контексте консервативных представлений первенствующее положение Русской православной церкви в государстве обосновывалось черносотенными идеологами как религиозными аргументами, так и политическими. Во-первых, единство русского государства и РПЦ базировалось на иррациональном утверждении, являвшемся предметом веры в то, что православие есть истина. Во-вторых, православие формировало идейную основу самодержавия, являясь важнейшим условием его существования. В-третьих, православие являлось национальной религией создателя государства — всего русского народа во главе с государем императором. В-четвертых, православие определялось религией «существа русской нации», что признавало его первенствующую роль в формировании менталитета народа. В-пятых, православие являлось духовной скрепой многонациональной империи, обеспечивая ее идеологическую цельность¹.

Необходимость восстановления охранительной функции православия, по мнению русских консерваторов и правомонархистов, особенно актуализировалась в начале XX в. С одной стороны, именно духовное единство русского народа в послереволюционное время подверглось размыванию в результате модернизационных процессов, приводивших к разрушению ценностей традиционного общества и психологической трансформации сознания населения². С другой — масштабный подрыв мировоззренческих и религиозных убеждений русского народа, дискредитация идей самодержавия и православия, а также распространение «вредных» учений западного происхождения исходил со стороны либерального и революционного лагерей³. Исходя из консервативных представлений о социальной роли государства, крайне правые настаивали

на выполнении властью своих охранительных функций, связанных с защитой духовной сферы общества от различных идеологических соблазнов⁴.

Первенство православной веры подразумевало приращение церкви верховного значения в государственных делах, утраченного в результате Петровских реформ. В распространенном в мае 1912 г. предвыборном воззвании Союза Михаила Архангела указывалось, что пришла пора возвращать церкви долги: «Православная церковь всегда была заступницей за истинные нужды народные и в то же время неусыпно, особенно в години бедствий, стояла на страже величия государства Российского и неприкосновенности царской власти»⁵. Защита православия была внесена в программы всех без исключения правомонархических организаций. В утвержденной в апреле 1907 г. программе Союза русских рабочих людей в концентрированном виде была выражена разделяемая всем крайне правым лагерем позиция: «...неуклонно... поддерживать искреннюю веру и церковь Православную ...защищать церковь и все ей принадлежащее от посягательств ее врагов»⁶.

Требование первенства православия проистекало из базисного положения русского консерватизма о православном характере российского государства в его историческом союзе с РПЦ. В контексте проблематики русского вопроса первенствующее положение православия обуславливалось его «национальной» (источник ментальности русского народа) и «державной» характеристиками. К последней относилась поддержка РПЦ русской государственности на каждом этапе развития страны, консолидирующей и мобилизующей ролью в среде русского народа, обеспечением единого духовно-идеологического пространства многонациональной империи.

Рассмотрим выдвинутые крайне правыми тезисы подробнее.

1. Поддержка РПЦ русской государственности на каждом этапе развития страны. В черносотенной литературе неоднократно указывалось на то, что еще во времена удельной Руси РПЦ оказывала поддержку централизаторским усилиям светской власти по преодолению внутренних усобиц и восстановлению национального единения: «Татарская неволя привела русских людей к ясному сознанию необходимости единой могущественной власти, нарождающееся московское единодержавие крепнет под покровом православной церкви. Имена св. митрополитов Петра и Алексея и преподобного Сергия с одинаковым правом занимают место в церковной и политической летописи России. Их молитвами, благословениями и трудами готовится день Куликовской битвы и превращения «ханского данника» в Московского самодержца»⁷.

Подчеркивая содействующую укреплению государства роль православной церкви, черносотенная пресса неизменно обращалась к смутным временам: «Наступило новое лихолетье. России снова пришлось с напряжением всех сил доказывать свое право на политическую целостность и самостоятельность. Русскому народу предстояла одновременная борьба с иноземным нашествием, боярскою изменой и анархическими силами поднявшейся гольтыбы. И на этот раз Русь поднялась по призыву с церковной кафедры. Послания обители св. Сергия сзывали на ополчение. Предсмертные благословения Московского патриарха встречали весть о движении его к Москве»⁸.

Подтверждая мысль о руководящей миссии церкви в преодолении тяжелого для страны положения, видный черносотенец И. Восторгов заявлял: «Что было бы в России три века тому назад, если б об ее судьбах не печалилась церковь Православная, если б делами государства тогда не интересовалось духовенство? Когда, казалось, все рушится на Руси, нерушимыми оказались только Православная

церковь и идея самодержавия. В русском народе оставался корень — православие, и это спасло государство... Вспомните, кто вдохновлял Минина и Пожарского на их великий подвиг? Духовенство! Чьими стараниями был созван в Москве Великий земский собор, избравший Михаила Федоровича на царство? Опять-таки духовенство»⁹.

В контексте государственного строительства роль Римско-католической церкви оценивалась с диаметрально противоположных позиций. Приводя в качестве примера историческую судьбу Польши, крайне правые указывали, что в отличие от православия, укреплявшего государственные устои в духовном поле посредством привития народам чувства патриотизма и причастности к судьбе государства, католицизм нивелировал польские национальные интересы, поставив на службу Ватикану государство и сделав элиту страны инструментом достижения корыстных интересов. По мнению черносотенных идеологов, именно РКЦ стала причиной польской трагедии, выразившейся в потере Польшей суверенитета и независимости. Неудачная попытка в 1440 г. на Люблинском съезде образовать неподконтрольную Риму собственную польскую Римско-католическую церковь обрекла Польшу на навязанную ей роль католической марионетки по колонизации русских земель, закончившуюся ее полным подчинением Российской империи¹⁰.

Обращаясь к сравнительному анализу результатов исторического соперничества русского народа с принявшими католицизм поляками, крайне правые указывали, что последние имели лучшие шансы на занятие доминирующего положения в среде восточно-славянских племен. Но, подчинившись Ватикану, родственное племя обрекло свою политику в Восточной Европе на провал и последующий государственный крах. «Поляки, отдаваясь католицизму или, вернее, папизму-религии, упраздняю-

шей родину и национализм, патриотизм и братство со всеми инакоскладавающими персты для крестного знамения, — поляки отказались от своего славинства. Признать их братьями мы не можем до тех пор, пока они не перестанут быть иезуитами, пока не станут поляками и патриотами», — писала в июле 1908 г. черносотенная пресса¹¹.

Если православие служило укреплению русского государства в идеологической плоскости, мобилизуя на его укрепление народы России, то католицизм, абсолютизируя власть папы, исповедовал своеобразный космополитизм и безнациональность: «Светская власть папы и его непогрешимость, безбрачие и отчуждение духовенства от родины, все то, что так резко отделило католичество от восточного православия...»¹² Продолжая данную мысль, крайне правые утверждали, что полякам, оказавшимся в плену католицизма, отчуждившего их от истинных представлений о национальном интересе, проблема диалога двух народов представлялась невозможной: «С поляками, управляемыми из Рима католическим духовенством, т. е. людьми без родины ...сговориться Россия не могла»¹³.

2. Консолидирующая и мобилизующая роль РПЦ в среде русского народа. Данный тезис опирался на выполнение РПЦ объединительной, скрепляющей и стабилизирующей функции, позволившей из восточнославянских племен образовать единую русскую семью. Особую роль православная церковь приобретала в переломные периоды русской истории, помогая государственной власти проводить без внутренних потрясений такие радикальные преобразования, как реформы Петра или отмена крепостного права в 1861 г. Историческая крепость русского государства, по мнению черной сотни, обуславливалась ролью церкви в обеспечении единения народа с верховной властью. Церковь неоднократно становилась препятствием на пути сил, пытавшихся разрушить единство и целост-

ность страны. Крайне правые напоминали, что во время польского мятежа 1863 г., когда российское образованное общество колебалось по вопросу принятия жестких мер в отношении мятежников и определенная часть его склонялась к тому, чтобы «отдать Польшу», именно с «московской митрополичьей кафедры всегда звучало прямое и твердое слово». Московский митрополит Филарет благословил М. Н. Муравьева на его «великий подвиг спасения государственного единства России», — писало в марте 1907 г. «Русское знамя»¹⁴.

Проводя сравнительный анализ роли католической и православной церковей в контексте консолидации нации, крайне правые отмечали, что католицизм, ставший предметом фанатичной веры верхов польского общества при равнодушном отношении к нему трудовых низов, вызвал мировоззренческий раскол польского народа. «Подобно тому, как католицизм оставался “панской верой”, так и польский патриотизм оставался “панским чувством”. Народ польский оставался при своей холопской вере и при своем холопском патриотизме», — утверждало «Русское знамя»¹⁵. Черносотенная пресса писала, что опорой польского сепаратизма и католического прозелитизма составляет «небольшая фаланга так называемых поляков, состоящая исключительно из помещиков и других зажиточных людей, сплоченная в одну однородную партию и действует по одной системе, по одному инстинкту»¹⁶. Инспирируемый католичеством специфический «панский патриотизм», на протяжении всей польской истории проявлявшийся в пренебрежении благом родины и принесении интересов страны в жертву Ватикану, вызывал отторжение польского народа: «Патриотизм этот плавал на поверхности, глубина же народная оставалась нетронутой — больше того, враждебной этому патриотизму, не заботящемуся о благе

родины и всегда жертвовавшему интересами Польши ради интересов панства»¹⁷.

Таким образом, истоки польской трагедии, выразившейся в потере Польшей независимости, виделись в польской элите, находившейся под влиянием католичества и антипродуктивного шляхетского кодекса поведения. Наделив польскую шляхту мессианской задачей, РКЦ привила ей такие негативные черты характера, как чрезмерное самомнение, самоуверенность, надменность, высокомерие, эгоизм и корыстолюбие. Эти черты лишали польскую элиту как поддержки в собственном народе, так и сочувствия со стороны соседей, помнивших кровавые подвиги «христолюбивого воинства» по распространению «истинной» веры в православной среде восточных славян. Белорусы и западные украинцы отказывались содействовать реализации идей польской автономии и национально-культурного самоуправления, подозревая, что их предоставление вызовет новый приступ миссионерства по насильственному ополячиванию и окатоличиванию¹⁸. Нетвердость католических религиозных традиций в среде западнорусского населения доказывалась безболезненностью ликвидации унии и возвращением в лоно православия более 4,5 млн униатов¹⁹.

Противоположным примером настоящего польского патриотизма и проявлением истинного славянского единства стали мариавиты — поляки, исповедовавшие католицизм, но отказавшиеся признать главенство Ватикана в лице его главы папы Римского и сохранявшие веру под жестоким идеологическим и экономическим давлением католических клерикалов и панов. Мариавиты показали пример настоящего польского патриотизма, «отдавая жидам последние гроши за право слушать обедню в церквях, сданных панами на откуп вековых врагов христианства»²⁰. На мариавитов черносотенцы возлагали огромные

надежды, считая их единственной силой, способной исправить историческое недоразумение и вернуть поляков в лоно славянской семьи²¹.

3. РПЦ как духовная скрепа единой и неделимой Российской империи. Исходя из разработок русских консерваторов, черносотенные идеологи считали, что существование русского народа, самодержавной властьюстроительной системы, единство и неделимость Российской империи обуславливаются в первую очередь наличием религиозной основы.

Противодействуя в идеологическом поле сепаратистским проявлениям, инспирируемым неправославными конфессиями (прежде всего РКЦ и протестантами), православная церковь обеспечивала духовную монолитность империи посредством распространения единой веры, языка и культуры. «Долгое время мордва, чувашаи, зыряне, тептяри, татары не сходились с русским народом, пока не приняли православной веры ...огромные области, где двести лет тому назад не раздавалось даже слова русского, ныне три четверти населения называют себя русскими людьми», — утверждали крайне правые публицисты²².

В контексте сохранения единой и неделимой Российской империи первенство РПЦ рассматривалось как ключевой элемент политико-государственной русификации в среде инородцев, а также инструмент нейтрализации католического фактора, придавшего особую специфику в межнациональном и межконфессиональном противостоянии на западе империи. Как указывалось выше, представлявшаяся черносотенцами в качестве извечного врага православия РКЦ стала основным источником враждебности поляков к православной цивилизации, выражавшейся в инспирации сепаратизма, католическом прозелетизме, подрыве государственных основ, русофобии и засилье.

Именно этим проявлениям и должна была противостоять РПЦ в идеологической плоскости.

Доказывая негативную роль РКЦ, черносотенцы подчеркивали, что шовинистическая ненависть поляков к русским имеет не политическую, а религиозную основу. Польская русофобия являлась не столько исторически закоренелым спором двух народов за первенство в славянском мире, сколько проявлением непрекращающегося в течение многих веков соперничества двух христианских церквей. Испытывавшая вековую вражду к православной Руси, РКЦ сумела навязать это отношение и братскому славянскому народу, используя его в качестве инструмента достижения политических целей. С точки зрения черносотенной прессы, натравливая поляков и западных украинцев на русский народ, католическая церковь являлась организатором и проводником мятежей, восстаний и заговоров. Данный тезис основывался на конкретных исторических фактах, указывавших, что на протяжении 150-летнего нахождения поляков в составе империи они несколько раз изменяли русской власти: восстание при императрице Екатерине Великой; измена 1812 г., выразившаяся в поддержке похода Наполеона в Россию; восстания 1830 и 1863 гг.

Неприязненное отношение черносотенцев к полякам базировалось на убежденности в их потенциальной мятежности, инспирируемой РКЦ. В восприятии правомонархистов католические костелы в западнорусском крае являлись «маяками проповеди отторжения, скопления ненависти ко всему русскому, широкой и злобной пропаганды...»²³ «Мы брали католические монастыри, костелы, имения всегда после того, как кровавым опытом убеждались, что эти места, посвященные делу мира и любви, превращены в места заговоров и военных засад. Словом, мы брали достояния католичества не потому, что позарились

на чужое, а вследствие того, что сами же католики своим вероломством и мятежом вынуждали нас отбирать у них все места, где были у них, и следовательно могут опять появиться, разбойничьи гнезда и скопища», — писала крайне правая пресса²⁴.

По мнению черносотенных идеологов, инспирируемая РКЦ русофобия ярко проявилась в годы революции 1905—1907 гг., приняв в Царстве Польском формы систематической травли русского населения, бойкотирования их торговых предприятий, изгнании из обихода и школ русского языка. При этом отмечалось, что антирусскими настроениями были заражены только высшие слои польского населения, провоцировавшие на насильственные акции неустойчивые городские слои. Поляков упрекали в носившей форму психоза русофобии, которая «впитывалось вместе с молоком матери вместе с ненавистью к другим родственным славянским племенам»²⁵. Такие заявления не были голословными, так как почву для этого давала сама польская печать. Обращая внимание властей на антигосударственные выпады польской прессы, черносотенные публицисты писали: «...правительству не следует закрывать глаза и игнорировать выходки польской печати, имеющей целью сеять вражду к русскому народу...»²⁶.

По утверждению крайне правых, в XX в. РКЦ нашла нового союзника в деле разрушения Российской империи²⁷. Использование в деструктивной деятельности тайных методов, сводившихся к формуле «Цель оправдывает средства», наталкивало крайне правых на мысль о тайном альянсе иезуитов и «вольных каменщиков», объединенных общностью целей по духовному разложению России. Черносотенная пресса приводила поговорку: «Каждый еврей прирожденный иезуит, но каждый иезуит только искусственный еврей»²⁸. Крайне правые заявляли о перерождении тайного ордена иезуитов в придасток раскинувшейся

по всему миру масонской сети: «...повсюду, где появляются иезуиты, немедленно начинаются смуты и раздоры в среде христиан, то есть события доставляющие радость и ликование жидовству»²⁹.

На бросающееся в глаза различие конечных целей обеих структур черносотенцы находили обтекаемое объяснение, утверждая, что любое тайное общество, какие бы благие цели оно ни преследовало, рано или поздно попадет под власть всемирного масонства. Такая судьба ждала и орден иезуитов, чья интриганская и разрушительная деятельность среди христианских народов объективно служила выгоде мировой закулисы: «Те и другие пытаются поработить все народы и все государства — “под власть папы Римского”, говорят иезуиты, масоны же не скрывают, что работают во славу племени иудина. Цель как будто и различная, но позволительно усомниться в полном различии целей при полной тождественности средств...»³⁰

Заявляя о необходимости государственной защиты РПЦ от козней Ватикана, правомонархисты обращались к опыту многовекового исторического противостояния двух церквей. Свобода рук в критических нападках позволяла черносотенцам озвучивать весьма оригинальные исторические версии, подтверждавшие тезис об извечной враждебности католицизма Святой Руси. Помимо длинного списка общепризнанных претензий западной «сестре» (разграбление Константинополя крестоносцами, организация крестовых походов на Русь и т. д.), черносотенцы озвучили еще одну, обвинив Ватикан в трехсотвековом монголо-татарском иге над Русью.

В частности, согласно озвученной на страницах газеты «Русское знамя» версии нашествие монголов на Русь являлось результатом интриг папства, пытавшегося подчинить православный мир и, в частности Русь. В начале средневековых времен в распавшейся на две части Евро-

пе обострилась борьба между двумя христианскими мирами — романо-германским и греко-славянским в связи с попытками папства подчинить себе восточных христиан. Взятие Константинополя крестоносцами во время IV Крестового похода не привело к осуществлению притязаний папства на лидерство. Латинская империя встретила серьезное сопротивление со стороны православного Болгарского царства, которое нанесло крестоносцам несколько серьезных поражений. А с образованием греческих Никейской, Трапезундской империй, а также деспотии Эпир положение католиков, вынужденных воевать как против православных болгар и греков, так и мусульман в Палестине, оказалось хуже, чем до IV Крестового похода. В условиях, когда поражение Латинской империи и Палестинских государств крестоносцев являлось вопросом времени, папство вынуждено было искать союзников на Востоке. Ими стали монголы. К Чингисхану были направлены сотни дипломатических агентов, военных инженеров, специалистов и военачальников, которые за короткий срок перевооружили ордынское войско на основе последних достижений европейской военной техники: «Теперь для нас вполне ясно, почему монголы, эти полудикие кочевники, оказались искусными артиллеристами и инженерами, умевшими метать в русские крепости громадные каменные ядра и бревна и имевшие ... такие “хитрые” машины, каких русские не видели до того времени. Эти и многие другие военные и инженерные познания были хорошо известны европейским инструкторам монголов, вербовавшимся главным образом из крестоносцев». Утверждалось также, что большинство военачальников среднего звена монгольского войска составляли католические полководцы. Хитрая дипломатическая политика папства дала свои результаты, в результате чего монголы атаковали русские земли. В пользу данной версии говори-

да синхронность нападения монголов на Русь с натиском тевтонского ордена. Конец папско-монгольскому сотрудничеству положило принятие монголами мусульманства, что привело к упадку военно-технического состояния ордынского войска и положило конец игу³¹.

Черносотенцы считали крайне несвоевременным отказываться от первенствующего положения РПЦ, так как централизаторская политика властей встречалась с вызовом прозелетической деятельности РКЦ³² и миссионерской активностью протестантских деноминаций на канонических территориях православной церкви. Правомонархические публицисты заявляли, что, потерпев военное поражение в борьбе за восточные колонии, католики переориентировались на идеологическое и информационное противостояние, открыто и тайно сея ненависть к российскому государству и русскому народу. Наиболее болезненно в начале XX в. ситуация складывалась на территории Белоруссии и Западной Украины, где польский сепаратизм и национально-культурная полонизация православного населения усиливались миссионерской активностью католиков. В совокупности это разжигало религиозные страсти и лишало перспектив успокоения западные губернии в краткосрочной перспективе. «Дошло до того, что недавно виленский католический епископ барон Рооп похвалялся за границей, что он через 20 лет переведет весь православный русский народ в католичество», — писала черносотенная пресса³³.

Парадоксальность ситуации состояла в том, что включение в результате разделов в конце XVIII в. Царства Польского в состав Российской империи легализовало католикам возможности по проведению миссионерской работы на исконно русских территориях. Подолия и Западная Киевщина оказались «наводнены переселенцами варшавянами, покрыты католическими каплицами, ко-

стелами, во главе которых стояли иезуитский монастырь в Виннице, Кармелитский в Бердичеве, Доминиканский в Летичеве и других местах». После раздела Польши «бывшая православная Белохорватская земля была предана во власть католикам и совершенно окатоличилась», — констатировала черносотенная пресса³⁴. Являясь дополнительно и орудием полонизации, «непримиримый зложелатель православия» препятствовал интеграции белорусских и западноукраинских земель с коренной Россией. Оценивая ситуацию в западных губерниях, крайне правые идеологи констатировали, что католицизм и полонизм глубоко «запустили сюда когти и препятствуют слитию трех губерний с единокровною Россией — препятствуют общему образованию духу государства»³⁵.

Католическая экспансия фиксировалась правомонархистами даже в таких оплотах православия, как Санкт-Петербург, Москва и Киев³⁶. Черносотенцы подняли шум вокруг функционировавшего в Петербурге храма, построенного в русском стиле с полным повторением внутреннего устройства православной церкви, настоятелем которого оказался иезуит Дейнберг. Размах активности католиков заставлял черносотенную прессу с язвительной ноткой обращаться к главе Священного синода В. К. Саблеру: «Совершенно неожиданно для русских оказалось, что Польша и Рим завоевали Москву и Петербург и устроили там католические сакрееры и урсулиско-иезуитские пансионы чуть не у порога самого Святейшего синода»³⁷.

Обеспокоенность правомонархистов обуславливалась возможными негативными последствиями «перестройки» сознания и изменением национальной ментальности белорусского и украинского народов, которые могли переосмыслить свои национальные приоритеты и стать инструментом реализации интересов зарубежных политических и религиозных центров в ущерб России. В феврале 1908 г.

«Русское знамя» писало, что белорусским крестьянам внушалось убеждение, что если он католик, то стало быть поляк и ему следует отказаться от родного языка, традиций и воспринять польскую бытовую культуру и язык³⁸. Крайне правые утверждали, что в случае принятия новгородцами и украинцами католичества прочный союз с московской Русью был бы невозможен³⁹.

Продолжающаяся духовная экспансия католицизма и полонизма, по мнению черносотенцев, подрывала обороноспособность Российского государства, формируя внутри империи пятую колонну, готовую выступить на стороне врага в условиях войны. Оспаривая либеральный тезис о том, что религия не определяет национальность и «русский патриот может быть в то же время и хорошим католиком»⁴⁰, в 1911 г. ряд правых партий России обращал внимание правительства на то, что существовавшая на государственных средства католическая духовная школа ежегодно плодит новые кадры «ненавидящих Россию фанатиков»⁴¹. Черносотенцы предупреждали власти об источавшейся Польшей опасности: «Если не прекратить этого влияния, то при всяком удобном случае готовы возобновиться происшествия 1830 года». В орбиту неповиновения центральной власти могли быть вовлечены и окатоличенные белорусы и украинцы.

Резкая активизация в начале XX в. РКЦ в пределах Российской империи рассматривалась черносотенцами как ответ на подрыв ее позиций в Италии и Франции. Авторитет церкви на Западе планомерно подтачивался антирелигиозными кампаниями в прессе и через инициированные государством судебные преследования. Констатируя значительный накал антиклерикальных настроений в странах, ранее считавшихся оплотом католичества, крайне правые утверждали, что восточными приобрете-

ниями католическая церковь пыталась «восполнить свои западные потери»⁴².

Исходя из определения русского народа по принадлежности к православной вере, вопрос его сохранения находился в духовной плоскости. Первенство православной веры подразумевало не только широко предоставленные ей права и полномочия в религиозно-миссионерской сфере, но и наложение ограничительных мер на деноминации, подрывавшие, по мнению крайне правых, государственные основы. В связи с этим черносотенцы жестко выступали против двух обсуждаемых в обществе идей: отделения церкви от государства и свободы вероисповедания, которые, по их мнению, приводили не к истинной свободе, а развязывали католикам, сектантам и прочим мошенникам от религии руки в борьбе за души людей⁴³.

Реализация указанных идей, по мнению черносотенных организаций, привела бы к потере Россией статуса православной державы, гибели идеократического государства, окончательному умалению положения православной церкви и перерождению русского народа в безнациональную этническую массу. Именно поэтому они выступили с резкой критикой принятого Думой в мае 1909 г. законопроекта о свободном переходе из православия и одобрении внеисповедального состояния, в котором черносотенцы увидели нарушение первенствующего положения РПЦ и узаконение равноправности с нехристианскими конфессиями⁴⁴.

Наибольшие проблемы в области межконфессиональных и межнациональных отношений с точки зрения крайне правых представляла РКЦ, ущемленное положение которой рассматривалось не как проявление религиозной нетерпимости православных, а расплата за многовековые на них гонения⁴⁵. В этой связи крайне правые делали акцент на репрессивных мерах, так как урегулирование вза-

иоотношений РКЦ и РПЦ казалось невозможным по причине разности церковных и вероучительных догматов: «У самых необразованных, даже неграмотных русских людей, когда они веруют глубоко и искренно ...чувство невозможности слияния христианских церквей запада и востока. Чувство это так непобедимо, что о него разбились все старания пап, пытавшихся завоевать Россию то набегами преданных Риму государей, то интригами иезуитов»⁴⁶.

Заняв место жестких обличителей католиков, правомонархисты стали рупором консервативной части православной иерархии, озвучивая претензии, которые по политическим и этическим соображениям не могло высказывать православное духовенство. По заявлению газеты «Русское знамя», католичество отличалось от православия не только догматами, но и всем духом и обычаем церковной жизни, на уклад которых положило свою губительную печать наследие языческого Рима⁴⁷. Глубоко заложенная в католицизме языческая сущность проявлялась в т. н. «христианском ламаизме», абсолютизовавшем доминирующую роль папы и утвердившем посредническую роль духовенства. «Лицо папы заслоняет лицо Божье»; «Ксендз стоит средостением между Богом и человеком»; «католичество старается держать Бога за ширмами своего авторитета», — бросала обвинения черносотенная пресса⁴⁸. О неистинности католического вероучения свидетельствовало неподконтрольное и неподсудное положение его духовенства, вызвавшее возмущение христиан и вылившееся в поражение РКЦ от реформации: «Одною из черт, погубивших между прочим католическое духовенство, несомненно является его лицемерие, состоящее в том, что обличение духовного лица, хотя бы и справедливое, считается поступком против самой веры, т. е. смешивается лицо с идеей»⁴⁹. Не менее жесткими были и характеристики представителей РКЦ в лице наи-

более известных католических орденов: «иезуиты — тайные убийцы; кармелиты — тайные развратники; камедулы — явные мрачные пьяницы; ксендзы — родоначальники революционной агитации»; «католики издревле заявили себя противниками прогрессу»⁵⁰.

Важнейшей мерой нейтрализации враждебной деятельности РКЦ, по мнению крайне правых, являлись ликвидация ее экономической основы и всемерное ограничение миссионерской активности на территории Российской империи. В качестве первостепенных мер предлагались следующие.

Во-первых, полный запрет на строительство новых католических храмов и возвращение изъятых у РКЦ после Польского восстания 1863 г. монастырей и иной собственности как оплота сепаратизма. «Католические монастыри за участие в повстанье были конфискованы, но теперь они католикам возвращены и вновь восстановили свою деятельность», — сообщала в мае 1911 г. газета «Русское знамя»⁵¹. Председатель СРН А. И. Дубровин лично ходатайствовал перед Священным синодом об отмене положения Совета министров от 4 марта 1908 г. о возвращении католическому духовенству зданий и имущества, конфискованных в XIX в. за пособничество польским мятежам⁵².

Обосновывая данное предложение, черносотенцы ссылались на негативный опыт прошлого: «Нехорошо забывать, что во времена польских мятежей костелы и монастыри служили разбойникам при участии их духовенства крепостями, батареями, бастионами, арсеналами и т. п. местами для боевых целей». Даже действующие объекты католического культа казались местами, посвященными не делу любви и мира, а заговоров и военных засад. Определяя католиков в категорию неблагонадежных, черносотенцы ставили вопрос: «Какой же резон теперь отдавать вчерашним врагам назад все то, что доста-

лось нам не по нашему произволу, а по жребию битв как военная добыча?!»⁵³

Черносотенцы предостерегали власти, что заигрывания с поляками по проблеме реституции католических монастырей поднимет волну подобных требований: «...по логике придется отдавать и другие военные приобретения всем прочим пострадавшим от наших завоеваний: Вятскую губ. зырянским князькам, Астрахань и Казань — татарам, Крым — туркам, Бессарабию — Румынии, а Кавказ и Сибирь распределять по принадлежности»⁵⁴.

Во-вторых, ограничение миссионерской деятельности РКЦ. Продолжавшаяся прозелетическая активность в среде православного населения Западных губерний отразилась на жесткости позиции крайне правых по ограничению пределов религиозной свободы РКЦ. Главным инструментом в данном направлении должен был выступить репрессивный аппарат самодержавия: «Не духовная власть, а светская обязана защитить православных людей от совратителей, присутствие которых было хорошо известно самому премьер-министру Столыпину»⁵⁵.

По мнению крайне правых, фактором, способствующим католизации и полонизации западного края, являлась пассивная политика административного аппарата. Черносотенцы били тревогу. После включения Польши в состав империи деятельность католиков не имела преград. Ополячивание и окатоличивание при самоустранении русских чиновников, «не умевших отличить запорожского казака от иезуита, почти уничтожила все русское и православное», — писали черносотенцы с мест⁵⁶. Бездействие администрации Западного края возмущало правомонархистов: «Русские власти не могли даже в Ченстохове построить православного собора. А кто мог бы этому помешать? Ведь могли же паписты в Кракове замазать все славянские надписи на церквах и обратить их в римские костелы!»⁵⁷.

В-третьих, переориентация миссионерской активности РКЦ и поляков на негодный объект. Исходя из спорности границ Польши, сложившихся в результате постоянных завоеваний русских земель, черносотенцы предлагали перенаправить религиозно-культурную экспансию поляков с малороссийских и белорусских земель на возврат коренных польских территорий, ограничивавшихся Богемскими горами, Саксонией, Одером и Балтийским морем, ныне находившихся в пределах Германии и Австро-Венгрии соответственно⁵⁸.

Практическая реализация вышеуказанных мер должна была сопровождаться преодолением пассивности православной церкви в Юго-Западном крае. Потеря контроля Священным синодом РПЦ над религиозной ситуацией оборачивалась расколом как во взаимоотношениях священства с населением, так и в среде православных пастырей: «Православное духовенство для крестьян как бы не существует. Дошло до того, что священников-патриотов их же собратья обзывают шпионами-провокаторами и не хотят даже их знать. С крестьянами даже не говорят, а только кричат. Редко-редко где появится тихий и смирный батюшка или боевой патриот, пренебрегающий бойкотом! Нелегко терпеть неприятности со всех сторон»⁵⁹.

В оценках крайне правых обстановки в западных губерниях империи присутствовала чрезмерная эмоциональность и заостренность оценок, но общие тенденции развития ситуации улавливались ими верно. На фоне растущего отчуждения между православным священством и населением католики быстро заполняли образовавшуюся нишу: «А “ласковые, милые и приветливые” ксендзы ведут свою работу! И вот православные крестьяне, которые тысячу лет стояли за православие, возненавидели, благодаря консистории, своих православных пастырей так, как будто это какие-то чужеземные завоеватели. Не много

надо, чтобы порвать натянутую нить между православными крестьянами Киевской губернии и священниками»⁶⁰. Критике правомонархистов подвергались и высшие церковные власти, не проявлявшие озабоченности в сложившейся ситуации: «А православное духовное начальство совершенно слепо, глухо и ко всему равнодушно. Пусть хоть вся Киевская губерния перейдет в католичество! Пусть все припишутся к иезуитскому кляштору — им все равно! Ведь жалованье будет идти как и прежде, значит о чем хлопотать?»⁶¹

Помимо католической угрозы другим угрозообразующим фактором православному мировоззрению русского народа, по мнению черносотенцев, стали протестантские деноминации и «изуверские» секты. Отмечалось, что принятие в 1909 г. закона о свободном переходе из православия в другую веру привело к небывалой для страны активизации сектантства, что, наряду с распространением революционных по отношению к устоявшейся идеологии учений либерализма и социализма, формировало дополнительную опасность для идейного фундамента подданных.

Крайне негативным было отношение черносотенцев к проблеме православного сектантства (т. н. «русского баптизма»). Серьезную озабоченность вызывали бурно расцветшие в послереволюционное время теософские, религиозно-философские, штундистские и прочие псевдорелигиозные организации, которые предлагалось закрыть со «строжайшим воспрещением им публичного оказательства, потому что они, в сущности, не представляют собою того, что разумеется под понятием “вероисповедания”»⁶². Газета «Русское знамя» с возмущением писала: «Имеются сведения, что в русском граде святого Петра уже утвердился культ сатаны и что там совершаются дьявольские “черные мессы”, страшно подумать, что ожидает нашу несчастную столицу: Господь поругаем не бывает»⁶³.

Обосновывая свою позицию по недопущению введения в стране режима свободы совести и уравнивания статуса РПЦ с инославными конфессиями, правомонархисты прогнозировали рост нападков на православие со стороны сектантов, которые воспользуются поводом подорвать в народной среде позиции первенствующей церкви⁶⁴. В 1911 г. ярославские черносотенцы вопрошали: «Чем объяснить ту дерзость, с которой еретики и сектанты, изрыгая открыто хулы на Святое православие, свободно распространяют свое погибельное лжеучение среди русского народа»⁶⁵.

Другим аргументом против религиозной свободы называлась неготовность православных пастырей к существованию в условиях прямой конкуренции, что объяснялось черносотенцами следующими обстоятельствами: различие приемов и средств борьбы за паству⁶⁶, несопоставимостью уровня финансовых возможностей РПЦ и инославных конфессий по проведению миссионерской работы⁶⁷, общее состояние православного духовенства, отгородившегося от народа и его нужд глухой бюрократической стеной⁶⁸. Жесткой критике подвергался тезис либеральных оппонентов о том, что отсутствие свободы и развращенность патерналистской поддержкой государства не дает РПЦ возможности раскрыть свой потенциал. Протестантские и сектантские организации, лишённые иерархического устройства, оказывались более энергичными и мобильными в работе с населением, чем обюрократившаяся церковная структура РПЦ.

В противовес либеральной альтернативе «свободы веры» черносотенцы предложили принцип веротерпимости, под которым понималось право каждого подданного империи исповедовать любую религию без права религиозной пропаганды или переманивания в свою веру представителей других исповеданий⁶⁹. Принцип веротерпимости определял четкие границы осуществления

деятельности неправославных вероисповеданий⁷⁰. На канонических территориях РПЦ активность представителей протестантских и сектантских объединений предполагалось подавлять посредством жестких репрессивных мер⁷¹. Наложение законодательных ограничений на инославные конфессии должно было, по мысли теоретиков крайне правых, заключаться, в первую очередь, в запрете на публичную проповедь⁷². Это не означало запрета на миссионерскую деятельность в рамках национальных границ⁷³. Совершенный запрет на какую-либо религиозную деятельность налагался на изуверные секты. Укреплению православного мировоззрения подданных должна была способствовать борьба и с различными «еретическими» социальными учениями переустройства мира, в первую очередь с либерализмом и социализмом.

Отношения с неправославными деноминациями нередко зависели от внутрисполитической и международной ситуации. В частности, взрыв требований об ограничении деятельности протестантских конфессий пришелся на время I Мировой войны. Состоявшиеся в 1915 г. Совещание уполномоченных правых организаций и правых деятелей (Саратов) и Совещание монархических организаций (Нижний Новгород) предложили в качестве объектов репрессивных мер следующие категории населения: во-первых, этнических выходцев из Германии «неправославных исповеданий протестантских»⁷⁴; во-вторых, не принадлежавших к этническим немцам протестантов по причине «связи членов этих сект с Германией и то, что секты эти служат ныне проводниками пангерманизма, признается вполне доказанным»⁷⁵.

Законодательство Российской империи о РПЦ как государственной религии, имевшей первенствующее значение, должно было неукоснительно соблюдаться. В первую очередь, самими властными структурами. Край-

не правые настаивали на лишении отпадающих от православия гражданских прав, строгом наказании за пропаганду сектантства и «совращение из православия», запрете сектантских собраний с присутствием на них православных, установлении строгого надзора за сектантской печатью⁷⁶. Предлагалось на законодательном уровне запретить местным властям предоставлять помещения для сектантских собраний, а миссионерскую работу сект признать «противогосударственной крамолой, стремящуюся покорить народные умы и сердца под инородческое... иго и влияние с целью раздробить целость православной государственности и в конце обобрать духовные и материальные богатства православного коренного народа — собирателя, строителя и единого истинного первенца империи». Жесткость мер обосновывалась угрозой не только существованию государства, но души человека: «Простительно и нам, грешным, иногда прибегнуть к власти полицейских, чтоб оберечь простых сердцем овец Христовых от волков хищных»⁷⁷. Насилие по отношению к разрушителям души человека должно было быть поддержано всем православным сообществом.

Единственной деноминацией, к которой правонархисты открыто проявляли благосклонность, являлась старообрядческая церковь, разделявшая с РПЦ базовые ценности⁷⁸. В частности, Союз русского народа не делал различий между староверами и последователями нового обряда, к которому принадлежало большинство черносотенцев. Русское собрание добавляло, что признает в них истинно русских людей, которые с семнадцатого века разошлись «с нами в букве, не отступили, однако, от Животворящего Слова»⁷⁹. В опубликованном во второй половине 1906 г. воззвании Русского собрания звучал призыв: «За веру православную, за церковь христианскую. За братьев наших единоверцев и старообрядцев»⁸⁰. В утвержденной

в апреле 1907 г. программе Союза русских рабочих людей говорилось: «...скорбь о разъединении между последователями нового и старого обрядов в Православной церкви, члены Союза относятся с одинаковым уважением к тем и другим»⁸¹.

Позиция правомонархистов по отношению к старообрядчеству характеризовалась стремлением преодолеть раскол. Выступая за снятие ограничений с деятельности старообрядческой церкви, указывалось, что она не несет угрозы официальной церкви, так как наиболее близка по своим формам богослужения к официальной церкви и разделяет политическое значение церкви в государстве. Газета «Русское знамя» писала: «Нужно радоваться, что столь стесняемые раньше старообрядцы ныне получили возможность открывать свои алтари и приносить без страха, не тайно уже, бескровную жертву, наравне со всеми подданными русского царя...»⁸² В свою очередь, черносотенцы пользовались поддержкой некоторых старообрядческих общин, чем вызывали раздражение православного духовенства. Отношение к старообрядцам отличалось непостоянством. Чрезмерная миссионерская активность староверов тут же вызывала негативную реакцию, и в их сторону следовал немедленный окрик. Постановление состоявшегося в сентябре 1909 г. Монархического съезда в Москве требовало пресечь попытки Белокриницкой иерархии «присвоить себе права и преимущества господствующей церкви»⁸³.

Как видим, в рамках присущей консерватизму функции защиты христианских традиций на канонических территориях РПЦ активность представителей Римско-католической церкви и сектантских объединений черносотенцами предполагалось подавлять посредством жестких репрессивных мер. Укреплению православного мировоззрения подданных должна была способствовать борьба и

с различными «еретическими» социальными учениями переустройства мира, в первую очередь с либерализмом и социализмом. На протяжении всего периода существования черной сотни ее позиции по данному вопросу оставались неизменными, что не могло не повышать градус политической, межнациональной и межконфессиональной напряженности в обществе.

§ 2. Возрождение управленческой, интеллектуальной и предпринимательской элиты русского народа

Как указывалось в предыдущей главе, причины неблагополучного положения страны крайне правые находили в деятельности управленческой и интеллектуальной элиты русского общества. Истоком поврежденности российского бюрократического аппарата, по мнению крайне правых, являлась политика Петра I, направленная на внедрение в управленческие структуры европейских иноземцев. Результаты данной политики в июле 1908 г. кратко описало «Русское знамя»: «Инородцы заняли прочное положение во всех государственных учреждениях так называемой “преобразованной России” в ущерб интересам коренного русского населения. И это привилегированное положение инородцев при преемниках Петра I только усилилось и окрепло. И с этих пор русский народ — народ-хозяин на своей святой Руси сделался хотя и самой многочисленной, но и самой бедной и самой угнетаемой нацией»⁸⁴.

Следствием господства чужеземцев во властных структурах на протяжении двух веков стало ослабление «жизненного импульса», т. н. пассионарности русского народа: «Прежде русский народ, повинующийся как один человек своему самодержавному неограниченному царю, был всем грозен. Теперь, когда в жизнь народа вторгается ужасное бюрократическо-инородческое засилье, тот же

народ перестал быть грозным»⁸⁵. В конечном итоге космополитическая бюрократия надела крепкую узду и на дворянство, прежде представлявшее наиболее деятельную часть российского общества и сдерживавшее ее произвол. С. А. Степанов следующим образом характеризовал общественное мнение россиян в начале XX в.: «В недоверии и неприязни ко всему чужестранному сходились и малограмотное простонародье и просвещенная интеллигенция славянофильского толка»⁸⁶.

Несмотря на то, что идеологи черной сотни являлись суровыми критиками проходивших секуляризационных процессов в духовной жизни России в начале XX в., тем не менее они вынуждены были признать, что революционные потрясения способствовали возрождению и стремительному росту русского национального самосознания: «Космополитизм и инородческие националисты сами по себе не слишком опасны, ибо они играют роль фермента для пробуждения патриотизма и русского национализма, а при равных условиях состязания победа обеспечена русскому духу»⁸⁷. Следствием первой российской революции стала самоорганизация патриотических сил в черносотенные союзы, поставивших перед собой задачу освобождения русского народа от гнета «старого бюрократического режима» и избавления от засилья инородцев в госаппарате и стратегических сферах деятельности, являвшихся, по их мнению, причинами бедственного положения русского народа.

Космополитизм бюрократии и беспочвенность интеллигенции актуализировали для крайне правых задачу преодоления главного петровского наследия — раскола народа на две разные по своим мировоззренческим векторам части и возрождение национально ориентированной управленческой и интеллектуальной элиты русского общества. Решение данных проблем связывалось с воз-

вращением доминирующего положения на стратегических позициях во всех сферах жизни общества носителям базовых русских ценностей. В первую очередь они должны были занять твердые позиции во властных структурах, судебных органах, органах местного самоуправления, высших учебных заведениях, сферах искусства, литературы, средств массовой информации и т. д.⁸⁸ Под реализацией «русского национального начала» в законодательном учреждении подразумевалось, чтобы все русское население каждой местности империи, «не исключая и окраины, имело своих представителей в Государственной Думе»⁸⁹. Целенаправленно сформированная управленческая и интеллектуальная элита, ориентированная на православно-государственные ценности и состоящая из лиц, чье сознание не развращено западными учениями (либерализм, социализм, национализм), должна была стать субъектом прорыва России в XX в.

Первый шаг в этом направлении черносотенцы видели в преодолении разрозненности русского народа и консолидации наиболее активной части консервативных сил. Программа СМА прямо указывала: «Сила Родины кроется в братской поддержке русскими, всех сословий и состояний, друг друга, везде и всюду, как в духовном, так и в материальном отношениях»⁹⁰. В связи с тем, что в начале XX в. все общероссийские политические партии либерального и революционного направлений отвергли защиту национально-государственных интересов как составную часть «реакционной доктрины царизма», черносотенцы не замедлили занять пустовавшую нишу. В создавшихся условиях «национального и духовного разложения русских образованных классов» казалось, что крайне правые организации остались единственной силой, способной обеспечить интересы державного народа. Руководство СРН заявляло: «...только Союз русского народа предан

священному завету служения идее... главенства в нашем великом Отечестве коренного русского народа как народа-хозяина в Российском государстве»⁹¹.

Руководящую роль по мобилизации русского народа черносотенцы отводили себе. «С первых же минут страшной русской невзгоды, ставши на защиту исторических русских устоев общественно-политической жизни... поняли умом и сердцем, какое важное значение имеет и будет иметь для борьбы за право русского народа и против инородческого и еврейско-революционного натиска единение всех русских патриотических сил», — заявлял на состоявшемся в октябре 1908 г. Съезде отделов Союза русского народа Юга России видный киевский черносотенец Н. С. Мищенко⁹². Популярным в революционных кругах лозунгам, апеллировавшим к абстрактным ценностям «свободы», «справедливости», «равноправия», был противопоставлен тезис первенства русского народа как важнейшей меры его сохранения и возрождения. В лаконичном виде данная идея впервые была сформулирована в разработанных в феврале 1906 г. Основных положениях Союза русских людей для выборов в I Государственную Думу. «Державные права русской народности суть: первенство православной церкви, самодержавная власть русского царя, единство строя и подчиненности государю императору сухопутных и морских военных сил Российской империи и общегосударственное значение русского языка»⁹³. Первенство русского народа базировалось на его доминировании в империи как станового хребта государства. «Мы будем стремиться к тому, чтобы как внутренняя, так и внешняя политика России велась на строго национальных началах, помня, что русский народ по всей земле, подвластный русскому царю, должен чувствовать себя хозяином положения», — говорилось в распространенном в начале 1907 г.

обращении Русского собрания, СРН и Партии правового порядка⁹⁴.

Целенаправленное формирование истинно русской элиты — носительницы православных и самодержавных убеждений являлось одной из центральных проблем социальной программы крайне правых. В этих целях в качестве первоочередных задач они предлагали возродить русский патриотизм и усилить церковное влияние на все сферы общественного сознания. Рассмотрим данные меры подробнее.

Возрождение русского патриотизма. Важнейшую роль в нейтрализации пагубного влияния либеральных и революционных партий должен был сыграть русский патриотизм, рассматривавшийся в контексте духовно-идеологической независимости российского общественного сознания от чуждых воздействий и его возвращение к историческим «корневым началам и понятиям». В документах и программах только что образовавшихся правых партий понятие патриотизма практически не употреблялось. Его заменяло понятие народности, которое несло то же смысловое значение. Начиная с 1908 г. черносотенная печать все чаще вводит слово «патриотизм» в свой лексикон, употребляя его не менее часто, чем народность. С точки зрения присущего правомонархической доктрине (и в целом консерватизму) органистического подхода, наличие патриотизма в широких народных массах как проявление национально-почвеннического сознания свидетельствовало о здоровье общества: «Жалость и любовь к своей семье, к своему роду — есть чувство самосохранения, прирожденное как человеку, так и всем животным существам. Без этого чувства мир не мог бы существовать. Семья, род — это маленькое государство. Отсюда любовь к роду и к земле, в которой лежат деды и отцы, рождает любовь к Отечеству, которая таким образом является чув-

ством, прирожденным каждому гражданину и чуждым только дикарям, нашим космополитам и жидам»⁹⁵.

В воззрениях правомонархистов, патриотизм играл роль иммунитета, защищавшего нации от разложения. Его отсутствие казалось аномалией, отходом от нормы, ведущим к деградации и упадку государства: «Франция, обильно зараженная жидовско-социалистическим микробом, из первоклассной сильной державы мира, шедшей во главе всего цивилизованного мира, превратилась в заживо гниющий организм, которому в недалеком будущем грозит сделаться достоянием ближайших соседей»⁹⁶. Хроническое игнорирование патриотизма либеральными и социалистическими партиями, утратившими чувство причастности к своему народу, свидетельствовало о глубокой болезни российского общества. Черносотенцы указывали, что инородцы «за патриотизм крепко стоят» и не питают себя интернациональными теориями⁹⁷.

Включение патриотизма в программные установки и реальную политическую практику политических партий, должно было установить предохранительный клапан от проникновения в российское общество главного врага — космополитизма, представлявшего, как было указано в Своде основных понятий и положений русских монархистов, выработанных IV Всероссийским съездом Союза русского народа в мае 1912 г., «учение о такой безнародности, при которой будто возможно гражданское сплочение, которое обхватывало бы всю земную поверхность без различия народности и национальности. Учение, проповедуемое паразитным жидовством и масонством»⁹⁸.

Опасность космополитизма виделась в том, что он становился фундаментом для восприятия народами предлагаемых масонами различного рода «еретических социально-политических учений»: либерализма, социализма и национализма, противопоставлявшихся христианству,

пытавшемся объединить разные народы с сохранением их индивидуальных национальных черт. Космополитизм как бы «зачишал» почву для этих доктрин посредством разрушения традиционного мировосприятия и национальной идентичности: «масонство стремится обезнародить народ, как пытается оно обезнародить и обессилить государство и обезверить веру». В Своде основных понятий и положений русских монархистов утверждалось, что масонское учение прививает политически активной части русского общества такие черты, как антицерковность, антигосударственность и беспочвенность, и тем самым «разрушает народность русскую, уничтожает в конце концов русскую государственность и русскую церковность»⁹⁹. Эту же мысль в июле 1908 г. высказывала и газета «Русское знамя»: космополитизм представлялся опасным в связи с нивелировкой «оригинальности и уникальности народов»¹⁰⁰.

Необходимость популяризации патриотизма в российском обществе и особенно внедрение его в высшие сферы обуславливалось присущей ему государствоохранительной функцией: «...устоем всякой государственности является чувство патриотизма. Без любви к своему государству, к своему народу не может устоять ни одно государство. Это так же неоспоримо, как и любовь в семье детей к отцу и отца к детям»¹⁰¹. В условиях раскола общества патриотизм был способен обеспечить мобилизацию населения, невзирая на классовые различия, на решение государственных задач, о чем свидетельствовал исторический опыт других стран: «Почти все могущественные, сильные духом, цветущие и богатые народы до тех пор возрастали и крепили в своем могуществе, пока культура их развивалась на здоровой почве патриотического чувства, пока они воспитывались в духе беспредельной любви к своей Родине, пока чтили традиции своих предков». У каждого народа был свой славный период: «Для Франции — славная первая

империя, для Германии — великая империя двух Вильгельмов, для Италии — место шестой державы Европы»¹⁰².

Роль патриотизма возрастала в связи с усилением международной напряженности. Черносотенная пресса предупреждала: «Век двадцатый ставит нам, русским, свой великий русский национальный вопрос, с прибавкой урока от желтолицых националистов азиатов, не только рискнувших, но побивших один троих, тех самых троих, которые еще в прошлом веке побеждали “двунадесять язык”», но то были патриоты, а ныне... предвидя великое значение русского национализма, которому пришло время развернуться во всю Россию, что поняли немногие, а многие безумцы, которым социализм еврейский — петля на душу христианскую, дороже единокровия, охотно идут в стан преступников, проливателей крови братской и предателей крови отеческой, ценою которой куплено то, что нам принадлежит»¹⁰³.

Усиление церковного влияния в высших сферах. Исходя из консервативного базиса своего мировоззрения, крайне правые считали, что греховная природа человека могла быть обуздана «страхом Божиим», а потому присущие русской политической элите дурные наклонности (продажность, подкупность, корыстолюбие, превалирование личных и партийных интересов над общественными) могли быть устранены только через духовно-нравственное просвещение на основе православных ценностей. В качестве ориентира «Русское знамя» приводило бюрократию допетровских времен, состоявшую только из православных русских людей и охранявшую самобытное развитие народа¹⁰⁴. В современной черносотенцам России примерами, «непоколебимости, безграничной преданности престолу и Отечеству и великого патриотизма» являлись одесский генерал-губернатор И. Н. Толмачев, ярославский губернатор А. А. Римский-Корсаков, генералы И. А. Думбадзе,

А. А. Рейнбот и ряд других. Положительно оценивалась работа членов правительства Н. А. Маклакова, С. В. Рухлова и И. Л. Горемыкина, приведшая к тому, что «страна успокаивается, жизнь входит в нормальную колею; повышается экономическая деятельность»¹⁰⁵. В заслугу И. Н. Толмачеву ставилось устранение от академической деятельности в Новороссийском университете части «злонамеренных профессоров». «Очень и очень мало у нас на Руси таких генералов Толмачевых. А если бы на Руси было еще два-три генерала Толмачева, да еще два-три генерала Думбадзе, то была бы с корнем вырвана еврейско-инородческая революция и склонились бы перед священным знаменем Союза русского народа все жидовствующие русские», — заявлял в октябре 1908 г. на Съезде отделов СРН Юга России киевский профессор Н. С. Мищенко¹⁰⁶.

Требование первенства православной веры обуславливалось необходимостью восстановления охранительно-защитительной функции церкви, преодоления пагубности духовного инородческого влияния и создания надежного идеологического заслона на пути внедрения в социальную структуру общества чуждых, созданных несовершенным человеческим разумом идей и концепций. Черносотенцы утверждали, что явление космополитической бюрократии, либеральных и революционных партий было бы невозможно при наличии сильной церковной организации РПЦ во главе с патриархом, игравшей роль предохранительного клапана от вредных идеологических воздействий. Петровский абсолютизм, задавивший общественную инициативу (от местного самоуправления до Земского собора) и низведший церковь до одного из правительственных министерств, подорвал иммунную систему государства и открыл пути для инфицирования общества болезнетворными идеями. «В XVIII в. государственная власть, в лице Петра Первого, значительно ослабила церковное влияние

на государственную жизнь... не к своей пользе. Правда, министерство духовных дел удобнее сильным своим нравственным авторитетом патриарха. Но в трудную минуту отстоявших во главе такого управления лиц, хотя бы и духовного сана, едва ли можно было ожидать чего-либо большего обычной чиновничьей угодливости и исполнительности», — заявляли крайне правые публицисты¹⁰⁷.

Восстановление защитительно-охранительной функции церкви предусматривалось посредством реализации трех мер. Во-первых, восстановление патриаршества и созыв для этих целей Поместного собора. «В настоящее время, когда сама церковь православная, в особенности с тех пор, как объявлена свобода вероисповеданий, обуреваемая многочисленными врагами, желателен скорейший созыв Поместного собора и восстановление исторической власти всероссийского патриарха», — говорилось в распространенном в мае 1912 г. предвыборном воззвании Союза Михаила Архангела¹⁰⁸.

Во-вторых, нейтрализация и всемерное ослабление влияния на церковь государственной бюрократии. В целях реализации первенства РПЦ состоявшийся в сентябре 1909 г. в Москве Монархический съезд поставил вопрос об ограничении влияния светских властей на внутреннюю жизнь церкви и ее решения. Черносотенцы потребовали, чтобы представитель государя императора в Священном синоде в служебном положении и своих решениях был независим от Совета министров, чей состав и политика находились, с их точки зрения, под сильным влиянием «разноверных, а частью и безверных членов Государственной Думы и Государственного Совета, а был защитником исключительно интересов церкви в высших государственных учреждениях».

В-третьих, усиление влияния церкви во внутривнутриполитической жизни государства: «...голос ее должен быть вы-

слушиваем законодательную властью, как было встарь, в величайших государственных вопросах»¹⁰⁹. Съезд принял широкий пакет постановлений по церковным и вероисповедальным вопросам, касавшимся конкретизации места и роли РПЦ в структуре государства, оптимизации ее внутреннего устройства и управления. Предлагалось реализовать систему мер по усилению активности РПЦ, в частности, по противодействию сектантству и беспрепятственной миссионерской деятельности и публичной проповеди на всей территории Российской империи¹¹⁰. Практическая реализация этих положений должна была поставить надежный заслон проникновению во властные структуры носителей денационализированных или оппозиционных взглядов.

В целях возрождения русской управленческой, интеллектуальной и предпринимательской элиты крайне правые предложили систему практических мер, которые состояли в следующем.

1. Создание национально ориентированной управленческой элиты. Базовый подход черной сотни к решению данного вопроса находился в религиозной плоскости. В связи с тем, что источниками поврежденности бюрократического аппарата рассматривались причины морального порядка (а не социальные условия жизни), ключ к созданию национально ориентированной управленческой элиты находился в преодолении проблемы человеческого фактора, а не сломе или «коренной перестройке» бюрократической системы. Поврежденность управленческой элиты могла быть преодолена наполнением властного аппарата носителями русских базовых ценностей или, по терминологии крайних правых, «патриотичным служилым людом»¹¹¹. Таким образом, оздоровление чиновничьего сословия предлагалось проводить не через присущие либеральным государствам бесконечные реформирования, «оптимиза-

ции», министерские перетряски и прочие институциональные изменения, а через улучшение «природы» бюрократа, т. е. замену управленцев-космополитов управленцами-патриотами. В этой связи черносотенцы предложили девиз: «Сделайте людей лучше, и эти лучшие люди изменят к лучшему и учреждения»¹¹².

Здесь черносотенцы четко позиционировали себя сторонниками опоры на традицию, заранее пресекая присутствующий их политическим противникам соблазн решать любую государственную проблему посредством западных заимствований. Исходя из концепции органицизма и самобытного развития общества, черносотенцы утверждали невозможность произвольного переноса политического и социального опыта (в том числе и политических институтов) одних обществ и государств на чужеродную почву. Проблему поврежденности властного аппарата предлагалось решить не через социально-политические преобразования социума на основе умозрительных доктрин¹¹³, а изгнанием из среды чиновничества «человеческой дряни» при поддержке имеющихся в администрации добросовестных чиновников, «готовых выслушать справедливую критику и ликвидировать причины, вызывающие жалобы и недовольство»¹¹⁴. «Не учреждения важны, а люди ... при благородных и бескорыстных людях и в старых судах будут царить правда, закон и милость, а... в новых реформированных судах будут царить ложь, клевета, взяточничество...», — писала в мае 1911 г. газета «Русское знамя»¹¹⁵.

В этой связи крайне правые предлагали реализовать следующую систему мер.

Во-первых, жесткое пресечение террора революционных организаций против представителей административного аппарата. Крайне правые указывали, что причиной катастрофического дефицита преданных самодержавию управленцев¹¹⁶, главными качествами которых назывались

лояльность престолу и Отечеству, отсутствие порочных связей с масонскими ложами, неподкупность, непоколебимость, решимость, патриотизм, являлось их массовое истребление. Черносотенная пресса приводила статистику пострадавших от «разбойно-освободительного движения». Так, с февраля 1905 по май 1906 г. было убито и ранено: «генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников — 34; полицмейстеров — 38; исправников и приставов — 204; городских — 205; урядников и стражников — 184; нижних жандармских чинов — 51; офицеров охранного отделения — 17; агентов охранной полиции — 56; армейских офицеров — 61; нижних чинов армии — 164; чиновников гражданского ведомства — 178; духовных лиц — 31; фабрикантов и высших служащих — 64; банкиров и крупных торговцев — 64»¹¹⁷. Также правомонархисты заявляли о составленном масонами «черном» списке двухсот русских патриотов, подлежащих первостепенному уничтожению.

Во-вторых, оздоровление национальной элиты должно было осуществляться систематической подготовкой руководящих кадров и тщательным подбором административного аппарата, к которым крайне правыми предъявлялись требования быть не только лично преданными царю и самодержавию, но и отличаться «выдающимися по своим дарованиям ...силою разума, служебного опыта и практическим знанием жизни»¹¹⁸.

Идеям либералов по формированию правительства из членов различных политических партий черносотенцы противопоставили концепцию властной команды, состоящей из лиц, объединенных единым мировоззрением и разделявших одну политическую программу. Это актуализировало проблему воспитания духовно развитой личности, подготовленной к служению Отечеству, а не партийным, финансовым, клановым и групповым интересам. Для пре-

тендующих на занятие должностей, определяющих движение государственного корабля, предлагалось установить так называемую нравственную профилактику, которая «помимо недопущения к нашему государственному трону людей с инородческими идеями, подобно евреям, полякам и армянам, еще преследовала бы цель и любви к русскому народу, его православной вере и преданности царю»¹¹⁹.

Отказываясь от западно-ориентированных реформ в области государственного строительства, черносотенцы делали акцент на совершенствовании личности администраторов в духе христианства. Именно через усиление церковного влияния в образовательных учреждениях предполагалось решить проблему некачественности современного крайне правым бюрократического аппарата: «Широко внедрить такое просвещение во все слои населения нашего дорогого отечества мы в состоянии будем создать и бюрократию истинно русскую...»¹²⁰ Достичь это предлагалось за счет увеличения количества часов преподавания Закона Божьего в школах и вузах, которые «могут давать обществу и государству знающих и верных слуг царю и Отечеству...»¹²¹ Оздоровлению бюрократического «монстра» должна была предшествовать чистка высшей школы от преподавателей-космополитов. Предлагалось запретить чиновникам держать для своих детей репетиторов евреев, поляков, армян, так как семя оппозиционности и нигилизма будущих управленцев закладывалось уже в детском возрасте¹²².

Нравственное обновление административного аппарата предлагалось осуществить посредством рекрутирования представителей верноподданных слоев населения. При этом акцент делался на его наполнении «людьми всякого звания»¹²³. В 1914 г. в докладе «От чего гибнет Россия и задачи правых» видный правомонархист В. Г. Орлов предложил правительству помощь в решении проблемы

кадрового дефицита: «Правительство должно опираться на живые общественные элементы. Только совместная работа правительства с благомыслящей частью общества, только связь царя и народа помогут России завоевать счастье. Поэтому мы, правые, должны прийти на помощь правительству»¹²⁴. Призыв в правительство, по образному выражению «Русского знамени», должен был осуществляться не за счет заморских кадров, а из «тех недр России, где еще по сие время господствует “вековая тишина”»¹²⁵.

В-третьих, повышение ответственности представителей исполнительной власти за принимаемые решения. В одном из первых обращений Союза русского народа, вышедшем в конце 1905 г., звучало требование установления строгой, фактической ответственности министров, равно как и каждого должностного лица, за всякую неправильность в делах службы¹²⁶. Центральные и местные административные власти должны были быть ответственны не перед обезличенным народом или «крамольной» Государственной Думой, а перед царем и законом¹²⁷.

Иными словами, крайне правые настаивали на введении режима правового государства. В целях улучшения государственного управления рекомендовалось «установить такой порядок, чтобы все лица правительственные, земские, городские и сельские руководствовались только законом, а не произволом, чтобы перед законом были бы все равно ответственные, как лица назначаемые, так и избираемые, и чтобы все были под законно установленным контролем»¹²⁸. В феврале 1907 г. крайне правые предлагали создать Министерство контроля, которое в опоре на общественность «следило бы неустанно за деятельностью всех без исключения государственных и общественных учреждений во всех городах и весях... контролируя их деятельность по существу дела, по духу, по форме и по времени его исполнения и по количеству сделанного

и тотчас же бы воздавало должное каждому по заслугам его»¹²⁹.

Правомонархисты предлагали усилить судебную ответственность за халатность, произвол и злоупотребления в деле управления, а также установить для каждого потерпевшего частного лица право свободного и доступного обращения с жалобами к судебной власти на неправильность действий должностных лиц¹³⁰. Существенную роль в оздоровлении бюрократического аппарата должна была сыграть широкая гласность как мера борьбы с чиновничьим произволом. «Свобода печати есть главное средство борьбы с злоупотреблениями по службе и административным произволом», — говорилось в Основных положениях Союза русских людей для выборов в I Государственную Думу, выпущенных в феврале 1905 г.¹³¹

В-четвертых, усиление влияния Государственной Думы как контролирующего бюрократию органа. Согласно черносотенным воззрениям именно деятельность бюрократии стала причиной появления законодательного учреждения в стране. «Государь узрел, что чиновничий класс не может правильно понимать все народные нужды и верно блюсти интересы родины, и потому признал необходимым пригласить народ к участию в спасении России», — говорилось в объединенной избирательной программе на выборах во II Думу Русского собрания, СРН и единомышленных организаций¹³². Со стороны правомонархистов побудительным мотивом задействовать столь ненавидимый государственный институт для контроля за бюрократией заключался в попытке перенаправить критику оппозиции с личности царя и самодержавной системы на чиновничью конгрегацию.

Ненависть к бюрократии была настолько сильна, что черносотенцы готовы были временно примириться с существованием парламента, чем согласиться с сохра-

нением всевластия чиновничьего аппарата: «...нужно и существующую ныне бюрократию за неимением лучшей поставить в такие условия деятельности, при которых она хотя бы поневоле, но исполняла свои обязанности добросовестно. Этим должна заняться Дума»¹³³. Исходя из этих соображений на страницах крайне правой прессы иногда звучали реверансы в сторону представительного учреждения: «Раньше министры представляли свои законопроекты государю на утверждение, но так как они, по незнанию народной жизни, своими законами ломали эту жизнь, то теперь, по желанию его величества, министры представляют свои законопроекты прежде с одобрения Государственной Думы, состоящей из сведущих людей, а затем, когда Госдума найдет его целесообразным или полезным для народа, представляют царю на утверждение»¹³⁴.

В-пятых, проведение тщательной чистки на всех этажах правительственного здания в целях замены «изменников и воров людьми честными и преданными»¹³⁵. Процесс самоочищения должна была запустить сама административная система. Со страниц черносотенной прессы видный деятель правомонархического движения А. Н. Борк призывал: «Г. Столыпин! Вы не побоялись назвать себя главой царского правительства, не бойтесь же очистить это правительство от неверных слуг, от предателей и врагов, пролезших всюду, начиная от Государственной Думы и кончая... министерскими дворцами»¹³⁶.

В первую очередь, исполнительная власть должна была избавиться от сторонников оппозиционных партий¹³⁷. Указывалось на невозможность совмещения службы государству в рабочее время с подрывом его основ после окончания служебных занятий. Крайне правые извили, указывая, что в число чиновников принимаются люди, признающиеся правоспособными, т. е. понимающими смысл произносимой ими присяги на верность службе царю, а это

исключало принадлежность к оппозиции. В циркуляре СРН утверждалось: «Лица, состоящие на государственной службе, очевидно, не могут не быть верноподданными русскими гражданами. Значит, они обязаны... в случае несогласия, оставить совершенно службу тому государству, законов которого они не желают признавать»¹³⁸.

Следующий удар планировалось нанести по носителям инородческих (антирусских и западных) идеалов в правительственных учреждениях и Государственной Думе. Если в XVIII—XIX вв. управленческий аппарат подвергался нашествию западных инородцев, то в современной черносотенцам России вмешательство в национально-государственную жизнь проявляли жители имперских окраин, в первую очередь евреи. Занятие подобающего русским места во властной структуре объяснялось необходимостью восстановления исторической справедливости, исходя из роли коренного народа в создании государства. «Пора разогнать тьму иноверную, инородческую», — требовал на страницах «Русского знамени» архимандрит Андриан¹³⁹. Особенно данное положение касалось евреев, слишком активно проявивших свою антигосударственность и ненависть «ко всему русскому» во время революции 1905 г.¹⁴⁰

Избавление от инородцев в системе властной вертикали декларировалось как мера, носящая оборонительный, охранительный характер, ставившая целью сохранение уникальной русской цивилизации, защиту от чуждой ментальности, которая с петровских времен постепенно приводила к искажению мессианской сущности России: «Государство Российское должно быть могучим и сильным, дабы жизнь его духовная, политическая и экономическая могла развиваться свободно, не завися от принудительных иноземных влияний, и дабы миролюбивый русский народ мог внести блага мира и любви в среду других народов»¹⁴¹.

Состоявшийся в 1906 г. в Киеве III Всероссийский съезд русских людей в принятой программе уделил данному вопросу отдельный пункт, в котором было зафиксировано требование, чтобы при замещении должностей в центральных государственных учреждениях предпочтение отдавалось «коренным русским людям», а также число инородцев, занимающих штатные и сверхштатные должности, не превышало пяти процентов¹⁴². В рамках практической реализации поставленных задач по нейтрализации «продавшихся жидам сановных шабестоёв» местные отделения СРН ориентировались на выявление лиц из числа местной администрации, которые потворствовали евреям в засилье в народно-хозяйственной сфере и закабалении русского народа. В циркуляре говорилось: «Сообщать Главному совету о всех властях от стражника до губернатора, кои благосклонно относятся к еврейским выходкам»¹⁴³.

Устранение враждебно настроенных инородцев и наполнение административного аппарата носителями монархических убеждений в первую очередь должно было коснуться беспокойных окраин. Данную задачу в феврале 1906 г. III Всероссийский съезд Русского собрания считал важнейшей в борьбе с сепаратизмом: «Во главе управления окраинами, как равно и на ответственных административных и общественных постах, должны стоять православные русские по духу люди, которые при надлежащем образовании получили и соответственную подготовку, необходимую для правильного осуществления на окраинах России ее исторических задач»¹⁴⁴. В октябре 1908 г. монархисты просили удалить с Кавказа всех должностных гражданских лиц и заменить их русскими людьми, преданными престолу и Отечеству¹⁴⁵.

Далее должно было проследовать возвращение носителям традиционных устоев стратегических отраслей хозяйства (железнодорожное, морское и военное ведомства),

что обуславливалось интересами национальной безопасности. Особое беспокойство крайне правых вызвала сложившаяся ситуация на юго-западных, северо-западных, полесских и кавказских железных дорогах. Черносотенцы подозревали, что в условиях чрезвычайной ситуации или военного времени инородцы могли парализовать транспортную жизнь страны. Обращаясь к правительству с ходатайством очистить «весь персонал Владикавказской железной дороги от евреев, армян и поляков и заменить их русскими людьми, преданными престолу и Отечеству, так как Кавказ в переживаемое время требует твердой и непоколебимой охраны», черносотенцы нередко находили понимание. Их обеспокоенность разделял министр путей сообщения С. В. Рухлов, принявший меры к очистке железных дорог от «изменников и вообще от таких элементов, которые в нужный момент могут и склонны принести вред государству»¹⁴⁶. Оценивая стремление С. В. Рухлова наполнить железные дороги русскими по составу служащими, крайне правые приветствовали его «глубоко националистическую» деятельность¹⁴⁷.

С началом I Мировой войны черносотенцы поставили вопрос о необходимости чистки армейских структур. Еще в 1909 г. крайне правые предупреждали, что вооруженные силы империи ослаблены «огромным процентом офицеров поляков, армян, финляндцев», являвшихся причиной «революционной пропаганды в войсках и общей деморализации армии»¹⁴⁸. Значительное представительство немцев в военном ведомстве создавало благоприятные условия для шпионажа в пользу исторической родины, о чем заявлялось с высоких думских трибун: «Они имеют полную возможность давать нашим теперешним лютым врагам сведения о передвижении наших вооруженных сил, а также о военных приготовлениях и планах наших, портить мосты, пути сообщения, арсеналы, взрывать на суше и на

море помещения горючих веществ, боевых материалов и оружий, вызывать искусственно народные смуты и волнения, предательски нападать в тылу на отдельных воинов, раненых и т. д.»¹⁴⁹. Помимо этого черносотенцы требовали не допускать инородцев к казенным подрядам, тем более касающихся армии и флота¹⁵⁰.

Вышеозначенные правомонархистами угрозы в сфере безопасности государства привели к разработке на состоявшихся в 1915 г. Совещании правых деятелей (Петроград) и Совещании монархических организаций (Нижний Новгород) системы репрессивных мер политического и экономического характера. К первой группе относилась правовая дискриминация (признание немцев, вступивших в русское подданство после 1870 г., иностранными подданными; борьба с немецким засильем в административной сфере). Ко второй — подрыв экономической основы немецкой диаспоры в России посредством ликвидации немецкого землевладения и конфискации в пользу государства всех предприятий, фабрик, магазинов, капиталов и проч. имущества¹⁵¹. При этом представители крайне правых партий ориентировали своих единомышленников на сбор материалов в отношении нерадивых чиновников, доказывающих случаи «забвения служебного долга и присяги, и таковые материалы сообщать в Главный совет своих организаций»¹⁵².

На особом месте для черной сотни стояла задача наполнения носителями консервативных взглядов Государственной Думы. Исходный посыл политической деятельности черной сотни в данном направлении был сформулирован Николаем II, желавшим видеть законодательное учреждение «русским по духу»¹⁵³. Для консервативного лагеря это означало, что Дума должна была следовать в фарватере сохранения и упрочения базовых ценностей русской цивилизации — православия, самодержавия,

народности. Формат русского парламента, его представительство и круг решаемых им вопросов четко определялись в программе Союза Михаила Архангела: «Государственная Дума как собрание лучших выборных людей от государства Российского должна быть носителницею чисто русских идеалов... Правдивым осведомлением о настоящих нуждах народа и всего государства Российского, она является помощником законодателя для проведения в жизнь назревших потребностей...»¹⁵⁴

В состав Думы могли входить «лишь русские православные люди, не принадлежащие к противогосударственным сообществам» — определял строгий критерий думского представительства состоявшийся в 1909 г. в Москве Монархический съезд русских людей. В ноябре 1911 г. проходивший в Москве Всероссийский съезд Союза русского народа дал более точную характеристику достойных занять места в Мариинском дворце лиц, а именно: «...твердо, до самозабвения исповедующих наши святыя основоположения, как людей единственно и исключительно способных осуществить самодержавную волю нашего царя: создать Думу “русскую по духу”»¹⁵⁵.

Несмотря на отрицательное отношение к самой идее обладающего законодательными функциями народного представительства, черносотенцы вынуждены были принимать участие в выборах, во-первых, ссылаясь на указание монарха, а во-вторых, в надежде поменять формат российского парламента на законосовещательный: «Потому-то Союз русского народа теперь же безотлагательно должен идти на помощь своему самодержцу и выполнить свое обещание — дать Думу русскую по духу, и на деле работоспособную, а самой Думе указать ее роль по мысли как учреждения законосовещательного»¹⁵⁶.

С другой стороны, из указания Думе быть «русской по духу» вытекал тезис о приоритете решения именно «рус-

ского вопроса», связанного с преодолением последствий Петровских реформ и возвращением страны на самобытный путь развития. Эту задачу Думы продекларировал в марте 1908 г. Союз Михаила Архангела, заявивший о необходимости «ставить на очередь те запросы правительству, которые мучительно требуются народною совестью, верованиями и желаниями русской души, неспособной мириться ни с инородческим засильем, ни с чиновничьим произволом»¹⁵⁷. Взяв в качестве ориентира указание царя, черносотенные организации обращались к избирателям. «От вас зависит, чтобы Государственная Дума была русскою, народною думою, от вас зависит, чтобы в нее попали “лучшие русские люди”, как этого желает наш русский царь», — заявлялось в распространенном во второй половине 1906 г. обращении Русского собрания¹⁵⁸.

Как видим, диагностировавшаяся черносотенцами в начале XX в. нефункциональность и неэффективность административного аппарата упиралась в человеческий фактор. Крайне правая пресса писала, что, если чиновники не исполняют распоряжений, исходящих от верховной власти, действуют самовольно, дерзко и безнаказанно попирая существующие законы, то «никакая культура невозможна, и никакая перемена системы управления не поможет»¹⁵⁹. Поэтому базовый подход черной сотни к данному вопросу состоял в решении проблемы улучшения природы бюрократа, а не сломе или «коренной перестройке» бюрократической системы.

Тем не менее стоявшие перед страной проблемы требовали корректировки и структуры административного аппарата, который, по утверждениям крайне правых, был существенно поврежден Петром I. Низкая продуктивность насажденных великим реформатором государственных учреждений, по их мнению, подтверждалась постоянными перестройками и оптимизациями властных институ-

тов в XVIII—XIX вв. Отвергая западные заимствования в подходе к решению данной проблемы, Союз русского народа громогласно заявил о необходимости обращения к собственной истории в целях поиска в «ней более совершенных и самобытных форм управления государством, а не в чуждом нам, давно отжившем западном конституционализме, который многолетним опытом уже доказал свою полную непригодность»¹⁶⁰. Отдельные крайне правые публицисты даже выдвигали идею возрождения существовавшей в допетровские времена приказной системы, выгодно, по их мнению, отличавшейся от современной административной системы¹⁶¹.

Внутренняя перестройка административного аппарата на основе русских традиций включала внедрение следующих принципов. Во-первых, принцип персональной ответственности чиновников за результаты деятельности ведомства (в введенных великим реформатором коллегиях служащие «могли ничего не делать, сваливая вину друг на друга»)¹⁶². Во-вторых, принцип компетенции и профессионализма. Описывая допетровские приказные порядки, черносотенная пресса разъясняла: «...каждый человек ведал в государственных делах только то, в чем он был опытным специалистом и хорошим администратором, и ни в коем случае больше вышеуказанного, как то постоянно происходит в современных министерствах»¹⁶³. Современные черносотенцам администраторы, заведовавшие огромными министерствами с массой разномастных департаментов, не могли быть в курсе происходящего и адекватно реагировать на возникающие проблемы. Поэтому глава департамента, не будучи компетентен во всех отраслях своего министерства, вынужден был передоверять свои полномочия нижестоящим чиновникам, что нередко приводило к злоупотреблениям. В-третьих, принцип контроля. В отличие от современных административных учреж-

дений в допетровский период русские цари лично следили за деятельностью приказов, жестко наказывая за неудовлетворительную работу: «И надо сказать, что в Москве не церемонились не только с дьяками и подьячими, но и с боярами, заведовавшими приказами»¹⁶⁴. В-четвертых, принцип строгой законности, который впоследствии был подменен принципом непогрешимости начальства, когда судить министра стало считаться дискредитацией власти¹⁶⁵.

Основным направлением реформирования административного аппарата должна была стать централизация управления и укрепление властной вертикали. Данная мысль была озвучена в постановлениях состоявшегося в октябре 1906 г. в Киеве III Всероссийского съезда русских людей: «Всякий разумный человек понимает, что только твердая, сильная верховная власть может восстановить и обеспечить спокойствие, законность и порядок в государстве»¹⁶⁶. В августе 1908 г. газета «Русское знамя» писала, что основным «устоем (после православия. — М. Р.) русской государственности, как и всякого вообще государства, является сильная и твердая верховная власть, независимо от того, кто ее носит в стране: монарх ли, король или парламент; одно лицо или народное представительство. Ни монархия, ни республика, ни всякий другой вид сложившегося государства не может остаться даже на короткое время без твердой и сильной верховной власти»¹⁶⁷. Развивая тезис о централизации власти как силе, способной обеспечить целостность многонационального государства и правовой порядок на всей территории империи, черносотенцы параллельно утверждали на страницах своей печати идею о том, что любое ослабление власти чревато продолжением революции и распадом страны. Здесь они нередко обращались к истории России, напоминая соотечественникам, что именно разложение властной верти-

кали приводило к внешними нашествиями и внутренней смуте и, наоборот, укрепление ее вело к разгрому агрессоров и расцвету страны¹⁶⁸.

Положение о крепкой единоличной государственной власти как универсальном инструменте успешного развития государства и сохранения его целостности подтверждалось примерами как современных зарубежных стран, так и историческими фактами. «Германия своим процветанием обязана абсолютизму, хотя в ней и существует более полувека народное представительство, но министры ему не подчиняются»¹⁶⁹. Обращаясь к прошлому, черносотенцы подчеркивали, что необходимость пресечения внутренней смуты проявилась еще в древности призыванием варягов, которые установили сильную власть и прекратили беспорядки¹⁷⁰. По мнению черносотенцев, революция не столько поставила вопрос о возможных путях реформирования самодержавной системы в сторону демократизации, сколько актуализировала проблему необходимости укрепления жесткой вертикали власти, ослабленной реформами XVIII—XIX вв. «Брань междоусобная, внутренняя смута, грозят разрушить наше отечество и вконец уничтожить все то, что веками создавали наши предки, русские православные люди», — говорилось в листовке СРН, выпущенной в мае 1906 г.¹⁷¹

Выступавшая альтернативой либеральная, европоцентристская модель развития не могла сохранить империю в силу ее органической неспособности к интегративной практике. «Конституционная власть — власть слабая», — убежденно утверждали крайне правые публицисты, а поэтому «власть ограниченная, неуверенная в себе, в завтрашнем дне, власть случайная, никогда не водворит ни спокойствия, ни безопасности, ни благоденствия на Руси в силу своей природной слабости, всеобщего неудержимого своеволия и озорства и стремления к хищничеству, которые мо-

гут быть сдержаны и обузданы одной только неограниченной всесильной самодержавной властью». Неустойчивость модели западноевропейской демократии обуславливалась тем, что при ней царствовали «подвижные, непрерывно сменяющиеся течения в настроении различных классов и партий в государстве». ¹⁷²

В своей апологии идеи жесткой властной вертикали крайне правые прибегали и к цитатам из источников неприимимых врагов. На страницах черносотенной прессы цитировались «Протоколы сионских мудрецов»: «План управления должен находиться в одной голове: если его допустить к раздроблению на клочки многочисленных умов, его уже не скрепишь, кроме правителя, никто не должен его ведать» ¹⁷³. «Русское знамя» комментировало: «В “Сионских протоколах” жида убежденно говорят, что без “абсолютного деспотизма не может существовать цивилизация”, а в 1905 г. кричали: “Долой самодержавие” и восхваляли конституцию» ¹⁷⁴.

Черносотенцы подчеркивали преимущество монархического способа правления и жесткой административной вертикали над демократическими формами властоустройства для сохранения единства многонациональной империи. Апеллируя к необходимости защиты русского населения, крайне правые предложили не только отказаться от рассмотрения каких-либо предложений по автономизации, но, наоборот, усилить присутствие на окраинах центральных властей. «Существенным условием единения является установление на окраинах твердой русской государственной власти, главной задачей которой должна быть охрана интересов русского народа, а также неотложное принятие мер к восстановлению попираемого ныне достоинства русского имени и к отведению русскому языку подобающего ему, как государственного языка, значения», — говорилось в резолюции Всероссий-

ского съезда Русского собрания состоявшегося в феврале 1906 г. в Петербурге¹⁷⁵.

Принципы по укреплению властной вертикали и усилению централизаторских функций государства в противовес автономистским устремлениям национальных меньшинств достаточно развернуто сформулировал состоявшийся в апреле—мае 1907 г. в Москве IV Всероссийский съезд Объединенного русского народа: «Закон, войско, полиция и монетная система должны быть для окраин общими с Россией как единым и неделимым государством». Укрепление внутриимперских связей должно было проходить посредством реализации жесткой национально ориентированной политики, подкрепленной системой репрессивных мер: «...окраинная политика должна быть непременно национально русской, твердою и последовательною, то есть неизменно направленною к объединению окраин с центром России в географическом, политическом и культурном отношениях»¹⁷⁶.

Важнейшей мерой борьбы с финским сепаратизмом являлась ликвидация автономности правоохранительной и юридической системы Финляндии. Согласно решениям состоявшегося в феврале 1906 г. в С.-Петербурге Всероссийского съезда Русского собрания укрепление властной вертикали должно было сопровождаться подчинением общим законам империи дел, касающихся совершаемых в Великом княжестве государственных и политических преступлений¹⁷⁷.

В этой связи предлагалось ликвидировать независимость финского суда и всей правоохранительной системы, подчинив их общеимперским установлениям¹⁷⁸. Усиление репрессивных мер должно было проявляться в жестком подавлении даже малейших попыток антиправительственных выступлений: «При первом случае террористического посягательства на представителей

государственной власти в Финляндии... или финляндского посягательства в России — необходимо немедленное объявление Финляндии на военном положении со всеми строгостями начала групповой ответственности: военными судами, ссылкой подстрекателей и главарей революции в отдаленнейшие места Сибири, военным постом, временной приостановкой всех газет и журналов, обществ, собраний и увеселений и пр.»¹⁷⁹.

Важнейшая часть стратегии по удержанию окраин состояла в недопустимости уступок: «...политика уступок шведоманским требованиям, начатая после убийства Бобрикова злодеем шведоманом, является устрашающим примером того, как не подобает действовать, ибо она не только уничтожила почти все плоды объединительной деятельности гр. Гейдена и Бобрикова, но и развила в известных слоях населения края небывалое ранее озлобление против России, выразившееся в действиях (вооружение «Воймы» и красной гвардии, преступные сношения с японцами во время войны, тесный и активный союз с русскими революционерами, участие в Снеборгском мятеже и пр.)»¹⁸⁰.

Установление твердой государственной власти и борьба с сепаратизмом должны были сопровождаться надлежащим исполнением администрацией и правоохранительными органами своих обязанностей. Казалось, стоит репрессивному аппарату применить уже существующие ограничительные законы — и порядок восторжествует на долгие годы. Черносотенцы заявляли, что пассивное реагирование на сепаратистские проявления только подталкивало крамольников «на дальнейшие подвиги к отделению от России»¹⁸¹. В докладной записке группы правых деятелей главе правительства В. Н. Коковцову указывалось: «Сами финляндцы многократно заявляли, что им несравненно легче примириться с требованиями русской

государственности, как бы суровы и горьки для финляндцев ни были эти требования, лишь бы они предъявлялись и осуществлялись твердо, решительно и бесповоротно, без шатаний и отступлений»¹⁸².

2. Создание национально ориентированной интеллигенции. Распространенное мнение о том, что образованные слои общества игнорировали черносотенные организации, не имеет достаточных оснований. Интеллигенция, как и все русское общество, оказалась расколотой. Если значительная часть разночинной интеллигенции поддержала либерально-демократическую оппозицию, то достигшие определенного общественного положения представители интеллектуальной элиты страны выступали за сохранение существующей политической системы и традиционного общества. Подробно изучивший деятельность Русского собрания Ю. И. Кирьянов констатировал значительное количество интеллигенции в Совете организации¹⁸³. Персоналии наиболее видных правомонархистов из числа образованных слоев общества рассмотрены в вышедшем в 2008 г. издании «Черная сотня: историческая энциклопедия. 1900—1917»¹⁸⁴. Думская деятельность представителей правой интеллигенции исследована в монографиях А. А. Иванова¹⁸⁵.

Именно консервативно настроенная часть образованного слоя русского общества заложила фундамент правомонархической системы взглядов и выступила организатором черносотенного движения. Как отмечал А. Д. Степанов, в 1890 г. представителями русской интеллигенции Константином Леонтьевым и группой его единомышленников был основан журнал «Русское обозрение», давший импульс созданию в 1900 г. первого крайне правого объединения — Русское собрание, ставшего местом притяжения стоявшей на охранительных началах интеллектуальной и управленческой элиты страны¹⁸⁶.

Существенное влияние на формирование политических взглядов черносотенцев оказала работа Л. А. Тихомирова «Монархическая государственность». Признанием пользовались и его публицистические статьи на страницах газеты «Московские ведомости» по актуальным вопросам тогдашней политики. В сентябре 1909 г. орган СРН газета «Русское знамя» дала следующую характеристику Л. А. Тихомирову: умудренный исключительным опытом осторожнейший и серьезнейший ученый, политик-публицист, труды которого дают «богатейший материал для размышлений над судьбами России, снова попавшей под тяжкое иго бюрократии»¹⁸⁷. И хотя работа «Монархическая государственность» казалась идеологам крайне правых слишком академичной для широкой аудитории, основные ее положения неизменно адаптировались для читателей правомонархической литературы. В процессе идейного противостояния с врагами самодержавной системы труды Л. А. Тихомирова представляли особую ценность, так как «окончательно уличали зловещий смысл современной политики П. А. Столыпина, который доселе скорее чувствовался, нежели понимался»¹⁸⁸.

С первых шагов деятельности черносотенные организации пытались решить задачу воссоздания национальной интеллигенции, поставленную еще в конце XIX в. теоретиками русского монархизма и, в частности, Л. А. Тихомировым¹⁸⁹. В датированном ноябрем 1905 г. обращении Союза русских людей говорилось: «В глубоком убеждении, что главная причина современной смуты коренится в полной оторванности от родной почвы наших так называемых образованных классов, СРЛ ставит своей конечной целью: образование истинно русской интеллигенции, то есть людей просвещенных, сознательно проникнутых теми чувствами, чаяниями и стремлениями, которые свято бережет в тайниках души своей православный народ

русский и которые делают порою из безграмотного крестьянина-простеца — богатыря-подвижника»¹⁹⁰.

По мнению черносотенцев, актуальность формирования национально ориентированной интеллигенции обуславливалась негативным влиянием, которое оказывала образованная часть общества на идеологическое единство русского народа. «Пора проснуться от чар иудейского гипноза! Необходима твердая сплоченная защита этих сословий против такой кагальной “интеллигенции”, против этого “государства в государстве”, до полного его рассеяния в пыль без остатка. Да сгинут тогда все внушенные христианскому миру извращенные, подтасованные и подложные идеи и понятия!», — заявлялось в Своде основных понятий и положений русских монархистов¹⁹¹.

Негативная роль интеллигенции признавалась и западноевропейскими исследователями. В частности, Рудольф Врба в цитируемой газетой «Русское знамя» книге «Революция в России» («Die revolution in Russland») констатировал, что в начале XX в. объединенный стягом общей государственности и единой территорией многомиллионный православный народ был идейно расколот на враждующие части¹⁹². В этой связи предлагалось приложить усилия для спасения от «образованцев-растлителей» основу существующего строя — крестьянство, органы управления и обороны страны¹⁹³.

Монархисты не скрывали, что ощущают недостаток интеллектуальных сил: «Отделение в большей части образованного православно мыслящего и монархически настроенного общества обессиливает деятельность правых партий, так как оставляет эти партии без тех интеллигентных сил, которые бы могли много существенной пользы принести массе народной в политическом воспитании»¹⁹⁴. Жестко критикуя интеллигенцию за предательство духовных ценностей своего народа и идейную зависимость от

Запада, черносотенцы не теряли надежды на возвращение образованных слоев в национальное лоно. Состоявшийся в 1909 г. Монархический съезд в Москве заявлял о необходимости ликвидации «той пропасти, которая, образовавшись со времен Петра Великого, разделила русский народ на две неравные части», и выражал надежду, что «лица, образованные и одинаково с правыми партиями мыслящие по вопросам об основных государственных началах жизни, в самом скором времени подойдут ближе к народу и открыто пойдут с ним, ибо благо этого народа и Русского государства для них также дорого»¹⁹⁵.

Частично эту задачу черносотенцам удалось реализовать. В носившем всесословный характер черносотенном движении именно представители интеллигенции нередко выдвигались на руководящие посты в силу присущего данному сословию высокого уровня политической активности и образованности. Давая импульс для единения в крайне правые союзы политически инертных носителей традиционных устоев из иных слоев, они выполняли организующую функцию. Наиболее активно представители образованных слоев участвовали в деятельности черносотенных организаций крупных городов — Москвы, Петербурга, Одессы, Киева, Харькова, а также на национальных окраинах. Значительное представительство интеллигенции имело место в Главном совете СРН и Союзе русских людей¹⁹⁶. Исследователь Ю. И. Кирьянов указывал, что некоторые отделы черносотенных союзов возглавлялись юристами (Орфенов в Туле), врачами (Кацауров в Ярославле), школьными преподавателями (Родзевич в Одессе) и т. д.¹⁹⁷ Отдельные представители образованного слоя не только принимали непосредственное участие в деятельности правомонархических организаций, но и реализовывали их программные установки через Государственную Думу и Государственный Совет¹⁹⁸.

В условиях жесткой политической борьбы начала XX в. проблема отнесения известных представителей русской культуры к тому или иному лагерю приобрела острый характер. И правомонархисты, и их оппоненты пытались записать в свои единомышленники известные имена гениев прошлого. Черносотенцы утверждали, что современная им беспочвенная интеллигенция представляет совершенно иной духовно-мировоззренческий формат, чем их великие предшественники. По утверждению «Русского знамени», лучшие представители русской интеллигенции, к которым относились М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Ф. И. Тютчев, И. А. Гончаров, братья Аксаковы, братья Киреевские, Ф. М. Достоевский, Ап. Майков, А. А. Фет, Н. Н. Страхов, Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, М. Н. Катков, К. К. Случевский, А. Н. Соболевский, являлись носителями русских базовых ценностей: «Это — цвет русской мысли, это — душа русской культуры, русского просвещения. Любое из этих имен сделало бы честь всякой великой нации и действительно некоторые из них — например Достоевский и Ломоносов — пользуются всемирным признанием. И все они, говоря по-теперешнему, — черносотенцы»¹⁹⁹.

Правомонархисты приводили следующую систему аргументации.

Во-первых, тезис либералов о том, что великие писатели и ученые жили в «давние» времена и вынуждены были разделять монархические убеждения, не выдерживал критики по той причине, что одновременно с Г. Р. Державиным и Н. М. Карамзиным действовали такие «отрицатели», как Н. И. Новиков и А. Н. Радищев. Утверждалось также, что многие возвеличенные левыми деятели умерли еще в молодом возрасте (например, Н. Добролюбов в 25 лет, Писарев — 28 лет), и, следовательно, их революционность следует приписать их незрелости. Например,

мимолетные увлечения «левизной» у Ф. М. Достоевского и Л. А. Тихомирова сменялись раскаянием и страстным служением монархической идее.

Во-вторых, либералы «приватизировали» значительное число деятелей прошлого незаконно. Например, у возвеличенного левой печатью Л. Н. Толстого «крайне отрицательных отзывов о революции и о социализме в его писаниях можно найти множество». И. С. Тургенев также был «далеко безусловным врагом самодержавия, что доказывается хотя бы его статьей об Александре I, опубликованной недавно в «Тургеневском сборнике», — писала газета «Русское знамя»²⁰⁰. А. П. Чехов «точно также ни в коем случае не может быть причислен к элементам революционным или даже оппозиционным; о таких писателях, как Островский, Писемский, Мельников, — в данном случае нечего и говорить». Даже А. И. Герцен далеко не всегда являлся последовательным противником самодержавия. Ссылаясь на написанную Ч. Ветринским биографию А. И. Герцена, черносотенная пресса приводила свидетельства о его враждебном отношении к революционерам 60-х гг. XIX в. и преклонении перед самодержцем Александром II²⁰¹.

В-третьих, черносотенцы утверждали, что «левый» лагерь не внес в русскую культуру существенного вклада. Так, крупнейшие левые писатели, например Н. Г. Чернышевский и Н. К. Михайловский, являлись «безусловно, ничтожными в сравнении, напр., с Гоголем и Достоевским». Ссылаясь на вышеприведенные имена, черносотенцы утверждали, что вся «русская духовная культура, т. е. русская поэзия, самобытная философия, изящная литература, история и в значительной степени критика, — все это, безусловно, создано черносотенцами», а потому когда будет написана беспартийная и беспристрастная история русской литературы, тогда «всем станет ясно, что

у левых не было никого, кроме бездарностей, неудачников и полудзнаек. Для них же ясно и теперь, что все истинно культурное в России и все истинно талантливое стоит в рядах черносотенцев»²⁰².

В современной исторической науке проблема определения критериев принадлежности представителей интеллигенции к крайне правому спектру до сих пор не разрешена. По нашему мнению, в том случае, если исследователь сталкивается с политическими партиями или общественными деятелями, декларирующими приверженность лозунгу «Православие, самодержавие, народность», задача их отнесения к черносотенному сегменту может быть успешно решена посредством использования в качестве критерия приверженность концепции Божественной санкционированности царской власти, принятие самодержавия как единственно возможной для России формы государственного правления, недопустимость его ограничения какими бы то ни было парламентскими учреждениями²⁰³.

3. Создание национально ориентированного предпринимательского слоя. В стремлении черносотенцев создать национально ориентированный предпринимательский слой проявилось неприятие либерализма (и сопутствовавшего ему космополитизма) как идеологической оболочки капитализма, ставившего приоритет индивидуального успеха и нормы прибыли перед национальной культурой, традициями, патриотизмом и отрицавшего приязнь к «родному и своим». Для черносотенцев внедренные капитализмом в российское общество натянутые отношения между рабочими и работодателями неизменно носили национальную окраску даже тогда, когда эксплуататором выступал русский по происхождению предприниматель. Последний рассматривался как утеравший базовые черты истинно русского человека космополит, зараженный за-

несенными с Запада языческими идеями поклонения золотому тельцу.

Порой черносотенные оценки современной им российской буржуазии, отказавшейся от библейских ценностей и впадавшей в грех хищнического присвоения национальных богатств, ничем не отличались от антикапиталистической риторики их политических противников из крайне левого лагеря. Председатель Астраханской народно-монархической партии Н. Н. Тиханович-Савицкий указывал на недопустимость концентрации средств производства и природных ресурсов в руках кучки более оборотистых сограждан, требуя их справедливого распределения между всеми религиозными и национальными группами подданных империи: «Господь Бог дал русскому народу большие земельные богатства, которые, будучи хорошо разработаны и обработаны, дадут большой достаток самому последнему теперешнему бедняку. В России не должно быть ни голодных, ни холодных. И вот не надо допускать, чтобы в России все богатства очутились, как в Америке, в руках нескольких богачей; надо, чтобы богатства возможно равномерно, без обиды предпринимателям, распространились среди всего населения. Россия, в отличие от всех Европейских стран, страна глубоко народная или, как теперь говорят, — демократическая; а потому все заботы управления должны быть прежде всего направлены на высокое поднятие благосостояния народных масс, что совершенно противоположно интересам людей, требующих конституцию, и их нельзя допускать к власти»²⁰⁴.

В этой связи черносотенцами декларировалась цель создания национально ориентированной экономики с русским предпринимательским сословием, для которого народ и природные ресурсы выступали не в качестве объекта безудержной эксплуатации и обогащения, а предметами социального зодчества и партнерства. Внедрение

морально-нравственных норм традиционного общества, по мнению черносотенных идеологов, наложило бы ограничения при эксплуатации единых по вере и крови наемных рабочих²⁰⁵, что неизбежно привело бы к снятию противоречий между трудом и капиталом и воцарению социальной гармонии. Ставка на приоритет национального единения должна была решить проблему классового противостояния. Именно поэтому в листовках Русского собрания в период выборов звучали призывы: «За русских фабричных и заводских рабочих и ремесленников, которым лучше будет жить, когда все фабрики и заводы будут в руках русских людей»; «За русских купцов, фабрикантов, заводчиков и промышленников, чтобы только им отдавать во всем преимущество перед иностранцами, помогать и поощрять в устройстве фабрик, заводов и промышленных предприятий»; «За торговлю, чтобы она преимущественно была в русских руках, и русским торговцам оказывать содействие в кредите и в других их нуждах»²⁰⁶.

Формирование национально ориентированного предпринимательского слоя ставило целью обеспечение экономической основы консервативным силам в государстве, что подразумевало перераспределение собственности и финансовых средств из безнационального и антирусского сегмента в исповедующий православно-монархические идеалы: «Когда русские взгляды и русские требования и обычаи получают подобающее им значение, и тогда может быть Россия будет избавлена от тяжелой необходимости работать на жидов, на немцев, на поляков, на чухонцев и т. п. охотников до чужого пирога»²⁰⁷. В связи с этим черная сотня была единственным, пожалуй, политическим движением, развернувшим планомерную экономическую деятельность в данном направлении. «...Необходимо объединение русских торговых людей и промышленников по всей России и периодические съезды представителей мест-

ных отделений для выработки общих решений о принятии тех или других мер и способах действий», — предлагалось в циркуляре СРН, датированном 1907 г.²⁰⁸ Созданием материально-технической базы контрреволюции, черносотенцы рассчитывали улучшить финансовое положение своих организаций, игравших руководящую и направляющую роль в борьбе за сохранение традиционного общества.

В рамках создания национально ориентированного предпринимательского слоя серьезное место в идеологической и практической работе черносотенных организаций занимала борьба с так называемым инородческим засильем, ставившая целью решение основного вопроса — русского, порожденного оттеснением титульной нации от стратегических позиций в государстве. Враждебных инородцев обвиняли в попытках узурпировать доминирующее положение русского народа в государстве, оттеснить его от исторически доставшегося ему статуса «народа-хозяина» и посредством политико-экономического экспансионизма занять его место: «Завоеванные Россией народы не только нахально лезут вперед, не только хотят играть первую роль, но хотят поглотить русские коренные земли»²⁰⁹.

Основной причиной острого интереса черной сотни к данной теме являлась их убежденность, что русский народ постепенно утрачивает контроль над стратегическими областями государства, что негативно отражалось на реализации государственной властью своей политики. «...Засилье инородцев вообще, а жидов в особенности, составляет вопрос жгучий. Засилье настолько велико, что оно буквально душит всю Россию, а Союз в особенности», — говорилось в постановлении Всероссийского Съезда СРН, состоявшегося в ноябре 1911 г. в Москве²¹⁰. Подавление революции не дало почвы для успокоения. Засилье представителей национальных меньшинств в

административном аппарате негативно сказывалось на деловой активности русского населения. «У нас в Сибири нет почти русских администраторов, — жаловался председатель Ново-Николаевского отдела СРН, — для жида и поляка в Сибири все дороги открыты, а русским нет»²¹¹.

Крайне правые требовали приведения в соответствие процентного соотношения инородцев в профессиях и отраслях экономики с их количественным составом. В концентрированном виде эту мысль высказал киевский профессор Н. С. Мищенко на состоявшемся в октябре 1908 г. Съезде отделов Союза русского народа Юга России: «Далеко еще не устранена опасность для будущего русского народа. Они (инородцы. — *М. Р.*) постепенно захватили все в свои руки: торговлю, промышленность, школу, воспитание, печать и даже значительную часть правительства. Неотложно нужно приступить к упорной борьбе на этом именно поприще. Чувствуется, что настало время так называемой культурной работы. Чувствуется, что необходимо сосредоточить все силы для того, чтобы отнять отнятое, возвратить потерянное... Надо стремиться к освобождению русского народа от еврейской кабалы и в экономическом отношении»²¹².

В черносотенной литературе и программных документах уделялось весьма повышенное внимание и другой проблеме — закабаления, которое являлось следствием чрезмерного засилья. Закабаление определялось как оттеснение представителей титульной нации из области управления народным хозяйством в плоскость зависимого труда имевшими чрезмерное представительство в важнейших областях политики, экономики и профессиональных группах национальных меньшинств. Попыткам инородцев играть определяющую роль в экономической и политической жизни империи вследствие роста промышленного

производства и развития сферы услуг, локализации деловой активности русских предпринимателей черносотенцы дали термин «мирное завоевание»²¹³. По прогнозам крайне правых, достигнув преимущества в важнейших экономических областях, инородцы предпримут реванш, попытавшись «поработить» русских «завоевателей» экономическими методами. По свидетельствам монархистов с мест, данный процесс шел полным ходом. «Жида поработили нас вполне, — жаловался председатель Екатеринбургского отдела СРН П. Ф. Булацель, — русские там в загоне ...но тех безжалостно гонят»²¹⁴.

По утверждениям крайне правых, державный народ не чувствовал себя защищенным даже на государственных предприятиях и учреждениях, где «по сведениям, доставленным железнодорожными отделами Союза русского народа, усматривается, что в настоящее время инородческое засилье на железных дорогах вообще, а польского и жидовского элементов в особенности, сказывается настолько усилившимся, что ведет уже к полному порабощению на железных дорогах служащих и рабочих русских людей указанными инородческими элементами при благосклонном участии остающихся еще на службе русских людей с революционным (забастовочным) прошлым», — озвучивалось на Всероссийском съезде СРН, состоявшемся в ноябре 1911 г. в Москве²¹⁵. Крайне правые жаловались, что инородческое начальство русских железнодорожных рабочих «безжалостно гонит за одно подозрение в черносотенстве, тогда как жидов и поляков, даже уличенных в преступлениях, воровстве и мошенничестве, разве что переводят на другую дорогу или станцию, часто с повышением»²¹⁶.

Официальные документы и материалы периодической печати правомонархических организаций утверждали, что наиболее остро проблема закабаления стояла в Польше, Финляндии, на Кавказе, черте еврейской оседлости,

то есть на тех инородческих окраинах, жители которых не принимали участия в многовековом государственном строительстве. Наоборот, их роль в жизни империи крайне правыми рассматривалась как деструктивная. В частности, в правомонархических документах утверждалось, что исторически проводившая религиозную и национально-культурную экспансию в западных губерниях страны Польша старалась установить свой экономический гнет над православным крестьянским населением Западной Украины и Белоруссии. Состоявшийся в 1909 г. Монархический съезд в Москве констатировал в своих резолюциях: «...на Западе России ...русская народность во всех отношениях жестоко страдает от притеснений поляков и евреев, объединившихся для экономического и национального порабощения русских...»²¹⁷ В воззвании к русскому народу «Литовско-Белорусского края» (читай белорусам. — *М. Р.*) крайне правые отмечали тенденцию консолидации усилий инородцев в стремлении экономически подчинить православное население: «Вы окружены со всех сторон давно уже сплотившимися покоренными вами инородцами в лице поляков и литовцев...»²¹⁸

Достаточно остро ситуация с закабалением складывалась на Кавказе и в южных регионах России. Здесь пальму первенства черносотенцы отдавали армянам, которые были обвинены в захвате финансово-кредитной и народохозяйственной сферы. В многочисленных заметках в черносотенной прессе утверждалось, что на Кавказе «вся торговля, промышленность, посредничество, подряды, поставки и т. п. отрасли общественной жизни находятся исключительно в руках армян»; «Нет, кажется, области общественной жизни, в которой армяне не занимали бы в Тифлисе господствующего, а вследствие сего и решающего значения»; «Правительственные, общественные, городские учреждения кишат армянами, являющими-

ся господами положения, устанавливающими все условия быта и даже самого физического существования...»²¹⁹ Причину успеха армян в сосредоточении в их руках основных экономических рычагов региона черносотенцы видели в идентичности их ментальности с ненавистными евреями: «В сущности, армяне не что другое, как жиды неиудейского вероисповедания, обладающие всеми отрицательными качествами и наклонностями этого племени; это совершенно такое же паразитное племя, с теми же принципами обособленности, не допускающими процесса ассимиляции»²²⁰. В армянах проявились следующие еврейские национальные черты: во-первых, обособленность и сплоченность, которая «оставляет далеко позади себя общеизвестную жидовскую кагальную сплоченность», во-вторых, знаменитая еврейская скарედность, так как армяне «...дерут ничуть не стесняясь ...даже 100% наживы на предметы первой необходимости, особенно если в качестве покупателя является неармянин»²²¹.

Противодействие враждебным инородцам в экономической сфере или т. н. «борьба с засильем и закабалением» декларировались одной из важнейших задач после подавления революции. По мысли крайне правых, отразив штурм антирусских сил, они поставили перед собой задачу лишения революционно-сепаратистского движения экономической основы, которая позволила бы повторить атаку. Ю. И. Кирьянов указывал, что правомонархисты планировали восстановить контроль консервативных сил в наиболее важных отраслях экономики, в первую очередь обеспечив лояльным лицам права на службу в железнодорожном, морском и речном ведомствах. Властные и общественные структуры страны должны были поддерживать предпринимательскую активность державного народа. Последним же должно быть предоставлено исключительное право на аренду казенных угодий, разработку природных богатств,

заселение пустующих земель и преимущественные права в сфере торговли и промышленности. Привилегии распространялись на всю империю. В «коренных областях» России преимущественные права превращались в исключительные²²².

В «Основоположениях Союза русского народа» заявлялось о необходимости предоставить русской народности исключительное право на участие в Думе, государственной, судебной, сословной, железнодорожной, речной, морской и учительской службе. Преимущественные права также распространялись на приобретение и аренду казенных, удельных, церковных и монастырских, частновладельческих земель, разработку их природных богатств, занятие всеми видами промышленности и торговли и т. д.²²³

Далее черносотенцы планировали вернуть в православные руки финансово-кредитную сферу. «Сила патристических организаций и рост их с момента подавления революционного террора и естественного понижения чувства оскорбленного национального достоинства обеспечиваются проведением в жизнь для блага их сочленов таких экономических мероприятий, которые могли бы оградить русского человека от еврея-ростовщика...», — указывалось в вышедшем в марте 1908 г. обращении Главной палаты СМА²²⁴. «...Главный враг русского — еврейство сильно своим золотом. Надо, следовательно, бить жида не дубьем, а рублем», — заключал состоявшийся в феврале 1913 г. в Москве IV Всероссийский съезд русских людей²²⁵. Теоретическим посылом для этого являлось признание России промышленной державой, которая «ныне есть уже страна не только земледельческая, но также фабрично-заводская и торгово-промышленная. При этом денежное или финансовое хозяйство внедрилось в «натуральное» хозяйство, т. е. во все дела промысла, тру-

да, производства и выгоды», — заявлялось в Своде основных понятий и положений русских монархистов²²⁶.

Принятие отвечающего национальным интересам финансового законодательства должно было ограничить права еврейских и иностранных банков на пользование кредитом в Государственном банке, деятельность которого планировалось переориентировать на поддержку русской промышленности, торговли и сельского хозяйства²²⁷. «Каким родом законодательной работы на экономической почве можно победить космополитическую гидру до конца? Законодательством в области финансового хозяйства» — ставили задачи программы крайне правых²²⁸. Состоявшийся в Москве в 1909 г. Съезд русских людей призвал правительство не оказывать из государственных средств поддержки (в виде ссуд и дешевого кредита) еврейским и польским кредитным учреждениям, создававшим условия для «экономического закабаления русского населения»²²⁹.

После возвращения носителям традиционных устоев банковского сектора черносотенцы планировали направить государственный и банковский кредит на развитие земледелия, с тем чтобы крестьянство было избавлено от необходимости «обращаться к иудеям ростовщикам и иудейским банкам, стремящимся к разорению русского народа и даже самого государства Российского», — говорилось в распространенном в мае 1912 г. предвыборном воззвании СМА²³⁰. В Своде основных понятий и положений русских монархистов делалось добавление, что финансовый поток необходимо также перенаправить в русскую фабрично-заводскую промышленность²³¹.

Черносотенцами предпринимались и практические шаги по развитию финансовых учреждений (товариществ взаимного кредита, обществ потребителей, ссудо-сберегательных касс и т. п.), которые, по их мнению, должны были защитить мелкого производителя от произвола ев-

рейских банков²³². При Главном совете СРН была учреждена торговая палата, которая координировала мероприятия по русификации народного хозяйства. Руководящим документом для нее стала разработанная на состоявшемся в марте 1909 г. в Ярославле II Частном совещании представителей отделов Союза русского народа программа, которая предусматривала следующие меры: облегчение дешевого кредита; устройство потребительных лавок, оптовых складов, хлебных контор, артелей, ремесленных содружеств, торгово-промышленных и бытовых групп; организацию ссудо-сберегательных касс и касс взаимопомощи; создание экспортных и трудовых рабочих артелей; поддержку русских ремесленников во избежание засилья их инородцами; обеспечение отделами Союза бесплатно-го лечения рабочих и страхования от несчастных случаев, увечий и смерти²³³. Реализация данного комплекса мер должна была сопровождаться бойкотом инородческих торговых предприятий²³⁴.

Далее чистке должны были подвергнуться стратегические отрасли экономики, наиболее важную из которых играл транспорт. Помимо евреев и поляков черносотенцы потребовали очистить весь персонал Владикавказской железной дороги от армян и заменить их благонадежными лицами²³⁵.

Парадоксально, что требование ликвидации «ино-родческого засилья» в органах управления, экономики и культуры, рассматривавшееся в советской и либеральной историографии как образец великодержавного шовинизма, с точки зрения черносотенцев, являлось борьбой за политическое и экономическое равноправие народов. Наличие значительного количества льгот и привилегий для национальных меньшинств (финны, поляки и т. д.) нарушало баланс между их вкладом в создание империи и использованием преимуществами от ее существования:

основная тяжесть по сохранению империи лежала на русском народе. В постановлении состоявшегося в 1909 г. в Москве Монархического съезда русских людей звучало требование уравнивать русских крестьян в правах с инородцами при получении земли: «По отношению к сибирским инородцам (буряты, алтайские калмыки и киргизы) должно принять правилом, по коему они получают землю не более русских переселенцев, чтобы не было, как теперь, своего рода премии им за инородческое происхождение и за кочевой быт, в виде гораздо больших прирезок земли (даже по 200 десятин на кибитку), чем русским крестьянам (по 15 десятин)»²³⁶.

Вслед за консолидацией русской элиты на православных и монархических принципах должна была последовать консолидация русских в рамках сословных, корпоративных и профессиональных союзов. Благоприятные условия для отторжения русских рабочих от национальной жизни и вовлечение в антигосударственные организации создавали отсутствие у последних собственных сословных и профсоюзных организаций, свойственных другим социальным группам, — крестьянам, ремесленникам, купцам и дворянству. Черносотенцы обратились с инициативой к правительству официально признать рабочее сословие²³⁷ и разрешить создание профессиональных организаций, которые, с одной стороны, могли бы выступить инструментом борьбы с инородческим засильем, а с другой — заполнить нишу, занимавшуюся пролетарскими партиями. Это предложение вытекало из выдвинутого русскими консерваторами тезиса о том, что только хорошо поставленные профессиональные и сословные организации могут стабилизировать общественно-политическую ситуацию в стране²³⁸.

В рамках борьбы с засильем в отдельных случаях на страницах правомонархических документов звучали и

более жесткие предложения, связанные с ущемлением и даже лишением инородцев прав в экономической сфере. В частности, в октябре 1909 г. Главная палата СМА ходатайствовала перед властями о «настоятельной необходимости выселить армян из Терской и Кубанской областей»²³⁹. А в мае 1907 г. в резкой и ультимативной форме квинтэссенцию ограничительных мер в отношении поляков сформулировало «Русское знамя»: конфискация земель, фабрик и домов у всех поляков, принимавших участие в мятежной деятельности; заселение земель польских крамольников русскими крестьянами (преимущественно общинами), жесткая политика русификации²⁴⁰.

С началом I Мировой войны крайне правые направили свой удар на подрыв экономической основы немецкой диаспоры в России, предусматривавший изгнание немцев из всех государственных учреждений и оборонных предприятий и немедленную конфискацию в пользу государства всех предприятий, фабрик, магазинов, капиталов и прочего имущества, принадлежавшего подданным воюющих с Россией держав²⁴¹. Эта мера касалась также учрежденных в России русскими подданными немецкого происхождения акционерных и страховых обществ. Для стимуляции населения на выявление немецкой собственности предлагалось установить процентные денежные отчисления в награду за отыскание подлежащего национализации сокрытого имущества и усиление наказания за его сокрытие. Главную скрипку в выявлении собственности подданных враждебных государств должны были играть отделы крайне правых организаций на местах²⁴².

Таким образом, правомонархисты разработали систему мер в целях возрождения управленческой, интеллектуальной и предпринимательской элиты русского народа посредством укрепления религиозно-нравственных ценностей, внедрения русского патриотизма, усиления па-

терналистской роли государства, просвещения через национально ориентированное образование. Общий анализ приоритетных задач правомонархических организаций, связанный с решением основной проблемы черносотенной идеологии — «русского вопроса», показывает, что, несмотря на деклариовавшиеся цели обеспечения преимуществ базовых ценностей русского культурно-исторического сообщества и преодоления «инородческого» влияния, избранные для их реализации средства носили сравнительно законный характер и не предполагали обращения к погромно-террористической деятельности. Борьба с засильем определялась как возвращение носителям русских базовых ценностей стратегических позиций в государстве, восстановление первенствующего статуса русского народа и противодействие стремлению национальных меньшинств захватить высшие этажи социальной иерархии в империи. Указанные меры хотя и задевали интересы проживавших в Российской империи национальных меньшинств, но не предполагали их насаждения насильственными методами, тем более путем физического уничтожения недовольных.

§ 3. Первостепенные практические меры спасения русского народа

Анализ причин революции показывал, что государственные и духовные устои русского общества были поколеблены растущей секуляризацией населения и образованной его части. А. В. Репников отмечал, что еще в XIX в. русские консерваторы видели причины государственных нестроений в религиозно-нравственном состоянии народа²⁴³. Данная мысль находила свое отражение и на страницах правомонархической прессы, в которой нередко были случаи жесткой критики русского народа как основного

виновника собственных проблем. Благодатной почвой для распространения различных революционных учений стал отход от православия, который захватил, по выражению монархической прессы, «столь громадное число образованных русских людей, да и не только образованных...»²⁴⁴ Революция казалась черносотенцам лишь симптомом глубокой болезни общества и карой Божьей за колебания русского народа в вере: «...Господь за такое наше отношение к вере опускает в нашем Отечестве совершаться величайшим бедствиям, в том числе и гонениям на святую веру, к которой мы стали так равнодушны»²⁴⁵. Нравственное состояние современного им социума черносотенцы оценивали как «шатание всех мировоззрений, время смуты в умах и сердцах русских людей...»²⁴⁶ Вопрос спасения русского народа напрямую был связан с укреплением религиозно-нравственных основ. В связи с этим черносотенцы предлагали реализовать следующую систему мер: просвещение народа через национально ориентированное образование, укрепление русской экономической основы хозяйства и борьбу с пороками, в частности с пьянством. Рассмотрим их более подробно.

1. Просвещение народа через национально ориентированное образование. Черносотенцы признавали огромное влияние школьного воспитания на все сферы жизни общества. Обращаясь к опыту Франко-прусской войны, когда разгромленные французы утешали свое уязвленное самолюбие заявлениями, что их разгромили не прусские солдаты, а прусский школьный учитель, крайне правые проводили параллель, что Россию во время Русско-японской войны поставили на грань катастрофы не японские солдаты, а «собственная школа, русская школа XIX в., ставшая как-то незаметно школой отрицания, ненасытным Молохом, поражающим светлые идеалы тех прошедших поколений, которые создавали и возвеличивали

нашу Родину, исключительно благодаря поддержке этих идеалов»²⁴⁷.

Концентрированный взгляд на сущность школьного образования выразило в своем обращении в декабре 1906 г. Русское собрание, заявившее, что «признает настоятельно необходимым самое широкое развитие образования, которое должно быть распространено во всем населении как посредством частных, так и правительственных учебных заведений, причем, однако, государственная школа должна быть национальной, русской, основанной на христианских началах»²⁴⁸. Школьное образование должно было быть направлено в патриотическое русло, что поставит преграду духовному и политическому развращению народа. Задача начального и среднего образования виделась в воспитании русских подданных, сознательных и самоотверженных слуг Бога, царя, Отечества и народа русского.

Иными словами, декларировалась необходимость последовательного возвращения народа и его образованной части к своим национальным истокам, борьба с ориентацией на западные образцы. В деле воспитания предлагалось опираться не на западные заимствования, а на опыт и теоретические наработки русских педагогов, к которым относились имена Н. И. Пирогова (попечителя Киевского округа) и В. С. Бардовского (директора 1-й Петербургской гимназии). Бесспорным авторитетом русского педагога для черносотенцев являлась М. М. Манасеина, которой Александр III лично поручил разработку вопросов воспитания русских детей. Последняя не смогла довести порученное дело до конца, но оставила обширное наследие в несколько томов, главным из которых стала выпущенная в 1895 г. в Санкт-Петербурге книга «Основы воспитания с первых лет жизни и до полного окончания университетского образования»²⁴⁹. Данный труд, основывавшийся на

религиозном воспитании подрастающего поколения, стал настольной книгой консервативных учителей дореволюционной России.

Теоретическое обоснование необходимости возрождения духовной жизни российского общества посредством исправления школы было зафиксировано во всех программных документах крайне правых организаций, которые намеревались создать «здоровую русскую национальную школу» под надзором церкви и руководством правительства. Для осуществления своей цели черносотенцы выступали с многочисленными проектами и декларациями, направленными на корректировку правительственной политики в данном вопросе. Резкое недовольство состоянием дел в сфере начального и среднего образования, «устроенным безответственной бюрократией», высказывали практически все органы крайне правой печати.

В период между двумя революциями правые активизировали свою деятельность в учебных заведениях России. Вопросы образования рассматривались IV Всероссийским съездом Объединенного русского народа (1907 г.), Монархическим съездом русских людей в Москве (1909 г.), Нижегородским совещанием уполномоченных правых организаций и правых деятелей (1915 г.). Как отмечала С. М. Никифорова, правомонархисты учредили научно-педагогическое общество, делали конкретные предложения по реформированию начальной и средней школы, поддерживали движение студентов-академистов в высшей школе, вели культурно-просветительную работу среди различных групп населения, в том числе в земских школах и общественных организациях, реализовывали комплекс мер по усилению влияния православия среди молодежи посредством создания православных братств, гимнастических и трезвеннических обществ²⁵⁰. Среди молодежи крайне правые организовывали т. н. «потешные

роты»²⁵¹ опыт которых по патриотическому воспитанию был заимствован советской системой образования.

Анализ программных документов крайне правых позволяет выделить следующие основополагающие принципы подхода к организации школьного дела.

Опора на религиозно-нравственное просвещение. Для черносотенцев нравственное состояние человека не зависело от уровня его интеллектуального развития. В отличие от либеральной точки зрения понятие «просвещение» рассматривалось не как комплекс усваивавшихся учащимися основ естественно-научных знаний, а как категория религиозно-нравственного характера. Критикуя либерально-секулярную политику Министерства народного просвещения в области образования, правомонархисты указывали: «Учащиеся не находят смысла в жизни, потому что вместо выставленной веры в Бога в их душах осталось пустое место. Нет смысла в жизни, не стоит и жить, говорят они, и самоубийства учащейся молодежи стали так учащаться, что перешли в эпидемию...»²⁵²

Исходя из данных оценок, черносотенцы пытались найти оптимальную модель «гармоничного сосуществования» научных знаний с религиозной традицией. Роль РПЦ в воспитательном процессе, по их мнению, должна была значительно возрасти, а школе возвращена ее просветительская функция, направленная на формирование основ нравственности. Следуя данному посылу, в начальной школе юношеству надлежало внушать преданность вере православной, царю, Отечеству и любовь к своей народности²⁵³. Считая необходимым поставить религиозное воспитание в основу учебного дела, они выступали за увеличение преподавания в школах Закона Божьего, в котором видели панацею от болезней общества: «Паства сейчас духовно искалечена... Уроки Закона Божьего — это душевные беседы уважаемого и любимого пастыря-мис-

сионера, который является пламенным проповедником слова Божьего среди христиан... которых необходимо предохранить от соблазнов и от влияния лжеучений и воспитать истинными сынами Христианской церкви»²⁵⁴.

Рассматривая православное духовенство своим союзником в деле воспитания подрастающего поколения, черносотенцы предлагали закрепить за законоучительским персоналом большие права и привилегии. Черносотенцы возмущались: «Теперь же благодаря программе, составленной инородцами, Закону Божьему отведено только 2 урока в неделю, гораздо меньше, чем французскому, которому отведено 5 уроков, а самого законоучителя держат в черном теле: ему и жалованья меньше и пенсия скудная»; «Теперь стало понятным, в каких целях инородцы так мало уроков предоставили Закону Божью. Вот почему они хотят отделить церковь от государства. Они хотят в школе вытравить из детской души веру в Бога и во все святое. Они хотят провести в жизнь учащейся молодежи идею самообожания, идею сатанинской гордости... Они хотят внушить ей, что истинный прогресс в отрицании религии, в том, что для прогрессиста нет и не может быть ничего святого, ничего дороже своего я»²⁵⁵.

Внедрение верноподданнического сознания. Как отмечал А. В. Репников, еще консерваторы неоднократно подчеркивали преданность русского народа самодержавному царю²⁵⁶. По мнению черносотенцев, самодержавный монархизм в народе носил «бессознательный» характер, в то время как политическая ситуация начала XX в. диктовала необходимость «осознанной» его приверженности. Идеологи правомонархических союзов с сожалением констатировали, что идея самодержавия осознается массами только на уровне чувств. В связи с этим свою задачу они видели в трансформации данного понятия из «области чувства в область разума» посредством разработки раци-

ональной аргументации преимуществ монархии перед другими способами правления²⁵⁷. Задачу перевести стихийный традиционализм масс в качественно новую форму — осознанную консервативную систему взглядов — и должны были выполнять школы при деятельном участии патриотических организаций, в частности: «...способствовать просвещению народа для развития в нем сознательной политической жизни в духе самодержавия...»²⁵⁸

Воспитание патриотизма. Важнейшей функцией школы должна была стать защита от вредных идейных влияний посредством культивирования патриотизма. Признавая необходимость противостоять агитационной работе противников самодержавия и «падкость» русского народа на новомодные влияния, черносотенцы предлагали направить народное образование в патриотическое русло. «В России школ недостаточно, особенно мало таких школ, которые действительно воспитывают русских граждан, сознательных и самоотверженных слуг Бога, царя, Отечества и народа русского», — утверждалось в документах крайне правых²⁵⁹. В этой связи особая роль отводилась церкви, проникновение которой в учреждения начального образования приветствовалось как заслон «от растлителей и тлетворных влияний, дабы юношество воспитывалось в духе церковности, государственности и воинского героизма, основанного на исторических примерах и почитании родных героев»²⁶⁰.

Наибольшую тревогу черносотенцев вызывало состояние высших учебных заведений, ставших в ходе революции вотчинами оппозиции. Первоочередными мерами в сфере высшего образования монархисты называли ликвидацию автономии университетов, способствовавшей их превращению в «революционные клубы», и увольнение оппозиционно настроенных преподавателей.

Кроме того, правые настаивали на прекращении практики получения образования за границей, следствием которой являлся экспорт революционных идей в Россию. Во главе народного образования предлагалось поставить Русский народный университет, в котором преподавание основывалось на русской исторической традиции: «Нужны высшие школы, русские, патриотические, чуждые политики и разрушительных учений, дающие основательные знания и воспитание, а не одни дипломы со служебными правами»²⁶¹.

Черносотенцы ставили будущее России в зависимость от успеха внедрения системы патриотического воспитания. Истоки победы Японии в войне с Россией они находили в японской системе школьного воспитания. «...Грандиозных результатов способна достигнуть нация (японцы. — М. Р.), благодаря высокому подъему своего патриотического духа, и какую поразительную слабость обнаруживает самый многочисленный и, по-видимому, крепкий народ, когда он игнорирует национальный вопрос»; «Японцы победили нас не потому, что они сильнее или крепче нас, а потому, что эта победа составляла для них их национальный долг, их патриотическую гордость. Между тем наши войска, от генерала до рядового солдата, заранее пессимистически были настроены против войны, не верили в победу, не стремились к ней и, естественно, не могли ее одержать», — делал заявления орган СРН газета «Русское знамя»²⁶².

Черносотенцы предлагали заимствовать японский опыт системы школьного воспитания, где царили порядок и уважение к своей родине, а патриотизм составлял основу всех знаний, каких бы предметов это ни касалось: истории, литературы, искусства и т. д. «...Патриотизм с раннего детства прививается японцу повсюду: и дома, среди окружающих его родных, и в школе, начальниками

и учителями, и в храме, и в обществе; он впитывается с молоком матери; и, главное, прививается и впитывается не в форме сухой морали, путем прописных истин, а живым примером глубокой патриотической проникновенности старших. У нас не было, да и теперь нет таких патриотических школ и заведений...», — писала черносотенная пресса²⁶³. Даже западная система образования выгодно отличалась от российской, так как в тамошних школах детей прежде всего учили быть: немцев — немцами, англичан — англичанами.

Придание практического (прикладного) характера школе. Признавая необходимость введения всеобщего начального образования, монархисты стремились придать ему сугубо практическую направленность, делая акцент на ремесленных и сельскохозяйственных школах, чем хотели решить одновременно две задачи: стимулировать развитие экономики повышением уровня технической грамотности населения и сохранить сословную структуру общества. Следуя данному послы, Союз Михаила Архангела в мае 1912 г. настаивал на жесткой специализации образовательных учреждений: «Нужны, главным образом, ремесленные учительские школы, подготовляющие учителей и воспитателей здоровых, верующих, проникнутых духом служения Отечеству и любви к нему. Нужны средние школы, выпускающие русское юношество к русской жизни, с курсами настолько законченными, чтобы давали выход к практической жизни и без высшей школы»²⁶⁴. В целях укрепления сословности и иерархии в апреле 1908 г. «Русское знамя» предлагало открыть как можно больше сельскохозяйственных (для крестьян), ремесленных и технических (для мещан), торговых (для купцов) образовательных учреждений²⁶⁵.

Ликвидация народного невежества. Помимо нравственного воспитания населения и внедрения таких принци-

пов, как любовь к Родине, уважение и почитание церкви, трепетное отношение к семье, основная задача сельских школ должна была состоять в ликвидации народного невежества. Высокий уровень детской смертности в стране ставил решение этой проблемы на повестку дня: «По количеству умирающих грудных детей наша Россия в ряду европейских государств занимает первое место. Число умирающих грудных детей доходит приблизительно до 1200000 в год». Крайне правые предлагали ориентировать школы на распространение «особенно среди крестьянских матерей понятия о более правильном уходе за грудными детьми. Дети мрут, главным образом, от страшного небрежения матерей... Большинство из них не хотят кормить своего ребенка грудью, не хотят быть его настоящей матерью, как назначила сама природа»²⁶⁶.

Указывалось, что причина такого положения — поразжающее невежество и предрассудки: «Питание ребенка, сон его, покой, опрятность — все это опутано глупостью, сложившейся путем безотчетного подражания, и только железные натуры среди детей в силах это преодолеть»²⁶⁷. В частности, «в раннем младенчестве дети крестьян лишены молока матери и сколько-нибудь умеренного ухода. По беспросветному невежеству народа распространился пагубный обычай не кормить детей грудью или кормить очень недолго. В то время как инородцы — евреи, татары, чувашаи вскармливают детей как должно... русские матери отказывают младенцам в молоке, и по невежеству они вместо груди дают соску. Эта соска (из жеваного хлеба, творогу, каши и т. д.) истинный бич Божий. Он вырывает тысячи деревенских детей, особенно в летнюю пору. Поэтому борьба с детской смертностью есть по преимуществу борьба с гнилою соской. Хотя дети гибнут и от множества других причин, но главная причина детской смертности — эта»²⁶⁸.

Решение материальных проблем школы. Исправление положения в деле народного просвещения виделось в улучшении материального положения учительского состава, повышении жалования, которое ликвидирует почву для озлобления и вражды к правительству. Черносотенцы считали, что по своей природе человек не тяготеет к злу, а является жертвой «дурных инстинктов», порождаемых тяжелыми условиями жизни, в которые он поставлен»²⁶⁹. Попытки подорвать оплот народного образования на селе не прекратились и с созданием русского парламента. Так, комитет по делам земского хозяйства Государственной Думы обвинялся крайне правыми в том, что «систематически стремится отнять всякое пособие у церковноприходских школ, единственных школ, могущих поддержать русское дело»²⁷⁰. Предложение Думы урезать финансирование низших церковных образовательных учреждений (их в стране насчитывалось 45 тыс.) рассматривалось черносотенцами не только как удар по народному образованию, но и уничтожение «последнего оплота борьбы против революции».

Как видим, важную роль в своей деятельности правые отводили воспитанию подрастающего поколения, стремясь оградить его от проникновения оппозиционных идей. Черносотенцы указывали, что после подавления революции, когда появились первые ростки национального движения, СРН тут же поддержал его, создавая школы и гимназии, в которых осуществлялось национальное воспитание²⁷¹. Считалось, что именно крайне правые организации должны были дать импульс по преодолению национального упадка. В обязанностях члена СРН говорилось: «Член Союза русского народа, и вообще русский человек, должен не по имени только, всей душой, быть преданным и верным своей родной православной вере и в правилах должен учить и воспитывать свою семью; врагов своего

царя русский человек не должен принимать в свой дом, не должен вверять им обучение своих детей; врагов своего царя русский человек должен чуждаться во всех своих общественных делах и предприятиях... во всяком деле и на всяком месте русский человек должен поддерживать прежде всего своего родного брата, русского человека»²⁷².

Но создать широкую сеть школ и других учебных заведений под эгидой монархических партий черносотенцам так и не удалось. Объясняется это, в первую очередь, отсутствием средств, так как финансирование учебных заведений производилось за счет добровольных пожертвований, приток которых не отличался стабильностью. Данную проблему предлагалось решить за счет состоятельных слоев общества: «Дело Государственной Думы обратить внимание, главным образом, на цифры доходов и расходов. Одно из средств увеличить доход — это ввести справедливый строгий подоходный налог и большой налог на наследство богачей»²⁷³. Трудно было найти и преподавательские кадры для школ. В этот период в стенах учебных заведений преобладали оппозиционные настроения, поэтому представляется весьма вероятным и то, что сами учащиеся не очень охотно шли в черносотенные школы.

2. *Защита крестьянской общины и землевладения, укрепление русской экономической основы хозяйствования.* Помимо укрепления религиозно-нравственных основ черносотенцы уделяли внимание хозяйственной сфере, долженствующей обеспечить материальную основу возрождения русского народа. Первоочередным предметом забот правительства должно было стать сохранение за русским народом приоритета в сфере сельскохозяйственного производства, для чего предлагалось реализовать комплекс мер по укреплению крестьянской общины, решению проблемы малоземелья, упрочению русского землевладения

как на коренных русских территориях, так и на национальных окраинах²⁷⁴.

Под тезисом об укреплении крестьянского землевладения на коренных русских территориях подразумевалось недопущение перехода земель в руки несельхозпроизводителей или, иначе говоря, декларировался принцип фактической неотчуждаемости земель земледельческих сословий. Состоявшийся в 1909 г. в Москве Монархический съезд заявлял, что крестьянское землевладение должно быть ограждено от «скупки и перехода каким бы то ни было способом к лицам иных сословий, инородцам и особенно евреям». Мещанству предоставлялось право приобретения лишь некрестьянских земель, а казачеству — только в пределах войсковых областей²⁷⁵. Иными словами, в «коренных областях» продажа и аренда частной земли могла осуществляться только православными сельхозпроизводителями.

Выступая против столыпинской реформы, сторонники А. И. Дубровина (в отличие от обновленцев) указывали, что уничтожение крестьянской общины приведет к потере крестьянским сословием основного средства производства — земли, так как в условиях неготовности крестьян к проникновению капиталистических отношений в деревню, основными бенефициарами преобразований станут ростовщический капитал и земельные спекулянты. Указывалось, что Закон 9 ноября 1906 г., позволявший залог и продажу наделной земли, неизбежно обострит социальные противоречия на селе, так как создаст массу выброшенных на рынок труда лишенных средств производства сельских тружеников, которые неизбежно подвергнутся закабалению или пополнят ряды революционной армии²⁷⁶.

Основания для таких утверждений крайне правые находили в результатах крестьянской реформы 1861 г. Ссылаясь на пример пятидесятилетней давности, черносотен-

цы напоминали, что полученные из казны за урезанную в пользу крестьян землю компенсационные средства часть помещиков по своей неподготовленности растратили, вместо того чтобы вложить в оборот. Финансовая несостоятельность заставила их закладывать и продавать земли ростовщикам, которые сделали ее объектом спекуляций. В целях недопущения такого развития событий, по мнению крайне правых идеологов, правительству следовало бы установить систему, не допускающую продажу земли и закрепляющую ее в наследственную семейную собственность. Ошибка правительства Александра II состояла в том, что при проведении Великой реформы не были введены правила, согласно которым продажа земли могла быть допущена только с разрешения правительства и только представителям дворянского или крестьянского сословий. Эти меры поставили бы преграду перед земельными спекуляциями: «И тогда бы русская земля, политая кровью и потом русского народа, не досталась бы инородцу, а осталась бы в руках народа-хозяина»; «А теперь посмотрите, большая часть лучших русских земель в руках инородцев, немцев, поляков, жидов и пр., пр., и даже, стыдно сказать, иностранцев»²⁷⁷.

В аграрных мероприятиях правительства Столыпина черносотенцы видели серьезную угрозу и традиционным устоям страны, так как потеря крестьянством земли — основы русской государственности неизбежно привела бы к утрате государством национальной идентичности²⁷⁸. Здесь они вновь обращались к опыту реформы 1861 г., деструктивность которой виделась в разрушении оплота самодержавия на селе: «Лишившись земли, почвы под ногами, может ли дворянство быть так твердо, как прежде, так же авторитетно поднять свой голос за веру, царя и Отечество?»²⁷⁹ Следствием крестьянской реформы стало не только увеличение безземельного дворянства, в

ряды которого проникли оппозиционные настроения, но и разрушение помещичьего класса, представлявшего «культурную, а не кулачную, обычную теперь силу нравственную и материальную, следовательно, независимую»²⁸⁰.

В целях локализации негативных последствий Столыпинской аграрной реформы черносотенцы предлагали принять закон, закрепляющий крестьянское землевладение в семейную собственность с правом продажи (только при переселении) при согласии всех членов семьи в общественный земельный запас при общине. Это гарантировало бы сохранение земли в руках сельхозпроизводителей и предотвратило бы земельные спекуляции со стороны «скупщиков — кулаков, хищников инородцев и пр., всяческими способами истощающих русские земли»²⁸¹. При этом крайне правые не теряли надежды исправить ошибку 60-х гг. XIX в., лелея надежду на возвращение дворянству потерянной в результате Великой реформы земли. Здесь черносотенцы выступали за укрепление и единение крестьянского и дворянского сословий, не видя непреодолимых между ними социально-экономических противоречий.

В связи с невозможностью остановить набравшую темпы аграрную реформу крайне правые выдвинули идею установления строгого запрета на покупку земель инородцами, а уже имевшиеся в их руках угодья рекомендовали передать дворянскому или крестьянскому сословию. Предлагалось законодательно запретить еврейское землевладение, как «непосредственно, так и под прикрытием анонимных компаний (безымянных товариществ) и аренд на чужое имя, дабы русская земля стала действительно русскою»²⁸². Состоявшийся в ноябре—декабре 1911 г. в Москве Всероссийский съезд СРН потребовал ограничить скупку земель в Юго-Западном крае немцами и поляками²⁸³. Особо подчеркивалось, что принятие указанных законов не потребует никаких материальных

затрат для правительства и будет «мирным ответом на смуты инородцев»²⁸⁴.

Для укрепления русских крестьянских хозяйств черносотенцы предложили систему мер по развитию землеустройства и земледелия, страхованию сельскохозяйственного инвентаря и оборотного денежного фонда, борьбе с перекупщиками и ростовщиками в хлебной торговле, которые, «роняя хлебные цены для хлебопроизводителя и, с другой стороны, взвинчивая цены для хлебопотребителей русских и иностранных, обируют тех и других»²⁸⁵. Для нейтрализации последних предлагалось ввести государственную монополию хлебного вывоза за границу и организовать сеть земских и государственных элеваторов²⁸⁶.

Остро стоявшую проблему малоземелья в коренных русских губерниях планировалось решить за счет окраин посредством «планомерного переселения туда избытка русского населения и укрепления там чисто русской государственности русскими руками»²⁸⁷. Впервые сформулированное состоявшимся в апреле—мае 1907 г. в Москве IV Всероссийским съездом Объединенного русского народа данное предложение²⁸⁸ получило детальное развитие в Своде основных понятий и положений русских монархистов, выработанных IV Всероссийским съездом Союза русского народа, состоявшимся в мае 1912 г.²⁸⁹ В этих целях предлагалось предоставить крестьянству преимущественные права на приобретение и аренду казенных земель, заселение свободных территорий. «Все свободные земли в Закавказье должны быть предоставлены русским православным крестьянам по закону 1 мая 1900 года», — провозглашалось в постановлениях II Всероссийского съезда русских людей, состоявшегося в апреле 1906 г. в Москве²⁹⁰. Здесь проявляется комплексный подход крайне правых к проблеме удержания окраин, которое должно было про-

исходить не только силой, но и культурно-экономической экспансией русского трудового населения.

Массовая колонизация окраин решала и другую важную задачу: прикрепляла инородческие территории к русской метрополии. Прочное закрепление за русским крестьянством пустующих пространств империи, обреченных в противном случае стать объектом военного и экономического завоевания соседних стран, несло за собой поднятие культуры земледелия покоренных народов и экономическое развитие территорий. Наиболее благоприятные условия для переселения крестьянства представлял Туркестан, где «масса незанятых земель, юридически считающихся собственностью туземцев, земельный быт которых не устроен. При условии правильного отношения земля дает громадные урожаи. Но Туркестан не имеет свободных рук. Надо вселить сюда возможно большее количество русских из внутренних губерний», — предлагала черносотенная газета «Земщина»²⁹¹.

Первостепенным объектом русской колонизации должны были стать мятежные окраины: Польша, Финляндия, Кавказ, Закавказье, а также коренные русские земли, подвергшиеся экономическому натиску инородцев. Крайне правые планировали переломить ситуацию в западных губерниях России, где согласно их заявлениям, «покоренные нами поляки не только посягают на нашу православную веру, но и хотят отобрать земли, завоеванные земли и облитые родной кровью веками победоносного всероссийского воинства»²⁹². Озабоченность нестерпимым положением русского 18-миллионного населения Западной Руси звучала и с думских трибун²⁹³. «С 1905 года наступила не свобода исповедовать беспрепятственно любую веру, а свобода насилловать совесть православных. Все служащие и работающие у поляков-помещиков, все арендующие их землю и все зависящие от них материально подверглись натис-

ку — меняй веру или убирайся прочь! Многие не устояли под угрозой лишиться куска хлеба. Среди православного населения идет самая яростная агитация ксендзов и их фанатичек-девоток. Народу внушают, что сам царь принял католичество, что скоро у православных отнимут землю, что каждый католик делается паном», — сообщал участникам состоявшегося в сентябре 1909 г. Монархического съезда русских людей Г. К. Шмидт²⁹⁴.

Православная «реконкиста» в западных губерниях должна была проходить при деятельной поддержке властей. Черносотенцы указывали, что православное население Западного края находилось в неравном экономическом положении с польскими землевладельцами, так как было значительно ограничено в получении банковских кредитов на расширение наделов, развитие и интенсификацию сельскохозяйственного производства. Сдотошностью изучившие в этом регионе ситуацию крайне правые функционеры утверждали, что польское землевладение укреплялось благодаря Виленскому земельному банку. Будучи создан для проведения строго национальной экономической политики по поддержанию и развитию русского землевладения, он быстро оказался в польских руках и переориентировал свою деятельность на то, чтобы «ни единой пяди польской земли не перешло к москалям». Назначенный контролировать работу банка правительственный чиновник получал жалованье от самого же банка, определявшего и размер такового жалованья. В результате само русское правительство невольно финансировало экономическое усиление поляков, так как покупало закладные листы банка, — возмущался состоявшийся в 1909 г. в Москве Монархический съезд русских людей²⁹⁵.

Слабая надежда на помощь властей в охране белорусского, украинского и русского населения западных губерний от «порабощения» поляками приводила крайне

правых к мысли о необходимости самостоятельной мобилизации на противодействие враждебным поползновениям. «Передовые борцы на сторожевых постах северо-западной окраины, нам прежде всего нужно сплотиться, так как поодиночке нас легко одолеют многочисленные враги России», — обращались к русскому населению западных губерний руководители СРН²⁹⁶. В этих целях предлагалось формирование православных братств самообороны под патронажем РПЦ. В частности, состоявшийся в мае 1912 г. IV Всероссийский съезд СРН постановил ходатайствовать об учреждении при Святейшем синоде Западно-Русского братства для координации деятельности существующих в западном крае православных структур²⁹⁷.

В вопросах защиты русского крестьянского землевладения жестко следившие за чистотой идеологических установок черносотенцы готовы были поступиться принципами и объединиться с конституционными партиями. Так, состоявшийся в 1909 г. Монархический съезд в Москве признал возможным сотрудничество с Всероссийским национальным союзом (ВНС) «на западе России, где русская народность во всех отношениях жестоко страдает от притеснений поляков и евреев, объединившихся для экономического и национального порабощения русских, где возникает стремление украинофильства к сепаратизму...»²⁹⁸. Оба движения предлагали идентичную систему мер по противодействию инородческой угрозе посредством ужесточения правовой и экономической дискриминации.

В целях поощрения крестьянского переселения и лишения крамолы экономической основы черносотенцы высказывали даже мысль о насильственном отъеме у инородцев земельной собственности. Политическое обоснование этих дискриминационных мер в декабре 1907 г. дала газета «Русское знамя»: «Безопасность каждого государства требует одноплеменности его народа. Если бы в России...

отнимали земли у поляков, хотя бы восставших только... для поселения на польских землях русских людей и хотя бы даже крестьян, то это вовсе не было бы принудительным отчуждением земли у владельцев в пользу крестьян, но отбиранием имуществ у неблагонадежных людей ради государственной безопасности. Такое отчуждение земли можно было бы лишь приветствовать...»²⁹⁹

С началом I Мировой войны крайне правые выступили с очередной инициативой по расширению русского крестьянского землевладения за счет конфискации земельной собственности немецкого населения империи. «Достояние православной России, т. е. земля русская, ни одной пядью своей не должно принадлежать немцам и жидам», — декларировало в своих решениях Совещание уполномоченных правых организаций и правых деятелей, состоявшееся в ноябре 1915 г. в Петрограде. Черносотенцы потребовали от правительства распространить на всю Россию действие закона от 2 февраля 1915 г. о ликвидации немецкого землевладения и *запретить* покупку земли всем подданными враждебных государств³⁰⁰.

Оправдывая применение столь жестких мер, черносотенцы ссылались на опыт «цивилизованных» стран Запада: «В составе Германии находится только одно не немецкое племя — поляки, которые сохраняют свой язык и обычаи исключительно благодаря земле, на которой они живут кучно. Если лишить их земли, то, рассыпавшись по всей Германии, они быстро потеряют свои народные особенности и сольются с немцами. В этих государственных соображениях решено правительством Германии приступить к отчуждению земель не у собственников вообще, но только у поляков. Отнятие у поляков земель с вознаграждением их из государственной казны явится лишь следствием государственной необходимости, случаем частным, а не общим правилом. Поэтому выставять этот случай при-

мером государственного отчуждения земельной собственности вообще является неправильным приемом»³⁰¹.

3. Борьба с пороками народа, в частности пьянством. Важнейшее средство духовного и физического спасения русского народа черносотенцы видели в борьбе с народным пьянством. В советской историографии причина всесословного характера черносотенных организаций объяснялась привлечением значительного числа представителей непривилегированных сословий за счет «даровой водки»³⁰². Мнение о целенаправленной алкоголизации населения для отупления народных масс и отвлечения их от революционной борьбы, получившее широкое звучание в либеральной и революционной прессе, заставляло черносотенцев оправдываться: «Газету же “Русское знамя” никто из знающих ее не понаслышке только не заподозрит в покровительстве пьянству и в потакательстве “винополии”»³⁰³. Наоборот, анализ программных документов и деятельности крайне правых организаций опровергает возведенные обвинения. Страницы черносотенных газет кричали о необходимости «принять надлежащие меры к скорейшему ослаблению этого зловредного порока...»³⁰⁴. Проводя широкую культурно-просветительную работу, монархические организации не только резко выступали против народного пьянства, но и сделали ряд серьезных предложений по борьбе с этим социальным злом. В 1909 г. вопрос о борьбе с пьянством был вынесен на обсуждение состоявшегося в Москве Монархического съезда русских людей, на котором была создана специальная комиссия и выработана программа, направленная на сокращение потребления населением алкогольных напитков.

Обращаясь к истокам народного пьянства, крайне правые находили их в незрелости населения и отсутствии государственного протекционизма. В отличие от своих политических противников монархисты не акцентировали

внимание только на критике желающего пополнить казну правительства, находя благодатную почву для пьянства в народном невежестве. Газета «Русское знамя» бросала упрек населению, что «больше всего виновато оно само в том, что погибает от пьянства, и никто не сможет помочь, если само крестьянство помочь себе не захочет...»; «Пьянство в народе будет процветать, пока он останется непросвещенным, пока выпивка будет являться почти единственной формой общения, пока деятельность попечительств о народной трезвости будет стоять на ложнопугубном пути привития народу яда космополитических идей, пока малоземельный крестьянин периодически голодает и почти всегда недоедает»³⁰⁵. В связи с этим черносотенцы предлагали усилить просветительскую работу среди населения.

Понимая, что одних запретительных мер для борьбы с пьянством недостаточно, монархисты развернули активную антиалкогольную кампанию. Впервые в российской истории черносотенцы попытались мобилизовать широкие народные массы, объявив борьбу с пьянством всенародной задачей: «Если теперь удастся поднять могучее народное движение, в котором примут участие все слои общества, то мы можем надеяться на победу над огромной силой капитала пиво- и винозаводчиков»³⁰⁶. На базе провинциальных черносотенных организаций по всей стране создавались общества трезвости. Возглавив широкое трезвенническое движение, черносотенные идеологи надеялись на повторение успешного зарубежного опыта: «Если такая свободолюбивая страна, как Северная Америка, являет примеры целых штатов с абсолютным запретом алкоголя, даже в форме пива и виноградных вин... почему бы не начать вытрезвлять наше пьяное царство не той или иной посудиною или крепостью питей, не театрами или танцами, или, наконец, чтениями и фонарями волшебными, а

полным упразднением водки»³⁰⁷. Для отвлечения народа от кабаков и винных лавок правые использовали многообразные средства: открывали библиотеки, читальни, народные дома, организовывали благотворительные театральные представления, литературные вечера, концерты, лекции в школах. В проповедях против пьянства активно использовалась и печатная агитация: издание воззваний, обращений, листовок, брошюр. Велась борьба и с таким негативным следствием пьянства, как хулиганство.

В целом, система мер для борьбы с народной бедой включала следующие позиции.

Ужесточение условий продажи и повышение цен на алкогольную продукцию. Крайне правые предлагали снизить производство водки с сохранением доходов казны за счет поднятия цен на алкогольную продукцию: «Как ни говори, а если бы “мерзавчик” стоил 4 рубля, а не 4 коп., то от него пришлось бы отказаться очень и очень многим, совершенно точно так же, как отказываются от шампанского люди, не могущие платить по 6 руб. за бутылку»³⁰⁸. Для более эффективной борьбы с пьянством на страницах черносотенной печати выдвигалось мнение о необходимости «передать монопольную продажу вина обществу трезвости с широкими национально-русскими задачами и свободным приливом консервативных сил народа»³⁰⁹, а также «сократить число кабаков и дней торговли вином, способствуя этим сокращению повального пьянства, с исчезновением которого исчезли или значительно уменьшились бы голодовые недоборы в налогах, деревенская безнравственность, а с нею всякого рода насилия и поджоги, одинаково разорительные как для отдельных лиц, так и для государства»³¹⁰. В перспективе ставилась задача закрыть все торговые точки.

Борьба с незаконной продажей алкоголя. Для борьбы с тайными питейными заведениями (шинкарными и кор-

чмами) предлагались меры как репрессивного, так и экономического характера. На беспощадное искоренение незаконного промысла должны были быть ориентированы как властные, так и правоохранительные органы на местах (старшины, становые, исправники и земские начальники). При неспособности государства решить эту проблему предполагалось использовать народный самосуд. Экономический блок включал создание конкуренции путем открытия государственных питейных: «Опыт показывает, что при казенках тайное кормчество не процветает. Там, где “казенки” нет, кормчество развивается открыто и спокойно, ибо там нет никакого надзора, никакого препятствия»³¹¹.

Прекращение экспорта спирта из-за границы. Черносотенцы указывали правительству на недопустимость экспорта спирта из-за границы по соображениям не только сбережения народа, но и защиты отечественного производителя. В июле 1907 г. «Русское знамя» писало: «...придется уплатить за спирт лишний десяток миллионов золотом, а за границу и без того уходит его на погашение и по нашим займам на сумму около 400 млн рублей»³¹². Политика правительства казалась не поддающейся логическому разумению: «Какой же расчет, с одной стороны, увеличивать бюджет за счет народного пьянства, а с другой — тратить десятки миллионов на помощь голодающим, терпеть недобор налогов и способствовать вырождению никуда не годных физически и нравственно поколений»³¹³. Кроме того, сокращением закупок спирта у русских помещиков государство лишало их финансового подспорья, а деревенских рабочих — заработка³¹⁴.

Сохранение государственной монополии на продажу алкоголя. Впрочем, черносотенцы понимали бесперспективность принятия властями многих своих предложений. Исходя из мнения о том, что полностью отказаться от

продажи алкоголя в государстве невозможно, важнейшей мерой по спасению русского народа от деградации могло стать сохранение государственной монополии на продажу водки. При этом черносотенцы высказывали следующие соображения. Монополия является меньшим злом по сравнению с акцизной продажей алкоголя, на введении которой настаивали политические противники крайне правых — кадеты, октябристы и националисты. Введение монополии на продажу водки признавалось черносотенцами за правительством Витте единственной заслугой: «...за эту монополию графу Сергею Юльевичу простить... четверть Сахалина, отданного им японцам. Сознывая возможность регулирования потребления водки, граф Витте думал, вероятно, об увеличении этого потребления — в целях пополнения казенного сундука, конечно. А вышло так, что орудие, скованное им, способно также успешно задержать и обуздать распространение пьянства. Что ж, случается, что изобретатель сложной машины сам не знает, какие благодетельные силы кроются в его изобретении»³¹⁵.

Оспаривая тезис националистов о вине монополии в усилении пьянства, газета «Русское знамя» писала: «Нельзя же в самом деле поверить, чтобы серьезные, умные и образованные люди... вроде, например, Меньшикова (лидера ВНС. — *М. Р.*) — чтобы такие люди могли действительно воображать, что монополия виновата в усилении пьянства и что с возвращением к системе акцизов или откупов — все народонаселение России сразу превратится в трезвенников, от водки же неказенной — станут с негодованием отказываться, даже продрогшие на морозе ломовые извозчики, даже когда ее будут подносить “на даровшинку”»³¹⁶. При этом идеологи крайне правых признавали, что «с внедрением монополии смертность от алкоголизма почти не уменьшилась»³¹⁷. Однако вина за это налагалась на бюрократический аппарат, выступивший «непосредственным

и прямым защитником кабака... обнаружив систематическое противодействие составлению сельскими обществами приговоров о закрытии казенных лавок»³¹⁸.

Защита монополии зиждилась не на признании ее достоинств, а на возможных негативных последствиях ее отмены. Введение акцизной продажи водки грозило масштабным спаиванием населения дельцами, заинтересованными лишь в собственной выгоде. Иными словами, монополия была меньшим из зол: «Монополия — великая сила. В ней единственный способ бороться с синдикатами, делающими жизнь современного человечества совершенно невыносимой»³¹⁹. В декабре 1912 г. «Русское знамя» заявляло: «Аktionеры пивных и водочных заводов, а также другие лица, заинтересованные в потреблении алкоголя, суть тяжкие преступники перед страной и своим народом»³²⁰. При уничтожении монополии, введении акцизов на производство спирта и появлении откупщиков в алкогольной отрасли появился бы слой предпринимателей, напрямую заинтересованных в увеличении производства и продаж. Законы рынка привели бы к конкуренции, снижению цен, «облегчению» реализаций (кредит при покупке и т. д.), распространению шинкарных, принимающих в залог и «сапоги, и шапку, и соху, и борону и т. п. уже изведенные Россией прелести частной продажи “питей”»³²¹. Черносотенцы указывали, что ликвидация монополии закончится взрывом народного пьянства: «Смешно же предполагать в самом деле, что при “откупах” будут пить меньше, чем теперь, или что с введением акцизной системы нынешние “спившиеся” деревни сразу дадут зарок даже не нюхать водки... Нам сдается, что будет совсем наоборот»³²².

Вопрос об отмене монополии стал для крайне правых очередным поводом обратить внимание на ущербность парламентских институтов власти, оказывавшихся подчиненными не «воле народа», а интересам крупной буржуа-

зии. Крайне правые указывали, что борьбу с монополией ведет колоссальный капитал, вложенный в пивоварение, винокурение и трактиры: «...этот капитал прямо или косвенно повелевает печатным словом и не позволяет истинному знанию проникнуть в народ»³²³. Доказывая тезис о продажности депутатского корпуса и бюрократии водочным и винным королям, черносотенцы ссылались на пример Франции, где пьянство «гораздо более пагубнее, чем у нас...»³²⁴. Лоббирование интересов французских винопроизводителей оборачивалось деградацией населения, демонстрируя «гибельную картину нравственного растления Франции и вырождения ее населения по причине непомерного употребления алкоголя».

Зависимость русской правительственной бюрократии и депутатов Государственной Думы от тугих кошельков претендентов на занятие водочной ниши находила отражение на страницах черносотенной прессы: «Ужасный вред, причиняемый пьянством стране, хорошо сознается ее правительством и представителями народа, но, тем не менее, реформы к ограничению пьянства не вносятся в законодательную палату министерством из боязни быть отвергнутыми депутатами, ставящими свои интересы выше общественных, из боязни не быть избранными вновь, если пройдут против выборных заправил, во главе которых стоят кабатчики, винокуры, возделыватели свеклы и картофеля и фальсификаторы вина и которым общественное пьянство служит средством для личного обогащения»³²⁵. Крайне правые прямо указывали, что выступавшие за отмену монополии думские фракции октябристов, кадетов и националистов лоббируют интересы спиртопроизводителей. «Их ненависть не столько к водке и пьянству, сколько к “монополии” — т. е. к казенным доходам казны от продажи спирта. Очевидно, главной целью является не уменьшение употребления спирта, а изъятие его про-

дажи из казны...», — утверждали монархисты³²⁶. Иными словами, «прогрессивные трезвенники», как черносотенцы называли представителей вышеуказанных депутатских фракций, ополчились не на водку, а на монополию.

Предпочтительность сохранения монополии базировалась на ее недостатках как коммерческого предприятия. Бюрократическая машина империи не выдерживала критики как эффективный управленец, что подчеркивало «Русское знамя»: «Государственная власть, казна — единственный безличный и бескорыстный принцип, могущий не поддаться соблазну, крупной — очень крупной — выгоды от продажи водки»³²⁷. Государственные управленцы не гнались за сверхприбылями, проявляя безразличие, «сколько миллионов получит одно ведомство, недобор которого покроется увеличением доходов или уменьшением расходов по другим ведомствам»³²⁸. В данном случае общеизвестные недостатки бюрократии оборачивались пользой для народа: «...равнодушие к успеху государственного дела, которому служат господа, получающие содержание каждое двадцатое число. На казенных заводах подобное безразличие чиновников и продавцов казенных винных лавок мешает расширению употребления спирта. Они ведь все равно жалованье свое получают»³²⁹.

Другой положительной чертой монополии являлось приемлемое качество производимого спиртного, что было бы утеряно при введении акциза. Передача производства и реализации алкоголя в частные руки в условиях рынка заставила бы предприятия увеличивать производство за счет качества: «Мы считаем водку отравой, но именно потому находим, что изготовлять эту отраву и распоряжаться ею может только казна, т. е. только государство, которому несомненно выгодно уменьшение пьянства, а не его увеличение»³³⁰. На примере Франции черносотенная пресса предупреждала, что ликвидация монополии неизбежно

приведет в этот бизнес еврейских предпринимателей, которые в погоне за прибылью будут производить фальсифицированные алкогольные напитки. Даже в условиях монополии имелись многочисленные факты фальсификата, производимого еврейскими гешефтмахерами: «Когда же правосудию, напуганному громадным количеством жертв или припертому к стенке очевидностью фактов», доказывающих отравление того или иного напитка, удастся добраться до первоисточника отравы, то... всегда и везде виновником оказываются евреи»³³¹. Крайне правые указывали, что неотягощенные сантиментами по поводу здоровья «гоев» предприниматели в ермолках выбрасывали на рынок некачественный продукт для извлечения максимальной прибыли: «Русский народ уже не спаивают только, его отравляют... все те же враги законности и порядка, царя и Бога»³³².

В требовании сохранения государственной монополии на продажу водки черносотенцы проявляли государственный подход, видя в ней неисчерпаемый источник пополнения бюджета страны: «Винная монополия предпринята исключительно в целях увеличения средств государственного казначейства, путем незаметного повышения продажной цены вина, а равно в целях сокращения смертности от алкоголизма»³³³. В случае введения акцизных продаж произойдет перераспределение прибылей из кармана государства в мощну предпринимателей. Это неизбежно отразилось бы на финансировании армии и флота, что было недопустимо в условиях роста международной напряженности. Черносотенцы также подозревали, что в борьбе с монополией их политические противники преследовали далеко идущие планы ослабления государства посредством опустошения его бюджета и принуждения власть предержащих к переговорам по путям реформирования страны.

Рассуждая о перспективах крайне правого движения в России, черносотенные идеологи приходили к выводу о том, что основной задачей их союзов в ближайшем будущем должна была стать защита интересов наиболее угнетенных слоев населения в целях ликвидации правового дисбаланса между верхами и низами. Разрабатывая в мае 1916 г. проект «Основных положений народных монархических союзов» Н. Н. Тиханович-Савицкий писал, что по своему составу они должны были быть «преимущественно союзы простонародные» и ставить целью повышение благосостояния народных масс, под которыми понимались «крестьяне, рабочие, мещане, разные служащие и вообще бедный малосостоятельный люд...»³³⁴ Реализация этой задачи, по его мнению, могла установить социальную гармонию в обществе, служить единению различных слоев русского народа и обеспечить политическую стабильность в государстве, исповедующем принципы православия, самодержавия, народности.

Библиографические ссылки

- ¹ Размолодин М. Л. О консервативной сущности черной сотни. Ярославль. 2012. С. 114—118.
- ² Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. М., 1999. С. 56.
- ³ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/2. № 381/33.
- ⁴ Земщина. 1911. 26 апреля.
- ⁵ Прямой путь. 1912. Вып. V (май). С. 778.
- ⁶ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/2. № 381/33.
- ⁷ Русское знамя. 1907. 11 марта.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Прямой путь. 1913. Вып. III (март).
- ¹⁰ Русское знамя. 1907. 28 апреля.
- ¹¹ Там же. 1908. 24 июля.

- ¹² Там же. 1913. 16 марта.
- ¹³ Там же. 1908. 24 июля.
- ¹⁴ Там же. 1907. 11 марта.
- ¹⁵ Там же. 1908. 24 июля.
- ¹⁶ Там же. 1907. 20 января.
- ¹⁷ Там же. 1908. 24 июля.
- ¹⁸ Там же. 1907. 21 июня.
- ¹⁹ Там же. 20 января.
- ²⁰ Там же. 1908. 24 июля.
- ²¹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 397—402.
- ²² Русское знамя. 1909. 30 мая.
- ²³ Там же. 1907. 4 июля.
- ²⁴ Там же. 27 июля.
- ²⁵ Там же. 21 июня.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. 4 июля.
- ²⁸ Там же. 1913. 17 февраля.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. 1911. 11 февраля.
- ³² Там же. 1 мая.
- ³³ Там же. 1907. 6 февраля.
- ³⁴ Там же. 1911. 19 мая.
- ³⁵ Там же. 1907. 20 января.
- ³⁶ Там же. 1911. 1 мая.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. 1908. 23 февраля.
- ³⁹ Там же. 1909. 30 мая.
- ⁴⁰ Там же. 1908. 23 февраля.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 244. Л. 28—30.
- ⁴² Русское знамя. 1907. 27 июля.
- ⁴³ Там же. 1916. 25 февраля.
- ⁴⁴ Там же. 1913. 16 марта.
- ⁴⁵ Там же. 1907. 27 июля.

- ⁴⁶ Там же. 1913. 16 марта.
⁴⁷ Там же. 1907. 18 января.
⁴⁸ Там же. 27 июля.
⁴⁹ Там же. 1913. 17 февраля.
⁵⁰ Там же. 1907. 27 июля.
⁵¹ Там же. 1911. 19 мая.
⁵² В Святейший правительствующий синод Главного совета Союза русского народа ходатайство. СПб., 1909. С. 45.
⁵³ Русское знамя. 1907. 27 июля.
⁵⁴ Там же.
⁵⁵ Там же. 1913. 17 февраля.
⁵⁶ Там же. 1911. 19 мая.
⁵⁷ Там же.
⁵⁸ Там же. 1907. 20 января.
⁵⁹ Там же. 1911. 19 мая.
⁶⁰ Там же.
⁶¹ Там же.
⁶² ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 398.
⁶³ Русское знамя. 1911. 9 марта.
⁶⁴ Там же. 1916. 25 февраля.
⁶⁵ Там же. 1911. 9 марта.
⁶⁶ Там же. 1916. 25 февраля.
⁶⁷ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 68—85.
⁶⁸ Русское знамя. 1911. 9 марта.
⁶⁹ Там же. 1908. 17 июля.
⁷⁰ Там же. 1916. 25 февраля.
⁷¹ Вече. 1909. 18 октября.
⁷² Русское знамя. 1911. 9 марта.
⁷³ Устав и основоположения Союза русского народа. М., 1906. С. 6.
⁷⁴ Труды Всероссийского монархического совещания в г. Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Пг., 1916.

- ⁷⁵ Совещание монархистов 21—23 ноября 1915 года в Петрограде. М., 1915. С. 30—38.
- ⁷⁶ Вестник Союза русского народа. 1912. № 104.
- ⁷⁷ Русское знамя. 1916. 25 февраля.
- ⁷⁸ Степанов С. А. Черная сотня. М., 2005. С. 23.
- ⁷⁹ Вестник Русского собрания. 1906. 24 ноября.
- ⁸⁰ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 698.
- ⁸¹ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/2. № 381/33.
- ⁸² Русское знамя. 1907. 20 декабря.
- ⁸³ Сборник съезда русских людей в Москве. 24 сентября—4 октября 1909. М., 1910. С. 128—188.
- ⁸⁴ Русское знамя. 1908. 17 июля.
- ⁸⁵ Там же. 1911. 26 февраля.
- ⁸⁶ Степанов С. А. Черная сотня. С. 30.
- ⁸⁷ Русское знамя. 1909. 8 сентября.
- ⁸⁸ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911—1917 гг. М., 2001. С. 304—307; Степанов С. А. Черная сотня. М., 2005. С. 30—31, и др.
- ⁸⁹ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33 (№ 8913 и 13315).
- ⁹⁰ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 678.
- ⁹¹ Третий Всероссийский съезд русских людей в Киеве. Киев, 1906. С. 145—189.
- ⁹² ГАРФ. Ф. 112. ДП ОО. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. IV. Л. 133.
- ⁹³ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/2. № 981/33.
- ⁹⁴ Там же. Кор. 46/1. № 17/34.
- ⁹⁵ Русское знамя. 1911. 18 марта.
- ⁹⁶ Там же. 1908. 9 июля.
- ⁹⁷ Там же. 1907. 18 мая.
- ⁹⁸ Вестник Союза русского народа. 1912. № 104.
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ Русское знамя. 1908. 29 августа.
- ¹⁰¹ Там же. 28 августа.
- ¹⁰² Там же. 1907. 18 мая.
- ¹⁰³ Там же.

- ¹⁰⁴ Там же. 1908. 17 июля.
- ¹⁰⁵ Там же. 1914. 21 марта.
- ¹⁰⁶ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. IV. Л. 133.
- ¹⁰⁷ Русское знамя. 1907. 11 марта.
- ¹⁰⁸ Прямой путь. 1912. Вып. V (май).
- ¹⁰⁹ Сборник программ политических партий в России. Под ред. В. В. Водовозова. Вып. VI. СПб., 1906.
- ¹¹⁰ Вече. 1909. 18 октября.
- ¹¹¹ Русское знамя. 1907. 1 февраля.
- ¹¹² Там же. 1911. 18 мая.
- ¹¹³ Лебедев С. В. Слово и дело национальной России. Очерки истории русского патриотического движения. М., 2007. С. 130.
- ¹¹⁴ Русское знамя. 1907. 22 августа.
- ¹¹⁵ Там же. 1911. 18 мая.
- ¹¹⁶ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. IV. Л. 133.
- ¹¹⁷ Русское знамя. 1906. 20 сентября.
- ¹¹⁸ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33 (Инв. № 59262ЦХ).
- ¹¹⁹ Русское знамя. 1907. 1 мая.
- ¹²⁰ Там же. 1 февраля.
- ¹²¹ Там же. 1911. 18 мая.
- ¹²² Там же. 1907. 1 мая.
- ¹²³ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33 (Инв. № 59262ЦХ).
- ¹²⁴ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1908. Д. 191. Л. 5.
- ¹²⁵ Русское знамя. 1907. 1 мая.
- ¹²⁶ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № 1160/28.
- ¹²⁷ Русское знамя. 1916. 9 января.
- ¹²⁸ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33 (Инв. № 59262ЦХ).
- ¹²⁹ Русское знамя. 1907. 1 февраля.
- ¹³⁰ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 37. Л. 7—8.
- ¹³¹ ГОПБ. ОРК. Кор. № 46/2. № 981/33.
- ¹³² ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 37. Л. 7—8.
- ¹³³ Русское знамя. 1907. 1 февраля.
- ¹³⁴ Там же. 1912. 13 октября.

- ¹³⁵ Там же. 1907. 22 мая.
- ¹³⁶ Там же. 29 марта.
- ¹³⁷ Степанов С. А. Черная сотня. С. 145—146.
- ¹³⁸ Русское знамя. 1907. 29 мая.
- ¹³⁹ Там же. 22 декабря.
- ¹⁴⁰ Программы политических партий и организаций России конца XIX—XX века. Ростов-на-Дону, 1992. С. 107.
- ¹⁴¹ ГАРФ. Ф. 102. ОО. Оп. 265. 1916. Д. 610. Л. 100.
- ¹⁴² ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33 (№ 8913 и 13315).
- ¹⁴³ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.
- ¹⁴⁴ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 94—108.
- ¹⁴⁵ Там же. Ф. 102. 4 д-во. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. IV. Л. 133.
- ¹⁴⁶ Русская правда. 1914. 21 марта.
- ¹⁴⁷ Там же.
- ¹⁴⁸ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1909. Оп. 1. Д. 172. Л. 120.
- ¹⁴⁹ Государственная Дума. 1906—1917. Стенографические отчеты. Т. IV. М., 1995. С. 39.
- ¹⁵⁰ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. IV. Л. 133.
- ¹⁵¹ Совещание монархистов 21—23 ноября 1915 года в Петрограде. С. 30—38.
- ¹⁵² Там же.
- ¹⁵³ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 68—85.
- ¹⁵⁴ Там же. Л. 678.
- ¹⁵⁵ Там же. Л. 68—85.
- ¹⁵⁶ Там же.
- ¹⁵⁷ Колокол. 1908. № 642. Приложение.
- ¹⁵⁸ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 698.
- ¹⁵⁹ Русское знамя. 1907. 22 февраля.
- ¹⁶⁰ Там же.
- ¹⁶¹ Там же. 1908. 15 июля.
- ¹⁶² Там же.
- ¹⁶³ Там же. 17 июля.
- ¹⁶⁴ Там же.

- ¹⁶⁵ Там же.
- ¹⁶⁶ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33 (№ 8913 и 13315).
- ¹⁶⁷ Русское знамя. 1908. 28 августа.
- ¹⁶⁸ Там же. 1907. 16 октября.
- ¹⁶⁹ Там же. 1908. 28 августа.
- ¹⁷⁰ Там же. 15 января.
- ¹⁷¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1906. II отд. Д. 833. Л. 31.
- ¹⁷² Там же. 4 д-во. 1909. Оп. 1. Д. 172. Л. 123.
- ¹⁷³ Русское знамя. 1911. 18 мая.
- ¹⁷⁴ Там же.
- ¹⁷⁵ Вестник Русского собрания. 1906. 17 февраля.
- ¹⁷⁶ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 94—108.
- ¹⁷⁷ Вестник Русского собрания. 1906. 17 февраля.
- ¹⁷⁸ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 1350. Ч. 17. Лит. А. Л. 269—270.
- ¹⁷⁹ Там же. ОО. 1911. Д. 244. Л. 27—28.
- ¹⁸⁰ Там же.
- ¹⁸¹ Русское знамя. 1908. 9 июля.
- ¹⁸² ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 244. Л. 27—28.
- ¹⁸³ Кирьянов Ю. И. Русское собрание. 1900—1917. М., 2003. С. 74—75.
- ¹⁸⁴ Черная сотня: историческая энциклопедия. 1900—1917. М., 2008.
- ¹⁸⁵ Иванов А. А. Последние защитники монархии: Фракция правых IV Государственной Думы в годы Первой мировой войны (1914—февраль 1917). СПб., 2006; Он же. Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870—1920). М.— СПб., 2011; Он же. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914—1917). М.; СПб., 2013, и др.
- ¹⁸⁶ Степанов А. Д. Черная сотня — взгляд через столетие. СПб., 2008. С. 8.
- ¹⁸⁷ Русское знамя. 1909. 18 сентября.
- ¹⁸⁸ Там же.

- ¹⁸⁹ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. С. 88.
- ¹⁹⁰ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 618. Л. 2.
- ¹⁹¹ Прямой путь. 1912. Вып. V (май).
- ¹⁹² Русское знамя. 1907. 14 февраля.
- ¹⁹³ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/2. № 381/33.
- ¹⁹⁴ Вече. 1909. 18 октября.
- ¹⁹⁵ Там же.
- ¹⁹⁶ Степанов С. А. Черная сотня в России. М., 1992. С. 111.
- ¹⁹⁷ Кирьянов Ю.И. Предисловие // Правые партии. 1905—1917 годы. Документы и материалы. В 2 т. М., 1998. Т.1. С. 26.
- ¹⁹⁸ Иванов А. А. Последние защитники монархии: Фракция правых IV Государственной думы в годы первой мировой войны (1914—февраль 1917). СПб., 2006.
- ¹⁹⁹ Русское знамя. 1916. 1 декабря.
- ²⁰⁰ Там же.
- ²⁰¹ Там же. 1908. 25 июля.
- ²⁰² Там же. 1916. 1 декабря.
- ²⁰³ Размолодин М. Л. О консервативной сущности черной сотни. С. 384—385.
- ²⁰⁴ ГАРФ. Ф. 102. ОО. Оп. 265. 1916. Д. 610. Л. 99—100.
- ²⁰⁵ Там же. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.
- ²⁰⁶ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 698.
- ²⁰⁷ Русское знамя. 1911. 6 января.
- ²⁰⁸ ГАРФ. 116. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.
- ²⁰⁹ Русское знамя. 1911. 26 мая.
- ²¹⁰ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 72.
- ²¹¹ Там же. Л. 74.
- ²¹² Там же. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. IV. Л. 133.
- ²¹³ Земщина. 1913. 21 марта.
- ²¹⁴ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 72.
- ²¹⁵ Там же. Л. 68—85.

- ²¹⁶ Там же.
- ²¹⁷ Там же. Ф. 102. 4 д-во. 1909. Оп. 1. Д. 172. Л. 123.
- ²¹⁸ Русское знамя. 1907. 6 февраля.
- ²¹⁹ Там же. 1913. 25 сентября.
- ²²⁰ Там же.
- ²²¹ Там же.
- ²²² Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. С. 304.
- ²²³ Программы политических партий России. Конец XIX—начало XX в. С. 444—445.
- ²²⁴ Колокол. 1908. № 642. Приложение.
- ²²⁵ Прямой путь. 1913. Вып. III (март).
- ²²⁶ Там же. 1912. Вып. V (май).
- ²²⁷ Там же.
- ²²⁸ Там же.
- ²²⁹ Сборник съезда русских людей в Москве 24 сентября—4 октября 1909. С. 128—188.
- ²³⁰ Прямой путь. 1912. Вып. V (май).
- ²³¹ Там же.
- ²³² ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 655.
- ²³³ Там же.
- ²³⁴ Там же. Ф. 102. 4 д-во. 1909. Оп. 1. Д. 172. Л. 124.
- ²³⁵ Там же. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. IV. Л. 133.
- ²³⁶ Вече. 1909. 18 октября.
- ²³⁷ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. С. 310—311.
- ²³⁸ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. С. 81—82.
- ²³⁹ Прямой путь. 1909. 28 октября.
- ²⁴⁰ Русское знамя. 1907. 17 мая.
- ²⁴¹ Совещание монархистов 21—23 ноября 1915 года в Петрограде. С. 30—38.
- ²⁴² Там же.
- ²⁴³ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. С. 55.
- ²⁴⁴ Русское знамя. 1913. 16 марта.

- ²⁴⁵ Там же. 1911. 9 марта.
- ²⁴⁶ Там же. 1913. 16 марта.
- ²⁴⁷ Там же. 1908. 4 января.
- ²⁴⁸ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1265. Л. 6.
- ²⁴⁹ Русское знамя. 1908. 4 января.
- ²⁵⁰ Никифорова С. М. Политическая борьба правых партий за сохранение самодержавия в России (1905—1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 1999. Режим доступа: <http://dissertation1.narod.ru/avtoreferats/avtorefl67.htm>
- ²⁵¹ Размолодин М. Л. Черносотенные организации губерний Верхнего Поволжья в 1905—1914 гг. (на материалах Ярославской, Костромской и Владимирской губерний). Ярославль, 2001. С. 197.
- ²⁵² Русское знамя. 1911. 18 марта.
- ²⁵³ ГОПБ. ОРК. Кор. № 46/2. № 981/33.
- ²⁵⁴ Русское знамя. 1911. 18 марта.
- ²⁵⁵ Там же.
- ²⁵⁶ Репников А. В. Русские консерваторы о природе и сущности самодержавного государства и власти // Перспективы: фонд исторические перспективы [Электронный ресурс]. М., 2008. Режим доступа: http://www.prospekts.ru/history/russkie_konservatory_o_prirode_i_suschnosti_samoderzhavnogo_gosudarstva_i_vlasti_2008-10-27-11-52.htm
- ²⁵⁷ Русское знамя. 1907. 22 мая.
- ²⁵⁸ Колокол. 1908. N 642. Приложение.
- ²⁵⁹ Прямой путь. 1912. Вып. V (май).
- ²⁶⁰ Там же.
- ²⁶¹ Там же.
- ²⁶² Русское знамя. 1908. 13 января.
- ²⁶³ Там же.
- ²⁶⁴ Прямой путь. 1912. Вып. V (май).
- ²⁶⁵ Русское знамя. 1908. 3 апреля.
- ²⁶⁶ Там же. 4 января.
- ²⁶⁷ Там же.

- ²⁶⁸ Там же.
²⁶⁹ Там же. 13 января.
²⁷⁰ Вече. 1909. 30 сентября.
²⁷¹ Русское знамя. 1911. 27 апреля.
²⁷² Там же. 1910. 28 января.
²⁷³ Там же. 1908. 3 апреля.
²⁷⁴ Русское знамя. 1907. 18 сентября.
²⁷⁵ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1909. Оп. 1. Д. 172. Л. 124.
²⁷⁶ Русское знамя. 1910. 2 июня.
²⁷⁷ Там же.
²⁷⁸ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1909. Оп. 1. Д. 172. Л. 124.
²⁷⁹ Русское знамя. 1910. 2 июня.
²⁸⁰ Там же.
²⁸¹ Там же.
²⁸² Прямой путь. 1912. Вып. V (май).
²⁸³ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 74—78.
²⁸⁴ Русское знамя. 1910. 2 июня.
²⁸⁵ Прямой путь. 1912. Вып. V (май).
²⁸⁶ Там же.
²⁸⁷ Вестник Союза русского народа. 1912. № 104.
²⁸⁸ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 96.
²⁸⁹ Вестник Союза русского народа. 1912. № 104.
²⁹⁰ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 1350. Ч. 17. Лит. А.
Л. 269.
²⁹¹ Земщина. 1910. 10 февраля.
²⁹² Русское знамя. 1907. 6 февраля.
²⁹³ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 9. Л. 178—179.
²⁹⁴ Там же. Ф. 102. 4 д-во. 1909. Оп. 1. Д. 172. Л. 55.
²⁹⁵ Там же. Л. 124.
²⁹⁶ Русское знамя. 1907. 6 февраля.
²⁹⁷ Прямой путь. 1912. Вып. V (май).
²⁹⁸ Вече. 1909. 18 октября.
²⁹⁹ Русское знамя. 1907. 5 декабря.

³⁰⁰ Совещание монархистов 21—23 ноября 1915 года в Петрограде. С. 30—38.

³⁰¹ Русское знамя. 1907. 5 декабря.

³⁰² Евгеньев А. Е. Царские погромщики. Пг., 1919; Конокоткин А. Черносотенное движение в Костромской губ. // 1905 год в Костроме: Сб. статей. Кострома, 1926; Брусянин Б. Черная сотня на фабриках и заводах Петербурга в годы реакции: Материалы по истории рабочего движения // Красная летопись. 1929. № 1 (28). С. 154—181; Залежский В. Н. Монархисты. Харьков, 1929 и др.

³⁰³ Русское знамя. 1912. 18 сентября.

³⁰⁴ Там же. 1907. 3 июля.

³⁰⁵ Там же. 1908. 13 февраля.

³⁰⁶ Там же. 1907. 5 декабря.

³⁰⁷ Там же.

³⁰⁸ Там же. 1913. 7 мая.

³⁰⁹ Там же. 1908. 13 февраля.

³¹⁰ Там же. 1907. 3 июля.

³¹¹ Там же. 1912. 18 сентября.

³¹² Там же. 1907. 3 июля.

³¹³ Там же.

³¹⁴ Там же.

³¹⁵ Там же. 1913. 7 мая.

³¹⁶ Там же.

³¹⁷ Там же. 1908. 13 февраля.

³¹⁸ Там же.

³¹⁹ Там же. 1913. 7 мая.

³²⁰ Там же. 1907. 5 декабря.

³²¹ Там же. 1912. 18 сентября.

³²² Там же.

³²³ Там же. 1907. 5 декабря.

³²⁴ Там же. 3 июля.

³²⁵ Там же.

³²⁶ Там же. 1912. 18 сентября.

³²⁷ Там же. 1913. 7 мая.

³²⁸ Там же.

³²⁹ Там же. 1912. 18 сентября.

³³⁰ Там же. 1913. 7 мая.

³³¹ Там же.

³³² Там же.

³³³ Там же. 1908. 13 февраля.

³³⁴ Минувшее. Исторический альманах. В 25 т. М., 1993.
Т. 14. С. 196.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В контексте русского вопроса появление правомонархических организаций происходит как реакция на первую российскую революцию, которой черносотенцы инкриминировали подрыв первенствующих позиций Русской православной церкви, разрушение самодержавной системы власти, единой и неделимой Российской империи, традиционных социально-правовых порядков и норм, подрыв экономики и жизненного уровня населения, что, по их мнению, ставило под вопрос само существование русского народа.

В период третьей и юнкерской монархии правомонархисты резко дистанцировались от русской элиты — бюрократии (политическая элита), интеллигенции (интеллектуальная элита) и буржуазии (промышленно-финансовая элита), являвшихся, с их точки зрения, носителями европейских секулярных идеологем, противоречивших исторически сложившемуся русскому мировоззрению и ценностям традиционного общества. Деятельность либеральной и революционной оппозиции рассматривалась ими как подрывающая первенствующее положение русского народа в созданном им государстве.

Исходя из трактовки понятия «русский народ» по духовно-культурным критериям, а не природно-биологиче-

скому единству, крайне правые считали, что аутентичность русского народа будет сохраняться до тех пор, пока живет православие, с ослаблением позиций которого наступит неизбежный конец самодержавию, единству Российской империи, а затем и народу. Вне сильной самодержавно-монархической системы перспектива самосохранения русского народа казалась правомонархистам проблематичной.

В целях нейтрализации деструктивной деятельности вышеуказанных сил крайне правые предложили систему мер по сохранению и возрождению русского народа, к которым относились:

1. Первенство Русской православной церкви; духовное возрождение русского народа и его элиты на православных началах и ценностях традиционного общества как противодействие навязываемым либеральной и революционной оппозицией европоцентричным стандартам духовного бытия.

2. Сохранение самодержавной системы властитустройства и восстановление Русской православной монархии, выполнявших протекционистские функции по отношению к русскому народу и его базовым ценностям (православие, самодержавие, народность). Надклассовый характер самодержавной монархии, выступавшей в роли социального арбитра и учитывавший интересы всех классов российского общества, противопоставлялся правомонархистами классовой ангажированности как либерального государства — защитника наиболее обеспеченных слоев общества, так и социалистического — защитника интересов наиболее обездоленных масс.

3. Сохранение единой и неделимой Российской империи как условие выживания самодержавного государства и русского народа посредством реализации программы по сохранению строгой унитарности наци-

онально-государственного устройства; недопустимость федерализации и автономизации страны в какой-либо форме; борьба с сепаратизмом; государственный статус русского языка во всех национальных окраинах; централизм и единовластие как основа существования многонационального государства.

4. Возвращение русскому народу первенствующего статуса в империи как государство- и державообразующего народа, обусловившего его значимость в создании Русского государства, империи и уникальной культуры; возвращение носителям русских базовых ценностей стратегических позиций в государстве; ликвидация дисбаланса между ролью русского народа как станового хребта империи и его реальным положением, проявившимся в отсутствии видимых преимуществ по сравнению с жителями национальных окраин (прежде всего Финляндии); борьба с «инородческим засильем» как противодействие попыткам отдельных национальных меньшинств подчинить общее многонациональное государство служению личным интересам.

5. Создание национально ориентированной управленческой и интеллектуальной элиты; нейтрализация порожденной Петровскими реформами антинациональной (космополитической) бюрократии и являвшихся трансляторами различных западных концепций переустройства общества либерального и революционного лагерей.

6. Внедрение патриотического воспитания в систему низшего, среднего и высшего образования, восстановление мировоззренческой и исторической преемственности развития Российского государства, отказ от идейной зависимости от Запада в целях проведения отвечающей национальным интересам внутренней и международной политики.

7. «Сбережение» русского народа посредством борьбы с пороками (в частности пьянством) и народным невежеством.

Анализ программных установок и практической деятельности показывает, что проблематику русского вопроса в правомонархической трактовке нельзя рассматривать в контексте крайних форм национализма (шовинизма, нацизма), т. е. как превосходство и преимущество перед другими нациями по расово-биологическим характеристикам. Согласно программам черносотенных организаций дружественные инородцы могли рассчитывать на равноправие с русским народом, национальную самобытность и самоуправление. В черносотенных документах подчеркивалось не превосходство русской нации, а ее первенство, что нивелирует качественный расово-этнический компонент, но подчеркивает функционально-ролевой.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Библиографические ссылки.....	11
ГЛАВА 1. НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В КОНТЕКСТЕ РУССКОГО ВОПРОСА	
§1. Объекты противодействия черной сотни после первой российской революции.....	14
§ 2. Имперско-национальная проблематика	68
§ 3. Первенство русского народа как защита национально-государственных устоев	108
Библиографические ссылки	157
Глава II. ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ РУССКОГО НАРОДА В ИДЕОЛОГИИ ЧЕРНОЙ СОТНИ	
§ 1. Идентификация понятия «русский народ» в идеологии черной сотни	173
§ 2. Петровские реформы как источник поврежденности управленческой элиты	203
§ 3. Русская интеллигенция как причина государственных нестроений	258
§ 4. Причины разложения русского народа в представлениях черной сотни.....	299
Библиографические ссылки	338
Глава III. РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННЫЕ МЕРЫ СПАСЕНИЯ РУССКОГО НАРОДА	
§1. Первенство РПЦ как условие духовного возрождения русского народа	359
§ 2. Возрождение управленческой, интеллектуальной и предпринимательской элиты русского народа.....	385
§ 3. Первостепенные практические меры спасения русского народа.....	433
Библиографические ссылки	462
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	475

Максим Львович РАЗМОЛОДИН

РУССКИЙ ВОПРОС В ИДЕОЛОГИИ ЧЕРНОЙ СОТНИ

Ответственный за выпуск **В. Н. Пилипец**
Верстка **Л. Д. Комова**
Корректор **Л. Е. Новожилова**

Подписано в печать 01.12.2013
Формат 60х84/16. Гарнитура Ньютон.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 27,9. Заказ № 2214.
Тираж 500 экз.

Издательство «Нюанс»
150014 Ярославль, ул. С.-Щедрина, 23—234
Тел. (4852) 45-78-68
E-mail: Pilips.s@gmail.com

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ООО «Оперативная полиграфия»
150049 Ярославль, ул. Лисицына, 5